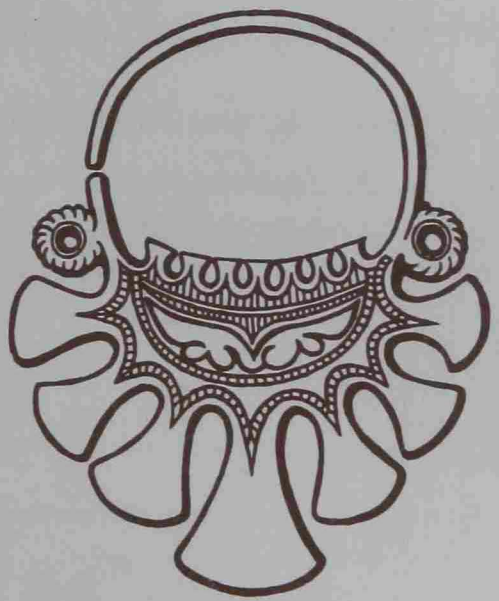
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1997 3

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1997 3

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Мунчаев Р.М. Ярымтепе II: к изучению архитектуры Северной Месопотамии V тысячелетия до нашей эры 5

Антипина Ек.Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы 20

Мошинский А.П. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам) 33

Скржинская М.В. Отражение музыкальной жизни греков на рисунках ваз VI–IV вв. до н.э. из Северного Причерноморья 46

Масленников А.А. Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века 60

Габуев Т.А. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время 71

Цетлин Ю.Б. Основные направления изучения технологии древней керамики за рубежом 83

К 850-летию города Москвы

Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации) 94

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) 114

Публикации

Сериков Ю.Б. Новые данные по палеолиту Среднего Урала 120

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья 127

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1997 г.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане 142
Родина М.Е. Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире 149

История науки

Бердинских В.А. Н.Г. Первухин – исследователь археологии и этнографии Вятского края 155

Критика и библиография

Труфанов А.Я. *Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995 161
Молчанов А.А. *Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. М., 1995 163
Формозов А.А. О старых и новых раскопках пещеры Староселье в Крыму (письмо в редакцию) 167
Алексеева Т.И. К находке детского скелета в пещере Староселье близ Бахчисарая (1953 г.) 175

Хроника

Седов В.В. VI Международный конгресс славянской археологии (Новгород, 26–31 августа 1996 г.) 181
Крадин Н.Н. Конгресс "100 лет гуннской археологии" (Улан-Удэ, 1996) 188
Кошеленко Г.А. О юбилее Французской школы в Афинах 190
Григорьев Д.В. Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского (Москва, 1996) 192
Шинаков Е.А., Гаврилов К.Н. Археология на научных и краеведческих конференциях в Брянске в 1995 – начале 1996 г. 196
Кольцов Л.В. Третий семинар "Тверская земля и сопредельные территории в древности" (Тверь, 1996) 199
Макаров Н.А. Конференция "Utmark-96" и исследование "внешних ресурсных зон" средневековых поселений в Северной Европе (Швеция, 1996) 201
Макаров Н.А. Памяти Леониллы Анатольевны Голубевой (1909–1996) 206
Лебединцев А.И. Памяти Николая Николаевича Дикова (1925–1996) 210

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1997 3

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Munchaev P.M. Iarymtepe II: On the Problem of North Mesopotamia Architecture Dating to the Fifth Millennium BC 5
Antipina E.E. Techniques for Reconstructing Cattle Herding in the South of Eastern Europe in the Bronze Age 20
Moshinsky A.P. Interrelations between the Population Living in the North Caucasus Mountainous Regions and the Scythians (Based on Digor materials) 33
Skrzhinskaya M.V. Reflection of Musical Life of the Greeks in the Paintings on the Vases of the Sixth – the Fourth Centuries BC from the North Black Sea Maritime Region 46
Maslennikov A.A. The Study of the Rural Territory of the Ruropean Bosporus. The Results and Prospects by the End of the Century 60
Gabuev T.A. Some Issues of the Central Caucasus Piedmont Ethnic History during the Sarmat Age 71
Tsetlin Y.B. Main Directions in the Study of Ancient Ceramics Technology Abroad 83

Towards the 850 anniversary of Moscow

Koval V.Y. Oriental ceramics in Medieval Moscow (experience of systematization). Part II 94
Veksler A.G., Likhter Y.A., Osipov D.O. Footwear Metallic Toppieces of the Fifteenth – the Seventeenth Centuries (based on the excavations materials in Moscow) 114

Publications

Serikov Y.B. New Data on the Middle Urals Paleolithic 120
Dvornichenko V.V., Plakhov V.V., Ochir-Goryaeva M.A. Early Nomads Burials from the Lower Volga Region 127
Khudaykov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.S. New Finds of Old Turks Art Objects of in Tien-Shan 142
Rodina M.E. New Finds of Oriental and West European Imports in Vladimir 149

History of science

Berdinskikh V.A. N.G. Pervukhin – a researcher of archaeology and ethnography of the Vyatsk region 155

Critique and Bibliography

Trufanov A.Y. *Potemkina T.M., Korochkova O.N., Stefanov V.I.* The Forest Tobol-Irtysh Region at the End of the Bronze Age (using the materials of the Chudskaya mountain). M., 1995 161
Molchanov A.A. *Sotnikova M.P.* The Earliest Russian Coins of the Tenth – the Eleventh Centuries. The Catalog and Study. M., 1995 163
Formozov A.A. On New and Old Excavations of the Cave Staroselye in the Crimea (a letter sent to the editorial office) 167
Alekseeva T.I. About a Find of a Child Skeleton in the Cave Staroselye near Bakhchisarai (1953) 175

Chronicle

Sedov V.V. VI International Congress of the Slav archaeology (Novgorod, August 26–31, 1996) 181
Kradin N.N. The Congress "100 Years of the Hun Archaeology" (Ulan-Ude, 1996) 188
Koshelenko G.A. On the Jubilee of the French School in Athens 190
Grigoryev D.V. Readings in Memory of the Professor V.D. Blavadsky (Moscow, 1996) 192
Shinakov E.A., Gavrilov K.N. Archaeology at Scientific and Regional Studies Conferences in Bryansk in 1995 – the beginning of 1996 196
Koltsov L.V. The Third Seminar "The Land of Tver and the Adjacent Territories in Ancient Time" 199
Makarov N.A. Conference "Utmark-96" and the ivestigation of "external resource zones" of medieval settlements in North Europe (Sweden, 1996) 201
Makarov N.A. To the Memory of Lina Anatolyevna Golubeva (1909–1996) 206
Lebedintsev A.I. In Memory of Nikolai Nikolaevich Dikov (1925–1996) 210

Р.М. МУНЧАЕВ

ЯРЫМТЕПЕ II: К ИЗУЧЕНИЮ АРХИТЕКТУРЫ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ V ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Культуры дописьменной Месопотамии неизменно привлекают к себе широкий интерес исследователей Ближнего Востока и Западной Азии в целом. Заметный вклад в изучение этих культур внесла, как известно, экспедиция Института археологии РАН (Oates J., 1994). Она исследовала в 70–80-е годы в Ираке группу раннеземледельческих памятников VIII–IV тыс. до н.э., от докерамического неолита до убейдской культуры включительно. В последние годы экспедиция проводит большие работы на смежной территории северо-восточной Сирии. Здесь исследованиям подвергнуты поселения со слоями предхассунской, халафской, убейдской и урукской культур и особенно раннединастического I–III периодов.

Одной из наиболее ярких культур Месопотамии является, несомненно, халафская культура, датируемая (по традиционной хронологии) V тыс. до н.э. Она пришла на смену хассунской культуре и охватила значительную территорию от бассейна Тигра и до правобережья Ефрата. Влияния ее распространялись до северо-западного Ирана и Закавказья на востоке и до Рас Шамры у Средиземного моря на западе. Но основной областью ее распространения являлась Джезира (Munchaev R.M., 1996, p. 107, 108). Именно на территории Джезиры находится наибольшее количество памятников халафской культуры, в том числе самые известные из них, такие, как Телль Арпачия, Тепе Гавра, Ярымтепе II и др. Причем здесь представлены как долговременные поселения, так и небольшие поселки, носившие, скорее всего, сезонный характер.

Среди проблем, связанных с изучением халафской культуры, одной из наиболее важных и не решенных до сих пор остается проблема ее происхождения. Как известно, распространение данной культуры в Северной Месопотамии сопровождалось не только появлением совершенно оригинальной расписной керамики. Оно вызвало здесь также заметное изменение архитектурной традиции, выразившееся в появлении в Северной Месопотамии принципиально иной формы жилых, хозяйственных и даже культовых сооружений. Действительно, вместо характерных для хассунской культуры многокомнатных домов прямоугольного плана в эпоху развития халафской культуры господствующей формой архитектуры на значительной территории ее развития становятся округлые в плане однокомнатные дома типа толоса с примыкающими к ним прямоугольными постройками. Круглоплановые, толосовидные постройки в настоящее время засвидетельствованы в халафских поселениях по всему ареалу культуры.

Вопросы реконструкции круглопланных сооружений и установления их назначения (жилое, хозяйственное, культовое), также как и происхождения данной формы архитектуры привлекли к себе внимание сразу же после раскопок Телль Арпачии в районе Мосула на севере Ирака, где впервые были открыты остатки таких сооружений (Mallowan M.E.L., Cruikshank Rose J., 1935, pl. I, II). И хотя с тех пор исследовано немалое количество поселений халафской культуры, отмеченные вопросы, как и вся проблема феномена Халафа продолжают дискутироваться и далеки от своего всестороннего изучения и окончательного решения (Lloyd S. et al., 1972; Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1973; 1987; Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981; Aurenche O., 1981; Seeden H., 1982; Kubba Sh. A.A., 1987; Akkermans P.M.M.G., 1989; 1990 и др.). Остатки округлых в плане сооружений различного назначения наряду с постройками прямо-

© Р.М. Мунчаев, 1997 г.

угольного плана представлены во всем ареале халафской культуры, как на востоке (Телль Арпачия, Тепе Гавра, Нузи и др.), так и на западе (Чагар Базар, Шамсэдин Таннира, Телль Саби Абияд, Кирбет эш Шенеф и др.).

К сожалению, поселения халафской культуры изучены весьма неравномерно. В восточной части распространения этой культуры наиболее исследованным поселением продолжает оставаться Телль Арпачия, где в 70-е годы были проведены в небольшом масштабе новые раскопки (Hijara I., 1978; 1980). На западе же, в бассейне Ефрата, таковыми являются Шамсэдин Таннира и особенно Телль Саби Абияд (Radi S., Seeden H., 1980; Akkermans P.M.M.G., 1990). Из поселений, исследованных на северной периферии халафской культуры, следует выделить Гирекихаджиян в юго-восточной Турции (Watson P.J., Le Blanc S.A., 1990). Среди же поселений, выявленных к югу от Ниневии, в частности в бассейне Хамрина, отметим поселение Сангор Б (Matsumuto K., Yokoyama S., 1995).

Но самым широко исследованным поселением халафской культуры в настоящее время является, несомненно, Ярымтепе II. Оно находится в долине Синджара, в иракской части Джезиры, как бы в центре ареала Халафа, и содержит мощные, насыщенные остатками архитектуры слои халафской культуры (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981 и др.). Для сравнения укажем, что общее количество раскопанных здесь остатков различных сооружений значительно превышает то, что вскрыто до сих пор на любом другом халафском поселении. Достаточно при этом отметить тот факт, что на Ярымтепе II исследованы более 75 толосовидных построек, а это больше, чем во всех прочих поселениях халафской культуры вместе взятых. Чрезвычайно важным представляется и то, что если, например, на таких поселениях, как Телль Арпачия и Телль Саби Абияд, основания халафских слоев достигнуты по существу в узких траншеях, то на Ярымтепе II древнейшие слои выведены на материк на единой площади в 500 м^2. Поэтому мы достоверно знаем, что из себя представляли на этом поселении самые ранние жилые и хозяйственные сооружения и каковы генезис и архитектура поселения на всем протяжении его существования.

Как видим, значение Ярымтепе II для изучения вопросов, связанных с архитектурой Северной Месопотамии V тыс. до н.э. и всей проблемой халафской культуры, исключительно велико. Хотя отчеты о раскопках Ярымтепе II опубликованы нами почти полностью, также как и обобщающее исследование, касающееся ранних (IX–VII) слоев памятника (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981), до сих пор не представлена общая картина развития архитектуры данного поселения. Цель настоящей статьи – восполнить в некоторой степени этот пробел и тем самым способствовать более полному изучению северо-месопотамской архитектуры халафского периода, ее особенностей и генезиса.

Ярымтепе II входит в группу из шести холмов под тем же названием, расположенным по берегам ручья Джубара Дяряси, в 7 км от г. Телефар, в Синджарской долине Северо-Западного Ирака (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981, рис. 1). Раскопки Ярымтепе II были проведены в 1969–1976 годы.

Поселение располагалось на правом берегу Джубара Дяряси, которое и разрушило его на половину (отсюда и название холма Ярымтепе, что означает в переводе с тюркского "половинный холм". В северной части холм почти смыкается с Ярымтепе III, в халафском слое которого также открыты остатки архитектуры, включая весьма интересные круглопланные сооружения.

Ярымтепе II имел, вероятно, округлую форму. Останец его достигал в длину (север – юг) 120 м, а в ширину 25–40 м. Здесь был заложен раскоп площадью 600 м^2. Мощность культурного слоя достигала 7 м. В нем выделено девять строительных горизонтов и все они принадлежат халафской культуре (ближе к основанию южной части раскопа найдены обломки хассунской керамики, но регулярного слоя хассунской культуры не прослежено). Верхняя часть слоя, особенно строительные уровни 1–2, оказались разрушенными позднейшими погребениями и ямами.

Исследованная часть поселения отличалась достаточно плотной застройкой. На

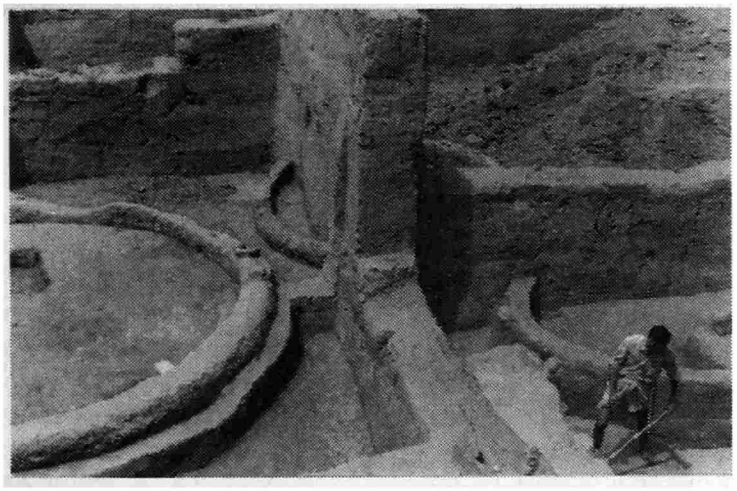


Рис. 1. Ярымтепе II. Остатки округлых в плане жилых домов

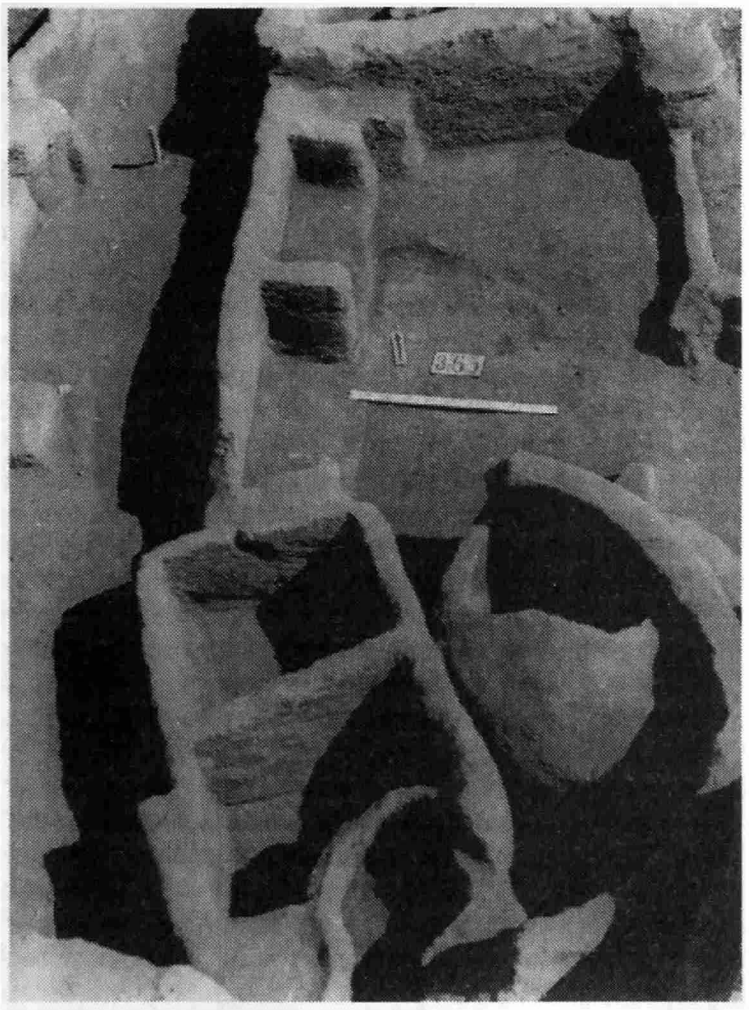


Рис. 2. Ярымтепе II. Остатки хозяйственных построек

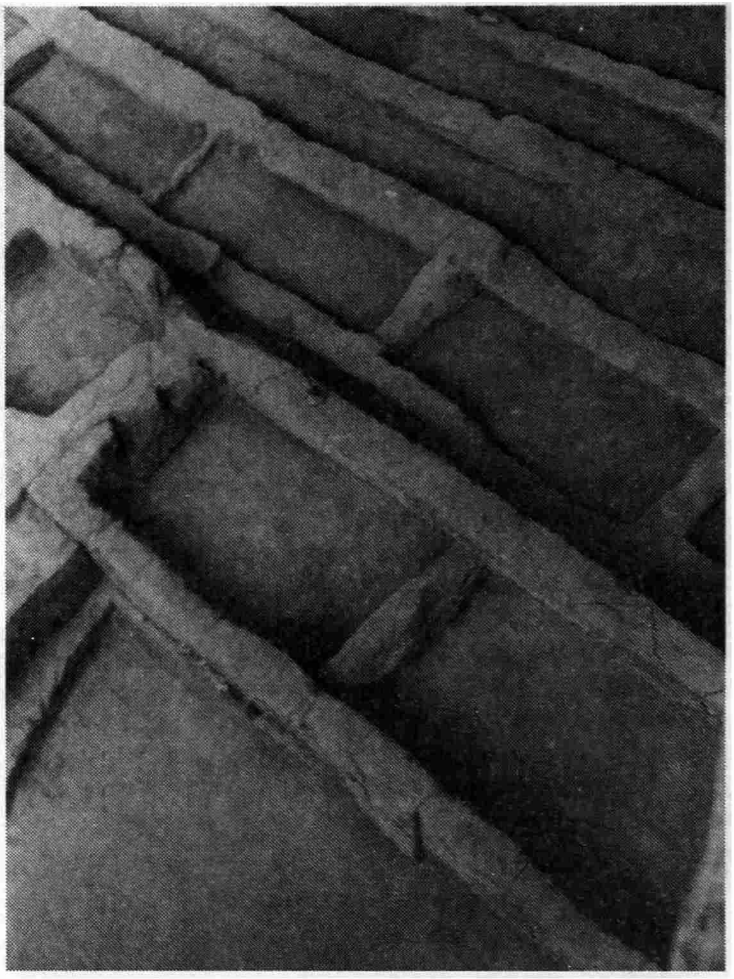


Рис. 3. Ярымтепе II. Остатки прямоугольных многокамерных сооружений (зернохранилища?)

всех уровнях культурного слоя вскрыты остатки как жилых, так и разнообразных хозяйственных сооружений – хранилищ для зерна и других продуктов, различных печей, включая гончарные, и т.д. Установлено, что круглый однокомнатный дом с куполообразным и реже плоским перекрытием являлся основной формой жилой архитектуры поселения во все периоды его существования. Действительно, остатки таких домов, иногда с печами внутри, открыты здесь в каждом строительном горизонте (рис. 1). В диаметре они достигали от 3,5 до 5,5 м. И лишь в единичных случаях можно утверждать, что вскрытые остатки прямоугольных построек принадлежат жилому сооружению.

Хозяйственные же постройки отличаются как округлым, так и прямоугольным планом (рис. 2). Округлые сооружения диаметром в среднем 1,5–2 м, они имели плоское перекрытие. Прямоугольные же постройки, разделенные иногда на две и больше камер, часто примыкали к толосу с одной или даже нескольких сторон. Отличительной особенностью поселения на ранних этапах (уровни IX–VII) является наличие там хозяйственных построек в виде узких длинных многокамерных сооружений (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981, рис. 45, 46). Последние использовались, вероятнее всего, как зернохранилища (рис. 3). Насколько мне известно, аналогичные сооружения до сих пор не открыты в других поселениях халафской культуры.

Значительную группу хозяйственных сооружений Ярымтепе II составляют многочисленные печи, как разнообразные бытовые, так и гончарные. В частности, массивные двухъярусные печи довольно сложной конструкции для обжига сосудов начали

Рис. 4. Ярымтепе II. Толос 67

сооружать здесь еще в начальный период существования поселения (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981, рис. 54, 55).

Наконец, на Ярымтепе II функционировали, по всей вероятности, и специальные культовые сооружения. Одним из таковых, например, мог быть толос 67 – самое крупное округлое сооружение в древнейшем слое поселения (рис. 4). При сооружении этого толоса был совершен определенный ритуальный акт: под его полы положили специально несколько уникальных предметов. Среди последних находилась самая ранняя металлическая (медная) печать. Кроме того, в полу толоса была вырыта ямка, в которой были "погребены" разбитый на части оригинальный и богато расписанный глиняный сосуд и микролитические обсидиановые орудия (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981, рис. 51; Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1993a, p. 142). Подобных находок в Ярымтепе больше не встречено. Известно, что обычай закладывать под стены и полы храмов необычные предметы получает распространение в Месопотамии в последующие эпохи. А традиция эта, как устанавливается, ведет свое начало по крайней мере с хассунского периода.

Таким образом архитектура Ярымтепе II характеризуется толосовидными домами, и прямоугольными и округлыми постройками хозяйственного назначения. На разных строительных уровнях его раскопаны около 80 толосовидных сооружений, начиная с верхних (II–III) горизонтов и до древнейшего (IX) включительно. Причем, во всех строительных горизонтах представлены как жилые, так и хозяйственные сооружения круглого плана. Если же сравнить толосовидные постройки Ярымтепе II с аналогичными сооружениями, раскопанными на других поселениях халафской культуры, то мы увидим, что на Ярымтепе II (как и на Ярымтепе III) ни в одном случае не отмечены каменные фундаменты, в то время как в других поселениях они имеются.

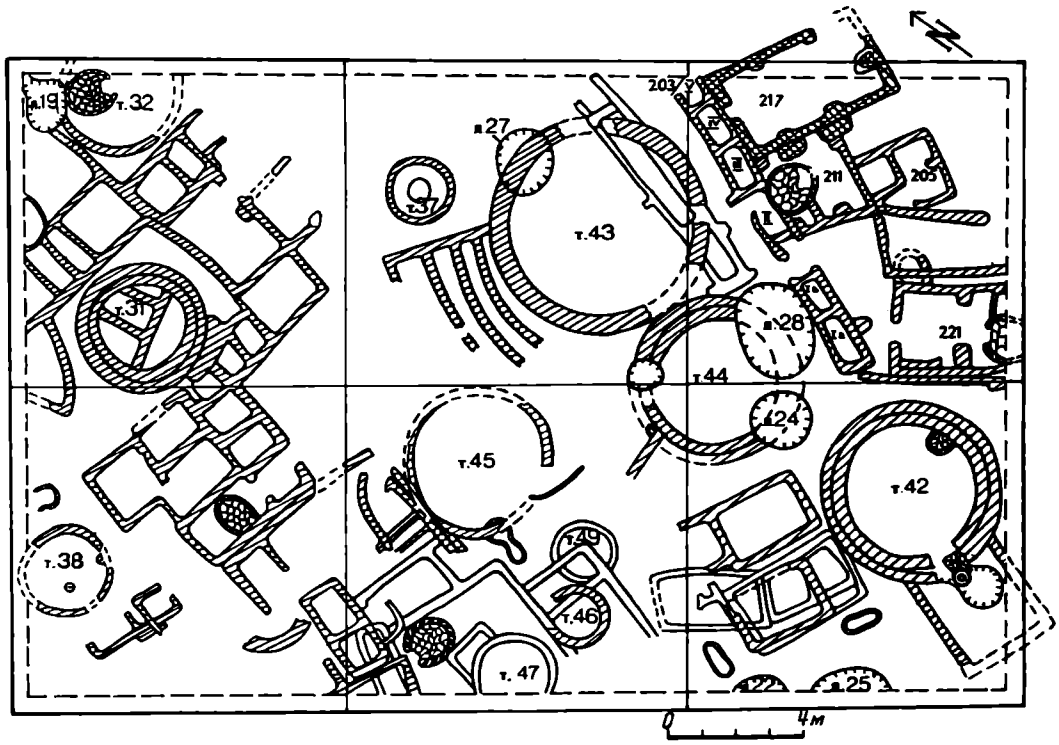


Рис. 5. Ярымтепе II. План VI строительного уровня

Говоря о генезисе архитектуры поселения Ярымтепе II, необходимо подчеркнуть, что никаких значительных и тем более принципиальных изменений в ее развитии не прослеживается. Единая форма домостроительства сохранялась здесь с момента возникновения поселения и до прекращения его существования. На Ярымтепе II остатков слоя убейдской культуры нет. Но на соседнем с ним поселении Ярымтепе III восьмиметровый слой халафской культуры перекрыт непосредственно мощным (4 м) убейдским слоем. Здесь мы четко наблюдаем смену формы архитектуры с появлением убейдской культуры: вместо круглых домов типа толоса становятся типичными многокомнатные прямоугольные сооружения (Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1993a, p. 163–206; 225–240). Если же говорить о каких-то изменениях в развитии архитектуры Ярымтепе II, то это касается лишь отдельных элементов домостроительства. Отмечу для примера, что в древнейших (IX–VIII) строительных горизонтах поселения крупные толосы не имеют пристроек, в то время как в вышележащих уровнях такие пристройки к жилым толосам с одной или даже нескольких сторон имеются почти во всех случаях.

Рассмотрим на примере одного из строительных горизонтов Ярымтепе II более конкретно вопросы планировки и архитектуры поселения халафской культуры. Как известно, материалы нижних горизонтов (IX–VIII) Ярымтепе II, включая данные и по архитектуре, подробно опубликованы (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981, с. 161–197; Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1987, p. 20–36), также как и ряда верхних горизонтов (Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1971a, p. 18–22; 1971b, p. 29–32; Munchaev R.M., Merpert N.Ya., 1973, p. 9–14 и др.). Поэтому мы представляем в данной работе к изданию не опубликованный до сих пор в полном виде план шестого строительного горизонта Ярымтепе II (рис. 5).

Прежде всего обращает внимание исключительно плотная застройка исследованного участка поселения на определенном этапе его развития. Ни в предшествующие и ни в последующий периоды эта часть поселения не была столь плотно застроена. Несмотря на это, имела место определенная планировка: строительные комплексы ориентированы по оси север – юг, т.е. также, как в более ранних горизонтах. Толосы

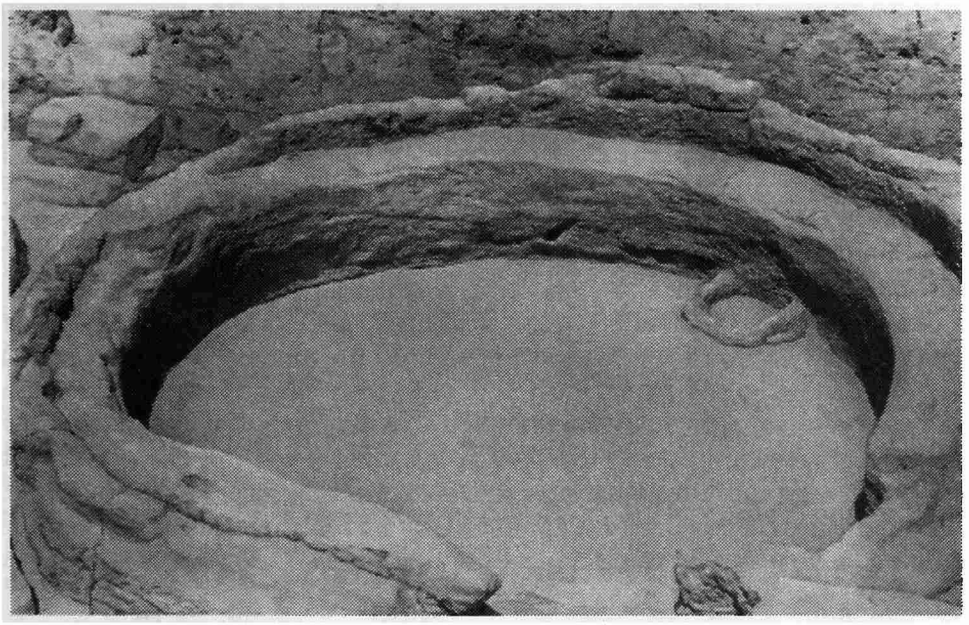


Рис. 6. Ярымтепе II. Толос 42

42, 43 и 44 стоят в один ряд по отмеченному направлению. Возможно, такого же круглого плана жилые дома стояли в этом ряду к северу и югу от толосов 42–44.

К западу от этого ряда с круглыми домами находились толосы 32 и 45, составлявшие еще один ряд жилых сооружений, ориентированных по той же оси. К ним примыкал большой и оригинальный строительный комплекс с многокамерным толосом в центре.

На различных уровнях западной половины раскопа открыты остатки еще шести других, но значительно меньших по размерам (за исключением толоса 31) округлых построек (толосы 31, 37, 46, 47, 49). Вскрыты также остатки и большого числа прямоугольных хозяйственных сооружений, перекрывавших друг друга. О них мы скажем ниже отдельно, а сначала рассмотрим более подробно некоторые из указанных жилых и хозяйственных сооружений.

Толос 42 – наиболее хорошо сохранившийся жилой дом на Ярымтепе II. Нижняя часть его состояла из двух рядов стен на высоту от 0,40 до 0,75 м (на глубине 3,95–4,70 м) и достигавших в ширину вместе 0,70 м. Диаметр внутри по полу 3,90–4,0 м, а от краев стен на высоте 0,70 м – 3,80 – 3,90 м. Следовательно, толос кверху суживался и имел куполообразную форму. В верхней части перекрытия находилось, возможно, светодымовое отверстие.

Стены толоса были сложены из пластов глины толщиной 5–6 см (в так называемой технике tauf или pise) и обмазаны слоем (2,5 см) глиняной штукатурки, на которой местами сохранились остатки гипсовой побелки. Такой же глиняной обмазкой покрыт пол. На нем, у края восточной стены находилась небольшая печь округло-четырехугольной формы типа мангала (рис. 6). Вход в толос шириной около 1 м был устроен в южной части стены, где к толосу примыкала почти четырехугольная постройка (примерно 1,60 × 1,65 м), остатки западной и частично восточной стен которой раскопаны. Таким образом этот дом состоял из двух помещений – основного, жилого и подсобного ("дромоса"), являвшегося как бы прихожей. Кроме того, на участке к западу от толоса 42 на разных этапах его функционирования было сооружено несколько прямоугольных хозяйственных построек, в том числе двухкамерная. Стены их, наслоившиеся друг на друга и сохранившиеся на высоту от 10 до 40 см, были сложены также из пластов глины.

В 1,5 м к северу от толоса 42 находился другой круглый дом – толос 44, нижняя

часть которого состояла также из двух рядов стен, шириной каждая 30–35 см (рис. 5). Диаметр толоса внутри 3,60–3,70 м. Стены его были сложены из глины, перемешанной с саманом, и обмазаны глиняной штукатуркой. Пол обычный, в виде утрамбованной площадки, неоднократно подмазывался слоем глины с кусочками гипса. Вход в дом находился, видимо, в его юго-восточной части.

К описанному дому с северной стороны вплотную примыкал толос 43, диаметром внутри по полу 5,60–5,65 м. Участок, на котором он был построен, представлял неровную площадку с сильным наклоном на север. Поэтому прежде чем возводить стены дома, здесь был сооружен "фундамент" в виде массивной (0,60 м) круглой стены высотой в северной части 0,60–0,65 м, а в южной 0,10–0,15 м. В восточной части эта стена "легла" на узкую прямоугольную постройку предшествующего уровня. Внутренняя часть образованного данной стеной круглого замкнутого помещения была забутована глиной и на этой платформе был поставлен сам толос, стены которого сохранились на высоту от 15 до 35 см. Дом имел купольное перекрытие. С западной стороны толоса находилась пристроенная к нему хозяйственная постройка необычной, дугообразной формы, состоявшая по крайней мере из четырех узких помещений. Где находился вход в дом, не установлено, так как стены толоса на ряде участков оказались разрушены.

К востоку от толосов 42–44 находилось несколько различных сооружений. По-видимому, одновременно с толосом 43 была сооружена рядом узкая прямоугольная постройка (сооружение 203). Она разделялась проходом шириной 0,50 м на две части: южная состояла из двух камер, а северная – из пяти (рис. 5). Полы их глиняные, неровные. Заполнение состояло из суглинка, золы и большого количества костей животных и керамики. Это, безусловно, хозяйственное сооружение, аналогичное открытым в более ранних горизонтах поселения. Как отмечено выше, подобных сооружений в последующих (V–II) строительных уровнях нет.

Восточная – продольная – стена данной постройки вплотную соприкасалась с сооружениями 211 и 217. Первое из них – хозяйственный комплекс, состоящий из четырехугольной (2,50 × 2,45 м) постройки и печи-тануpa внутри. К сооружению 211 с юго-восточной стороны была пристроена почти четырехугольная постройка (205), состоявшая из трех камер. Одна из них была замкнутой. Возникает вопрос, не имела ли эта постройка культового назначения? К югу от нее вскрыты остатки и других сооружений, но не полностью. В частности, раскопана большая часть прямоугольного сооружения – № 221 (рис. 5), разделенная двумя массивными стенами-контрфорсами на две части. Вход в постройку шириной 0,5 м был устроен в средней части северо-восточной стены. Во второй части находился большой круглый очаг типа тануpa, раскопанный наполовину. Северная – продольная – стена первой части постройки была укреплена с внутренней стороны дополнительной стенкой. В заполнении сооружения 221 также было много золы. Любопытно, что в полу этой постройки, как и сооружения 211, выявлена ямка диаметром 20 см и глубиной 17 см, обмазанная глиной и выложенная обломками сосудов. Назначение их не ясно.

Крайне интересно сооружение 217, вплотную примыкавшее к постройкам 203 и 207 (рис. 5) и частично разрушенное эрозией склона холма. Оно представляло собой остатки однокомнатного дома прямоугольной формы. Размеры его внутри – 4,40 × 2,15–2,20 м. Продольные стены были укреплены контрфорсами. В средней части западной стены находился "проход" шириной 0,4 м. Возможно, это был вход в дом, позже закрытый стеной сооружения 203 и устроенный в той части стены, которая оказалась полностью разрушенной.

В средней части восточной – поперечной – стены на невысокой (15 см) глиняной платформе (0,55 × 0,50 м) стояла небольшая печь подковообразной формы (0,35 × 0,35–0,40 м). Стены дома были сложены из глины, перемешанной с саманом и серо-зеленоватым суглинком. Пол представлял собой ровную, хорошо утрамбованную площадку, покрытую серо-зеленоватым суглинком и обмазанную гипсовым раствором. Тонким слоем такого же раствора были покрыты стены дома изнутри.

Особо подчеркнем, что описанное сооружение – это единственная на Ярымтепе II большая жилая постройка прямоугольного плана с очагом внутри дома и гипсовым полом.

Рассмотрим и строительные комплексы, находившиеся к западу от толосов 42–44. Это прежде всего толос 45. Он достигал в диаметре 4 м. Вход в толос шириной около 0,8 м находился в южной части. С западной стороны к дому примыкала пристройка, стены которой плохо сохранились.

На каждом строительном уровне Ярымтепе II, и особенно в рассматриваемом, прослежены наслоившиеся друг на друга остатки хозяйственно-бытовых сооружений округлого и главным образом прямоугольного плана. Они, как правило, функционировали недолго, быстро разрушались и на их месте возводились новые постройки. Такая картина, в частности, наблюдалась и к югу от толоса 45 (рис. 5). Здесь вскрыты три ряда последовательных сооружений, в том числе небольших, округлых в плане построек (толосы 46, 47 и 49) и остатки большой, диаметром 1,15–1,30 м, печи типа танура (сооружение 230).

Пожалуй, одним из наиболее интересных объктов, исследованных в VI горизонте Ярымтепе II, как и на поселении в целом, является большой строительный комплекс, занимавший значительную часть юго-западной половины раскопа (рис. 5). В центре его находилась круглая постройка (толос 31) с массивной стеной толщиной 0,60–0,70 м, сохранившаяся на высоту до 1 м. Диаметр ее внутри – 2,6 м. Толос был разделен стеной-перегородкой на две неравные части – южную (меньшую) и северную (рис. 5). Последняя была в свою очередь разделена на три камеры (0,50 × 1,0 м; 1,50 × 0,70 м и 1,40 × 0,65 м). С внутренней стороны у средней камеры сохранились две алебастровые плиты. Возможно, такими плитами была облицована изнутри верхняя часть стен толоса.

К толосу с северной и южной стороны примыкали сырцовые постройки, с восточной и западной сторон между толосом и стенами построек был "коридор" шириной от 50 до 90 см. Находившиеся вокруг толоса постройки замыкали со всех сторон, кроме западной, круглое сооружение. Здесь, по всей вероятности, располагался вход к толосу.

Общее количество вскрытых вокруг толоса 31 помещений составляет 22, в том числе с северной и восточной сторон по 5, с южной – 11 и с западной – 1. Все они прямоугольной и четырехугольной формы. Размеры этих помещений: 0,60 × 1,65 м; 1,70 × 1,65 м; 1,20 × 1,20 м; 2,10 × 1,50 м; 0,80 × 0,80 м; 2,30 × 1,30 м и т.д.

Несомненно, это не жилой комплекс, поскольку очень малы размеры помещений. Любопытно, что внутри и вокруг них найдено сравнительно небольшое количество бытовых предметов и костей животных. Вероятно, это было крупное общественное хранилище – амбар, располагавшееся почти в самом центре поселка. До сих пор ни в одном из древнейших памятников Месопотамии остатки подобного строительного комплекса, насколько нам известно, не открыты. Но в одном из верхних горизонтов (III) Ярымтепе II раскопаны остатки круглой постройки, почти аналогичной толосу 31. Она также была разделена на две неравные половины, меньшая из которых в свою очередь, делилась на две камеры (Mellaart N.Ya., Munchaev R.M., 1971a, fig. 8–a). И это сооружение являлось, вероятно, хранилищем продуктов. В нем обнаружены крупные глиняные сосуды и большое количество зерен злаковых. Отмечу, что в нижних (IX–VII) горизонтах Ярымтепе II не открыты ни многокамерные толосы, ни тем более сооружения, подобные описанному строительному комплексу хозяйственного назначения. Там сооружения для хранения зерна и других продуктов представляли разделенные на камеры длинные и узкие постройки (рис. 3). Аналогичные последним сооружения, как выше отмечено, в поселениях Северной Месопотамии V тыс. до н.э. не известны нам. Их нет и в вышележащих горизонтах самого Ярымтепе II.

Рассмотренный строительный горизонт (VI) Ярымтепе II дает достаточно полное представление об архитектуре всего поселения в целом. Основной формой жилой

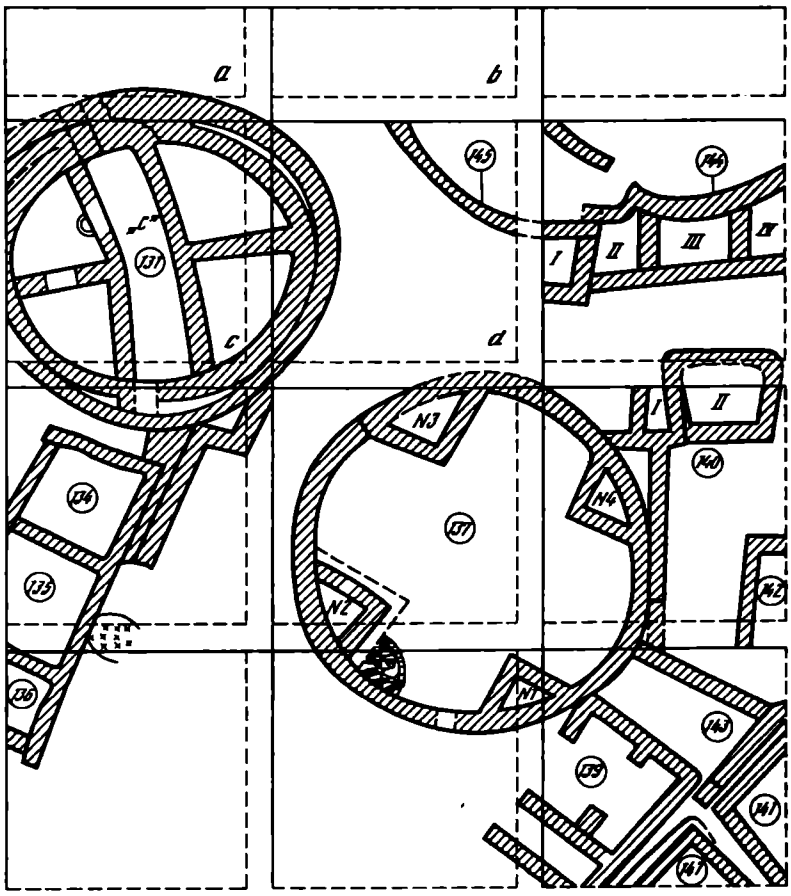


Рис. 7. Ярымтепе III. План третьего строительного горизонта халафского слоя. Толосы 137 и 138

архитектуры Ярымтепе II на всем протяжении существования поселения был круглый, толосовидный дом. Такой же формой отличались культовые сооружения. Значительное количество хозяйственных построек также имело округлую форму.

Следует подчеркнуть, что данная характеристика полностью приложима и к поселению Ярымтепе III, где остатки толосовидных построек открыты на всех уровнях халафского слоя (рис. 7). Последний вскрыт на сравнительно ограниченной площади, которая к тому же не доведена до основания. Но все результаты исследования этого слоя, в том числе полученные в траншеях на различных участках телля, позволяют полагать, что жилые и прочие сооружения округлого плана являлись здесь доминирующей формой архитектуры во все периоды существования халафского поселения. Здесь, в частности, представлены и многокамерные толосы, два из которых (Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1993b, fig. 9.3; 9.4:1; 9.4:2; 9.18), например, аналогичны толосу из слоя XVII Тепе Гавры (Tobler A.J., 1950, pl. XLII, *b*). Обращает на себя внимание то, что в том и другом случае эти толосы находились в верхнем уровне халафского слоя или переходного от Халафа к Убейду.

Но значительно бóльший интерес, из раскопанных в Ярымтепе III архитектурных сооружений, представляет толос 137. Это самое крупное круглопланное сооружение, раскопанное на Ярымтепе III (рис. 7; 8, *а, б*). Диаметр постройки внутри достигал 5,50–5,85 м. Вертикально стоявшие стены толоса сохранились на высоту от 1,55 до 2,02 м. Внутри находились четыре почти одинаковые по размерам угловидные конструкции. Они были симметрично расположены на всю высоту стены толоса (рис. 8, *а, б*). Длина их сторон около 1,5 м. В южной части стены толоса устроен узкий дверной проем (0,41–0,48 × 0,81 м). Обмазанный гипсом порог двери находился на высоте 0,45 м от

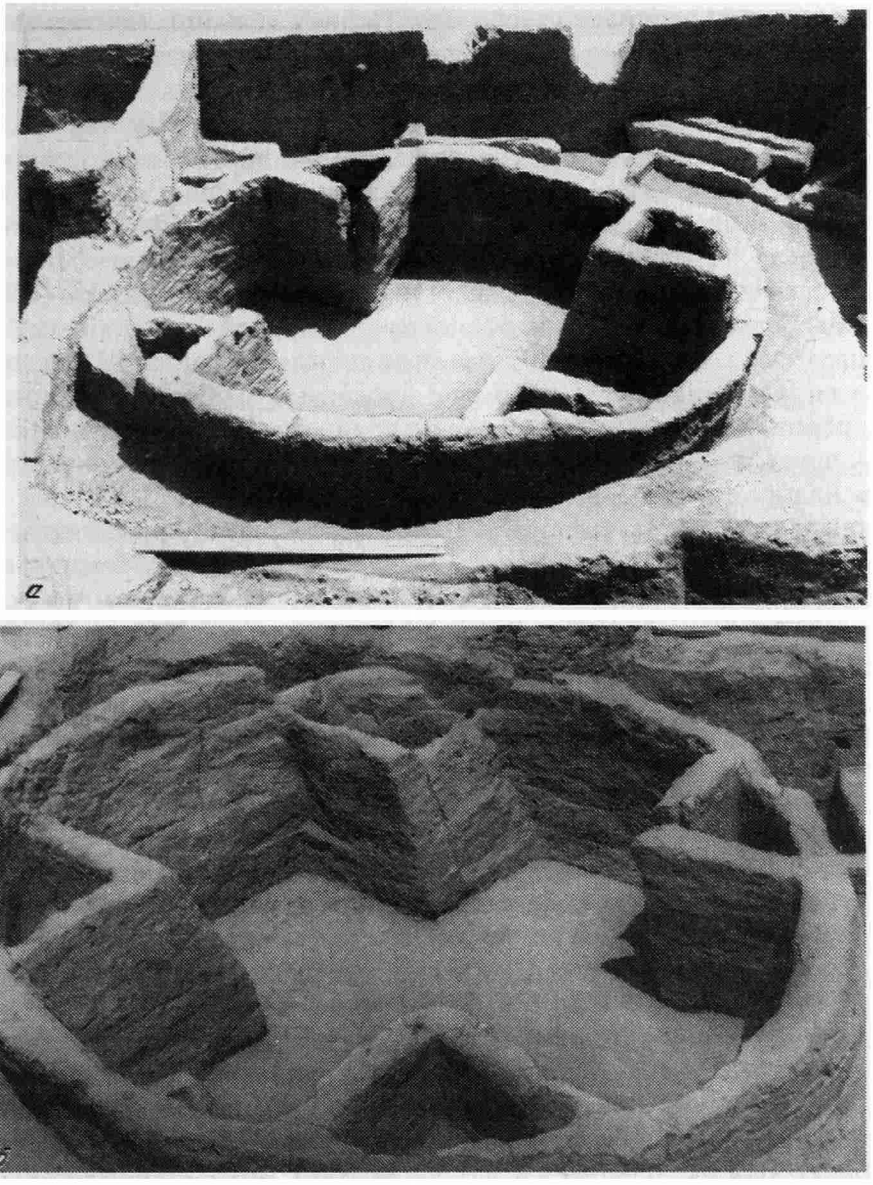


Рис. 8, *а, б*. Ярымтепе III. Толос 137

уровня пола толоса. Рядом с ним у стены устроена печь типа мангала высотой около 35 см. Перекрытие толоса было плоским (Kubba Sh.A.A., 1987, fig. 105).

В заполнении толоса обнаружены кости животных, обломки сосудов, пряслица, зоо- и антропоморфные глиняные фигурки и большое количество глиняных "пуль для пращи". Только в одной из угловидных конструкций, например, их найдено не менее 700.

Несмотря на необычность внутренней структуры, данный толос мог быть жилым сооружением, хотя не исключено и его культовое назначение. В этой связи отмечу, что рядом с ним к северо-западу находилось другое, столь же интересное круглопланное сооружение (138) с примыкающей к нему с южной стороны прямоугольной трехкамерной постройкой (рис. 7). Толщина обводной стены достигала 1,0 м. Диаметр толоса внутри составлял 5,0 м. Две внутренние параллельные стены образовывали по середине толоса коридор шириной 0,90–1,15 м, который отсекал два сегмента, разделенные в свою очередь пополам перегородками (Мегрегt N.Ya., Munchaev R.M., 1993b, p. 174, 175). Таким образом толос состоял как бы из пяти отделений – коридора и четырех угловидных отсеков (рис. 7). Он повторяет почти аналогичный по внутренней структуре толос из вышележащего слоя Ярымтепе III и вместе с ним сопоставляется, как отмечалось выше, с толосом из Тепе Гавры.

Все эти толосы явно не жилого характера. Нет также каких-либо признаков, указывающих на их культовое назначение. Следовательно, вероятнее всего предполагать их хозяйственное (складское) предназначение.

Но вернемся к толосу (138) с угловидными конструкциями. Подобные сооружения до сих пор, насколько нам известно, не открыты на других поселениях халафской культуры. Могу лишь указать на то, что из Мари (на Среднем Ефрате) происходит хранящаяся в Национальном музее в Дамаске и датируемая раннединастическим периодом I (первая половина III тыс. до н.э.) крупная глиняная модель (диаметром 54 см) круглого дома с такими же угловидными конструкциями внутри (Strommenger E., 1964). Это свидетельствует о том, что дома круглого плана с подобным "интерьером" могли спорадически строить в Месопотамии вплоть до середины III тыс. до н.э. А сама же практика сооружения круглых домов с плоским и особенно куполовидным перекрытием, возникшая на Ближнем Востоке по крайней мере в докерамическом неолите, сохранилась здесь до современности. Любопытно, что такими домами застроены сейчас почти целиком отдельные деревни в Северной Сирии.

Мы не ставим себе целью рассмотреть историю круглопланной архитектуры Передней Азии и в частности Месопотамии. Наша задача более скромна и ограничена – показать особенности архитектуры Северной Месопотамии лишь V тыс. до н.э., т.е. периода развития там халафской культуры. Мы видим, что для данной культуры, или, говоря иначе, для поселений Северной Месопотамии V тыс. до н.э., доминирующей формой архитектуры являлись округлые в плане жилые, хозяйственные и даже культовые сооружения, иногда с весьма оригинальным внутренним планом. При этом необходимо особенно подчеркнуть, что ни в предшествующий период и ни в последующие круглопланная архитектура не имела в Месопотамии столь цельного и развитого характера, как в V тыс. до н.э.

Хотя вопрос о формах архитектуры поселений халафской культуры и их генезиса, казалось бы, достаточно ясен в свете полученных данных, однако полного единства среди исследователей по данному вопросу нет.

Как мы указали выше, толосы открыты почти во всех халафских поселениях, начиная от Банахилка на востоке и до бассейна Балиха на западе. Обратимся к наиболее известным из них. Вопроса об архитектуре халафского слоя Телль Арпачии мы коснемся несколько позже, начнем же с поселения Гирекихаджиян в юго-восточной Анатолии. На этом поселении исследованы остатки (каменные основания) восьми круглопланных построек диаметром от 2,25 до 4,50 м (Watson P.J., Le Blanc S.A., 1990, p. 39). Наиболее сохранившиеся из них – толосы 1 и 4 – с примыкающей к ним с южной стороны прямоугольной камерой-дромосом определяются как бесспорно жилые постройки (Watson P.J., Le Blanc S.A., 1990, fig. 2,7; 15).

К югу, в Джезире, в Синджарской долине жилая архитектура поселений Ярымтепе II и Ярымтепе III, как показано выше, характеризуется почти исключительно округлыми, толосовидными домами, к которым нередко примыкали прямоугольные постройки хозяйственного назначения, в том числе и в виде дромоса. В бассейне же Хабура круглопланные постройки представлены даже в небольшом халафском поселении Умм Ксейр (примерно в 20 км к юго-западу от Хасеке), носившем, возможно, временный, сезонный характер.

Толосовидные постройки доминируют также на поселении Кирбет эш Шенеф в бассейне Балиха (Akkermans P.M.M.G., 1990, p. 88). В двух траншеях (*B* и *C*) из трех здесь открыты остатки шести толосов (Akkermans P.M.M.G., 1990, fig. 3, *27*).

Что же касается расположенного рядом с последним в том же районе Северной Сирии, и значительно более широко раскопанного поселения Телль Саби Абияд, то в его халафских слоях (4–1) выявлены остатки десяти толосов, в том числе с дромосом (данные на период до 1990 г.). Следует отметить, что это наиболее исследованный в настоящее время памятник халафской культуры на западной периферии ее ареала. Здесь, наряду с толосовидными постройками, присутствуют большие многокомнатные дома прямоугольного плана (Akkermans P.M.M.G., 1990, fig. 3, *11–15*), характерные

для архитектуры как более раннего, так и позднего времени. Такого широкого сочетания двух принципиально различных архитектурных традиций не наблюдается, насколько нам известно, в другом халафском поселении. Едва ли это объясняется тем, что Телль Саби Абияд находится на западной окраине распространения Халафа. Ведь на поселении Кирбет эш Шенеф такой картины не прослеживается. Вероятнее всего, это связано с хронологическим положением памятника. Если судить по соответствующей керамике, Телль Саби Абияд, по нашему мнению, не может быть отнесен к ранним памятникам халафской культуры, хотя исследователь его П.М. Аккерман придерживается по этому вопросу противоположного взгляда.

Поскольку до сих пор нет общепризнанного представления на то, что такое ранний, средний и поздний Халаф, и даже самое общее рассмотрение этой проблемы может увести нас далеко в сторону, мы воздержимся от ее рассмотрения здесь. Будем исходить из достаточно очевидного.

Совершенно очевидно, в данном случае, то, что на халафских поселениях Ярымтепе II и Ярымтепе III на всем длительном протяжении их существования господствует круглопланная архитектура, как и на ряде других отмеченных поселениях халафской культуры. В то же время, к примеру, на поселении Телль Саби Абияд присутствуют две различные формы архитектуры – круглопланная и прямоугольная. Для изучения генезиса архитектуры Халафа, казалось бы, во многом могут помочь соответствующие данные, полученные на Телль Арпачии, особенно результаты специально проведенных в 70-х годах И. Хаджара новых исследований на этом поселении.

Поскольку первые исследователи Телль Арпачии М. Маллован и Дж. Роуз рассматривали открытые им толосы как культовые сооружения (Mallowan M.E.L., Cruikshank Rose J., 1935, p. 34), то естественно, что в аспекте генезиса архитектуры халафской культуры они не могли иметь определяющего значения. Но еще до того, когда были возобновлены раскопки Телль Арпачии, стало ясно, особенно после исследований Ярымтепе II, что толосовидные постройки в халафских поселениях представляют собой прежде всего жилые и хозяйственные сооружения, и лишь некоторые из них могли быть культовыми.

Учитывая тот факт, что в результате исследований Телль Арпачии в 30-х годах генезис архитектуры данного поселения не был установлен с необходимой определенностью, И. Хаджара поставил своей основной целью выполнение именно данной задачи. Он заложил здесь в середине 70-х годов ряд небольших узких траншей и шурфов, в которых выделил 11 строительных горизонтов (Hijara I., 1978, p. 132–144; 1980, p. 126–128). По его мнению, древнейшие уровни халафского слоя здесь (строительные горизонты XI–IX) характеризуются прямоугольной архитектурой (Hijara I., 1978, p. 127). Переход же к круглопланной архитектуре на Телль Арпачии, как он считает, происходит на следующей фазе (горизонты VIII–VI). А на фазе 3 (горизонты V–II по Хаджаре или ТТ 10–7 по Малловану) толосы становятся ведущей формой архитектуры в Телль Арпачии. Что же касается заключительной фазы (горизонт 1 или ТТ 6), то в этот период архитектура здесь становится опять прямоугольной (Hijara I., 1978, p. 127).

Нам уже приходилось касаться предложенной И. Хаджара схемы развития архитектуры халафского поселения Телль Арпачия и высказать сомнение по поводу того, что в древнейший период дома в этом поселении были исключительно прямоугольными (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981, с. 194). Действительно, я считаю, что для обоснования сделанного И. Хаджара заключения требуются данные, полученные не в узких траншеях, а на широкой площади поселения. Ведь не исключена возможность, что открытые И. Хаджара в заложенных им в Телль Арпачии траншеях остатки прямоугольных сооружений в виде частей отдельных стен принадлежат таким же хозяйственным постройкам прямоугольного плана, которые в значительном числе выявлены, например, в Ярымтепе II.

Для меня совершенно очевидно, что возникновение халафской культуры в Северной Месопотамии – это не результат дальнейшего развития кассунской культуры.

Оно связано с появлением и распространением здесь нового населения (откуда – ?), принесшего сюда принципиально отличную от хассунской культуры архитектуру и керамическую традицию. Поэтому эта архитектура с самого начала развития халафской культуры в Северной Месопотамии была круглопланной, а не прямоугольной.

Возможно, я и ошибаюсь, но мне не верится, что появившиеся в V или даже в конце VI тыс. до н.э. в Северной Месопотамии носители халафской, т.е. новой, культуры продолжили архитектурную традицию предшествующего периода, а затем уже, минуя какое-то время, стали сооружать вместо многокомнатных домов однокомнатные, причем не прямоугольные, а округлые, типа толоса. Мне представляется бесспорным, что традиция круглопланного строительства была уже достаточно четко выработана носителями новой культуры ко времени их появления на рассматриваемой территории. В Северной Месопотамии, в частности, в Джезире, где круглопланная архитектура фиксируется с самого основания здесь халафских поселений, данная традиция поддерживалась на всем протяжении развития Халафа. И даже с распространением убейдской культуры практика сооружения домов круглого плана здесь исчезает не сразу. Но несомненно, что именно благодаря инвазии культуры Убейда в Северной Месопотамии прекратилось круглопланное строительство и получила развитие новая, точнее, возродилась старая, дохалафская, архитектурная традиция. И если вопрос о причине прекращения на рубеже V–IV тыс. до н.э. в Северной Месопотамии строительства сооружений круглого плана ясен, то до сих пор мы не знаем, где надо искать истоки халафской культуры в целом и, в частности, такого ее атрибута, как круглопланная архитектура.

В нашу задачу не входит рассмотрение проблемы происхождения Халафа, равно как и практики сооружения круглых домов, берущей свое начало, как известно, с докерамического неолита. В данном случае важно, как нам представляется, то, что в эпоху развития халафской культуры круглый однокомнатный дом являлся основной архитектурной формой поселений Южного Кавказа. А.И. Джавахишвили, на наш взгляд, справедливо считает, что ни в одной раннеземледельческой культуре Ближнего Востока круглопланная архитектура не имеет такого органически цельного характера, как в Закавказье. Ее можно сравнить лишь с архитектурой халафских поселений Северной Месопотамии (Джавахишвили А.И., 1973, с. 349).

Случайно ли такое совпадение или оно отражает определенную взаимозависимость? Хотя мы не имеем убедительных данных для ответа на поставленные вопросы, тем не менее думается, что единая по форме архитектура Северной Месопотамии и Закавказья в V тыс. до н.э. едва ли может быть объяснена чистой случайностью. Взаимосвязаны ли этот факт и имеющиеся иные данные, указывающие на халафско-закавказские связи? Если в будущем, например, подтвердится гипотеза Д. Мелларта, что раннехалафские племена являются, возможно, выходцами из горных районов, в частности, бассейна озера Ван (Mellart J., 1975), и там действительно будут открыты постройки типа толоса, можно будет считать, что появление круглопланной архитектуры в V тыс. до н.э. как в Месопотамии, так и в Закавказье связано с этой областью. А пока некоторые исследователи ставят вопрос даже так: не появилась ли эта круглопланная архитектура в Месопотамии с Южного Кавказа? (Джавахишвили А.И., 1973, с. 346).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Джавахишвили А.И., 1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н.э. Тбилиси.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.

Akkermans P.M.M.G., 1989. Tell Sabi Abyad: the Stratigraphy and Architecture. Excavations at Tell Saby Abyad // BAR. International Series.

Akkermans P.M.M.G., 1990. Villages in the Steppe. Amsterdam.

Aurenche O., 1981. La Maison Orientale l'Architecture du Proche orient ancien des Origines au Milieudu Quatrieme Millenaire. 1. Paris.
Hijara I., 1978. Three new graves at Arpachiyah // World Archaeology. Vol. II. № 2. London.
Hijara I., 1980. Arpachiyah 1976 // Iraq. XLII. London.
Kubba Sh.A.A., 1987. Mesopotamian Architecture and Town Planning From the Mesolithic to the End of Proto-historic Period. 10000–3500 B.C. // BAR. International Series. 367 (II).
Lloyd S., Muller H.W., Martin R., 1972. Ancient Architecture. Mesopotamia, Egypt, Crete, Greece, New York.
Mallowan M.E.L., Cruikshank Rose J., 1935. Excavations at Tell Arpachiayh // Iraq. Vol. II. Part I. London.
Matcumoto K., Yokoyama S., 1995. Excavations at Tell Songro B // Al-Refidan. XVI. Tokyo.
Mellaart J., 1975. The Neolithic of Near East. London.
Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1971a. Excavations at Yarim Tepe 1970 // Sumer. XXVII. Baghdad.
Merpert N., Muchaev R.M., 1971b. The archaeological research in the Sinjar valley (1971). // Sumer. XXVII. Baghdad.
Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1987. The earliest levels at Yarim Tepe I and Yarim Tepe II in Northern Iraq // Iraq. XLIX. London.
Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1993a. Yarim Tepe II: The Halaf levels. Early Stages in the evolution of Mesopotamian Civilization. Tucson, London.
Merpert N.Ya., Munchaev R.M., 1993b. Yarim Tepe II: The Halaf levels. Early Stages in the evolution of Mesopotamian Civilization. Tucson, London.
Munchaev R.M., Merpert N.Ya., 1973. Excavations at Yarim Tepe in 1972 // Sumer. XXIX. Baghdad.
Munchaev R.M., 1996. The Halaf culture and Djezireh. The International colloqium "The Syrian Djezireh. Cultural heritage and interrelations". Summary of the papers. Damascus.
Oates J., 1994. An extraordinarily ungrateful conceit': a western publication of important Soviet field studies // Antiquity. Vol. 68. № 261. London.
Radi S., Seeden H., 1980. The AVB Rescue excavations at Shams ed-Din Tannira // Berytus. XXVIII. Beirut.
Seeden H., 1982. Ethnoarchaeological Reconstruction of Halafian Occupational Units at Shams ed-Din Tannira // Berytus. XXX. Beirut.
Strommenger E., 1964. The Art of Mesopotamia. London.
Tobler A.J., 1950. Excavations at Tepe Gawra. Vol. 2. Philadelphia.
Watson P.J., Le Blanc S.A., 1990. Girikihaciyah. A Halafian site in Southeastern Turkey. Los Angeles.

Институт археологии РАН,
Москва

R.M. MUNCHAEV

IARYMTEPE II: ON THE PROBLEM OF NORTH MESOPOTAMIA ARCHITECTURE DATING TO THE FIFTH MILLENNIUM BC

Summary

The Halaf is one of the brightest Early Agricultural cultures of Mesopotamia. Djezireh was the main region of this culture. Its spread across North Mesopotamia was reflected in the appearance of original painted ceramics as well as in considerable innovations in architecture. Instead on multi-roomed rectangular structures typical for the preceding Hassuna culture, there came into being one-roomed houses of tholos type which is a dominant achritectural Halaf form.

The article presents a characteristic feature of the Halaf culture architecture on the basis of Iarymtepe II site on North West of Iraq which was excavated by the mission of the Institute of Archaeology, the Russian Academy of Science in 1969–1976. To date the site mentioned remains the best investigated Halaf site. Important materials obtained by the mission at Iarymtepe III have been used as well.

Ек.Е. АНТИПИНА

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ СКОТОВОДСТВА НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ БРОНЗЫ*

В лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН проводятся комплексные исследования ранних этапов развития производящей экономики древнего населения Евразии. Одним из первых шагов в этом направлении стала попытка оценить, какими же реальными данными в настоящее время располагают исследователи для изучения главных отраслей производящего хозяйства, в частности животноводства. Основным объективным источником информации о животноводческой деятельности древнего населения являются остатки костей животных из культурных слоев археологических памятников. В отечественной литературе уже давно опубликованы многочисленные результаты обработки коллекций костей животных из археологических памятников Восточной Европы разных периодов древней истории (см. например: Цалкин В.И., 1958; 1964; 1970; 1972; Бибикова В.И., Шевченко А.И., 1962; Бибикова В.И., 1963; 1970; Петренко А.Г., 1984; Журавлев О.П., Сычева М.В., 1989; Журавлев О.П., 1990; Косинцев П.А., Варов А.И., 1994 и др.). Обращение археологов к этим опубликованным данным для анализа особенностей животноводства стало уже традиционным (Краснов Ю.А., 1971; Мерперт Н.Я., 1974; Мунчаев Р.М., 1975; Шилов В.П., 1975; Матюшин Г.Н., 1982; Березанская С.С., 1990 и др.).

Однако, следует заметить, что, работая с опубликованными данными, исследователи вынуждены обсуждать лишь вторичные показатели и характеристики остеологических выборок, к сожалению, не всегда представляя те методические подходы, на основе которых они получены. В то же время анализ археозоологических выборок показывает, что применяемые в археологии разные методы первичного сбора костных материалов и их интерпретации значительно влияют на конечные результаты, нередко изменяя их содержание прямо на противоположное (Антипина Ек.Е. и др., 1989), так что использование для реконструкции особенностей хозяйства древнего населения тех или иных опубликованных археозоологических показателей и характеристик требует методического обоснования, а имеющиеся в отечественных литературных источниках многочисленные остеологические данные нуждаются в оценке степени их надежности.

Поэтому в данной работе мне представляется наиболее целесообразным прежде всего критически рассмотреть методические приемы, традиционно используемые в отечественных археозоологических исследованиях при анализе и интерпретации остеологических материалов, затем обосновать правомерность применения мною методических подходов, отличающихся от традиционных и реконструировать особенности животноводческой деятельности населения эпохи бронзы южных районов Восточной Европы. Выбор материалов именно этого периода оказался практически принудительным, так как к настоящему моменту для реконструкции хозяйственной жизни древнего населения имеется достаточное число обработанных остеологических коллекций по поселениям юга Восточной Европы только начиная с эпохи бронзы.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект № 94-04-12071.

© Ек.Е. Антипина, 1997 г.

Анализ и интерпретация археозоологических материалов из поселений эпохи бронзы юга Восточной Европы производились разными авторами по достаточно сходной методической схеме (Цалкин В.И., 1958; 1964; 1970; 1972; Бибикова В.И., Шевченко А.И., 1962; Бибикова В.И., 1963; Петренко А.Г., 1984; Журавлев О.П., Сычева Л.В., 1989 и др.). В этой схеме можно выделить три ключевых методических аспекта, которые и будут далее обсуждаться. Прежде всего, это работа со всеми имеющимися остеологическими выборками, включая и чрезвычайно малые по числу костей. Затем, получение количественных характеристик выборок на основе оценки минимального числа особей каждого вида. И наконец, прямая экстраполяция полученного соотношения минимального числа особей сельскохозяйственных видов на состав стада домашних животных, разводимых населением памятника.

Эта схема стала широко известной благодаря ярким работам В.И. Цалкина (1958; 1964; 1970; 1972), в которых он описал общую картину хозяйственной деятельности древнейшего населения южных районов Восточной Европы от неолита до эпохи раннего железа. При этом он подчеркивал относительность реконструкции конкретных особенностей животноводства, понимая, что существуют разные методические подходы к обработке остеологических материалов, и публиковал в своих ранних работах таблицы с первичными определениями и подсчетами числа костей животных по отдельным видам. Широкое распространение и длительное применение использованных В.И. Цалкиным основных методических приемов в отечественных археозоологических исследованиях сделало их настолько традиционными, что вопросы об обоснованности их применения и правомерности выбора указанных критериев просто не вставали даже перед специалистами-археозоологами. Анализ же трех отмеченных выше ключевых аспектов традиционной методической схемы обработки и интерпретации археозоологических материалов показывает, что применяемые количественные показатели достаточно субъективны, а перенесение соотношения вклада отдельных видов домашних животных в кухонных остатках на структуру стада нуждается в тщательном обосновании.

Вопрос о количественном объеме археозоологической коллекции, т.е. об общем числе собранных костных остатков и числе определимых среди них фрагментов, является одним из наиболее важных при оценке надежности и достоверности получаемых качественных и количественных показателей. Большинство археозоологов считают реконструкции хозяйственной деятельности, сделанные на основе изучения малых по числу костей коллекций, недостоверными. Например, В.И. Цалкин, обсуждая резкие различия в количественных оценках домашних животных, полученных по коллекциям с малым числом костей, прямо указывает, что "соотношения между домашними и дикими животными и тем более между отдельными видами сельскохозяйственных животных, которые мы обнаруживаем в костных остатках из раскопок отдельных памятников, нередко имеют чисто случайный характер и лишены самостоятельного значения для характеристики интересующих нас отраслей хозяйства" (Цалкин В.И., 1972, с. 60). Несмотря на понимание необходимости работать с представительными по числу костей коллекциями, почти треть (29%) остеологических коллекций, анализируемых им в указанной работе, представлена менее чем сотней определимых фрагментов. Замечу, что при этом соотношение видов оценивалось по минимальному числу особей, а суммарное число особей всех видов в 91% этих выборок оказывается также значительно меньше сотни.

Однако оценивать представительность (репрезентативность) археозоологической выборки в количественном отношении – задача достаточно трудная и в общем случае неразрешимая, так как эта характеристика остеологических материалов является относительной и непосредственно зависит от тех вопросов, которые ставит перед собой исследователь. Например, значительное преобладание в многочисленной выборке кухонных остатков костей диких животных над домашними позволит считать такую выборку достаточно представительной для того, чтобы обсуждать биологические аспекты охотничьей фауны региона или специфику охотничьей деятельности насе-

ления, но та же выборка окажется далеко не представительной для обсуждения особенностей животноводства. Вместе с тем очевидно, что большой количественный объем выборки делает ее более представительной уже для большего круга вопросов. Поэтому несомненно, что для получения более надежных результатов предпочтительнее анализировать крупные по числу костей и их определимых фрагментов выборки археозоологических материалов.

Задача моего исследования – изучение особенностей животноводства племен эпохи бронзы на юге Восточной Европы – предопределила методику установления объема археозоологических выборок, представительных именно для поставленного вопроса. Условной границей для отбора материалов, очевидно, можно принять тот минимальный объем выборки, который гарантировал обнаружение хотя бы полного видового списка домашних животных, кости которых находились в заполнении культурных слоев памятника. Мой личный опыт по обработке археозоологических коллекций на двух крупных поселениях разных исторических эпох – поселении "Чайка" (железный век, евпаторийское побережье Крымского полуострова) (Яценко И.В., Попова Е.А., 1979) и поселении "Горный" (поздний бронзовый век, Оренбургская обл.) (Черный Е.Н., 1996) – показал, что при сборе костей животных способом ручной переборки культурного слоя в выборке объемом уже около 400 определимых фрагментов будут, как правило, встречены остатки практически всех видов домашних животных, кости которых даже в единичных экземплярах находились в заполнении памятника. Вычисление по опубликованным материалам для разных поселений эпохи бронзы минимального числа определимых костей животных, которое включает от всех домашних животных из приводимых видовых списков хотя бы по одной кости, также дало объем выборки в среднем около 350 фрагментов. Таким образом, выборку объемом не менее чем 400 определимых фрагментов костей я считаю представительной, по меньшей мере в отношении видового состава домашних животных, без чего просто невозможно обсуждение животноводческой деятельности древнего населения. Количественные же оценки, очевидно, будут более надежными в выборках, объем которых исчисляется десятками тысяч определимых фрагментов костей.

Количественные показатели видового состава археозоологических выборок могут быть представлены двумя разными оценками: число костей, относимых к конкретному виду, и минимальное число особей, которым могли принадлежать эти кости. Выбор той или иной оценки чрезвычайно важен для последующего анализа, так как на их основе вычисляют количественные соотношения видов в выборке (соотношение между домашними и дикими животными и соотношение между видами сельскохозяйственных животных), которые и присутствуют обычно в публикациях. В одних и тех же выборках указанные соотношения, подсчитанные отдельно по числу костей и по минимальному числу особей, могут оказаться прямо противоположными. Например, в материалах из поселения Атабаевское приказанской культуры первое место в соотношении четырех видов сельскохозяйственных животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья), подсчитанном на основе минимального числа особей, занимает свинья – 47,3% (Цалкин В.И., 1972, с. 68, табл. 12), а сделанный пересчет этого показателя на основе числа костей этого вида по опубликованным исходным данным (Цалкин В.И., 1958) поставил остатки свиньи на третье место – 13,1%.

Методика определения минимального числа особей (Бекени Ш., 1969) при всей ее внешней объективности дает результаты, как правило, несравнимые между собой, так как обнаружение возрастных, размерных, половых и других особенностей на разных частях скелета животных, по которым рассчитываются и минимальное число особей, и поправочные к нему коэффициенты, полностью зависит от квалификации и опыта специалиста. Анализ соотношения между числом костей и минимальным числом особей, которым могли бы принадлежать кости, показывает, что число костей, приходящееся на одну особь, определенным образом колеблется в зависимости от общего числа костей конкретного вида: при уменьшении числа костей, относимых к какому либо виду, уменьшается и число костей, приходящееся на каждую выделенную особь

этого вида. Таким образом, в малых по объему костей выборках минимальное число особей любого вида окажется несомненно завышенным, при сравнении со всей совокупностью материалов, что может быть легко продемонстрировано при обработке по отдельным частям крупных остеологических коллекций, собираемых при многолетних раскопках. Кроме того, качество определения минимального числа особей зависит и от других факторов, таких как естественная сохранность костей, степень их раздробленности, видовая принадлежность остатков и др. На фоне сложных и неоднозначных зависимостей между числом костей и минимальным числом особей абсолютное число костей, относимое специалистом к конкретному виду, как первичный показатель является, очевидно, более объективной количественной оценкой вклада этого вида в археозоологическую выборку.

При интерпретации полученного соотношения костей животных в археозоологической выборке на первый план выступают факты или связи между фактами, имеющими индикаторное значение, которое должно быть или очевидным, или хорошо обоснованным. К сожалению, традиционный методический прием прямой экстраполяции соотношения остатков сельскохозяйственных видов в археозоологических выборках на состав и структуру стада оказывается чаще всего неправомерным, ввиду отсутствия однозначной связи между числом костей домашних животных в кухонных остатках из культурных слоев памятника и составом и численностью разводимых на поселении домашних животных.

Этот методический прием обычно негласно обосновывают допущением того, что все домашние животные, разводимые населением памятника в течение всего времени его функционирования, оказываются в конечном итоге съеденными и соответственно именно их кости составляют археозоологический материал. Тогда, если удается достоверно рассчитать, скольким животных принадлежали кости, и поделить это число на точно установленный период длительности существования поселения, то можно получить состав и структуру группы съеденных за один год домашних животных, которую можно считать стадом сельскохозяйственных видов, но только лишь на изолированном от остального мира поселении. В таком допущении слишком много несоответствующих реальностям и невыполнимых условий. Достоверный расчет числа особей, которым принадлежали кости животных из кухонных остатков, вряд ли возможен, точно так же и определение достоверных границ времени и длительности существования поселения является крайне трудной задачей. Не вызывает сомнений и то, что обмен продуктами земледелия и животноводства имел место в истории производящей экономики уже на достаточно ранних ее стадиях и население памятника вообще могло не заниматься животноводством и при этом потреблять мясо домашних животных. Таким образом, очевидно, что кости из кухонных остатков непосредственно отражают лишь мясной рацион населения, а не деятельность по его обеспечению.

Количественное соотношение отдельных видов животных в кухонных остатках не всегда отражает даже роль того или иного животного в хозяйстве. По этнографическим источникам хорошо известно, что у подвижных скотоводов, таких как монголы, масаи, зулусы, которые практически полностью живут за счет потребления продуктов скотоводства, повседневной пищей служит не мясо разводимых домашних животных, как следовало бы ожидать, а молоко, молочные продукты. Мясо же, и зачастую диких животных, употребляется в пищу лишь в критические периоды года или на длительных перегонах (Пржевальский Н.М., 1875; Krige E.J., 1957; Маке Ж., 1974). Так что многочисленные стада крупного рогатого скота масаев и зулусов, составляя их главные материальные богатства, движимое имущество, товар, не находили и не находят соответствующего их роли в хозяйстве отражения в кухонных остатках.

Вместе с тем несомненно, что некоторые особенности соотношения костей сельскохозяйственных видов в кухонных остатках могут быть достаточно однозначно экстраполированы на особенности состава стада разводимых населением домашних животных. Сравнительный анализ экономически важных биологических свойств домашних животных, которые как бы диктуют определенные формы их эксплуатации в конк-

ретных природных и экономических условиях и определяют, таким образом, структуру стада, дает возможность выявить и обосновать ряд индикаторных особенностей археозоологических материалов.

Биологические характеристики крупного рогатого скота ставят его вне конкуренции по чрезвычайному разнообразию форм его эксплуатации и получаемой от него продукции (молоко, кровь, навоз, мясо, шкура, кости и рог, возможность перевозить тяжести) и делают его наиболее универсальным сельскохозяйственным видом (Борисенко Е.Я., 1952). Учитывая это, очевидно, что в условиях умеренного климатического пояса, где этот вид может существовать под открытым небом в течение круглого года, при обилии и доступности естественных зимних кормов или при условии его обеспечения заготовленными кормами в зимнее время (в южной части Восточной Европы зимний период довольно непродолжителен – два, максимум три месяца) разведение крупного рогатого скота было и остается наиболее рентабельным по сравнению со всеми остальными сельскохозяйственными видами.

В отношении хозяйственной значимости с крупным рогатым скотом сравнима только лошадь. В районах с высоким снежным покровом, где крупный рогатый скот не в состоянии добыть естественный корм из-под снега и его разведение требует обязательной заготовки кормов на зиму, разведение лошади оказывается во многих случаях даже более эффективным.

Мелкий рогатый скот и свинья лишь в специфических экономических или природных условиях могут конкурировать по рентабельности с крупными домашними копытными. Их разведение требует не меньших усилий, чем разведение крупных домашних копытных, а получаемая продукция оказывается значительно меньшей как по количеству, так и по разнообразию.

Различная скорость воспроизводства мелких и крупных домашних копытных существенно корректирует эффективность их разведения и формы эксплуатации. Скорость воспроизводства мелких домашних копытных, при которой мелкий рогатый скот и свинья достигают и половой зрелости, и оптимального убойного веса к 1–1,5 годам и приносят, как правило, несколько детенышей (овцы и козы – одного-двух, а свинья – пять-десять), делает выгодным их содержание, в особенности свиньи, прежде всего как мясных животных (Борисенко Е.Я., 1952). Однако такое разведение рентабельно при достаточно большой их численности в стаде, так как по мясной продуктивности они уступают крупным копытным в 8–10 раз. Поэтому не удивительно, что в большинстве хозяйственных ситуаций (и у оседлого, и у кочевого населения), известных для недавнего прошлого по историческим источникам (Миддендорф А.Ф., 1884–1885; Максимов А.Н., 1927; Руденко С.И., 1961), мелких домашних копытных разводили на мясо, как дополнение к молочным и другим продуктам, получаемым от остальных домашних животных. Более длительный цикл воспроизводства крупных домашних копытных, почти вдвое превышающий его у мелких (причем и корова и лошадь приносят обычно по одному детенышу), делает более целесообразными и эффективными такие формы их эксплуатации, когда скотовод получает максимальные объемы продуктов от живых животных (Борисенко Е.Я., 1952).

Таким образом, когда в кухонных остатках присутствуют кости мелких домашних копытных даже в значительных количествах, то эта особенность археозоологического материала может отражать как минимум две хозяйственные ситуации при условии, что население использовало в пищу именно разводимых домашних животных: либо разводимые на поселении домашние животные были представлены в основном мелкими копытными, либо мелкие домашние копытные при любом их количестве в стаде преимущественно использовались в пищу. Неоднозначность интерпретации преобладания в кухонных остатках костей мелких домашних копытных – овцы, козы и свиньи – показывает, что эти виды не могут быть использованы в качестве индикаторов для характеристики особенностей животноводства. Тогда как преобладание в кухонных остатках костей крупных домашних животных, и в первую очередь крупного рогатого скота, отражает практически только одну хозяйственную ситуацию: численное пре-

обладание в стаде крупных домашних копытных. Мясо крупных домашних копытных может служить обычной пищей только при их значительной численности в стаде, при малой численности в стаде крупного рогатого скота и лошади использование их на мясо просто нерентабельно. Однозначность этой интерпретации очевидна, и преобладание костей крупных домашних копытных в кухонных остатках может быть успешно использовано в качестве индикатора их численности в стаде, а значит, и для характеристики особенностей животноводства.

Имея теперь представление о том, насколько и каким образом изменяются результаты анализа археозоологических материалов в зависимости от применения тех или иных методических подходов, можно еще раз рассмотреть общепринятые представления о животноводстве племен эпохи бронзы, опубликованные главным образом в работах В.И. Цалкина (1970; 1972), но уже используя отличающиеся от общепринятых методические приемы, которые обоснованы в предшествующей части данной работы.

Главный вывод В.И. Цалкина, полученный при обработке археозоологических материалов из поселений эпохи бронзы, состоял в утверждении того, что в бронзовом веке животноводство играло основную роль в обеспечении животной пищей населения южных районов Восточной Европы. Этот вывод основывается на преобладании особей домашних животных над дикими в остеологических коллекциях из поселений различных культур эпохи бронзы. Оценки вклада особей домашних животных, указанные В.И. Цалкиным для конкретных поселений, колеблются от 60 до 100% (Цалкин В.И., 1972, с. 64). Значительный разброс значений параметра он объяснял, по меньшей мере, двумя причинами: во-первых, различной ролью охоты в экономике поселений, расположенных в различающихся по обилию дичи местах, и, во-вторых, спецификой результатов обработки малых по числу остатков коллекций, которые как раз и показывали увеличение вклада диких животных в выборках.

Анализируя особенности животноводства у древних племен различных культурных объединений на юге Восточной Европы, В.И. Цалкин реконструировал для раннего бронзового века (РБВ) исключительно овцеводческий характер хозяйства у племен усатовской культуры, в остеологическом материале которой он относил к мелкому рогатому скоту в среднем около 50% особей; свиноводческое направление в хозяйстве племен майкопской культуры, в материалах которой свинье принадлежало, по его оценке, около 50% особей; а также преимущественное разведение крупного рогатого скота у племен ямной культуры, поголовье которого составляло около 46% стада на фоне все же многочисленного поголовья мелкого рогатого скота (около 34%).

Для позднего бронзового века (ПБВ) В.И. Цалкин выделил животноводство двух культур, как резко отличающееся от всех остальных рассматриваемых им культурных объединений ПБВ: развитое свиноводство у племен приказанской культуры (в среднем около 36% особей) и типично степной характер животноводства с обилием мелкого рогатого скота (в среднем до 46% особей) и отсутствием свиней у племен андроновской культурной общности (Цалкин В.И., 1972, с. 71).

Выделенные направления в животноводстве племен РБВ и ПБВ В.И. Цалкин связывал прежде всего с окружавшими их локальными особенностями природных условий. Так, свиноводческий характер хозяйства майкопской (РБВ) и приказанской (ПБВ) культур он объяснял более пригодными для разведения свиней условиями лесостепных и лесных районов. Типично степной характер хозяйства усатовской (РБВ) и андроновской (ПБВ) культур он связывал с локализацией поселений в степных регионах. Вместе с тем рассматриваемые им материалы не всегда укладывались в указанную закономерность, и соотношения особей сельскохозяйственных животных, подсчитанные для близлежащих памятников одной культуры, оказывались настолько же разнообразными, как и для памятников разных культур, располагавшихся и в сходных, и в различающихся природных регионах (Цалкин В.И., 1972, с. 67–69). Эту пестроту количественных соотношений между сельскохозяйственными животными он опять же

Соотношение костей домашних животных в археозоологических выборках из поселений бронзового века южных районов Восточной Европы

№ на карте	Регион	Поселение	Хронологический период	Число определимых костей	Кости домашних животных, %	КРС, %	МРС, %	Свинья, %	Лошадь, %	Кости крупных домашних копытных, %
1	VII	Усатово	РБВ	11155	98,3	24,5	62	0,5	13	37,5
2	VII	Маяки	РБВ	12379	96,5	13,2	75,5	–	11,3	24,5
3	VII	Михайловка	РБВ	52542	98,1	59,5	29	0,5	11	70,5
4	VIII	Мешоко	РБВ	15813	95,8	44,5	15,2	40	0,3	44,8
5	VIII	Ясенова Поляна	РБВ	925	97,3	65,5	12,3	22,2	–	65,5
6	VIII	Галюгай 1	РБВ	583	98,1	49,6	44,6	3,3	2,5	52,1
7	VII	Матвеевская	СБВ	13138	99,7	78,7	19	0,1	2,2	80,9
8	VII	Бугское II	СБВ	633	99,2	81,5	11	0,3	7,2	88,7
9	VI	Ливенцовка	СБВ	2092	99,5	57,2	36,5	–	6,3	63,5
10	V	Борщево IV	СБВ	1585	99,5	89,5	5,3	3,2	2	91,5
11	V	Левобережное	ПБВ	879	99,8	75	3,4	5	16,6	91,6
12	V	Шиловское	ПБВ	10108	89,4	75,6	5	7,4	12	87,6
13	V	Масловское I	ПБВ	4292	99,2	67,6	7	7	18,4	86,0
14	V	Чижовское 2	ПБВ	465	100	71,4	5	5,8	17,8	89,2
15	V	Чижовское 4	ПБВ	587	100	77,8	4,2	8	10	87,8
16	III	Балымская	ПБВ	854	100	37	5	11	47	84,0
17	III	Атабаевская	ПБВ	1032	97,3	34	2,6	13,1	50,3	84,3
18	III	Гулькинская	ПБВ	475	89,5	36,5	5	18,5	40	76,5
19	VI	Безыменное II	ПБВ	8000	99,7	69,5	10	2,5	18	87,5
20	V	Мосолово	ПБВ	9000	94,2	77	8	4,5	10,5	87,5
21	IV	Максютово	ПБВ	764	99,2	67	27	0,5	5,5	72,5
22	IV	Успенское	ПБВ	537	99,3	63,4	29,6	–	7	70,4
23	III	Сусканское I	ПБВ	1770	94,5	50	17	2,6	30,4	80,4
24	III	Моечное озеро I	ПБВ	4652	99,9	53,7	24	6,7	15,6	69,3
25	I	Горный	ПБВ	112000	99,8	80	15	0,5	4,5	84,5
26	I	Кузьминковское	ПБВ	<2000	98,0	65	14	1	20	85,0
27	I	Токское	ПБВ	~2000	98,0	50	26	1	23	73,0
28	I	Кипель	ПБВ	580	99,3	71	24,3	–	4,7	75,7
29	I	Алексеевское	ПБВ	1205	99,0	25,6	39,7	–	34,7	60,3

Примечания. Регионы: I – Зауралье, II – Приуралье, III – Среднее Поволжье, IV – Нижнее Поволжье, Прикаспий, V – Верхний и Средний Дон, VI – Нижний Дон, Приазовье, VII – Нижний Днепр, Южный Буг, Нижний Днестр, VIII – Северный Кавказ; КРС – крупный рогатый скот, МРС – мелкий рогатый скот; доля домашних животных, включая КРС, МРС, свинью и лошадь, выражается в % от общей совокупности определимых костей на поселении.

объяснял большим количеством использованных при анализе малых по числу остатков выборок.

Итак, при констатации несомненного приоритета животноводческой деятельности в хозяйстве древних племен разных культурных объединений на протяжении всего бронзового века В.И. Цалкин был склонен считать хозяйство разных культурных общностей РБВ внутренне более специализированным по разведению конкретных видов домашних копытных, чем хозяйство разных культурных общностей ПБВ, которое, по его мнению, характеризовалось значительным внутренним разнообразием, обусловленным локальными различиями природной среды.

Из 50 опубликованных остеологических коллекций из поселений эпохи бронзы, для которых имелись исходные данные по костям животных (см. Цалкин В.И., 1958; 1964; 1970; 1972; Бибикова В.И., Шевченко А.И., 1962; Бибикова В.И., 1963; 1970; Журавлев О.П., Сычева Л.В., 1989; Журавлев О.П., 1990; Петренко А.Г., 1984; Ко-

синцев П.А., Варов А.И., 1994; Кореневский С.Н., 1995), мною были отобраны лишь 27 с объемом выборок определимых остатков – не менее 400 фрагментов костей, которые приведены в таблице. В таблицу включены также и мои собственные результаты обработки двух коллекций из поселений срубной культурной общности – Горный (Оренбургская обл.) и Безыменное II (Донецкая обл.), одна из которых (пос. Горный) является в настоящее время самой крупной в мировой практике археозоологической коллекцией эпохи бронзы как по абсолютному числу собранных остатков животных (около миллиона), так и по числу определимых фрагментов. Рассматриваемые 29 поселений археологи относят к восьми крупным культурным объединениям различных хронологических стадий эпохи бронзы: РБВ – ямная, усатовская и майкопская; СБВ – катакомбная общность; ПБВ – абашевская, срубная и андроновская общности, а также приказанская культура, что могло бы стать основой для изучения вопросов о направлении исторического развития животноводства на юге Восточной Европы. Однако специфика географического положения поселений, из которых получены рассматриваемые остеологические материалы, когда в пределах конкретных регионов пока отсутствуют археозоологические данные для последовательных хронологических стадий (рис. 1), не позволяет в настоящее время обсуждать эти вопросы. Для рассматриваемых материалов на основе абсолютного числа костей каждого вида сельскохозяйственных животных были пересчитаны два показателя: соотношение остатков диких и домашних животных и соотношение четырех видов домашних копытных.

Полученные результаты достаточно заметно отличаются от выводов, сформулированных в работах В.И. Цалкина (1970, 1972), за исключением основного вывода, касающегося существенной роли животноводства в экономики населения юга Восточной Европы в эпоху бронзы.

Количество костей домашних животных в материалах рассматриваемых поселений также свидетельствует о значительной роли животноводства в экономике древнего населения южных районов Восточной Европы в эпоху бронзы и составляет от 89,4% до 100% (таблица). Малый разброс значений этого показателя в материалах памятников, расположенных в разных природных условиях – от степей Северного Причерноморья до северной границы лесостепи и лесов в Среднем Поволжье и Приуралье, позволяет определенно считать, что в начале бронзового века древнее население огромной территории южных частей Восточной Европы (от Южного Буга до верховьев Самары) уже владело животноводческими навыками на достаточно высоком уровне, чтобы на протяжении почти трех тысячелетий – до конца эпохи бронзы – обеспечивать себя животным белком практически только за счет разведения домашнего скота.

Соотношение костей четырех видов домашних животных из кухонных остатков на поселениях эпохи бронзы убедительно показывает сходство в хозяйственной деятельности племен южных областей Восточной Европы по обеспечению себя мясными продуктами практически вне зависимости от культурно-хронологической позиции общности, равно как и природных условий. Это сходство в остеологическом материале проявляется в достоверном преобладании в кухонных остатках костей крупных домашних копытных, и прежде всего крупного рогатого скота. Уже начиная с периода СБВ минимальные суммарные оценки вклада костей крупных домашних копытных (крупного рогатого скота и лошади) в представленных выборках оказываются около 63,5% (Ливенцовка), а в период ПБВ они увеличиваются до 70–80%. При этом оценка вклада костей крупного рогатого скота в кухонных остатках практически для всех рассматриваемых поселений, расположенных в степной полосе Восточной Европы как в западных, так и в восточных ее районах, не опускается ниже 50% (в среднем – 70%). Лишь в материалах ПБВ на поселениях различных культур у северных границ лесостепи Среднего Поволжья наблюдается уменьшение до 30% вклада костей крупного рогатого скота, сопровождающееся закономерным увеличением числа костей лошади, так что общий вклад остатков крупных домашних копытных опять же оказывается

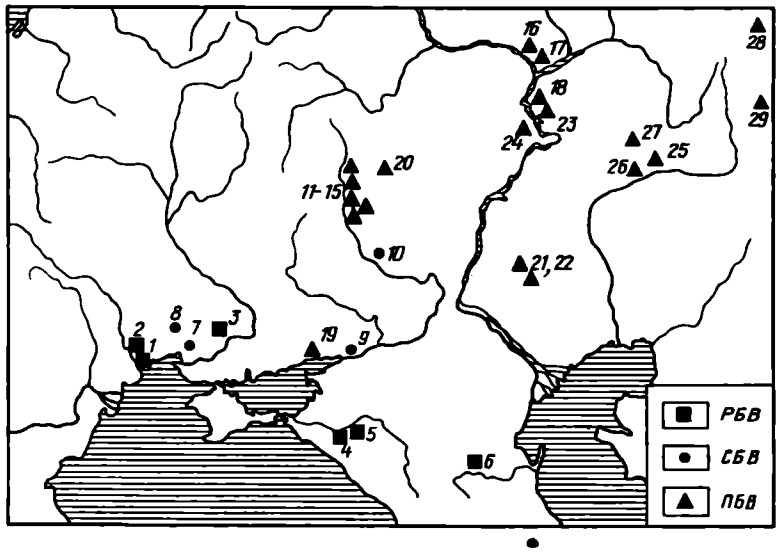


Рис. 1. Географическое расположение 29 поселений эпохи бронзы, выборки археозоологических материалов из которых составляют не менее 400 определимых костей животных

близким к оценкам на остальных памятниках – около 70%. Эту закономерность отчетливо можно видеть в материалах из поселений срубной культурной общности, расположенных в восточных районах Европы практически на одной прямой с юга на север: Максютовское, Успенское (Нижнее Поволжье); Горный, Кузьминковское, Токское (Приуралье); Моечное озеро 1, Сусканское 1 (Среднее Поволжье), а также из поселений приказанской культуры (Среднее Поволжье) и поселений андроновской культурной общности (Зауралье) (см. таблицу и рис. 2, на котором название памятников дано под соответствующими таблице номерами).

Наиболее часто в остеологических коллекциях эпохи бронзы обнаруживается пропорция, когда первое место занимает крупный рогатый скот (60–70% костей в выборке), второе место – мелкий рогатый скот (15–25%), третье место принадлежит, как правило, лошади (10–15%), хотя иногда мелкий рогатый скот и лошадь делят второе и третье место, и последнее место занимает свинья (0,5–5%). Эта пропорция характеризует коллекции из поселений ямной (РБВ) и катакомбной (СБВ) культурных общностей в степных районах Северного Причерноморья, из поселений абашевской культурной общности (ПБВ) в лесостепных районах Верхнего и Среднего Дона, из поселений срубной культурной общности (ПБВ) на южной границе лесостепи Среднего Поволжья, и в степях Приуралья и Нижнего Поволжья, а также, по меньшей мере, из одного поселения (Кипель) андроновской культуры в лесостепном Зауралье (см. таблицу).

По-видимому, в этой однотипности соотношения костей четырех уже известных в эпоху бронзы в Восточной Европе видов домашних копытных отражено также и сходство основных форм эксплуатации сельскохозяйственных животных населением того времени. И хотя реконструкция конкретных форм эксплуатации домашних животных в древности представляет собой особую чрезвычайно сложную проблему, обсуждение которой выходит за рамки настоящей статьи, следует указать, что в большинстве частных археозоологических исследований при изучении возрастной структуры потребляемых на мясо древним населением домашних животных формы их эксплуатации для хозяйств практически всех культурных общностей эпохи бронзы реконструируются поразительно сходно: для крупного рогатого скота – мясо-молочное разведение, для лошади – многоплановое использование, для мелкого рогатого скота – мясо-шерстное.

Таким образом, остеологические материалы эпохи бронзы однозначно указывают на

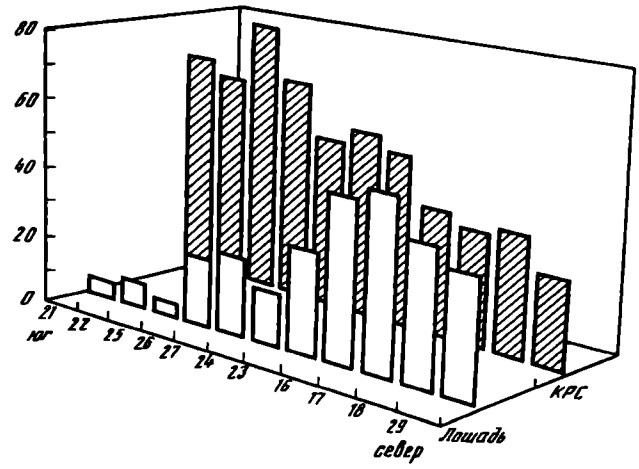


Рис. 2. Изменение вклада костей крупного рогатого скота и лошади в кухонных остатках из поселений разных культурных общностей ПБВ, расположенных в степных и лесостепных районах Приуралья по направлению с юга на север (номера поселений соответствуют номерам в таблице)

то, что главным сельскохозяйственным видом на огромной территории юга Восточной Европы на протяжении всей эпохи бронзы – со второй половины IV и вплоть до рубежа II и I тыс. до н.э. – был крупный рогатый скот. Лишь у северных границ лесостепи, в районах, где высокий снежный покров затруднял содержание крупного рогатого скота в зимний период, его место могла занимать лошадь. Очевидно, этим обстоятельством обусловлено повышение числа костей лошади в материалах из памятников северных районов лесостепной полосы Восточной Европы в частности, из памятников приказанской культуры.

Единственным исключением из этой общей направленности животноводческой деятельности населения эпохи бронзы можно считать хозяйство племен усатовской культуры. Преобладание костей мелкого рогатого скота в кухонных остатках из двух памятников этой культуры (Усатово, Маяки) над остатками крупного рогатого скота оценивается как трех и даже четырехкратное. Однако, как подчеркивалось выше, этот перевес не может быть основанием для того, чтобы однозначно говорить о ведущей роли мелкого рогатого скота в стаде усатовской культуры; вместе с тем эта аномалия достаточно ярко проявляется на фоне всех остальных остеологических данных для памятников эпохи бронзы, что заставляет предполагать возможность принципиально иного хозяйственного уклада племен этой культуры.

Использование практически всеми народами южных районов Восточной Европы в эпоху бронзы крупного рогатого скота в качестве основного мясного животного позволяет сделать заключение о значительной численности его стад на этой территории, прежде всего в степных ее районах, на протяжении всего бронзового века. Единственным белым пятном в реконструкции хозяйства населения степей Восточной Европы является в настоящее время Прикаспийская низменность.

Значительные по численности стада крупного рогатого скота даже в благоприятных для этого вида природных условиях южных районов Восточной Европы, несомненно, ставили перед населением проблему обеспечения их кормами, по меньшей мере в зимнее время. Решение этой проблемы, очевидно, и определяло формы хозяйственного уклада, связанного с животноводством. По-видимому, в настоящее время по имеющимся археозоологическим материалам правомерно обсуждать для южных частей Восточной Европы в эпоху бронзы лишь две модели хозяйственного уклада, в значительной степени определяемого скотоводством, – это оседлый с пастбищным выпасом вокруг поселений и необходимостью запасать достаточное количество зимних

кормов и также оседлый, но с отгонным скотоводством, осуществляемым частью населения, когда запасание зимних кормов становится необязательным.

Численность остальных видов сельскохозяйственных животных, и прежде всего мелких домашних копытных – овцы, козы и свиньи, в хозяйстве древних племен практически всех культурных общностей эпохи бронзы, несомненно, значительно уступала крупному рогатому скоту. Их роль в хозяйственной жизни и формы эксплуатации могут обсуждаться лишь в предположительной форме и для конкретных памятников. Среди рассматриваемых материалов предполагаемые особенности хозяйства, связанные с мелкими домашними копытными, можно обсуждать, пожалуй, только для трех поселений майкопской культуры. Коллекции двух поселений (Мешоко и Ясенова Поляна) характеризуются достаточно большим вкладом остатков свиньи, когда кости этого вида оказываются на втором месте после костей крупного рогатого скота, превышая число костей мелкого рогатого скота и лошади вместе взятых. Такое соотношение, несомненно, отражает более значительную роль свинины в рационе племен майкопской культуры, но лишь в сравнении с потреблением мяса этого вида на поселениях других культур, потому как различия в объемах мясной продукции, получаемой от одной особи свиньи и крупного рогатого скота, все же оставляют свинину на втором месте в рационе населения двух указанных памятников майкопской культуры. В коллекции из поселения Галюгай 1 майкопской культуры место свиньи занимают кости мелкого рогатого скота.

Особенности археозоологических материалов майкопской культуры, свидетельствующие о более значительном потреблении мяса мелких домашних копытных, чем на памятниках других культур эпохи бронзы, очевидно, заслуживают внимания как отражение вероятных особенностей и самой животноводческой деятельности, связанных, например, с более интенсивной эксплуатацией крупного рогатого скота как молочного животного, когда уменьшение потребления говядины компенсируется главным образом за счет увеличения потребления свинины. Но при этом следует подчеркнуть, что эти особенности не дают основания для реконструкции животноводства майкопской культуры как специализированного по разведению свиньи или мелкого рогатого скота.

Полным отсутствием костей свиньи отличаются от всех остальных коллекций известные к настоящему времени выборки кухонных остатков из поселений андроновской культурной общности. Возможно, это реальная характеристика особенностей хозяйственного уклада племен андроновской культурной общности, а не отражение еще малого числа археозоологических материалов, что, несомненно, заслуживает внимания. Но и в таком случае использование этой особенности в качестве индикатора подвижного образа жизни населения, как это обычно принимается в литературе, требует дополнительных, и прежде всего археологических, обоснований. Вклад же костей остальных трех видов домашних копытных в кухонных остатках из поселений андроновской культурной общности оказывается поразительно сходным с таковым в большинстве поселений других культурных общностей ПБВ (таблица).

Таким образом, остеологические данные по эпохе бронзы, анализируемые по числу костей конкретных видов, показывают, в противоположность выводам В.И. Цалкина, что животноводческая деятельность древнего населения юга Восточной Европы была чрезвычайно сходной у племен разных культурных общностей, возможно, даже просто однотипной, начиная уже с РБВ. Вероятные ее локальные особенности, которые отражены в некотором разнообразии потребления мяса мелких домашних копытных, по-видимому, связаны прежде всего с разными формами и разной степенью интенсивности эксплуатации крупных домашних копытных, обусловленной, очевидно, ролью других отраслей в хозяйственном укладе населения, не менее важных, чем животноводство, и, уже во-вторую очередь, с характеристиками природной среды. Этот феномен – сходство животноводческой деятельности населения огромной территории южных районов Восточной Европы в эпоху бронзы – требует дальнейшего детального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипина Ек.Е., Маслов С.П., Мусатова С.И., 1989. О репрезентативности выборок остеологического материала, получаемых путем отбора "определимых" фрагментов костей // Комплексные методы исследования археологических источников. М.

Бекени Ш., 1969. Новый метод вычисления количества особей животных в остеологическом материале из археологических местонахождений // Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 74. Вып. 6.

Березанская С.С., 1990. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев.

Бибикова В.И., 1963. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе // Природная обстановка и фауна прошлого. Т. 1. Киев.

Бибикова В.И., 1970. Фауна из поселения у с. Кирово // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). Киев.

Бибикова В.И., Шевченко А.И., 1962. Фауна Михайлівського поселення // Михайлівське поселення. Киев.

Борисенко Е.Я., 1952. Разведение сельскохозяйственных животных. М.

Журавлев О.П., 1990. Археозоологические исследования поселения Бугское II Николаевской области // Проблемы изучения катакомбной культурно́-исторической общности. М.

Журавлев О.П., Сычева Л.В., 1989. Палеозоологические исследования поселения катакомбной культуры Матвеевка I // СА. № 2.

Кореневский С.Н., 1995. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М.

Косинцев П.А., Варов А.И., 1994. Дикие и домашние млекопитающие из поселений межовской и срубномежовской культур // Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы. Екатеринбург.

Краснов Ю.А., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.

Маке Ж., 1974. Цивилизации Африки южнее Сахары. М.

Максимов А.Н., 1927. Скотоводство малокультурных народов // Ученые записки Института истории. Т. 2. М.

Матюшин Г.Н., 1982. Энеолит Южного Урала. М.

Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.

Миддендорф А.Ф., ред. 1884–1885. Исследования современного состояния скотоводства в России. Вып. 2. М.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.

Пржевальский Н.М., 1875. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии. Т. 1. СПб.

Руденко С.И., 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Вып. 1. Л.

Цалкин В.И., 1958. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья // МИА. № 61.

Цалкин В.И., 1964. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднее бронзового века // КСИА. Вып. 101.

Цалкин В.И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА. № 161.

Цалкин В.И., 1972. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщ. 1, 2, 3, 4 // Бюлл. МОИП. Отд. биол. Т. 77. Вып. 1, 2, 3, 4.

Черных Е.Н., 1996. Каргалинский горнометаллургический комплекс на Южном Урале // XIII Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Уфа.

Шилов В.П., 1975. Модели скотоводческих хозяйственных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. № 1.

Яценко И.В., Попова Е.А., 1979. Раскопки греческих и скифских слоев на городище у санатория "Чайка" // АО за 1978 год.

Krige E.J., 1957. The Social System of the Zulus. Longmans Green-Shuter. Shooter. Pietermaritzburg.

Институт археологии РАН,
Москва

E.E. ANTIPINA

TECHNIQUES FOR RECONSTRUCTING CATTLE HERDING IN THE SOUTH OF EASTERN EUROPE IN THE BRONZE AGE

Summary

The article attempts to examine archaeological material as a complicated informative source. In particular, it shows that methodology must be adequate to scientific tasks. Thus, a traditional method of reconstructing a herd structure as a direct reflection of the quantitative structure of domestic animals' bones from cooking refuse is incorrect and incompetent. Such an extrapolation of bones number from cooking refuse to the significance or to the role of a corresponding domestic animal in the herd may be applicable only to large domestic ungulates. Consequently, a typical quantitative structure of domestic animal bones from cooking refuse yielded in the Bronze Age settlements in the South of Eastern Europe is presented. The first place (60–70%) is occupied by cattle, the second place (15–25%) is occupied, as a rule, by goats and sheep, the third place (10–15%) – by horse and the last place (0,5–5%) is occupied by pig. This structure may be extrapolated as a distinctive feature of the Bronze Age economy in the South of Eastern Europe demonstrating an important role of cattle in the economic life as a meat source and, consequently, its quantitative predomination in the herd. The only exception to a typical Bronze Age cattle herding economy is the economic structure of the Usatovo culture tribes characterized by the predominance of ovicaprids bones in the cooking refuse.

А.П. МОШИНСКИЙ

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА СО СКИФАМИ

(по дигорским материалам)*

Проблема взаимоотношений кавказских и степных племен давно привлекает внимание исследователей (Ростовцев М.И., 1925, с. 302–303). Особенно ярко это проявилось в течение последних десятилетий. За это время данной теме было посвящено множество работ, в том числе несколько монографий (Виноградов В.Б., 1972; Техов Б.В., 1980а; Махортых С.В., 1991). Все, занимавшиеся этим вопросом, сходятся в одном – отмечают активность скифо-кавказских контактов в период скифских походов через Кавказ и в эпоху непосредственно после них, т.е. в VII–VI вв. до н.э. Говоря же о последующем времени, большинство исследователей отмечают, с одной стороны, сокращение количества скифских памятников в Предкавказье вплоть до их полного исчезновения в IV в. до н.э. (Петренко В.Г., 1986, с. 172; Махортых С.В., 1991, с. 112; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с. 45), а с другой – ослабление связей скифского мира с Кавказом с середины V в. до н.э. опять же вплоть до их практически полного исчезновения в начале IV в. до н.э. (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983, с. 40, 72, 358; Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985, с. 136). При этом допускается процесс ассимиляции (Ильинская В.А., Тереножкин А.С., 1983, с. 72; Петренко В.Г., 1994, с. 16). От такой точки зрения отличается мнение М.П. Абрамовой, которая считает, что какая-то часть скифских племен, в основном покинувших к концу V в. до н.э. Предкавказье, продолжала обитать в этом районе (Абрамова М.П., 1990, с. 120). В то же время существует и допущение об этнической трансформации части скифских племен в Предкавказье и образовании в результате этого процесса новой этнической общности (Абрамова М.П., 1990, с. 118; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с. 45).

Анализ характера взаимоотношений скифских и кобанских племен также приводит исследователей к различным выводам. Так, если Е.И. Крупнов считал, что связи Кавказа со скифским культурным миром были настолько сильными, что способствовали материальному переоформлению местной культуры Северного Кавказа (Крупнов Е.И., 1960, с. 171, 172), то В.Б. Виноградов отмечал, что в горских кобанских памятниках степное влияние в инвентаре очень скромно, а в обряде практически отсутствует (Виноградов В.Б., 1972, с. 291). При этом важно иметь в виду, что именно горная зона с примыкающими к ней предгорьями доминирует на Кавказе и является основным очагом кобанской культуры. Кобанская культура – горная par exellence. И уже с гор она распространилась на предгорья и отчасти на примыкающие к ним плоскостные районы. Высказанное С.В. Махортых положение о том, что "господствующим элементом в рельефе Северного Кавказа нужно считать низменность, чаще всего равнинную" (Махортых С.В., 1991, с. 6), представляется парадоксальным. Зародившаяся в горных районах Кавказа и достигшая там высокого уровня развития

* Статья подготовлена к печати при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда в рамках программы, "Горные районы Центральной части Северного Кавказа в VII–III вв. до н.э." Проект № 96-01-00399.

© А.П. Мошинский, 1997 г.

кобанская культура в значительной степени в силу своего доминирующего (именно в географическом смысле) расположения оказывала влияние на культуру появлявшихся в регионе степных племен. В этом контексте весьма важным представляется наблюдение Е.В. Переводчиковой о влиянии кобанского искусства на прикубанский вариант скифского звериного стиля (Переводчикова Е.В., 1987, с. 52). Характерно, что опирается она при этом на материалы, происходящие именно из горных районов. Влияние скифской культуры на кобанскую (в первую очередь заметное в искусстве) также неоднократно отмечалась и в значительной степени опять-таки на материалах горных памятников.

Здесь необходимо напомнить об определенной ущербности источниковедческой базы, на которую приходилось опираться всем, кто до недавнего времени занимался этой проблематикой. Большая часть материалов из горных районов Северной Осетии – метрополии культуры – происходит из разрушенных грабительскими раскопками могильников. Исключение составляют лишь раскопанные В.И. Долбежевым несколько комплексов из Северного кладбища Кобани (Алексеева Е.П., 1949) и сложные погребения, содержащие перемешанные материалы различных эпох, в могильниках Рутха и Хор-Гон (Алексеева Е.П., 1949; Козенкова В.И., 1982а), клад из могильника Верхняя Рутха Е.И. Крупнова (Крупнов Е.И., 1960), а также случайно открытый в 1977 г., опубликованный В.Х. Тменовым (Тменов В.Х., 1980, с. 27–31), но пока практически не использованный исследователями комплекс из с. Дзинага.

За последнее время ситуация несколько изменилась. Северо-Кавказской экспедицией Государственного Исторического музея в 1987–1995 гг. в Дигории производились раскопки на могильнике Гастон Уота и поселении Сауар, бытование которых относится ко второму этапу кобанской культуры. На могильнике Гастон Уота раскопано 18 коллективных погребений и выпадающее из общего ряда жреческое погребение (Мошинский А.П., 1988; 1994а; 1995). Общее количество погребенных в могильнике достигало не менее 100 человек. Каждый из погребальных комплексов использовался в течение относительно непродолжительного времени (до полувека), о чем говорят наблюдения как за инвентарем (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994; Мошинский А.П., 1994а), так и за погребальным обрядом (Мошинский А.П., в печати). На поселении Сауар раскопаны два производственных комплекса – гончарный (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1992а) и металлургический (Мошинский А.П., Скаков А.Ю., 1996). Поселение Сауар находится в непосредственной близости от могильника Гастон Уота и, безусловно, синхронно последнему (Мошинский А.П., 1990; Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1992б). Несомненно, что именно жители этого поселения похоронены на этом могильнике.

Обращает на себя внимание ряд черт погребального обряда, происхождение которых обычно связывают со степным влиянием. Таковым является присутствие практически во всех комплексах V–IV вв. до н.э. могильника Гастон Уота тех или иных деревянных конструкций: наличие ложного сруба по дну погребальной камеры; обшивка стен могильной ямы досками; установка внутри могильной ямы деревянной камеры; использование дерева при сооружении перекрытий. Деревянные конструкции ранее отмечались и в других позднекобанских могильниках (Козенкова В.И., 1977, с. 20, 21; 1989, с. 75; Техов Б.В., 1980а, с. 45; 1980б, с. 240).

К сожалению, в результате нарушения большинства погребальных комплексов и обычая смещать при очередном захоронении ранее погребенных в могильнике Гастон Уота in situ сохранилось только три костяка в двух погребальных комплексах: женский костяк, лежавший скорченно на левом боку в датированном V в. до н.э. погр. 7, и два мужских костяка, лежавших на спине с подогнутыми ногами из погр. 14 (IV в. до н.э.). Безусловно, последняя поза может считаться вариантом скорченного положения костяка и довольно часто именно так и учитывается. Но столь же несомненно и то, что в раннекобанское время погребенные в таком положении в могилы не укладывались. Костяки, уложенные на спину, появляются только в позднекобанских могильниках. Характерно, что у значительной части лежащих на спине костяков в могильниках,

расположенных практически во всей территории кобанской культуры, ноги подогнуты. В таком случае мы вправе считать, что эта поза в данном историческом контексте может являться вариантом позы вытянутого на спине костяка. Возможно, подогнутые ноги являются рецидивом характерного для кобанской культуры скорченного положения. Вытянутые на спине погребения в кобанской культуре выглядят инородными и, вероятно, появились здесь в результате степного влияния.

К моменту написания В.Б. Виноградовым его монографии выше отмеченные черты не были известны для кобанских памятников горных районов (для них данные о погребальном обряде были минимальными), что дало ему основание заявить о фактическом отсутствии в обряде горских кобанских памятников степных черт (Виноградов В.Б., 1972, с. 291). Новая информация меняет эти представления.

В раннекобанских памятниках захоронения лошадей и находки в погребениях конского убора относительно часты. С конца VI в. до н.э. их количество резко уменьшается (Виноградов В.Б., 1972, с. 130; Техов Б.В., 1980а, с. 66), В.Б. Виноградов (1972, с. 131) и вслед за ним С.Л. Дударев (1991, с. 102) делают из этого вывод о сокращении роли всадничества у аборигенов Северного Кавказа. Более того, В.Б. Виноградов допускает, что "кавказцы, отрезанные от плоскости... возможно, теряют важные стимулы рационального использования коня". Однако это допущение представляется весьма сомнительным, так как любое перемещение в горной местности во все времена являлось достаточным стимулом к использованию лошади. Таким образом, исчезновение коня из погребальных памятников, равно как и появление в определенные эпохи, не может быть напрямую связано с хозяйственной практикой.

В могильнике Гастон Уота в погребениях, датированных не позже середины V в. до н.э., нет ни лошадей (хотя встречены лошадиные челюсти и кости ног в закладах погребений, что является отдельным сюжетом), ни элементов конского убора (кроме ворварок, обязательная принадлежность которых к последнему не является доказанной). В погребениях же конца V – начала IV вв. до н.э. картина резко меняется.

В так называемом погребальном комплексе-"жертвеннике" могильника Гастон Уота (конец V в. до н.э.), который, судя по всему, является погребением лица, облеченного сакральными полномочиями (Мошинский А.П., 1995), было уложено как минимум три лошади вокруг деревянной погребальной камеры (с южной стороны погребение было подмыто, и наличие там четвертой лошади можно только предполагать). Кроме этого, как минимум одна лошадь была сожжена внутри камеры во время совершения обряда жертвоприношения, предшествующего погребению.

Рядом с погр. 15 (начало IV в. до н.э.) была устроена жертвенная площадка, на которой было умерщвлено не менее четырех лошадей. Интересно, что одна из них, несомненно, была хромой (судя по искривленному метоподию). Обычай приносить в жертву лошадей с врожденным дефектом был отмечен у скифов (Беленицкий А.М., 1978, с. 37).

Само по себе такое количество комплексов, содержащих лошадей, могло бы не являться показательным, если не принимать во внимание, что из более чем 650 погребений конца VI–IV в., учтенных В.Б. Виноградовым (Виноградов В.Б., 1972, с. 130), только в пяти были кони. За годы, прошедшие со времени публикации его монографии, ситуация принципиально не изменилась (Козенкова В.И., 1977, с. 24; 1989, с. 82).

Такую же картину мы наблюдаем и на примере находок конского убора. В тех же 650 погребениях по сводке Виноградова только в 21 найдены удила или псалии (и редко все вместе) (Виноградов В.Б., 1972, с. 130). В четырех из шести комплексов конца V – начала IV в. до н.э. могильника Гастон Уота встречены удила и псалии, причем в погр. 15 две пары удил находились в комплектах с псалиями.

Все удила железные, в погребальном комплексе-"жертвеннике" с перевитыми стержнями, расплющенными перед кольцами (рис. 1, *4*). В разрушенном погр. 17 на фрагментах удил присутствуют железные крестовидные обоймы для строгости (рис. 1, *3*), сходные с обнаруженными в Страшнóй могиле IV в. до н.э. (Ильинская В.А., 1973, рис. 5, *2*). Такие же обоймы, называемые автором публикаций псалиями (Анфимов

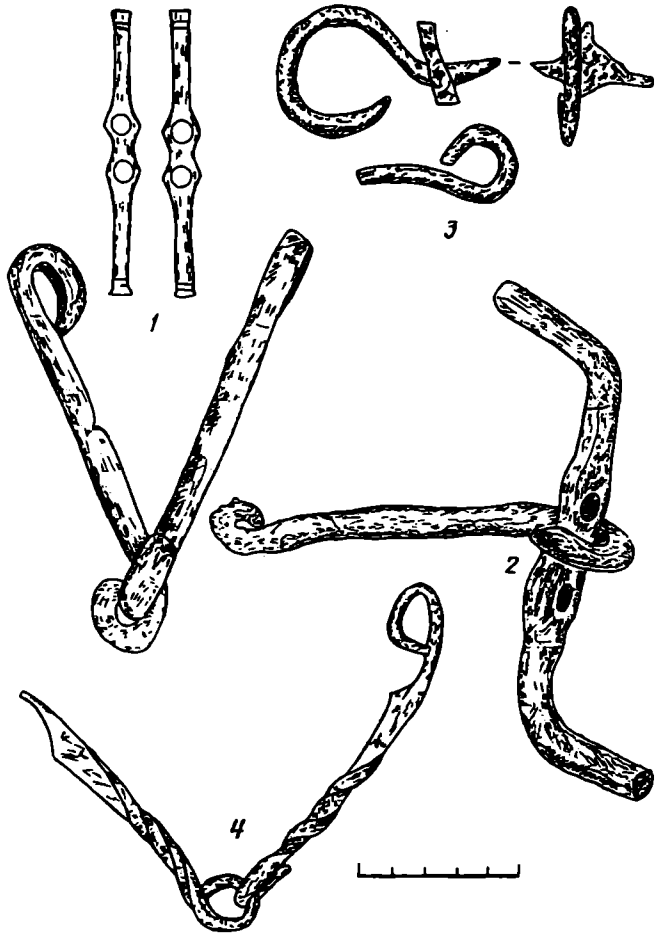


Рис. 1. Удила и псалии из могильника Гастон Уота. *1, 2* – погр. 15; *3* – погр. 17; *4* – погребальный комплекс-"жертвенник". *1* – железо, бронза; *2 – 4* – железо

Н.В., 1951, с. 184, рис. 12, *11*; Носкова Л.М., Кожухов С.П., 1989, с. 128, рис. 5, *4*), известны из меотских могильников III–I вв. до н.э. Целая серия удил с такими обоймами присутствует в Казбекском кладе. Помимо учтенных А.Н. Гертманом (Гертман А.Н., 1972, с. 339) там присутствуют еще 24 экз. железных удил и их фрагментов (ГИМ Б 466/31).

Железные удила, появившись еще в VI в. до н.э., были широко распространены в Скифии в IV–III вв. до н.э. (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с. 123; Петренко В.Г., 1967, с. 36, 37). Удила с перевитыми стержнями имеют аналогии в Казбекском кладе и в Нартанских курганах (Батчаев В.М., 1985, табл. 53, *2*).

В погр. 15 одни удила сопровождаются железными S-видными псалиями (рис. 1, *3*), другие – короткими бронзовыми двудырчатыми со шляпковидными расширениями на концах (рис. 1, *2*). S-видные псалии появляются также в VI в. до н.э. и очень широко распространены в скифских памятниках IV в. до н.э. (Ильинская В.А., 1973, с. 58). Присутствуют они в материалах кобанской культуры – VIII тип, по В.И., Козенковой (Козенкова В.И., 1982б, с. 30).

Двудырчатые псалии, относящиеся к третьему типу по В.Г. Петренко (Петренко В.Г., 1967, с. 37), – из круглого в сечении прямого стержня с восьмеркообразными расширениями у отверстий и плоскими шляпками на концах – широко распространены в их железном варианте в лесостепной Скифии в IV–III вв. до н.э. (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с. 123).

Оружия, характерного для скифов, в могильнике Гастон Уота найдено немного. Это 3 акинака и 13 бронзовых стрел скифских типов. Все акинаки находятся в комплексах,

датированных V в. до н.э. (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994, с. 163, рис. 2, *21*; 4, *18, 19*). Мечи нескифских типов отсутствуют. Меч, таким образом, является нехарактерным видом вооружения для данного могильника. Возможно, это связано с погребальным обрядом, так как здесь отсутствуют и боевые топоры, представленные в других памятниках Дигории; Лизгоре (Крупнов Е.И., 1960, с. 240), Дзинаге (Тменов В.Х., 1980, рис. 5, *4, 5*) и Верхней Рутхе (раскопки автора 1986 г.). В могильнике Гастон Уота основными видами вооружения являются стрелы и железные копья. Все копья характерных кавказских типов. Их количество в одном комплексе доходит до девяти.

Стрел в могилах довольно много, причем наибольшее их количество приходится на погр. 15, где обнаружено не менее трех колчанных наборов (в двух случаях сохранились деревянные колчаны). В колчанные наборы входило до 30 стрел. Интересно, что до сих пор находки стрел в кобанских погребениях горной зоны были редкостью. Так, в Северном кладбище Кобани обнаружен один наконечник стрелы (Алексеева Е.П., 1949, с. 238), в Тлийском могильнике – три (Техов Б.В., 1980б, с. 51). Колчаны, содержащие более 10 стрел, являются еще большей редкостью. В.Б. Виноградов отмечал только 10 таких случаев (Виноградов В.Б., 1972, с. 94, 95). Со времени опубликования сводки Виноградова положение существенно не изменилось. Е.В. Черненко достаточно категорично считает, что число наконечников, положенных в могилу, довольно точно отражало реальную роль лука в составе вооружения (Черненко Е.В., 1981, с. 133); Б.В. Техов даже допускает, что "в горных районах лук со стрелами, видимо, не имел того практического применения, какое ему было отведено в предгорной степной полосе" (Техов Б.В., 1980б, с. 51). Однако он же не исключает возможность того, что стрелы просто не клали в могилу (Техов Б.В., 1980б, с. 52). Такое объяснение нам представляется наиболее вероятным. Именно с изменениями в погребальном обряде, вероятно, вызванными степным влиянием, можно связать довольно большое количество наконечников стрел в комплексах V в. до н.э. и еще большее – в начале IV в. до н.э. Возможно, этим же объясняется и отсутствие боевых топоров.

Как уже отмечалось выше, собственно скифских бронзовых стрел в могильнике Гастон Уота найдено всего 13. Однако из них найдена вне погребения, 7 – в четырех комплексах V в. до н.э. и 5 – в погр. 15. Несмотря на непредставительную выборку, обращает на себя внимание тот факт, что более трети стрел скифского типа было обнаружено в наиболее позднем погребении могильника.

Основной массив бронзовых скифских стрел был проанализирован нами совместно с Д.В. Журавлевым (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994, с. 162, 163). Напомним, что эти наконечники относятся ко II отделу 6 типу, II отделу 4 типу 5 варианту, III отделу 7 типу, II отделу 10 типу, по А.И. Мелюковой. Она относит их ко второй хронологической группе и датирует V в. до н.э. В погр. 15, как отмечалось выше, обнаружено пять наконечников стрел скифского типа. Они относятся ко II отделу 4 типу по А.И. Мелюковой (Мелюкова А.И., 1964, с. 23) – трехлопастные с острой пирамидальной головкой с углублениями на лопастях. Стрелы этого варианта А.И. Мелюкова относит к третьей хронологической группе и датирует концом V – началом IV в. до н.э.

Основным видом стрел могильника Гастон Уота являлись издревле характерные для Кавказа площики. Площики, как бронзовые, так и железные, обнаружены и в слоях V–IV в. до н.э. поселения Сауар. Почти все площики могильника Гастон Уота, за исключением одного, железные.

В комплексах начала IV в. до н.э. (погребения 15 и 18) появляются железные втульчатые наконечники стрел, повторяющие форму синхронных им бронзовых. Появление в конце V – начале IV в. до н.э. железных трехлопастных и трехгранных втульчатых наконечников стрел является, по В.И. Козенковой, одним из диагностирующих явлений этапа IVб кобанской культуры (Козенкова В.И., 1990, с. 88). Железные втульчатые стрелы характерны для меотов и для прикубанских скифов. Присутст-

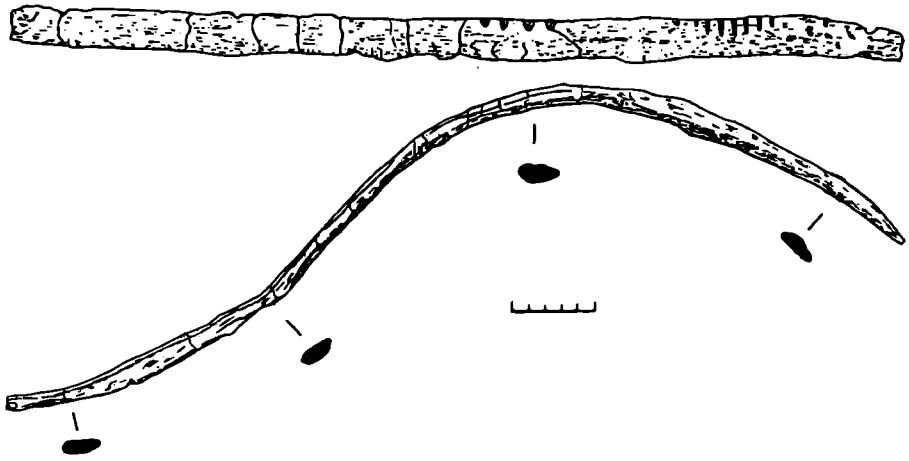


Рис. 2. Лук из погр. 15 могильника Гастон Уота. Дерево

вуют также и костяные стрелы, как трехгранные, так и четырехгранные. В основном они распространены в комплексах V в. до н.э. Костяные стрелы известны и из других памятников, в частности из Верхней Рутхи (Крупнов Е.И., 1960, рис. 33) и из поселения Сауар.

Необходимо отметить, что в одном и том же колчанном наборе могут быть встречены стрелы разных типов, изготовленные из разных материалов, что может быть связано с их различным функциональным назначением: боевым и охотничьим (на различную дичь). Длина стрел, судя по сохранившимся древкам, доходила до 40 см. Исходя из этого, можно предположить использование соответствующего этим стрелам короткого лука, вероятно, односоставного. Происходящее из погр. 15 деревянные фрагменты луков подтверждают это положение. Реконструируемый размер лука не превышал 80 см. С.И. Махортых полагает, что северокавказские луки имели вид сигмы с асимметричными плечами, перехватом в средней части, изогнутыми наружу концами, причем последняя черта является одной из особенностей скифских луков (Махортых С.И., 1991, с. 52). Подобный изгиб, хотя и не ярко выраженный, мы видим и на одном из наших экземпляров (рис. 2). Перехвата в средней части нет, но середина лука четко фиксируется нарезками, предназначенными для обмотки.

В памятниках позднекобанского периода изделия, выполненные в скифском зверином стиле, встречены в достаточном количестве. В.Б. Виноградов отмечал, что "особая популярность скифского звериного стиля фиксируется начиная с рубежа VI–V и на протяжении всего V в. до н.э... – тогда как в IV в. до н.э. достаточно скоротечная мода затухает у кобанцев..." (Виноградов В.Б., 1976, с. 148). С этим утверждением можно было бы полностью согласиться, но необходимо ввести неизбежную поправку на крайне слабую изученность кобанских памятников горной зоны.

Сама по себе распространенность скифского звериного стиля в памятниках кобанской культуры V в. до н.э. противоречит тезису об угасании контактов со скифским миром в эту эпоху. В.Б. Виноградов отмечает для этого времени преобладающую зависимость в искусстве от североприкаспийских, среднедонских и более восточных образцов в отличие от более раннего времени, когда оно близко к искусству лесостепной и степной зон Украины, Крыма, Прикубанья (Виноградов В.Б., 1976, с. 148). Однако Е.В. Переводчикова, рассматривая элементы влияния искусства кобанской культуры на прикубанский вариант звериного стиля во второй половине V–IV в. до н.э., обращает внимание на целый ряд материалов из кобанских памятников V в. до н.э. (Переводчикова Е.В., 1987, с. 52, 53). При этом она отмечает цилиндрическую моделировку тел животных и обилие плоских гравированных изображений. Интересно, что в так называемом "скифском барокко" – новой иконографической и стилистической традиции, существующей в скифском искусстве с середины V в. до н.э., изображения

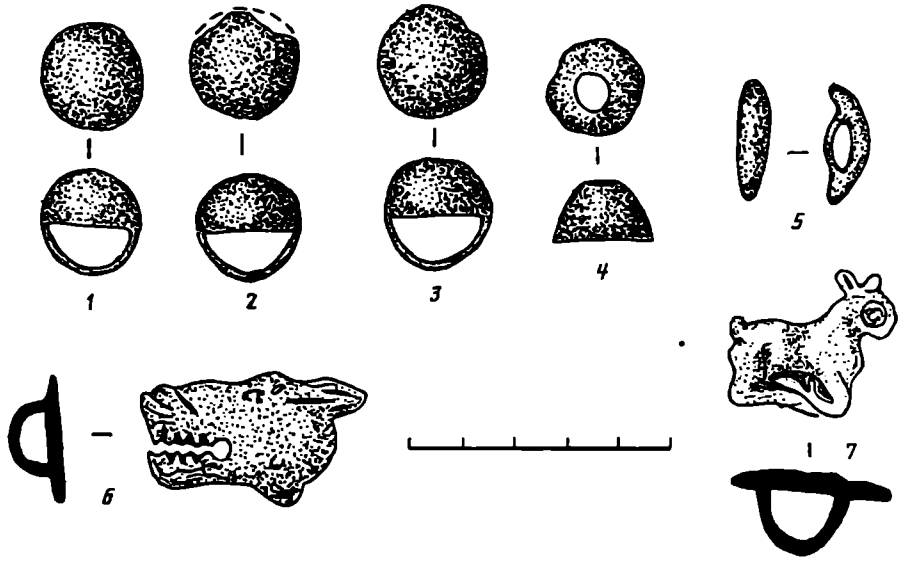


Рис. 3. Уздечные бляшки из погр. 15 могильника Гастон Уота

животных приобретают ажурность (Алексеев А.Ю., 1992, с. 108) – черта, характерная для материалов, выполненных в скифском зверином стиле и найденных в кобанских памятниках (Виноградов В.Б., 1972, с. 179). Надо отметить, что именно в эту эпоху в скифское искусство проникают черты других культур (Переводчикова Е.В., 1994, с. 116), т.е. возрастает коммуникабельность скифской культуры. Судя по всему, этот процесс для этого времени характерен не только для скифов, но распространяется и на сопредельные им территории.

В этом контексте особенно интересной представляется находка набора бронзовых уздечных бляшек в неоднократно упоминавшемся выше погр. 15 могильника Гастон Уота. Три из них имеют полушарую форму, одна – лунарную и две выполнены в скифском зверином стиле (рис. 3).

Одна бляшка представляет собой фигурку козла (рога утеряны в древности). Ноги козла подогнуты, глаза оформлены в виде концентрических окружностей. Практически аналогичные фигурки козлов обнаружены в кург. 8 у аула Улян и датируются IV в. до н.э. (Сокровища..., 1985, рис. 48, кат. № 239; Шедевры..., 1987, рис. 14, кат. № 19). Еще одну близкую аналогию мы видим в бляшках из Майкопских курганов (Переводчикова Е.В., 1980, с. 224).

В.Б. Виноградов в свое время заметил, что среди найденных на Кавказе изображений животных, изготовленных в скифском зверином стиле, образ козла не встречается (Виноградов В.Б., 1972, с. 178). Как будет отмечено ниже, это утверждение было не точным и для выборки, которой он мог располагать. Находка бляшки из погр. 15 подчеркивает, что образ этого животного нельзя исключать из бестиария скифского искусства, представленного на Кавказе.

Вторая бляшка изображает собой голову хищника (волка?). Морда животного сильно вытянута, острое ухо оттянуто назад, в приоткрытой пасти проработаны клыки, в затылочной части, вероятно, размещалось изображение головы хищной птицы. Наиболее близкие аналогии происходят из ст-цы Елизаветинской (Переводчикова Е.В., 1980, № 60, 61) и датируются IV в. до н.э. Перекликаются с нашим экземпляром и бляхи из майкопских курганов (Переводчикова Е.В., 1980, № 58а–в), на которых изображена близкая по форме голова хищника, но с несколько менее вытянутой мордой.

Анализ материала (звериный стиль, железные наконечники стрел) указывает на контакты со скифским населением Прикубанья. Весьма вероятно, что они осуществлялись не непосредственно, а через смешанное в результате этнической трансфор-

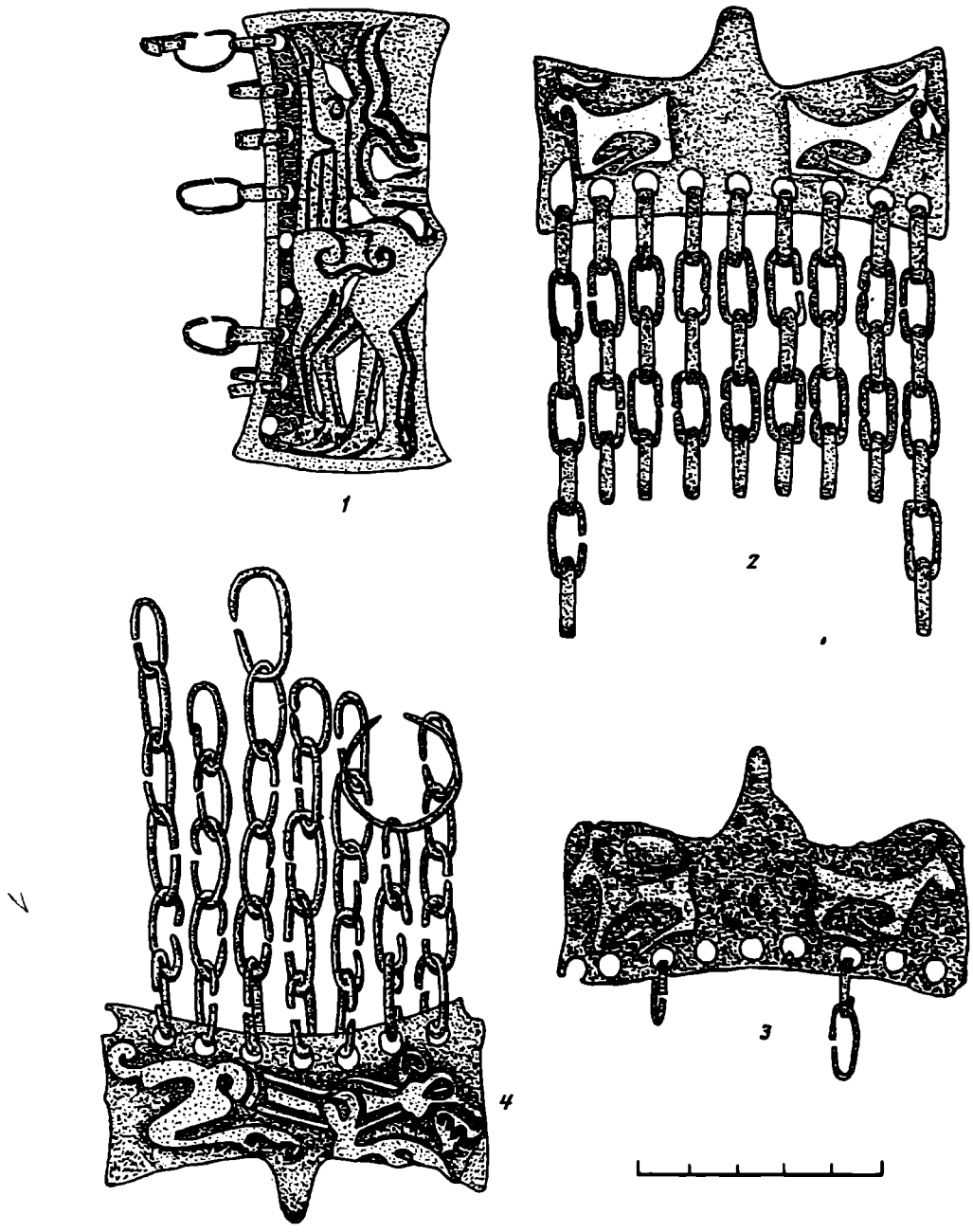


Рис. 4. Поясные пряжки, бронза. *1* – могильник Фаскау; *2* – могильник Гастон Уота, погр. 6; *3* – могильник Хор Гон, склеп 3; *4* – могильник Гастон Уота, погр. 15

мации население предгорий Северного Кавказа. Особый интерес для нашей темы представляют изделия так называемого смешанного типа (Алексеева Е.П., 1949, с. 238). К ним в первую очередь относятся некоторые поясные пряжки дигорского типа (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994). К настоящему времени известно четыре таких экземпляра: пряжка из Фаскау с изображением стоящего на пуантах оленя (Уварова П.С., 1900, табл. CXVII, 8) (рис. 4, *1*), пряжка из склепа 3 могильника Хор Гон (рис. 4, *3*) с изображенями козлов, такая же пряжка из погр. 6 могильника Гастон Уота (рис. 4, *2*) (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994, рис. 1) и, наконец, пряжка с изображением пантеры из погр. 15 того же могильника (рис. 4, *4*).

Все они, безусловно, изготовлены местными мастерами непосредственно в Дигорском ущелье. Более того, обе пряжки с козлами сделаны либо по одной форме, либо

форма для пряжки из Хор Гона, имеющая утраты около отверстий для цепочек – брак при отливке, сделана по оттиску более качественной пряжки из Гастон Уота. (Проверка проводилась методом сличения эстампажей, показавшим практически полную идентичность изделий; кроме вышеупомянутого брака.)

Изображения на всех пряжках выполнены в технике высокого рельефа, что является чертой, не характерной для кобанского искусства. Кроме вышеупомянутых, известна еще одна пряжка с изображением змеи, отлитая в той же технике. Она также происходит из Дигории (Камунта) (Уварова П.С., 1900, табл. CXXII, *5*; Доманский Я.В., 1984, рис. 45).

Анализу пряжки из Фаскау было уделено особое внимание в работе В.Б. Виноградова и А.И. Шкурко. Авторы датируют эту пряжку VI в. до н.э., исходя из особенностей скифского звериного стиля: поза оленя, проработка ног, поднятый хвост (Виноградов В.Б., Шкурко А.И., 1963, с. 49, 50). При этом надо отметить, что все пряжки этого типа, датированные по комплексам, были изготовлены не ранее V в. до н.э. Тем не менее можно согласиться с тем, что эта пряжка наиболее древняя из этого ряда и наиболее вероятной датой для нее является конец VI в. до н.э. (хотя нельзя исключить и начало V в. до н.э.). К этой дате склонялась и О.А. Артамонова-Полтавцева (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, с. 98).

Поза оленя "на пуантах" является типичной кавказской и, по мнению В.Б. Виноградова, складывается именно на Северном Кавказе (Виноградов В.Б., 1972, с. 179). Характерная черта этой позы – задранная кверху морда и приоткрытый рот (олень в период гона?) – представлена целой серией фигурок оленей из Казбекского клада. Весьма важным представляется то обстоятельство, что олень на пряжке расположен вертикально (относительно длинной оси пряжки), т.е. именно так, как размещались фигурки животных на ранних кобанских пряжках.

Обе пряжки с козлами: из Хор Гона и Гастон Уота – датируются V в. до н.э. (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994). Изображения козлов на них выполнены в сильно стилизованной манере. Сильно геометризованные туловища животных повторяют форму самих пряжек. Форма рогов находит ближайшую аналогию в навершии из Фаскау (Уварова П.С., 1900, табл. CXVIII, *2*). Козлы изображены в позе, характерной для скифского искусства, с поджатыми ногами. Глаза выполнены в виде концентрических окружностей, что также восходит к скифским традициям. Изображение расположено таким образом, что низ его ориентирован на основание пряжки – сторону, на которой расположены цепочки, т.е. так же, как и на бляхах (пряжках?) типа Исти Су. Если допустить, что пояс с пряжкой (в интервалах между использованием по прямому назначению) мог подвешиваться на стену помещений (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, с. 77), то такое расположение изображения можно считать нормальным, хотя и нетрадиционным по отношению к раннекобанскому времени.

Пряжка из погр. 15 датируется по комплексу началом IV в. до н.э. На ней изображено хищное животное (пантера?) с оскаленной пастью, припавшее к земле. Ноги животного завершаются копытами, причем, судя по исполнению, возможно, не понятыми автором изделия как таковые. Копыто задней ноги скорее напоминает то ли коготь зверя, то ли клюв хищной птицы. Ухо у животного округлое, что и заставляет предполагать в нем кошачьего хищника. Глаз оформлен в виде концентрической окружности, несколько вытянутой по вертикали. Хвост животного завершается выделенным спиральным завитком. Другой спиральный завиток находится внутри задней половины его тела. Сходным образом оформлена и лопатка. Изображение можно было бы считать ажурным, если представить плоскость пряжки как фон для высокого рельефа.

В отличие от пряжек с козлами изображение развернуто низом к верхней стороне пряжки – к крючку. Мастер уже совершенно не заботился о "правильном" размещении композиции относительно функционального положения пряжки как в костюме, так и в возможном подвешенном состоянии. Сама пряжка тем не менее изготовлена в полном соответствии с нормами дигорских пряжек: та же форма, те же обязательные девять отверстий для цепочек.

Таким образом, мы можем наблюдать некий ряд, в который выстраиваются эти изделия: наибоее древнее – из Фаскау, изображение на котором наибольшим образом связано с кавказскими традициями и традиционно расположено; затем следуют пряжки из Хор-Гона и погр. 6 Гастон Уота с максимально стилизованным изображением, расположенным по новому, но не противоречащим ни одной из возможных функций; и, наконец, наиболее поздняя – пряжка из погр. 15 Гастон Уота, изображение на которой наиболее полно укладывается в скифский звериный стиль, а его расположение противоречит всем возможным функциям пряжки.

Иначе говоря, мы видим, как постепенно в пряжках с изображениями в скифском зверином стиле исчезает связь между оформлением и функцией, что характерно для кризиса традиций. Причем происходит это на фоне постепенного усиления собственно скифских элементов.

Для кобанской культуры на раннем этапе ее развития характерно практически полное отсутствие благородных металлов. В позднекобанскую эпоху ситуация меняется. Находки предметов, изготовленных из серебра, становится достаточно типичными. Широкое известны ахменидские серебряные чаша и протома барана (фрагмент ритона) из казбекского клада (Уварова П.С., 1900, рис. 119, 139). Достаточно многочисленны в могильниках этого времени серебряные колечки и серьги, в том числе брильского типа (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994, рис. 2, *17, 18*; 4, *11–13*).

Наряду с серебром появляется и золото. В комплексах VI–V вв. золотых предметов еще буквально единицы: это колечко из дзинагинского комплекса, двучастная полая бусина из погр. 9 могильника Гастон Уота, кольцевидная сережка и розетковидная бляшка из погр. 12 этого же могильника.

В комплексах, датируемых концом V – началом IV в., количество золотых изделий резко увеличивается. Из шести погребений, которые мы можем датировать этим временем (14–18 и погребальный комплекс-"жертвенник"), золотые предметы были найдены в четырех. Причем погребения 16–18 были ограблены в древности практически полностью, но, несмотря на это, в погр. 16 все-таки была найдена золотая спиральная пронизь, а в погр. 18 – мелкий фрагмент золотой фольги. Наибольшее количество золотых вещей обнаружено в погребальном комплексе-"жертвеннике" (40 полусферических бляшек и спиральная пронизь, однотипная с упомянутой выше из погр. 15) и погр. 15 (17 лицевых бляшек, своим происхождением, вероятнее всего, связанных с Луристаном, 15 полусферических бляшек и 31 полая сферическая двучастная бусина).

При этом если погр. 15 является типичным для могильника коллективным погребением, то погребальный комплекс-"жертвенник" выпадает из общего ряда и является погребением лица, имевшего особый социальный статус, как уже отмечалось выше, вероятно, наделенного сакральными полномочиями. Никаких аналогов такому обряду в более ранних кобанских материалах мы не знаем. Близкими как по материалу, так и отчасти по обряду являются комплексы типа Кончаетского погребения в Ксанском ущелье (Гагошидзе Ю.М., 1964). Таким образом, в конце V – начале IV в. до н.э. наблюдается начало процесса социальной дифференциации, происходящей на фоне распространения изделий из благородных металлов. Характерно, что именно с V в. до н.э. широко распространяется гончарная керамика (Мошинский А.П., 1990), причем на поселения Сауар обнаружен достаточно мощный, состоящий из двух печей гончарный комплекс этого же времени (Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1992а, б) и железоделательный комплекс (к настоящему времени открыто пять горнов) (Мошинский А.П., Скаков А.Ю., 1996). Все это говорит о развитии в эту эпоху ремесленного производства, что также свидетельствует о идущих процессах социального расслоения.

Одним из проявлений социальной дифференциации в конце V – начале IV в. до н.э., исходя из материалов дигорских могильников, стало возрастание роли всадничества и повышение его престижности. Последнее можно объяснить контактами со смешанным населением кавказских предгорий, для которого социальная роль всадника была, безусловно, высока, что в свою очередь объясняется тесными контактами со скифскими племенами, населявшими сопредельные области.

Таким образом, как нам представляется, можно считать установленным, что, после хорошо известных науке скифо-каказских контактов времен скифских походов VII–VI вв. до н.э. и наступившего после них некоторого затишья во взаимоотношениях новая активизация этих связей приходится на новую половину V – начало IV в. до н.э., причем с тенденцией к усилению. Связи при этом могли быть и опосредованными.

Это время является эпохой преобразований в социуме и материальной культуре на Кавказе (во всяком случае по материалам Дигорского ущелья, которое при всей своей относительной изолированности не могло сильно выделяться среди окружавшего их родственного населения) и установления стабильности в политической и социальной жизни Скифии при усилении общей коммуникабельности скифской культуры. Эти процессы, шедшие параллельно в обширном северокавказком регионе, на наш взгляд, и привели к эффекту взаимопроникновения элементов двух столь различных по облику культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1990. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV–II вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Алексеева Е.П., 1949. Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Вып. 13. Л.

Анфимов Н.В., 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. МИА. № 23.

Артамонова-Полтавцева О.А., 1950. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период // СА. Т. XIV. М.; Л.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик.

Беленицкий А.М., 1978. Конь в культах и идеологических представлениях // КСИА. Вып. 154.

Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.

Виноградов В.Б., 1976. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Виноградов В.Б., Шкурко А.И., 1963. О некоторых предметах звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время // Сб. докл. на VI и VII всесоюз. археол. конференциях. М.

Гагошидзе Ю.М., 1964. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси (на груз. яз.).

Гертман А.Н., 1972. Детали конской узды в составе Казбекского клада (по материалам коллекции ГИМ) // СА. № 3.

Доманский Я.В., 1984. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.

Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.

Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.

Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1992а. Гончарный производственный комплекс позднекобанского времени на поселении Сауар в Дигории // РА. № 2.

Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1992б. Исследования на поселении Сауар в 1988–1991 гг. // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп.

Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии // РА. № 1.

Ильинская В.А., 1973. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья. Киев.

Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. В2–5. М.

Козенкова В.И., 1982а. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. № 3.
Козенкова В.И., 1982б. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2–5. М.
Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М.
Козенкова В.И., 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. № 3.
Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
Махортых С.В., 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев.
Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Д1–4. М.
Мошинский А.П., 1988. Жертвенник могильника Гастон Уота // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала.
Мошинский А.П., 1990. Керамический комплекс памятников кобанской культуры в Дигории в V–IV вв. до н.э. // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь.
Мошинский А.П., 1994а. Хронология позднекобанского могильника Гастон Уота // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск.
Мошинский А.П., 1994б. Штандарты из могильника Гастон Уота // Вещь в контексте культуры. Матер. науч. конф. СПб.
Мошинский А.П., 1995. Штандарты из кобанского могильника Гастон Уота // Тр. ГИМ. Вып. 87. М.
Мошинский А.П. (в печати). Погребальный обряд могильника Гастон Уота // Тр. ГИМ. М.
Мошинский А.П., Скаков А.Ю., 1996. Железоделательный комплекс на поселении Сауар // XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М.
Носкова Л.М., Кожухов С.П., 1989. Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника // Меоты – предки одыгов. Майкоп.
Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.
Переводчикова Е.В., 1980. Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Дис. ... канд. ист. наук. М.
Переводчикова Е.В., 1987. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. № 4.
Переводчикова Е.В., 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.
Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1–4. М.
Петренко В.Г., 1986. О юго-восточной границе распространения скифских изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
Петренко В.Г., 1994. Центральное Предкавказье в VII–VI вв. до н.э. и его связи с Передним Востоком // Международное сотрудничество археологов на великих торговых путях древности и средневековья. Кисловодск.
Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Л.
Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки, 1985. М.
Техов Б.В., 1980а. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. М.
Техов Б.В., 1980. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII–VI вв. до н.э. // Скифия и Кавказ. Киев.
Тменов В.Х., 1980. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Т. XXXVI. Орджоникидзе.
Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Т. VIII. М.
Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. Киев. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки, 1987. М.

Государственный Исторический музей,
Москва

A.P. MOSHINSKY

INTERRELATIONS BETWEEN THE POPULATION LIVING IN THE NORTH CAUCASUS MOUNTAINOUS REGIONS AND THE SCYTHIANS
(Based on Digor materials)

Summary

The article analyzes artifacts from the Koban culture sites located in the Digor gorge in North Ocetia. The goods uncovered by the author in the burial ground Gaston Uota allow him to go back to the problem of interrelations between the mountainous people of the Caucasus and the steppe tribes. The author proves that after active contacts between the mountainous tribes and the Scythians during the Front Asian campaigns of the latter which are well known to the scholars and following the subsequent termination of the links, both the commodity and, predominantly, cultural exchange increased considerably at the end of the fifth – the beginning of the fourth centuries BC. The availability of goods made in the Scythian animal style allows to suppose that the nomadic population of the Kuban basin was the end target of the contact. Descendants of the Scythians tribes that settled in the North Caucasus piedmont region were, apparently, mediators. The author considers that this period is a period of transformations in society and the material culture in the Caucasus and the establishment of stability in political and social life of Scythia in the conditions of intensified general cummunicativeness of the Scythian culture. These processes that developed in parallel in the vast North Caucasus region resulted in inter-penetration of the elements of these two, so different cultures.

М.В. СКРЖИНСКАЯ

ОТРАЖЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ГРЕКОВ НА РИСУНКАХ ВАЗ VI–IV вв. до н.э. ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Музыка играла важную роль в жизни античных полисов. Обучение игре на лире или аулосе входило в программу школьных занятий. Философы признавали благотворное влияние определенной музыки на воспитание детей и на проведение досуга взрослыми гражданами (Plat. Resp. III, 339 c–d; Nom. III, 700 c–d; Aristot. Polit. 2–7; 1337–1342). Не без основания считалось, что музыка при правильном использовании укрепляет здоровье (Iambl. De vita Pythag. 25).

Музыка сопровождала всевозможные религиозные церемонии и празничные шествия, занятия на палестре и декламацию стихов, свадьбы и похороны, дружеские пирушки и театральные представления. Лучшие музыканты участвовали в агонах на многих общегреческих праздниках и ездили с концертами по всей греческой ойкумене, включая города Северного Причерноморья.

Плутарх в трактате "О музыке" упомянул труды по истории и теории музыки, а также множество выдающихся музыкантов начиная с VII в. до н.э. Они жили в разных греческих полисах; один из самых выдающихся композиторов и исполнителей Тимофей (рубеж V–IV вв. до н.э.) был уроженцем Милета, метрополии большинства греческих колоний на северном берегу Понта.

Хорошо известно, что эллины на своей новой родине развивали культурные традиции метрополии, и, вероятно, в полисах Северного Причерноморья музыка занимала такое же заметное место, как в самой Элладе. Однако осталось совсем мало определенных свидетельств об этом в античной литературе. Сохранилось два случайных упоминания о концертах на Боспоре знаменитых кифаристов IV в. до н.э., приезжавших на гастроли из Греции (Polyaen. V, 44; Athen. VIII, 41, 349); считанные надписи свидетельствуют о существовании профессиональных музыкантов (КБН, № 876) и музыкальных агонов (IPE, I^2, 433); при раскопках найдены обломки костяных аулосов разного времени (Петерс Б.Г., 1986, с. 75, табл. 15) бронзовый резонатор лиры II в. н.э. (Блаватский В.Д., 1964, с. 199).

Местные художники начали обращаться к изображениям музыкантов и музыкальных инструметов лишь в эллинистический период, а в более ранее время подобные сюжеты встречались лишь на привозных предметах искусства, по большей части на расписных вазах, изредка – на геммах и терракотах.

Судя по находкам, в Северном Причерноморье существовал устойчивый спрос на вазы с изображением музыкантов. Глядя на них, житель северного края греческой ойкумены видел картины музыкальной жизни Эллады. В VI в. до н.э. это были рисунки ионийских и афинских художников, а в V–IV вв. – только афинских. Зритель озвучивал эти картины, вспоминая знакомую музыку. Учитывая это, можно попытаться при рассмотрении вазописи пролить некоторый свет на музыкальную культуру северопричерноморских полисов VI–IV вв. до н.э.

До сих пор из коллекций ваз, найденных в Северном Причерноморье, не выделялась группа с музыкантами, и их не привлекали к своим исследованиям ученые, изучающие античную музыку по вазовой живописи. В научной литературе встречается немало неточностей и ошибок при упоминании изображенных художниками инструментов. Поэтому к нашей статье прилагается каталог таких ваз со ссылками на их публикации

© М.В. Скржинская, 1997 г.

Рис. 1. Поэт с барбитоном. Краснофигурный лекиф 480–470 гг. Ольвия

и указанием ошибочных определений музыкальных инструментов. Древнегреческие музыкальные инструменты, подобно современным, разделяются на струнные, духовые и ударные. По этим трем видам сгруппированы включенные в каталог изображения на вазах. Составить каталог по сюжетам не представлялось возможным, так как в ряде случаев сохранились лишь фрагменты рисунков и по ним затруднительно восстановить сюжеты росписи.

На вазах из Северного Причерноморья представлены почти все античные музыкальные инструменты, некоторые из них уникальной конструкции. Например, лира на пелике конца VI в. до н.э. (№ 10)[1] имеет необычное крепление струн, а на лекифе начала V в. до н.э. нарисован трехструнный барбитон (№ 15, рис. 1), который, по наблюдениям исследователей вазописи, имел от пяти до семи струн (Paquette D., 1984, p. 174). В целом художники VI–IV вв. до н.э. рисуют примерно один и тот же состав инструментов и не отражают серьезных изменений в их внешнем виде.

На вазах из Северного Причерноморья имеется полный набор струнных инструментов: лира, барбитон, кифара и арфа. Из ударных изображаются тимпан и кроталы, отсутствуют ксилофон и литавры, которые появляются в вазовой живописи лишь в IV в. до н.э. Из духовых представлен только аулос, один из наиболее популярных инструментов античности; нет сиринги (пастушьей свирели) и трубы, которая в древности была сигнальным, а не музыкальным инструментом.

По издавна установившейся традиции аулос обычно называют флейтой, хотя теперь музыковедами установлено, что он ближе всего к современному гобою (Wegner M., 1965, S. 32). Об игре на аулосе в Северном Причерноморье, свидетельствуют находки обломков их костяных тростей и мундштуков (Петерс Б.Г., 1986, с. 75). Однако полный вид инструмента и способ игры на нем с использованием одновременно двух трубок можно представить лишь по изображениям (№ 25–45). Они также дают возможность узнать об особом матерчатом или кожаном приспособлении форбее,

[1] Здесь и далее указаны № по прилагаемому каталогу.

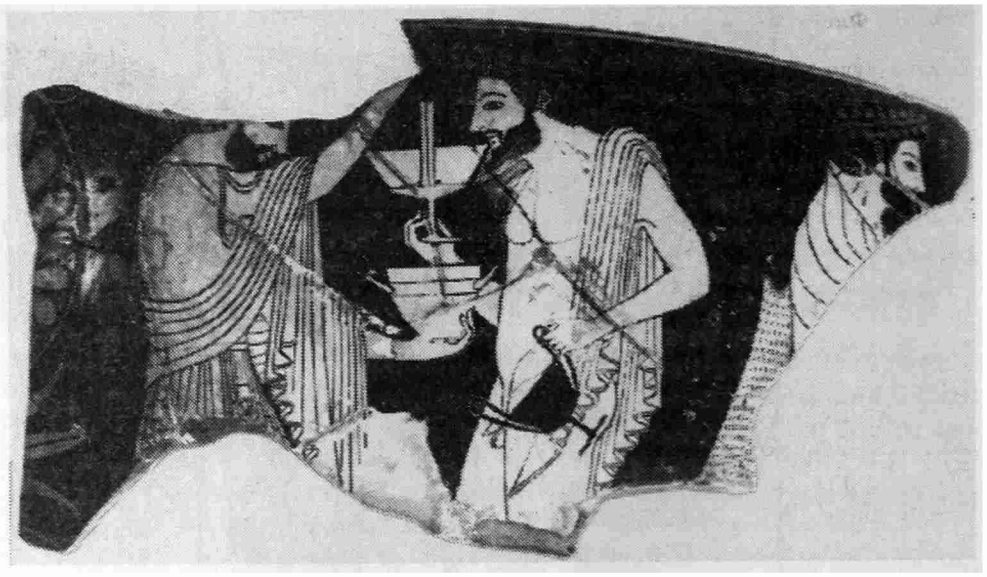


Рис. 2. Флейтист в форбее на дионисийском празднике. Краснофигурный канфар. Конец VI в. О. Левка

которую надевали на голову, когда громко играли на открытом воздухе (№ 36, 40, рис. 2).

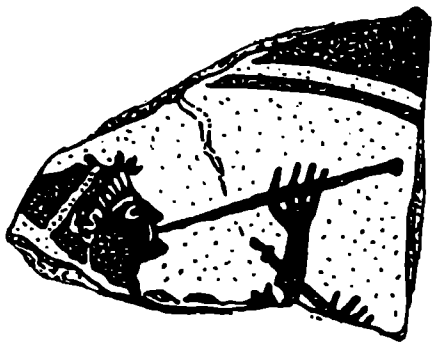
Исполнитель на аулосе традиционно назывался флейтистом. Обычно он играл на двух трубках, но иногда исполнял мелодию на одной, отведя другую в сторону. Этот момент почти не фиксируется в изобразительном искусстве. Среди таких редких рисунков один принадлежит Эпиктету на фрагменте килика из Ольвии (№ 37, рис. 3). Аулосы бывали пяти видов в зависимости от длины: сопрано (20–30 см), альт (40–50 см), тенор (~50 см), баритон (~80 см) и очень редко бас (более 1 м) (Paquette D., 1984, p. 25). Таким образом, звучание аулосов соответствовало пяти тембрам человеческого голоса, поэтому длина изображенного аулоса вызывала представление о его звучании. Как правило, в руках исполнителя оба аулоса были одинаковой длины. Один редкий рисунок на вазе из Пантикапея (№ 34) показывает, что иногда играли на инструментах разного тембра.

На фрагменте клазоменского кратера, найденного на Березани (№ 19), сохранилось одно из древнейших изображений кифары. Во главе хоровода женщин художник нарисовал четырех кифаристок с большими семиструнными кифарами; он детально представил крепление струн, а также висящий на цветной ленте плектрон (деревянную или костяную пластинку, которой проводили по струнам правой рукой) и ремень, продевавшийся через левую руку, чтобы держать инструмент (рис. 4). Вряд ли в Борисфене VI в. до н.э. были исполнители на таком сложном инструменте. Рисунок напоминал колонистам о музыке, сопровождавшей торжественные шествия во время праздников на их далекой родине.

Кифара наряду с лирой была атрибутом Аполлона. Верховный бог Милета, он широко почитался в многочисленных милетских колониях Северного Причерноморья. Разнообразные функции бога отразились во многих его местных эпиклезах: Врач, Дельфиний, Линей и др. Среди них не засвидетельствована, однако, эпиклеза Кифаред или Мусагет, весьма популярная во всей Элладе, так как Аполлон считался предводителем муз, прекрасным певцом и виртуозным музыкантом.

Вероятно, культ Аполлона в Северном Причерноморье сопровождался песнопениями и танцами под аккомпанемент струнных инструментов. Большинство греков переселилось сюда из Ионии, а в гомеровском гимне (I, 149–150) говорится, что где бы ни собрались ионийцы, "они услаждают Аполлона пением и пляской". Местные мастера изображали лиру или кифару как атрибуты Аполлона начиная с эллинистического периода. Тогда эти инструменты появляются на монетах Тиры и Ольвии (Анохин

Рис. 3. Флейтист, играющий на одной трубке аулоса. Краснофигурный килик. Конец VI в. до н.э. Ольвия



В.А., 1989, № 284–288, 290, 291, 383, 387), Херсонеса (Анохин В.А., 1977, № 229–246, 252–265, 267–269, 273–275) и Пантикапея (Анохин В.А., 1986, № 168, 226), на штампе для терракот (Леви Е.И., 1985, с. 82) на фронтоне одного декрета из Ольвии (Виноградов Ю.Г., 1984, с. 194), на боспорской фреске (Ростовцев М.И., 1913, табл. 73).

Для более раннего времени лишь рисунки на привозных вазах показывают, что в Северном Причерноморье знали также музыкальную эпиклезу бога и мифы, где он выступал в качестве музыканта. Аттические художники рисовали его с лирой или кифарой среди муз (№ 9) и других божеств (№ 12, 16, 21, 22), а также во время состязания с силеном Марсием (№ 11, 18).

На вазе из Херсонеса в сцене победы над Марсием Аполлон играет на трехструнной лире (№ 11), которая во времена росписи вазы давно была вытеснена семиструнной. Возможно, на трехструнной лире исполняли определенные древние мелодии в честь Аполлона. Кроме того, старинная конструкция лиры, наверное, ассоциировалась у зрителей с отдаленными временами действия мифа. Ведь подобный знак в вазописи представляли, например, вышедшие из употребления беотийские щиты у воинов; эти щиты указывали на отнесение событий картины к эпическим временам.

Греки рассказывали, как Афина изобрела аулос, но затем выбросила его, увидев, что при игре на нем искажаются черты ее лица, и из-за этого над ней смеются другие богини. На стамносе из Пантикапея (№ 28) у флейтистки сильно раздуты щеки, действительно обезображивающие ее лицо (рис. 5).

В мифе повествовалось о том, как силен Марсий, спутник малоазийской богини Кибелы, подобрал выброшенный ею инструмент. Став искусным флейтистом, он вызвал на музыкальное состязание Аполлона. Бог, игравший на кифаре или на лире, победил силена и жестоко расправился с ним: он снял с побежденного кожу и повесил ее у истоков реки Меандр. Таким образом, в мифе утверждалось превосходство спокойных струнных мелодий над экстатическими характером музыки, исполнявшейся на духовых и ударных инструментах и сопровождавшей песни и пляски в честь богов восточного происхождения – Диониса и Кибелы.

Миф о состязании Аполлона и Марсия был широко известен в классический период. О нем упоминают в своих сочинениях Геродот (VII, 26) и Ксенофонт (Anab. I, 2, 6); на афинском акрополе стояла скульптурная группа Мирона, изобразившего Афину и Марсия (Paus. I, 2, 8); аттические художники рисовали сцены мифа на вазах. Находки таких ваз в Херсонесе и Пантикапее свидетельствуют об интересе к этому сюжету в Северном Причерноморье в V–IV вв. до н.э., где почитались связанные с мифом божества Аполлон и Кибела.

Иногда обстоятельства находки ваз показывают, что их роспись специально избиралась для определенных целей. Таковы сцены на сосудах, связанных с заупокойным культом, например на рыбных блюдах с изображением Европы, едущей на быке по морю. Это символизировало переправу души в потусторонний мир (Schefold K., 1934, S. 149). Среди сопровождающих Европу божеств – Эрот с тимпаном (№ 47, 48).

Для культовых целей был приобретен кратер, найденный при раскопках святилища в Никонии (№ 12). Изображенные на сосуде инструменты в руках Аполлона и Орфея

Рис. 4. Кифаристки во главе праздничного шествия. Клазоменский кратер. Вторая четверть VI в. до н.э. Березань

Рис. 5. Флейтистка на празднике Леней. Краснофигурный стамнос. Середина V в. до н.э. Пантикапей

ошибочно называют кифарами (Секерская Н.М., 1983, с. 124), хотя на рисунке отчетливо различаются характерные черты лиры: овальный резонатор и крепление струн между стойками. У кифары же резонатор имел прямоугольную форму и струны крепились над стойками. Для понимания семантики рисунка важно видеть здесь именно лиру, так как греки считали, что Орфей получил лиру от Аполлона либо сам впервые

ее сделал. Изобретателем лиры называл его в IV в. до н.э. знаменитый музыкант Тимофей Милетский в своем номе "Персы" (ст. 234, 235). Созвездие Лиры считалось в античности лирой Орфея, перенесенной на небеса после его смерти (Hygin. Poet. astr., II, 7). Поэтому древние при имени Орфея всегда представляли лиру, а не кифару, и не случайно на вазах его изображали именно с лирой (Wegner M., 1965, S. 116).

Напомним попутно другой популярный миф об изобретении лиры, подробно изложенный в гомеровском гимне Гермесу (III, 47–54; 476–501). Там рассказывается, как Гермес сделал лиру из панциря черепахи, воловьей шкуры и жил, а затем подарил ее Аполлону. Вазописцы нередко рисовали Гермеса рядом с Аполлоном, держащим лиру или кифару. Такую композицию можно увидеть на чернофигурном кратере из Ольвии (№ 22).

На вазах Аполлон всегда изображается со струнными инструментами, а спутники Диониса в большинстве случаев – с ударными и духовыми: сатиры, силены и менады играют на аулосах (№ 12, 29, 31, 33, 34, 44), ударяют в тимпаны (№ 49–53) или сопровождают свои шествия и танцы ритмическим стуком кроталов (№ 31, 56, 60, 61). Тимпан и кроталы встречаются также при изображении Ники (№ 46, 58) и Эрота (№ 47, 48). Итак, с Аполлоном ассоциируется струнная музыка, а с Дионисом – духовая и ударная. В действительности столь строгое разграничение инструментов не соблюдалось. По литературным источникам известно, что уже в VII в. до н.э. жертвоприношения Аполлону и хоры в его честь пели в сопровождении аулоса, а поэты Алкман и Коринна описывали, как сам Аполлон играл на этом инструменте (Plut. De mus. 14). Некоторые дионисийские песнопения исполнялись под струнный аккомпанемент, поскольку Диониса и его спутников иногда изображали с барбитоном (№ 14) (Webster T.B., 1973, S. 50).

Сцены с музыкантами, играющими в честь Диониса, иллюстрировали религиозные обряды и мифы об этом боге, широко почитавшемся в Северном Причерноморье. Такие рисунки напоминали музыку, исполнявшуюся на местных празднествах, например во время описанного у Геродота (IV, 78) шествия вакхантов по улицам Ольвии или на театральных представлениях, включавшихся в Дионисии. Они проходили в театрах, существовавших во всех северопричерноморских полисах (IPE I^{*2}, N 25, 32, 433; Polyaen. V, 44). Глядя на кратер с изображением флейтиста и актеров в женских масках (№ 40), ольвиополиты могли сравнить облик афинских актеров и музыкантов с теми, которые выступали в их театре.

На вазе из Пантикапея изображен один из афинских дионисийских праздников – Ленеи (№ 28). Около столика с ритуальным сосудом стамносом стоят две женщины, одна из которых играет на аулосе (рис. 5), а две другие под его музыку исполняют культовый танец (Лосева Н.М., 1984, с. 125, 126).

Жители Северного Причерноморья хорошо знали дионисийские празднества Ленеи и Тесмофории; об этом, в частности, говорят их соответствующие теофорные имена (Руслева А.С., 1992, с. 99; КБН, № 302, 651, 1057, 1137). Ваза из Пантикапея не только иллюстрировала афинское празднество, но, вероятно, была куплена для подобной церемонии в Пантикапее. Об этом говорит и сюжет росписи, и сравнительно редкая форма сосуда – стамнос. Вазы этой формы специально расписывались для Леней (Античная расписная керамика..., 1985, с. 89). Найденный в боспорском некрополе стамнос, возможно, сопровождал в загробный мир жрицу Диониса.

На обломках клазоменской вазы из Пантикапея (№ 25) нарисован мужчина, давящий виноград в большой корзине; около него сохранилось изображение рук, держащих двойной аулос (рис. 6). Таким образом, отжимание сока винограда совершалось под музыку. Сходный сюжет можно указать на чернофигурной амфоре, расписанной около 530 г. мастером Амасисом (Wegner M., 1965, № 45): силены готовят вино и сливают его в большой сосуд; один из них давит виноград в корзине, а другой стоит перед ним и играет на двойном аулосе. М. Вегнер, исследовавший изображения античных музыкантов, расматривает сюжет с сатирами как свидетельство того, что определенные трудовые процессы совершались под музыку. Кроме вазы Амасиса, он привлекает

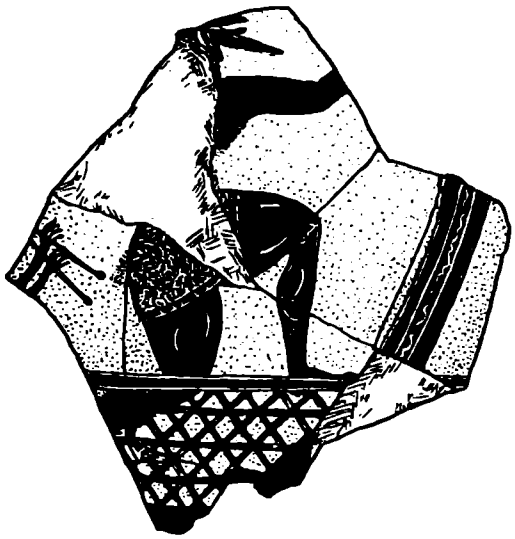


Рис. 6. Флейтист, аккомпанирующий работе винодела. Клазоменская ваза. Третья четверть VI в. до н.э. Пантикапей

Рис. 7. Флейтист, аккомпанирующий певцу. Краснофигурная пелика. Середина V в. до н.э. Ольвия

беотийскую терракотовую группу последней четверти VI в. до н.э.: четыре женщины готовят хлеб из теста, пятая играет на аулосе (Wegner M., 1965, № 47).

По нашему мнению, на всех перечисленных памятниках изображена не просто работа, а ритуальное приготовление вина и хлеба, которое сопровождалось музыкой. Это особенно хорошо прослеживается по терракоте. В VI в. до н.э. еще не было больших пекарен с несколькими рабочими, производившими хлеб на продажу, а в отдельном, даже большом доме вряд ли нужно было сразу четверым работницам изготовлять хлеб. Вероятно, когда хлеб готовился на празднество для многих людей, само приготовление было торжественным священнодействием под музыку.

Рисунок на обломке клазоменской вазы из Пантикапея представляет большую редкость. Недаром при его издании не удалось найти параллелей в восточногреческой живописи (Сидорова Н.А., 1968, с. 115). Наверное, художник изобразил не обычную работу виноградаря, а торжественный ритуал, возможно связанный с началом сезона производства вина. Поэтому он сопровождался музыкой на инструменте, характерном для дионисийских празднеств. Под звуки аулоса виноградарь исполнял своеобразный танец в корзине, из которой текут струи виноградного сока, показанного условными чертами.

Среди ваз с музыкантами есть иллюстрации неизвестных нам религиозных церемоний, сопровождавшихся музыкой. На двух фризах уникального клазоменского кратера, найденного на Березани, представлены праздничные шествия; одно под предводительством мужчины с аулосом, другое – под игру четырех кифаристок (№ 19). На других вазах изображены жертвоприношения и танцы у алтаря под звуки аулоса (№ 28, 30, 45) и лиры (№ 3).

Росписи на вазах показывают музыкантов на семейных праздниках, например на свадьбе (№ 4), а чаще всего во время трапезы с друзьями, называется симпосиумом, а также на улице при возвращении домой гостей комастов, распевавших песни и танцевавших под звуки аулоса или барбитона. В гомеровском гимне (III, 480–483) Гермес, передавая лиру Аполлону, говорит: "С нею ты будешь желанным везде: и на пире цветущем, и в хороводе прелестном, и в шествии буйно веселом". Сцены симпосиума на аттических вазах чаще сопровождаются игрой на аулосе, чем на лире или барбитоне. Недаром в сохранившихся описаниях симпосиума говорится именно о флейтистках (Plat. Symp. 176-e, 212 c; Xen. Symp. II, 1) и о ночных шествиях с флейтистками (Plat. Theaet. 173 d; Isocr. VII, 48). Комасты, танцующие под аккомпанемент флейтистки, украшают кратер из Пантикапея (№ 32). Флейтистки обычно

были гетерами; их изображения сохранились на вазах из Херсонеса (№ 41) и с Березани (№ 35). Иногда в руках гетер рисовали кроталы, которыми они отбивали ритм во время танца (№ 59).

Эти вазы давали представление о жизни афинян и пробуждали у зрителя воспоминания о симпозиумах, на которых он сам присутствовал. Ведь по надписям на застольных кубках известно о симпосиумах в Северном Причерноморье и об участии в них гетер (Толстой И.И., 1953, № 10–17; 107–109; 159–162). Во время симпосиума нередко звучали лирические стихи или отрывки из эпических поэм, а за лучшее их исполнение давался приз. Такой приз, чернолаковая солонка IV в. до н.э. с надписью, найден в Пантикапее (Блаватский В.Д., 1964, с. 93).

В VII–V вв. до н.э. стихи сопровождал аккомпанемент лиры или барбитона. Поэт или исполнитель стихов с барбитоном нарисован на краснофигурном лекифе из Ольвии (№ 15). Он только что закончил строфу, проведя плектроном по струнам (рис. 1). В изданиях этого лекифа барбитон ошибочно называют кифарой (Одесский археологический музей..., 1983, с. 172; Штітельман Ф.М., 1977, с. 171). Исполнитель стихов, сопровождающий их тихим и несложным аккомпанементом барбитона, оказывается кифаредом, виртуозным музыкантом и певцом с концертным инструментом.

Барбитон был разновидностью лиры с более длинными струнами, крепившимися над стойками, а не между ними, как у лиры. Струны барбитона издавали густой и низкий звук, считавшийся лучшим сопровождением лирических стихов. Недаром в Афинах стояла статуя Анакреонта с барбитоном, а вазописцы изображали с ним Сафо, Алкея, Анакреонта, Кидия и других поэтов, подписывая над фигурами их имена (Webster T.B., 1973, S. 53, 54). Портретное сходство не передавалось (Webster T.B., 1973, S. 53), так что, глядя на вазу, зритель представлял любого известного ему поэта или исполнителя стихов.

Под звуки струнных инструментов и аулоса греки исполняли сольные песни и хоры. Хорошее изображение молодого певца, стоящего перед флейтистом, сохранилось на краснофигурной вазе из Ольвии (№ 39). Вероятно, певец победил в музыкальном состязании, ибо на голове у него венок (рис. 7).

Греки Северного Причерноморья любили слушать игру профессиональных музыкантов. В IV в. до н.э. в театры Боспора приезжали выступать знаменитые по всей Элладе кифаристы Аристоник и Стратоник (Polyaen, V, 44; Athen. VII, 41, 349). Боспорское надгробие IV в. до н.э. флейтистки Пасафиликаты (КБН, № 845) свидетельствует о существовании местных профессиональных музыкантов. Поэтому не случайно сюда поступали вазы с изображением концертов или победителей на музыкальных состязаниях.

На одной из из них кифарист в торжественной белой одежде с венком на голове стоит на трехступенчатом помосте. Слева от него – бородатый судья с жезлом, а справа – сидящий на стуле юноша, вероятно, также участник соревнований. На другой стороне – фигура богини Афины и надпись "приз из Афин" (№ 23). Эту амфору, наполненную маслом из олив священной рощи богини, получил какой-то кифарист на мусических состязаниях во время Панафинейских празднеств. Возможно, приз достался жителю Северного Причерноморья, так как в Панафинеях могли участвовать граждане разных греческих полисов. Но, вероятнее всего, афинский победитель продал эту свою награду на рынке керамики. Так часто поступали владельцы ваз, сделанных на определенный случай (Webster T.B., 1973, S. 52). Многие панафинейские вазы (а их только к одному празднеству изготовлялось 1300 экз.) вторично продавались и затем расходились по всему эллинскому миру, поэтому теперь большинство их найдено за пределами Афин (Webster T.B., 1973, S. 3).

Другая амфора с победителем-флейтистом, найденная в Пантикапее, не имеет государственного клейма "приз из Афин" (№ 26). Спрос на панафинейские амфоры был столь широк, что живописцы изготавливали их не только для празднества. Эти пвсевдопанафинейские амфоры отличаются от настоящих только отсутствием клейма. Третья амфора с изображением профессионального музыканта обнаружена в Нимфее;

на ней изображен певец, аккомпанирующий себе на большой концертной кифаре, и несколько слушателей (№ 17).

Рисунки на вазах могли напоминать о концертах местных приезжих музыкантов. Кроме того, благодаря интенсивным политическим, экономическим и культурным связям городов Северного Причерноморья со многими греческими полисами можно думать, что достаточно большая часть местного населения слушала музыкантов в домах своих ксенов, на религиозных празднествах и в театрах разных городов Эллады. Приобретение сосуда с изображением музыкантов в ряде случаев могло быть связано с воспоминаниями об исполнении тех или иных музыкальных произведений.

Итак, на рассмотренных вазах нашли отражение почти все известные по вазописи сюжеты с участием музыкантов. Эти сосуды охотно покупали не только в городах, но и в небольших греческих поселениях Северного Причерноморья (№ 1, 8, 10). Многие из упомянутых ваз найдены в некрополях, однако лишь единичные рисунки связаны с заупокойным культом (№ 47, 48; Schefold K., 1934, S. 149).

Изображения с музыкантами распадаются на две группы: мифологические сцены и сюжеты из реальной жизни. Первые в основном относятся к мифам об Аполлоне и Дионисе. Частично такие вазы приобретали для священнодействий или для приношений богам, поэтому они украшали храмы. Другая часть ваз с мифологическими сюжетами входила в сервировку стола во время симпосиума, когда подавалось вино, напиток Диониса. Поэтому на сосудах для вина столь часто изображен Дионис или его спутники: сатиры, силены и менады.

На парадной столовой посуде нередко встречались рисунки с музыкантами в бытовой обстановке, чаще всего во время симпосиума или возвращения с него веселой компании под звуки музыки. Расписная посуда не только ставилась на стол, но и украшала комнаты жилых домов.

Глядя на рисунки музыкантов, греки представляли определенную музыку. Ее звучание навсегда утрачено (Герцман Е.В., 1986, с. 14). Можно узнать лишь, каковы были музыкальные инструменты, в какой обстановке они звучали, какие мифологические, религиозные, литературные и бытовые ассоциации вызывали те или иные картины с участием музыкантов.

Коллекция северопричерноморских ваз с музыкантами мало известна большинству исследователей. Многие рисунки представляют достаточно распространенные сюжеты и широко известные инструменты. Но некоторые изображения достойны того, чтобы войти в круг исследований ученых, занимающихся античной музыкой. В первую очередь это относится к двум клазоменским вазам, на которых сохранились одни из самых древних и очень подробных изображений кифары (№ 19) и редчайший сюжет с участием флейтиста во время ритуального приготовления вина (№ 25). Для углубления знакомства с античными музыкальными инструментами важно выделить изображения трехструнного барбитона (№ 15) и лиры с необычным креплением струн (№ 10), а также редкий момент игры на одном аулосе (№ 37).

Каталог ваз с изображением музыкальных инструментов

(Все вазы аттические за исключением двух клазоменских (№ 19, 25). Датировка ваз дана по указанным в каталоге изданиям).

1. Струнные инструменты

Лира

Боспор

1. Фигура человека с лирой. Обломок чернофигурного скифоса. Первая четверть V в. до н.э. Мыс Зюк (Масленников А.А., Розов В.Н., 1990, с. 66, рис. 1, *10*).

2. Юноша, протягивающий руку к семиструнной лире. Обломок краснофигурного килика. Середина V в. до н.э. Пантикапей (Лосева Н.М., 1962, с. 172, рис. 3, *5*).

3. Женщина, несущая лиру, под звуки которой свершится жертвоприношение быка. Краснофигурная ойнохоя. IV в. до н.э. (Ашик А., 1849, с. 16; Древности Боспора Киммерийского, 1854, табл. 61, *7*).

4. Женщина, поющая под аккомпанемент лиры в свадебном шествии, возглавляемом флейтисткой. Краснофигурная кальпида. Середина IV в. до н.э. Горгиппия (Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П., 1915, с. 25).

5. Эрот с лирой. Обломок краснофигурного сосуда. IV в. до н.э. Пантикапей (ОАК за 1869, с. 188, табл. 2, *10*).

6. Женщина с лирой. Краснофигурный лекиф. IV в. до н.э. Пантикапей (Ашик А., 1849, с. 29).

7. Танец девушки под аккомпанемент лиры и аулоса. Крышка краснофигурной леканы. IV в. до н.э. Пантикапей (Шедевры древнего искусства..., 1987, с. 186, табл. 4, *14*).

Ольвия и ее округа

8. Сидящий на дифросе Аполлон (?) с лирой. Обломок чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н.э. Козырка (Крижицкий С.Д. и др., 1989, с. 62, рис. 22, *1*).

9. Аполлон с лирой и две музы. Чернофигурный килик. Конец VI в. до н.э. Ольвия (Одесский археологический музей..., 1983, с. 169, № 51; Штерн Э.Р., 1913, с. 84).

10. Мужчина с семиструнной лирой необычной конструкции. Чернофигурная пелика. Последняя четверть VI в. до н.э. Чертоватое (Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 63, рис 24).

Херсонес

11. Аполлон с трехструнной лирой в сцене из мифа о состязании с Марсием. Обломок краснофигурной вазы. V в. до н.э. (ОАК за 1904, с. 68, рис. 104).

Никоний

12. Аполлон и Орфей с лирами, сатир с аулосом. Краснофигурный кратер. Конец V в. до н.э. (Секерская Н.М., 1983, с. 125). Лира ошибочно названа кифарой.

Барбитон

Боспор

13. Мужчина, играющий на барбитоне. Обломок краснофигурной котилы. Третья четверть V в. до н.э. Пантикапей (Лосева Н.М., 1962, с. 174, рис. 4, *3*). Барбитон ошибочно назван кифарой.

14. Сатир с барбитоном в дионисийском шествии. Краснофигурный кратер. Конец V в. до н.э. Синдская гавань (Шедевры древнего искусства..., 1987, с. 108, рис. 9).

Ольвия

15. Поэт с барбитоном. Краснофигурный лекиф. 480–470 гг. до н.э. Ольвия (Одесский археологический музей.., 1983, № 76; Штітельман Ф.М., 1977, № 42). Барбитон ошибочно назван кифарой.

Кифара

Боспор

16. Аполлон с кифарой рядом с Дионисом и женщиной, всходящей на колесницу. Чернофигурный килик. Начало V в. до н.э. Пантикапей (Сидорова Н.А., 1984, с. 103, рис. 24, *б*).

17. Кифаред и слушатели. Краснофигурная амфора. 480–470 гг. до н.э. Нимфей. (Горбунова К.С., Передольская А.А., 1961, с. 60, рис. 31; Передольская А.А., 1967, с. 95, табл. 71).

18. Аполлон с кифарой и Марсий, уронивший аулос. Краснофигурная пелика. 380–360 гг. до н.э. Пантикапей (Древности Боспора Киммерийского, 1854, табл. 57; Одесский археологический музей..., 1983, с. 40).

Ольвия и ее округа

19. Четыре кифаристки и флейтист, возглавляющие праздничные шествия. Клазоменский кратер. Вторая четверть VI в. до н.э. Березань (Корпусова В.Н., 1987, с. 50).

20. Аполлон, играющий на семиструнной кифаре. Обломок чернофигурной амфоры. Конец VI в. до н.э. Березань (Горбунова К.С., Копейкина Л.В., 1972, с. 211).

21. Аполлон с кифарой, Артемида и Гера. Чернофигурная ольпа. Конец VI в. до н.э. Ольвия (ОАК за 1909/10, с. 93, рис. 114; Скуднова В.М., 1988, с. 64, № 79). Кифара неверно названа лирой.

22. Аполлон с кифарой. Гермес, Дионс и силен. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н.э. Ольвия (ИАК, 1906, с. 156, рис. 104; Скуднова В.М., 1988, с. 38, № 9). Кифара неверно названа лирой.

Ст. Елисаветовская

23. Победитель игры на кифаре, стоящий на беме. Панафинейская амфора. 470–430 гг. до н.э. (Радлов Н.Э., 1912, с. 83; Пиотровский Б.Б., 1924, с. 102).

Арфа

24. Сатир с арфой. Краснофигурная гидрия. IV в. до н.э. Пантикапей (Paquette D., 1984, p. 191).

II. Духовые инструменты

Аулос

Боспор

25. Флейтист, аккомпанирующий работе винодела. Обломок клазоменской вазы. Третья четверть VI в. до н.э. Пантикапей (Сидорова Н.А., 1968, с. 114, рис. 5).

26. Победитель в игре на аулосе, стоящий на беме. Панафинейская амфора. Конец VI в. до н.э. (Радлов Н.Э., 1912, с. 77; Пиотровский Б.Б., 1924, с. 102).

27. Юноша, аккомпанирующий на аулосе танцу двух мужчин. Обломок крышки краснофигурной леканы. Вторая четверть V в. до н.э. Пантикапей (Лосева Н.М., 1962, с. 171).

28. Флейтистка на празднике Леней. Краснофигурный стамнос. Середина V в. до н.э. Пантикапей (Античная расписная керамика..., 1985, № 46; Лосева Н.М., 1984, с. 125–132).

29. Сатир с аулосом и менада с тимпаном, аккомпанирующие танцу менады. Краснофигурная пелика. IV в. до н.э. Пантикапей (Древности Босфора Киммерийского, 1854, табл. 63).

30. Флейтистка в сцене жертвоприношения. Краснофигурный сосуд. IV в. до н.э. Нимфей (ОАК за 1877, с. 255).

31. Сатир, аккомпанирующий на аулосе танцу менады с кроталами. Краснофигурная пелика IV в. до н.э. Пантикапей (Ашик А., 1849, с. 23).

32. Флейтистка, аккомпанирующая танцу комастов. Краснофигурный кратер. IV в. до н.э. Пантикапей (ОАК за 1868, с. 80, табл. 5, *3*).

33. Сатир, аккомпанирующий на аулосе танцу менады с тимпаном. Фрагмент краснофигурного сосуда IV в. до н.э. Пантикапей (ОАК за 1869, табл. 4, *12*).

34. Сатир, аккомпанирующий на аулосе танцу менады. Краснофигурная пелика 370–350 гг. до н.э. Пантикапей (Ашик А., 1849, с. 17; Древности Босфора Киммерийского, 1854, табл. 63; Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П., 1915, с. 82, табл. 8; Schefold K., 1934, № 366). См. также № 4, 7, 12.

Ольвия и ее округа

35. Танцующий воин и флейтистка. Обломок чернофигурного кратера. Вторая половина VI в. до н.э. Березань. Не опубликован. Киевский археологический музей. АБ-69-390.

36. Флейтист в форбее на дионисийском празднике. Обломок краснофигурного канфара с рисунком и подписью Эпиктета. Конец VI в. до н.э. Левка (Соколов Г.И., 1973, № 14; Одесский археологический музей..., 1983, № 55).

37. Флейтист, играющий на одной трубке аулоса, отведя в сторону трубку. Обломок дна краснофигурного килика. Конец VI в. до н.э. Ольвия (Горбунова К.С., 1964, с. 182; Козуб Ю.И., 1987, с. 69, рис. 24).

38. Флейтист, аккомпанирующий танцу. Обломок чернофигурного скифоса. Рубеж VI–V вв. до н.э. Ольвия (Шауб И.Ю., 1979, с. 63, рис. 3, *2*).

39. Флейтист, аккомпанирующий певцу. Краснофигурная пелика. V в. до н.э., Ольвия (ИАК, 1909, рис. 65).

40. Флейтист в форбее, аккомпанирующий театральному представлению. Фрагмент краснофигурного кратера. Первая половина V в. до н.э. Ольвия. Не опубликован. Киевский археологический музей. Инв. № 0-624344. См. также № 19.

Херсонес

41. Флейтистка, играющая перед возлежащим на ложе юношей. Обломок краснофигурного сосуда. V в. до н.э. (ИАК, 1903, с. 78, рис. 29).

Керкинитида

42. Флейтистка между двумя всадниками. Фрагмент краснофигурного кратера. IV в. до н.э. (Кутайсов В.А., 1992, с. 127).

Никоний

43. Флейтист и юноша. Краснофигурная пелика. Около 470 г. до н.э. (Андруніна Н.М., 1977, с. 193–195).

44. Сатир с аулосом в дионисийской сцене. Краснофигурный кратер. Вторая половина V в. до н.э. (Секерская Н.М., 1983, с. 127, рис. 5, *б*). См. также № 12.

45. Флейтист, аккомпанирующий танцу юноши у алтаря. Чернофигурный алабастр 470–460 гг. до н.э. Место находки в Северном Причерноморье неизвестно (Горбунова К.С., 1979, с. 45, рис. 7).

III. Ударные инструменты

Тимпан

Боспор

46. Летящая Ника с тимпаном, Гермес и Эрот. Арибаллический краснофигурный лекиф. Рубеж V–IV вв. до н.э. Пантикапей (Лосева Н.М., 1962, с. 176, рис. 5, *5*).

47, 48. Эрот с тимпаном в сцене мифа о Европе и Зевсе. Два краснофигурных рыбных блюда. Рубеж V–IV вв. до н.э. Пантикапей (ОАК за 1880, с. 105–107; Штітельман Ф.М., 1977, № 48).

49. Менада с тимпаном в дионисийской сцене. Крышка краснофигурной леканы. IV в. до н.э. (ОАК за 1861, табл. 2; Schefold K., 1934, Tabl. 2, 3).

50. Менада с тимпаном, убегающая от Диониса на грифоне. Краснофигурная пелика. IV в. до н.э. Пантикапей (Древности Босфора Киммерийского, 1854, табл. 53).

51. Танцующая менада с тимпаном в дионисийской сцене. Вторая половина IV в. до н.э. Пантикапей (ОАК за 1860, с. 74).

52. Менада с тимпаном в дионисийской сцене. Краснофигурная пелика. IV в. до н.э. Пантикапей (Ашик А., 1849, с. 31). См. также № 29, 33.

Херсонес

53. Менада с тимпаном в дионисийской сцене. Краснофигурный кратер. V в. до н.э. (ОАК за 1904, с. 38, рис. 55).

54. Женщина с тимпаном. Обломок краснофигурного сосуда. Середина IV в. до н.э. (Treister M., 1994, p. 21, fig. 13).

Тира

55. Фигура с тимпаном. Обломок краснофигурного сосуда. V в. до н.э. (Крышковский П.О., Клейман И.Б., 1985, с. 57, рис. 19, *5*).

Кроталы

Боспор

56. Менада с кроталами. Обломок чернофигурного сосуда. Вторая половина VI в. до н.э. Пантикапей (Толстиков В.П., 1992, с. 68, рис. 10, *5*).

57. Юноша-комаст с кроталами. Обломок медальона краснофигурного килика. Рубеж VI–V вв. до н.э. Пантикапей (Лосева Н.М., 1984, с. 112, рис. 112–б).

58. Крылатая Ника с кроталами. Краснофигурный сосуд. Пантикапей. IV в. до н.э. (Древности Босфора Киммерийского, 1854, табл. 70, *1, 2*). См. также № 31.

Ольвия и ее округа

59. Бегущая гетера с кроталами. Обломок краснофигурного килика. Около 520 г. до н.э. Ольвия (Горбунова К.С., 1970, S. 573, fig. 8; Козуб Ю.И., 1987, с. 70).

60. Менады с кроталами. Чернофигурная амфора. Последняя четверть VI в. до н.э. Большая Черноморка (Крыжицкий С.Д. и др., 1989, с. 63, рис. 23).

61. Две танцующие менады с кроталами и силен. Чернофигурная ойнохоя. 510–500 гг. до н.э. Ольвия (Скуднова В.М., 1988, с. 52).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андруніна Н.М., 1972. Червонофігурна пеліка з Ніконія // Археологічні дослідження на Україні в 1969 г. Вип. 4. Київ.

Анохин В.А., 1977. Монетное дело Херсонеса. Киев.

Анохин В.А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Анохин В.А., 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Античная расписная керамика из собрания ГМИИ, 1985. М.

Ашик А., 1849. Боспорское царство. Ч. III. Одесса.

Блаватский В.Д., 1964. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.

Виноградов Ю.Г., 1984. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. № 1.

Герцман Е.В., 1986. Античное музыкальное мышление. Л.

Горбунова К.С., 1964. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.

Горбунова К.С., 1970. Килик из раскопок Ольвии в 1968 г. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Bd. 19.

Горбунова К.С., 1979. Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.

Горбунова К.С., Копейкина Л.В., 1972. Березанская экспедиция Эрмитажа в 1970/71 гг. // Тез. пленарних і секційних доповідей. Одеса.

Горбунова К.С., Передольская А.А., 1961. Мастера греческих расписных ваз. Л.

Древности Босфора Киммерийского, 1854. СПб.

ИАК, 1903. № 4. СПб.

ИАК, 1906. № 13. СПб.

ИАК, 1909. № 33. СПб.

Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985. Древний город Тира. Киев.

Козуб Ю.И., 1987. Аттическая керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев.

Корпусова В.Н., 1987. Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М., 1980. Сельская округа Ольвии. Киев.

Кутайсов В.А., 1992. Керкинитида. Симферополь.

Леви Е.И., 1985. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.

Лосева Н.М., 1962. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945–1958 гг. // МИА. № 103.

Лосева Н.М., 1984. Аттический краснофигурный стамнос, найденный в Керчи // Сообщения ГМИИ. № 7.

Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П., 1915. Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. СПб.

Масленников А.А., Розов В.Н., 1990. Расписная керамика с мыса Зюк // КСИА. Вып. 197.

ОАК за 1860. СПб., 1862.

ОАК за 1861. СПб., 1863.

ОАК за 1868. СПб., 1870.

ОАК за 1869. СПб., 1871.

ОАК за 1877. СПб., 1880.

ОАК за 1880. СПб., 1882.

ОАК за 1904. СПб., 1907.

ОАК за 1909/10. СПб., 1913.

Одесский археологический музей АН УССР, 1983. Киев.

Передольская А.А., 1967. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.

Петерс Б.Г., 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
Пиотровский Б.Б., 1924. Панафинейские амфоры из Северного Причерноморья // ИРАИМК. № 3.
Радлов Н.Э., 1912. Две панафинейские амфоры, найденные в южной России // ИАК. № 45.
Ростовцев М.И., 1913. Античная декоративная живопись на юге России. Пг.
Русяева А.С., 1992. Религия и культы античной Ольвии. Киев.
Секерская Н.М., 1983. Помещения с культовыми предметами из Никония // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев.
Сидорова Н.А., 1968. Архаическая керамика из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ. № 4.
Сидорова Н.А., 1984. Чернофигурная керамика из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. № 7.
Скуднова В.М., 1988. Архаический некрополь Ольвии. Л.
Соколов Г.И., 1973. Античное Причерноморье. Л.
Толстиков В.П., 1992. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М.
Толстой И.И., 1953. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.
Шауб И.Ю., 1979. Афинская чернофигурная керамика с изображением сфинксов // КСИА. Вып. 159.
Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки, 1987.
Штерн Э.Р., 1913. Ахилл у Хирона по древнегреческим расписным вазам // 300. № 31.
Штітельман Ф.М., 1917. Античне мистецтво. Київ.
Paquette D., 1984. L'instrument de musique dans la ceramique de la Grece antique. Paris.
Schefold K., 1934. Die Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin, Leipzig.
Treister M., 1994. Archaeological News From The Northern Pontic Region // Int. J. Comparative Stud. Hist. Archaeol. № 1.
Webster T.B., 1973. Potter und Patron in Classical Athens. London.
Wegner M., 1965. Müsikgeshichte in Bildern. Griechenland. Bd. II. 4. Leipzig.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

M.V. SKRZHINSKAYA

REFLECTION OF MUSICAL LIFE OF THE GREEKS IN THE PAINTINGS ON THE VASES OF THE SIXTH – THE FOURTH CENTURIES BC FROM THE NORTH BLACK SEA MARITIME REGION

Summary

The author of the article was the first to collect and analyze a collection of vases from the North Black sea maritime region with paintings of musicians. Vases dating to the sixth – the fourth centuries BC give an idea about the knowledge of the Hellens who settled in the north periphery of the Greek oikumena of the Hellas musical life and myths about legendary musicians. All household, religious, and mythological stories with the participation of musicians that were depicted on ancient vases were reflected in six dozens of vases analyzed. A strong demand for them reflects tastes of the local population. Vase painting reminded by association a musical culture of the North Black sea maritime polises of which we know little. Some of the pictures are of interest for the history of ancient Greek music: these are paintings of instruments with clearly depicted designs which are, sometimes, unique, and rarely found paintings showing the interpretation of melodies.

А.А. МАСЛЕННИКОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ К КОНЦУ ВЕКА

Исследование сельской территории одной из частей крупнейшего античного государства Северного Причерноморья – Боспора имеет большое значение для выяснения многих особенностей его экономической, политической и этнической истории, характеристики культуры. Археологическое изучение различных памятников Керченского полуострова началось еще в прошлом столетии. И в этом плане мы можем отметить своеобразный юбилей: ровно сто лет назад в районе Крымского Приазовья были проведены первые раскопки местным помещиком, археологом-любителем А.А. Дириным (Дирин А.А., 1896, с. 121 сл.). Однако затем вплоть до середины текущего века масштабы работ в глубинных местах полуострова оставались крайне ограниченными. Собранные здесь сведения вошли в книгу В.Л. Блаватского о сельском хозяйстве античных государств Северного Причерноморья (Блаватский В.Д., 1953). Лишь с начала 50-х годов тут развернулись планомерные и достаточно интенсивные работы Восточно-Крымского отряда под руководством И.Т. Кругликовой, подытоженные в ее монографии "Сельское хозяйство Боспора" (Кругликова И.Т., 1975). В 60–70-х годах здесь вели раскопки отдельных памятников Б.Г. Петерс, Э.В. Яковенко, В.Н. Корпусова, И.Г. Шургая, Т.М. Арсеньева, С.С. Бессонова и археологи Керченского музея.

Вместе с тем ряд важнейших вопросов – история и типология сельских поселений, организация всей сельской территории, этнического состава и культура ее населения – в силу прежде всего недостатка фактических данных не находил своего решения. Без этого стало невозможно объяснить некоторые узловые моменты боспорской истории в целом (особенности и ход греческой колонизации, причины кризисных явлений в экономике государства и многое другое). Только раскопки поселений на большой площади могли выявить особенности их планировки, различия типологии и, таким образом, определить специфику хоры городов-полисов и собственности боспорских правителей. Без всестороннего анализа могильников, всей массы лепной керамики, антропонимики нельзя решить сложнейшую проблему многовекового греко-варварского симбиоза, столь характерного для античного Боспора. Продолжение археологических изысканий в Восточном Крыму было важно и в общеисторическом плане, для сравнения с сельскими территориями других государств античного типа в этом и в соседних регионах Причерноморья и Средиземноморья.

Решением этих задач призвана была заняться Восточно-Крымская экспедиция ИА РАН, продолжившая работы с середины 70-х годов под руководством автора данной статьи. При этом основные усилия сосредоточивались на следующих узловых проблемах. Во-первых, тщательное обследование малоизвестных районов полуострова и составление соответствующих карт и паспортов на археологические памятники. Во-вторых, широкомасштабные раскопки различных в типологическом и хронологическом отношении сельских поселений. В-третьих, на основе столь же выборочного и планомерного исследования некрополей и могильников, а также привлечения иных категорий археологических источников, продолжить изучение сложнейшего вопроса об этносе и культуре местного населения. Попутно надо было пополнить материал о

© А.А. Масленников, 1997 г.

состоянии экономики, торговых связях, религии жителей хоры. Наконец, большое внимание уделялось применению и отработке методики естественно-научных форм исследования, в основном археофизической разведке. Таким образом, сложилась действующая до сих пор комплексная программа работ Восточно-Крымской экспедиции, которая велась главным образом в северной части полуострова, в районе Крымского Приазовья. Это объяснялось его крайне слабой изученностью в предшествовавшее время, а главное – чрезвычайной насыщенностью разновременными и разнотипными памятниками, к тому же с очень неплохой по условиям Крыма сохранностью. Практически здесь можно было изучать все наиболее характерные для хоры европейского Боспора объекты. Иными словами, это был очень удобный археологический полигон.

Не все направления, выделенные выше, удалось за истекшее время разработать с желаемой полнотой, но полученные материалы и результаты все же существенно продвинули эту проблематику. В той или иной степени они нашли отражение в нескольких десятках различных публикаций, но многое пока остается неизданным. Каковы же кратко эти итоги?

В природно-географическом и археологическом отношении территория Восточного Крыма не была единообразной и на ней можно выделить не менее четырех зон, отличающихся своей спецификой. Новейшие исследования и раскопки позволили наметить несколько этапов в истории сельской территории европейского Боспора, в целом совпадающие с общепринятой периодизацией истории государства, в ряде случаев существенно ее уточняя. Особо отметим выделение позднеантичного этапа (конец III – конец VI в. н.э.).

Организация сельской территории Боспора, начиная с IV в. до н.э., строилась в основном по принципу, общему для государств эллинистического типа, т.е. она состояла из хоры городов-полисов и царских земель с характерными для каждой типами поселений.

Анализ всех сельских поселений Восточного Крыма и их оборонительных сооружений наряду с некоторыми прочими источниками, позволяют предположить, что вплоть до середины III в. до н.э. (а может быть и дольше) большая часть глубинных районов полуострова не входила в состав Боспора.

В основе фортификации сельских поселений на протяжении всей их истории лежали принципы и рекомендации, выработанные соответствующей античной традицией. Вместе с тем, в укреплениях значительной части городищ первых веков н.э. прослеживаются определенные аналогии с оборонительными сооружениями позднескифского царства.

Организация обороны сельской территории европейского Боспора до второй половины I в. до н.э. носила ограниченный, очаговый характер. Задачи стратегического плана решались скорее всего дипломатическими средствами. В период с конца I в. до н.э. по середину – третью четверть III в. н.э. она строилась на сочетании сплошной, фронтальной и тактической, очаговой обороны. В позднеантичный период, по-видимому, происходит возврат к принципу локальной обороны отдельных территорий или пунктов.

Все разнообразные сельские поселения этой части Боспора в I в. до н.э. – III в. н.э. образовывали единую, взаимосвязанную военно-административную систему, имевшую чрезвычайно важное значение для политической и экономической стабильности государства.

Этнический состав населения полуострова никогда не был однородным. Но степень и конкретные проявления этих различий постоянно менялись. Наиболее отчетливы они в ранний период – VI–III вв. до н.э., когда помимо греко-боспорских здесь выделяются многочисленные памятники скифского типа и, по крайней мере, еще двух групп местного варварского населения.

В последующие века общий облик материальной культуры сельского населения все более нивелируется, приближаясь во многих отношениях к городской (общебоспорской) с учетом, разумеется, соответствующих социальных и имущественных особенностей.

Вместе с тем, черты и элементы, связываемые с различными варварскими этносами (в погребальном обряде, антропонимике, лепной посуде) выявляются постоянно. Особенно стабильно и ярко прослеживается скифское, точнее позднескифское (с соответствующими оговорками и пояснениями) влияние. Это говорит не только о периодических скифских "импульсах", но и об известной непрерывности, традиции, за которой стоит преемственность хотя бы части местного населения.

И наконец, характер организации сельской территории европейского Боспора и этнический состав его населения во многом определяли своеобразие исторического развития этого государства.

Остановимся на некоторых из этих выводов подробнее. Так, влияние одних и тех же природных факторов в разные периоды истории могло быть неодинаковым. Оно зависело в некоторой степени от уровня развития общества, сложности его хозяйственной инфрастуктуры. Учет и анализ всего этого позволяют в ряде случаев решать некоторые историко-археологические проблемы.

Сами понятия "сельская территория" и "боспорская хора" близки, но не идентичны по содержанию. А часто применяемый термин городская и царская хоры пока остается слишком абстрактным, чисто гипотетическим. Необходимы конкретные археологические признаки границ этих категорий землевладений да и самих поселений сельского типа. Очевидно, что типология памятников была неодинаковой, а вся предлагаемая реконструкция системы организации хоры не оставалась неизменной. Так, несмотря на тщательное обследование полуострова, число самых ранних поселений остается крайне незначительным, что ярко контрастирует с ситуацией по другую сторону пролива (Абрамов А.П., Паромов Я.М., 1993, с. 78, 79). Слои и относительно многочисленные находки последней четверти VI – первой половины V в. до н.э. отмечены лишь на следующих поселениях: Героевка I, Южно-Чурубашское, Андреевка-южная, Чокракский родник, а в последние годы еще на нескольких пунктах южного берега (разведки и раскопки Е.А. Молева, А.В. Куликова, В.К. Голенко). Возможно, к их числу следует отнести и ранний Порфмий. Лишь в очень осторожной форме можно говорить о последней трети VI в. до н.э. Облик всех этих поселений нам пока неизвестен.

Следующий период охватывает приблизительно столетие – со второй четверти V в. до н.э. Не исключено, что на рассматриваемой территории ему предшествовали какие-то негативные явления. Прежние поселения были разрушены, затем появились новые: на мысе Зюк, Киммерик-холм А, Чокракский мыс, мыс Такиль, и еще несколько менее известных. По имеющимся аналогиям можно предположить, что это были относительно небольшие поселения с замкнутой планировкой помещений вокруг общего двора. Скорее всего, почти все они имели свою хору и были основаны очередной (третьей?) волной греческих колонистов. Впрочем, этнический состав их обитателей вряд ли был однородным.

Как выглядели усадьбы хоры ранних городов и существовали ли они в это время вообще, остается пока неясным. Не исключено, что некоторые из этих городов (Мирмский, Тиритака, Порфмий) представляли собой в VI–V вв. до н.э. лишь крупные сельские поселения на границах земельных владений Пантикапея и Нимфея.

Новому, яркому периоду в истории сельской территории европейского Боспора также предшествовали потрясения рубежа V–IV либо первой четверти IV в. до н.э. Об этом свидетельствуют раскопки на мысе Зюк, на Чокракском мысе, в окрестностях горы Опук и на хоре Нимфея. Подъем начинается со второй четверти IV в. до н.э. В ближайших окрестностях крупных городов складывается традиционная античная система наделов с небогатыми, небольшими усадебными постройками (Нимфей-Героевка I, II; Южно-Чурубашское; Пантикапей – у с. Октябрьское и некоторые другие менее известные пункты). Но одновременно ряд весьма специфичных поселений появился уже, скорее всего, вне пределов городской хоры, на землях, принадлежавших Спартокидам, причем почти все – на побережье.

Несмотря на общие черты, объединяющие их в одну (античную) группу, они весьма различались своими размерами, планировкой, характером находок и, видимо, имели

неодинаковый статус. Это могли быть и маленькие хозяйства-ойкосы (поселения Пустынный берег I и II), и усадьбы царских наместников или даже членов правящей династии (Чокракский мыс, Бакланья скала), и центры царского землевладения и одновременно торговые фактории (Генеральское-западное). Повсеместно на них зафиксировано два строительных периода, причем второй последовал за значительными разрушениями рубежа третьей и последней четверти IV в. до н.э. Особенно выделяется сложностью и основательностью планировки, уровнем строительного дела, обилием и богатством находок поселение к западу от т.н. Генеральской бухты, раскопанное практически полностью на площади более 3500 м^2. Это целый комплекс из нескольких блоков разнофункциональных, синхронных, близко расположенных построек с черепичной кровлей, рустованной кладкой части внешних стен, боевыми башнями и оборонительными рвами. Помимо перистильного довольно большого двора с монументальным алтарем, здесь открыты прекрасно сохранившаяся винодельня и огромное зернохранилище в виде облицованной камнями ямы диаметром 5,5 и глубиной 6 м. Среди находок отметим более сотни боспорских монет, терракоты, каменные ядра, десятки граффити и около полутора тысяч различных амфорных и черепичных клейм.

Вообще всем античным поселениям этого времени находятся многочисленные и близкие аналогии в различных местах Греческого мира.

Одновременно, на основной части полуострова существовало множество селищ. Они заметно отличались от вышеописанных поселений планировкой, размерами, уровнем строительного дела, характером и числом находок. За всем этим, скорее всего, стоял иной этнос их обитателей. Новые раскопки этих деревень (Золотое-плато, Кошара, Ак-Таш) не изменили их характеристики, данной еще И.Т. Кругликовой. Хотя теперь мы лучше представляем планировку и облик домов, общую датировку (вторая четверть IV – середина III в. до н.э.). На них также отмечено два строительных периода и следы разрушений середины второй половины IV в. до н.э. Некоторые здания явно гибли в пожаре. Зона распространения поселений этой группы, как выяснилось, простирается довольно далеко к западу, а на востоке, по-видимому, соответствует границам хоры Пантикапея и Нимфея. Нет их и непосредственно в прибрежных районах.

Все поселения, усадьбы и деревни гибнут около середины (60-е годы) III в. до н.э.

В следующий период (середина III – рубеж II–I в. до н.э.) число сельских поселений резко сокращается. Лишь в Приазовье, вероятно, на государственных землях, да на хоре городов существует несколько новых, совершенно отличных от прежних, поселений. Их облик нам хорошо известен благодаря большим раскопкам таких памятников, как городище Золотое-восточное (2000 м^2 из общей площади 2 га), Крутой берег (1500 м^2 – из 0,5 га) и Порфмий.

Из числа городских усадеб по-прежнему христоматийным примером является усадьба, раскопанная еще В.Ф. Гайдукевичем близ Мирмекия. Не позднее 80-х годов I в. до н.э. и эти поселения гибнут, причем с наиболее удаленными это происходит, возможно, несколько раньше.

Новый длительный и археологически насыщенный период наступает с конца Митридатовской эпохи. В годы правления Асандра на полуострове возникает целая сеть разнообразных поселений. Раскопки позволили выявить их планировку и в зависимости от ее особенностей сгруппировать их в три основных типа, внутри которых выделены виды и варианты, соответствующие конкретным памятникам.

Самые простые и небольшие – это обособленные строения и укрепления, состоявшие из одной основной постройки. Они представлены прежде всего башнеобразными сооружениями вблизи Узунларского вала, на отдельных высотах полуострова и в некоторых местах побережья. Площадь их всего 150–250 м^2. Основная функция – охрана территории.

Вероятно, как своего рода развитие этого типа, можно рассматривать такие редкие объекты как укрепленные дома "башенного типа" (поселение Чокракский мыс, слой

I в. до н.э.). Это мощное и значительное строение, окруженное к тому же хозяйственными пристройками и линией валов и рвов.

Следующие типы поселений различались принципом размещения домов-помещений. Небольшие по площади жилища располагались по периметру (всему или частично) общего двора либо в ряд, линиями-кварталами вдоль естественных и искусственных террас. В свою очередь вокруг центральной части поселений первой группы в том же порядке размещались дома-строения более или менее значительных по площади "пригородов", окруженных внешней стеной или валом. Площади "цитаделей" колеблются на известных и отчасти раскопанных памятниках (Ново-Отрадное, Багеровое-северное, Артезиан, Михайловка, Темир-гора, Придорожное, Либкнехтовка (раскопки И.Т. Кругликовой, Б.Г. Петерса и ВКАЭ) от 550–850 до 1500 м^2. Все они находятся на холмах в глубине полуострова или побережья, вблизи источников воды, на водоразделе. Скорее всего, это были небольшие крепости-форты на основных транспортных путях.

Поселения-городища второго типа многочисленнее и также различаются площадью основной, наиболее укрепленной части – "цитадели" (от 0,12–0,02 га до 0,5 и 1–1,5 и даже 2 га). Классическим примером служит известное городище у с. Семеновское (раскопки И.Т. Кругликовой). ВКАЭ выявлено и отчасти раскопано еще несколько памятников такого рода (поселение Салачик, Тасуново, Сиреневая бухта, Зеленый мыс, Генеральское-восточное, Золотое-берег, Казантип-восточный, Андреевка-северная). Поселения площадью более 4–5 га применительно к Боспору, видимо, можно рассматривать как малые города (Китей, Киммерик, Порфмий).

Городища этого типа известны как на побережье, так и в глубине полуострова. Они располагались на скалистых холмах, мысах. Самые крупные из них имели довольно значительную по площади застройку у подножья холма и отдельно стоявшие укрепления и строения на подходе к ним (городище Генеральское-восточное). Этот тип поселений сложился не сразу, в течение III–I вв. до н.э., и просуществовал до конца античной эпохи.

Все сельские поселения первых веков н.э. образовывали достаточно стройную систему и были как бы объединены общим военно-административным замыслом. Основные ее звенья можно представить себе следующим образом: сторожевые посты-башни, затем укрепленные дома башенного типа – резиденции начальников округов, крупных чиновников (наподобие известного Хрисалиска на Таманском п-ве). Далее крепости, небольшие – на узлах коммуникаций, покрупнее – долговременные укрепленные военные лагеря или центры царского землевладения и военной администрации округов. Самые крупные из них являлись дальними военными форпостами государства (городище Караул-оба, раскопки С.Б. Ланцова). На городищах с так называемой линейной застройкой, по-видимому, обитали военные поселенцы, этнос которых, как показывает целый ряд наблюдений, был явно неоднородным.

Новейшие раскопки свидетельствуют, что после "готских походов" середины 70-х годов III в. н.э. жизнь продолжалась лишь на части прибрежных поселений в Приазовье, расположенных восточнее Казантипского залива. Сведениями же об усадьбах или поселках на территории городской хоры для всего данного периода мы по-прежнему не располагаем, что само по себе весьма примечательно.

Благодаря археологическим исследованиям последних лет стало возможным говорить об особенностях фортификации сельских поселений, и организации всей обороны сельской территории европейского Боспора. Подобные вопросы пока решаются далеко не для всех районов античного мира.

Вплоть до рубежа VI–V вв. до н.э., пока не сложились окончательно будущие города, а существовали отдельные более или менее крупные поселения греков, охрана небольшой сельской территории осуществлялась силами жителей каждого поселка и сводилась к укрытию населения. Неслучайно, оборона этих поселений основывалась на принципе "естественной безопасности" (выбор наиболее защищенного природой места, особая планировка первопоселений – замкнутая блокировка помещений и т.п.).

Не ранее конца VI, первой половины V в. до н.э. некоторые из приграничных поселений становятся укрепленными городками с достаточно мощными стенами (Мирмекий и Порфмий, раскопки Ю.А. Виноградова и М.Ю. Вахтиной). К ним переходят функции передовой обороны и защиты части населения.

Первые усадьбы на городской хоре, появившиеся во второй четверти IV в. до н.э. также были укреплены (Андреевка-южная, Героевка – раскопки И.Т. Кругликовой и В. Горончаровского). Однако уже к середине века эти укрепления исчезают. Почти одновременно или, быть может, несколько позднее (уточнение здесь имеет важное значение) сходные процессы происходят на поселениях и усадьбах "дальней хоры", что показали раскопки в Приазовье. Не исключено, что на какое-то время задача внешней обороны возлагалась на них. Соседство же их с селищами, по-видимому, скифскими деревнями, лишь подчеркивает наличие здесь определенного этнического и территориального пограничья.

Раскопки (особенно таких ярких памятников, как поселение Генеральское-западное, Чокракский мыс) позволили выявить целый ряд особенностей и строительных приемов, в целом свойственных соответствующей античной практике. Отдельно стоявшие сторожевые башни вблизи небольших неукрепленных усадеб (комплекс построек в урочище "Пустынный берег") еще более увеличивали сходство с типично античным сельским пейзажем V–III вв. до н.э. Впрочем, недолговечные эти укрепления могли обеспечить лишь оборону отдельных объектов или небольших районов, да и то в условиях скоротечных военных действий, например, набегов кочевников. На какой-то период исчезают и эти укрепления, появляясь вновь, причем возведенные явно в спешном порядке, около конца первой трети III в. до н.э. Все они, однако, были разрушены (поселения Генеральское-западное, Крутой берег, Бакланья скала, мыс Зюк, Чокракский мыс – раскопки ВКАЭ).

Городища III–II вв. до н.э. были изначально сильно укреплены и рассчитаны на долговременную оборону. Именно они должны были прикрывать хору городов с их неукрепленными усадьбами (Андеевка-южная, Октябрьское, близ Мирмекия). Помимо всестороннего использования особенностей рельефа местности, характерными чертами укреплений этих городищ являлись весьма мощные стены с бастионами, хорошо защищенные большие ворота. Во всем их облике ощущается влияние античных норм, но качество работ и вид самих построек далеки от городского уровня. В целом сплошной линии пограничья боспорское государство в VI–I вв. до н.э. не знало.

Впервые фронтальная оборона всей сельской территории европейского Боспора была налажена при Асандре. Но этому предшествовал почти полувековой период полной незащищенности хоры городов и государства.

Благодаря счастливому археологическому подтверждению некоторых свидетельств Страбона и раскопкам новых объектов, вырисовывается довольно четкая картина комплексной системы обороны. Она включала в себя три линии сплошных земляных укреплений (валы и рвы со сторожевыми башнями). Пространство между первой и второй (так называемым Акмонайским и Узунларским валами) протяженностью около 50 км за исключением отдельных мест побережья (Казантипский п-ов) и редких крепостей (поселение у с. Фронтовое) было не заселено. Зато второй вал прикрывал густо населенную и экономически наиболее освоенную часть сельской территории. Здесь в определенном порядке были сосредоточены почти все известные нам поселения первых веков н.э. Об их типологии, разнообразии и функциях выше уже говорилось. Их объединяла общая сеть дорог и сигнальная связь. Тут господствовал "очаговый" принцип обороны. Наконец, некоторые поселения вместе с третьим валом защищали важнейшие городские центры Боспора в зоне пролива.

В середине последней четверти I в. до н.э. все составляющие этой системы были внезапно разрушены, но вскоре почти полностью она восстановилась. Позднее появились даже новые "узловые" пункты обороны (Илурат, Савроматий). В таком виде она просуществовала до третьей четверти III в. н.э., причем заметные реконструкции и перестройки выявляются в конце II – первой половине III в. н.э.

Среди конкретных особенностей сельской фортификации этой эпохи назовем: максимальное использование природного фактора, широкое распространение различных передовых укреплений, обязательную зрительную связь между поселениями, бастионы в качестве основного элемента усиления укреплений, существование более или менее выраженного "модуля" основных параметров оборонительных сооружений в зависимости от типа и вида поселения. Такие черты, как: явное "увлечение" наращиванием мощности стен за счет дополнительных пристроек, сооружение боевых "платформ" вместо башен, низкий строительный уровень многих построек находят определенно позднескифские параллели и характерны для городищ военных поселенцев.

Такая система обороны рассчитывалась на более сильного и организованного, чем прежде, противника, и в немалой степени диктовалась более сложной инфраструктурой самого сельского хозяйства (широкое развитие виноделия и виноградарства, различных промыслов, животноводства). Сохранение ее являлось, видимо, не менее важной задачей, чем защита городов. Итак, во всем этом мы можем видеть сочетание приемов и рекомендаций, выработанных еще эллинистическим фортификационным искусством и римской практикой стратегической обороны.

Однако в критический момент боспорской истории к середине III в. н.э. эта система не смогла обеспечить защиту. Лишь на части городищ Приазовья прежние укрепления не только сохраняются вплоть до середины – третьей четверти VI в. н.э., но и кое-где возводятся новые стены и башни (Салачик, Золотое-восточное в бухте – раскопки ВКАЭ). В этот период оборона сельской территории Боспора вновь приобретает локальный характер. Но конкретные обстоятельства их гибели пока остаются не вполне выясненными.

Следующая большая группа вопросов связана с проблемами этнической истории сельского населения этой части Боспора. При этом значение археологических источников неизмеримо возрастает, поскольку письменные весьма немногочисленны, даже постоянно растущее число памятников так называемой керамической эпиграфики (граффити и дипинти) мало что может изменить в этом плане. Особенно велика роль погребального обряда, следовательно, исследуемых некрополей и могильников, при всех соответствующих критических оговорках.

К сожалению, наши сведения о захоронениях на территории предполагаемой городской хоры в VI–III вв. до н.э. до сих пор крайне ограничены. Зато заметно расширились представления о погребальном обряде и могильниках варварского населения полуострова в V–I вв. до н.э. Здесь удалось помимо большой группы условно скифских погребальных памятников выявить и исследовать не менее многочисленные захоронения в каменных ящиках с кольцевыми оградками. Существует несколько локальных зон их наибольшего скопления главным образом в Приазовье. Все гробницы в зависимости от размеров, конструктивных особенностей и хронологии делятся на четыре группы. Самые простые, содержавшие одиночные или парные захоронения рубежа VI–V–IV в. до н.э., относятся к первой группе. Затем гробницы изменяются в сторону их увеличения и усложнения конструкции. Одновременно растет и число захоронений. Самые поздние из них представляют собой уже примитивные каменные склепы с несколькими десятками погребенных и датируются III–I вв. до н.э. (Масленников А.А., 1980, с. 14, 15).

Вместе с тем, информация о могильниках и погребальном обряде местного варварского населения в позднеэллинистическое время остается очень скудной. Иное дело – состояние изученности некрополей первых веков н.э. Общее число всех раскопанных могил этого периода исчисляется более чем пятью сотнями (раскопки Т.М. Арсеньевой, В.Н. Корпусовой, О.Д. Чевелева, ВКАЭ – не менее 160 могил). При этом, несмотря на относительное единообразие типов могил, самого погребального обряда и соответствующего инвентаря между отдельными территориальными группами (их не менее трех) и даже конкретными могильниками выявляются и некоторые особенности, причем отчасти они увязываются с типами поселений.

Всесторонний анализ гробниц и различных черт погребального обряда помогает с

большей или меньшей вероятностью определить господствующий этнос и посторонние влияния и инфильтрации.

Чрезвычайно большой интерес представляют обнаруженные в последние годы и частично раскопанные могильники, содержащие погребения конца III – конца VI вв. н.э. Все они расположены в Приазовье и характеризуются с одной стороны сохранением прежних традиций, с другой – появлением новых черт в обряде и облике инвентаря. Наиболее примечательна серия грунтовых склепов с глубокими дромосами и камерами с нишами-лежанками. Прежде такие сооружения были известны только в некрополях некоторых боспорских городов. Кое-где в них обнаружены следы раннехристианской символики. Эти склепы, достаточно разнообразные по своей планировке и элементам декора, вероятно, могут рассматриваться как указание на заметный приток на хору какой-то части городского населения. Последнее вполне вероятно, учитывая смутную и тревожную историю Боспора в это время и определенные изменения в хозяйстве и укладе жизни самих горожан.

Важным источником по этнической истории местного населения, как уже говорилось, является лепная посуда. К ней неоднократно обращались некоторые исследователи (Т.М. Арсеньева, И.Т. Кругликова, Е.Г. Кастанаян), однако, все это были как бы локальные обобщения. Благодаря обширному материалу, полученному из раскопок разнообразных и хронологически дополняющих друг друга объектов, стало возможным впервые проследить за изменениями в облике лепной керамики на протяжении более чем тысячелетия.

При этом прежде всего бросается в глаза преемственность ее основных типов и форм. Эта непрерывность традиций особенно ярко выражена в первых веках н.э. Хронологические различия в основном сводятся к появлению вариантов тех или иных сосудов, их количеству и доминанте конкретных типов и вариантов.

Наиболее заметные перемены в характеристике лепного керамического комплекса наблюдаются в конце V – начале IV в. до н.э., около середины III в. до н.э. и затем во второй половине I в. до н.э. В определенной степени можно говорить также и о рубеже II–III вв. н.э., а также о конце III в. н.э. Самые близкие аналогии постоянно и в большом числе указывают на влияние степных районов Северного Причерноморья, а в более поздний период – познескифских традиций (со всеми соответствующими особенностями последних). Причем они удерживаются на европейском Боспоре вплоть до VI в. н.э. О чисто сарматском воздействии можно говорить очень осторожно. Зато меото-сарматское (аланское) влияние не очень существенно, но вполне отчетливо, особенно в поздний период. Совершенно не выделяется посуда "черняховского типа". Напротив, в ранний период улавливается связь с керамикой Крымских предгорий и, возможно, даже с позднесрубной посудой. Изредка встречаются отдельные нетипичные, подчас весьма специфичные по форме и орнаментации сосуды. Наконец, бесспорно постоянное воздействие на лепную посуду сельской территории европейского Боспора традиций и форм античного керамического производства.

Итак, результаты новых археологических исследований на хоре европейского Боспора, полученные в основном силами Восточно-Крымской экспедиции, в совокупности с прежними материалами и данными письменных источников, позволяют во многом по-иному воссоздать историю этого района на протяжении целого тысячелетия. Ее изложение потребовало бы особой публикации, здесь же укажем лишь на один совершенно новый и принципиально важный вывод. Раскопки в Приазовье показывают, что тут и в IV–VI вв. н.э. сохранился, пусть небольшой, экономический потенциал сельской территории Боспора, опиравшийся на многовековые традиции относительно стабильного населения, навыки земледелия и благоприятные природные условия. По-видимому, этого оказалось достаточно для более или менее нормального функционирования позднеантичного Боспора.

Окончательно жизнь на местных поселениях замирает лишь около 575 г. н.э., что в принципе можно считать конечной датой античного периода истории Восточного Крыма.

Всесторонняя отработка методов электро- и магниторазведки стала, как уже говорилось, еще одним постоянным направлением в работе экспедиции. Все эти исследования велись непрерывно более десяти лет под руководством канд. ист. наук Т.Н. Смекаловой. Пожалуй, нигде в мире мы не имеем сегодня столь продолжительного опыта сотрудничества геофизиков и археологов, а главное, столь обширного полученного материала. Действительно, приемы магниторазведки были детально опробованы на больших площадях, различных по типологии и хронологии памятниках. При этом учитывались природные особенности местоположения и чисто археологическая их специфика, зависимость результатов от мощности культурного слоя, сохранности объектов и многое другое. Главное же, благодаря последующим раскопкам всегда имелась возможность непосредственного сравнения полученных данных и, следовательно, оснований для дальнейшей отработки отдельных приемов измерений и интерпретации их результатов.

С другой стороны, столь долгое сотрудничество укрепляло и у археологов доверие к естественно-научным методам. Все это позволяло в ряде случаев заранее не только наметить для раскопок тот или иной памятник, но наиболее рационально спланировать предстоящие работы. На определенном этапе стало даже возможным подчас судить об основных планировочных принципах застройки, общей площади и, следовательно, типологической принадлежности поселения вообще не прибегая к раскопкам.

Собранный с 1982 г. банк данных стал основой первого в мировой практике сводного кадастра археометрических измерений памятников хоры античных государств.

Разумеется, возможности любой методики ограничены, а главное, применение так называемых вспомогательных дисциплин без параллельных археологических проверок бессмысленно. Далеко не всегда полученные результаты могли считаться удовлетворительными, но в целом ряде примеров (исследования башен на Узунларском валу, усадьбы у Бакланьей скалы, поселения на Чокракском мысу, построек на селищах Кошара и Золотое-плато, зданий на поселении Генеральское-западное и некоторых других) они оказались весьма обнадеживающими и полезными.

В перспективе важным представляется дальнейшее совершенствование методики археофизических измерений, определение возможных пределов точности и соответствующей интерпретации данных. Проведение сплошных обмеров некоторых городищ, селищ и поселений, раскопки которых нецелесообразны или по каким-то причинам пока невозможны. Многообещающим может оказаться всестороннее использование методов магниторазведки при исследовании следов древнего землепользования, и при поиске грунтовых могильников.

В заключение нескольких слов о перспективах работ Восточно-Крымской экспедиции. При этом надо оговориться, что исследования на хоре европейского Боспора в настоящее время в той или иной мере ведутся нескольими отрядами, но районы "дальней" хоры по-прежнему остаются прерогативой московских археологов.

Еще далеко не все хронологические периоды и типы памятников исследованы на рассматриваемой территории одинаково полно. Так, по-видимому, надо продолжить поиски ранних объектов, хотя вероятность успеха невелика.

Большой интерес представляет изучение больших и малых усадеб эллинистического времени, существование которых прежде даже не предполагалось. Последние находки заставляют совершенно по-новому оценить экономический потенциал и уровень специализации этих хозяйств. Отсюда следуют важнейшие выводы о сущности и производственных возможностях условно царских (государственных) хозяйств. Одновременно чрезвычайно важно было бы обнаружить сопутствующие им некрополи. Впрочем, их отсутствие, если таковое будет доказано, также явится примечательным результатом.

По-прежнему в значительной степени "белым пятном" остается этническая история Восточного Крыма во второй половине III–II вв. до н.э. Поиски и раскопки могильников этого времени позволили бы заполнить эту лакуну.

Важным рубежом местной истории является I в. до н.э. До сих пор не вполне ясно: на какой экономический потенциал (прежде всего в сельском хозяйстве) опирался (или рассчитывал опереться?) Митридат в своей борьбе с Римом. Иными словами, что представляла собой хора государства именно в этот период.

Думается, что следовало бы продолжить тщательную разработку вопросов хронологии отдельных групп находок, памятников и целых исторических эпох. Наконец, все большее место в наших планах занимают задачи издания материалов раскопок Восточно-Крымской экспедиции.

Все вышесказанное можно было бы назвать традиционными планами. Однако жизнь вносит свои изменения, подчас неожиданные и серьезные. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что планирование и проведение дальнейших исследований в Крыму теперь невозможно без всестороннего сотрудничества с Симферопольским филиалом ИА Украины и Керченским Историко-археологическим заповедником.

Стремительное хозяйственное освоение больших пространств в Восточном Крыму, грядущая приватизация земли, естественное природное разрушение археологических памятников заставляют соответствующим образом корректировать планы, концентрировать силы и внимание в основном на составлении археологических карт, охранных зон, доследовании некоторых гибнущих объектов.

Весьма важной и перспективной становится задача археологического обоснования для природно-исторических заказников и заповедников. Особенно это касается района Приазовья с его уникальным набором городищ, поселений, некрополей, курганов, а также фауной и флорой.

Но, пожалуй, первостепенное значение, в силу известных причин, имеет сейчас спасение античных некрополей и могильников, то есть наиболее полные и быстрые их раскопки. Данная цель потребует большого напряжения сил и средств и, по-видимому, смещения приоритетов всех научных исследований экспедиции.

Многообещающи также разработки на базе экспедиции различных эколого-демографических программ. Тем более, что для этого создан предшествовавшими раскопками солидный научный задел.

В течении многих лет Восточно-Крымская экспедиция Института археологии РАН оставалась в известном смысле базовой экспедицией нашего Института в Крыму. Здесь проходили археологическую практику и стажировку студенты и аспиранты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Тулы, Калуги и др. городов. Эту традицию хотелось бы сохранить на будущее.

Наконец, в работах ВКАЭ в разные годы и в разном качестве принимали участие многие специалисты-археологи и историки как ИА, так и других научных и учебных заведений: В.Н. Розов, О.Д. Чевелев, Т.Н. Смекалова, И.М. Безрученко, С.В. Мокроусов, В.Г. Зубарев, А.Ю. Несмелов, В.К. Голенко, Е.Ю. Лебедева, С.Ю. Сапрыкин, Н.Ф. Федосеев, Н.И. Винокуров, С.В. Мазов, А.В. Подосинов. Подводя некоторые итоги двадцатилетнему периоду деятельности Восточно-Крымской экспедиции, автор хотел бы выразить всем им свою благодарность и признательность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П., Паромов Я.М., 1993. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. № 2. М.

Блаватский В.Д., 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Дирин А.А., 1896. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. Т. XIX.

Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Масленников А.А., 1980. Население прибрежных районов Восточного Крыма в VI–I вв. до н.э. // СА. № 1.

Институт археологии РАН,
Москва

A.A. MASLENNIKOV

THE STUDY OF THE RURAL TERRITORY OF THE EUROPEAN BOSPORUS. THE RESULTS AND PROSPECTS BY THE END OF THE CENTURY

Summary

The article summarized main results of complex studies of ancient sites of the chorus of the Bosporus European part over the last quarter of the century. Specific attention is paid to new ideas on the issue of the chorus organization, settlement typology and their chronology. Some findings as regards the condititons of the rural fortification are presented. A number of aspects of ethnic history of this region are specified on the basis of studies of numerous burial grounds, handmade pottery complexes. Finally, it mentions major problems that the scholars involved in studies conducted way in the Eastern Crimea face.

Т.А. ГАБУЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Изучение этнической истории Северного Кавказа невозможно без рассмотрения так называемой аланской проблемы. До сих пор окончательно не разрешены ключевые вопросы истории алан: их происхождение, время появления на Северном Кавказе, соотношение аланского этноса и археологической культуры. Ответить на них нельзя без решения вопроса о происхождении катакомбного обряда погребения.

До недавнего времени господствующей была точка зрения, которая сводилась к следующему: аланы, одно из сарматских племен, пришли на Северный Кавказ в I в. н.э. и принесли с собой катакомбный обряд погребения. Они подчинили себе этнически родственные сарматские племена и распространили на них свое имя. Этой точки зрения придерживалось большинство исследователей (библиографию см.: Абрамова М.П., 1993, с. 5–14).

Значительно отличается от господствующей точки зрения мнение М.П. Абрамовой. Возможность пересмотреть общепринятое мнение ей дали материалы могильников Нижний Джулат (Абрамова М.П., 1972) и Чегем II (Керефов Б.М., 1985), ранние катакомбы которых датируются II–I вв. до н.э. Рассмотрев эти погребения, М.П. Абрамова выделила черты погребального обряда, не характерные для сарматов, а свойственные местным кавказским племенам, и указала на местное происхождение некоторых категорий инвентаря. Все это позволило ей сделать вывод о том, что решающая роль в формировании катакомбного обряда погребения принадлежит местному кавказскому населению и большому влиянию Северо-Западного Кавказа, Крыма и Тамани, где были распространены земляные склепы (Абрамова М.П., 1978; 1979; 1982). Справедливо критикуя традиционную точку зрения, М.П. Абрамова, однако, почти полностью отрицает в этом процессе роль ираноязычных кочевников. В дальнейшем ее формулировки стали более точными. В частности, под "местным" населением, по ее мнению, надо видеть не только автохтонные племена, но и ираноязычное население, проникшее на Северный Кавказ еще до появления здесь катакомбных погребений (Абрамова М.П., 1988, с. 24, 25).

Важное место в развернувшейся после выхода статей М.П. Абрамовой полемике занимает статья М.Г. Мошковой (Мошкова М.Г., 1983). Рассмотрев катакомбы Северного Кавказа и Поволжья – Южного Приуралья, она приходит к выводу, что если отнесение алан к кругу ираноязычных сармато-массагетских племен считать бесспорным, то следует отказаться от мнения, что аланы или какие-то другие сарматские племена принесли на Северный Кавказ катакомбный обряд погребения. Об этом, по ее мнению, свидетельствует малое число катакомб на территории, занимаемой сарматами. В то же время М.Г. Мошкова считает, что из этого не следует отрицание сарматизации Северного Кавказа в последние века до н.э. – первые века н.э.

Работы М.П. Абрамовой и М.Г. Мошковой позволили многим сторонникам традиционной точки зрения по-новому взглянуть на проблему происхождения северокавказских катакомб. В этом смысле интересна статья В.Б. Виноградова и Я.Б. Березина, в которой авторы, будучи в прошлом сторонниками господствующей концепции, в значительной степени пересмотрели свои взгляды. Авторы считают, что "под именами "сираков" с III в. до н.э. и "алан" с I в. н.э. на Северном Кавказе выступает

© Т.А. Габуев, 1997 г.

формирующееся и, видимо, ко II в. до н.э. в основном сложившееся, синтезировавшееся ирано-кавказское этнокультурное сообщество, включившее в себя полиэтничных потомков населения Предкавказья скифского времени, сарматские племена сираков, группы аорсов, алан, роксолан и т.п., но также и в различной степени сарматизированные местные племена", т.е. "речь идет фактически о создании нового "предэтноса", который позднее разовьется в средневековую аланскую народность" (Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1985, с. 54, 55). Таким образом, в последние годы наметилось сближение некогда полярных точек зрения, хотя это не позволяет считать вопрос исчерпанным.

В Центральном Предкавказье катакомбные погребения появляются в последние века до н.э. как в курганах, так и в грунтовых могильниках. Все катакомбы Центрального Предкавказья, зафиксированные в курганах, были впускными, и к настоящему времени их раскопано немного. Несколько катакомб было исследовано в Ставропольском крае. Датируются эти погребения III–I вв. до н.э. (Кореняко В.А., 1980; Мирошина Т.В., 1985; Игнатов В.Н., 1986). Еще одна группа впускных подкурганных катакомб была обнаружена в Моздокском р-не в Северной Осетии. Две из них были опубликованы В.Б. Виноградовым и Я.Б. Березиным (Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1985, с. 49–52). Авторы публикации относят ряд вещей из этих погребений к раннесарматскому периоду, и хотя они указывают на более позднюю дату золотых серег из погр. 1 кург. 2, но в то же время датируют эти погребения IV–III вв. до н.э. М.П. Абрамова, справедливо возражая против столь ранней даты, предложила датировать все катакомбы ранней группы III–I вв. до н.э. (Абрамова М.П., 1988, с. 26). Кроме того, в этой публикации сообщается о наличии еще пяти аналогичных катакомб, раскопанных в Моздокском р-не археологической экспедицией Североосетинского госуниверситета, но к настоящему времени еще не опубликованных.

К группе моздокских катакомб следует отнести и две впускные подкурганные катакомбы, раскопанные экспедицией Государственного музея Востока в 1986 г. у ст-цы Черноярской в Моздокском р-не Северной Осетии. Материалы этих раскопок еще не опубликованы, но предварительно оба погребения можно датировать III–I вв. до н.э.

Таким образом, впускные катакомбные погребения Центрального Предкавказья датируются III–I вв. до н.э. и локализуются в Ставрополье и Северной Осетии. Все впускные катакомбы имеют сходную конструкцию – длинные оси входной ямы и камеры находятся на одной прямой (тип II по К.Ф. Смирнову) (рис. 1, *1*). Исходной территорией, с которой погребения этого типа распространились на Северном Кавказе, по мнению М.П. Абрамовой, является Таманский п-ов, где аналогичные земляные склепы становятся характерными начиная с IV–III вв. до н.э. (Абрамова М.П., 1993, с. 99–101). Появление впускных катакомб в Центральном Предкавказье М.П. Абрамова связывает с приходом сираков, в которых она вслед за К.Ф. Смирновым склонна видеть потомков савроматов, вытесненных с Нижнего Дона в Прикубанье аорсами. Расселение в Прикубанье и Приазовье савроматов, их контакты и частичное объединение с местным населением и привели к сложению сиракского союза племен. Именно от местного эллинизированного населения сираки, по мнению М.П. Абрамовой, и восприняли данную форму погребального сооружения. Подтверждает эту мысль тот факт, что в Краснодарском крае обнаружено наибольшее количество впускных катакомб II типа (Ждановский А.М., 1987, с. 35).

Мнение М.П. Абрамовой в вопросе о распространении впускных катакомб в Центральном Предкавказье выглядит достаточно убедительным, но в то же время следует иметь в виду, что катакомбы II типа были зафиксированы у сармат Поволжья и Приуралья. Несмотря на то что для сарматских памятников катакомбы были малохарактерны, все же большинство из них приходится на III–II вв. до н.э. (Мошкова М.Г., 1983, с. 23, табл.), т.е. на время, когда данный тип погребального сооружения распространяется (хотя также в ограниченном количестве) и в Центральном Предкавказье. Последнее не позволяет считать вопрос об исходной территории распрост-

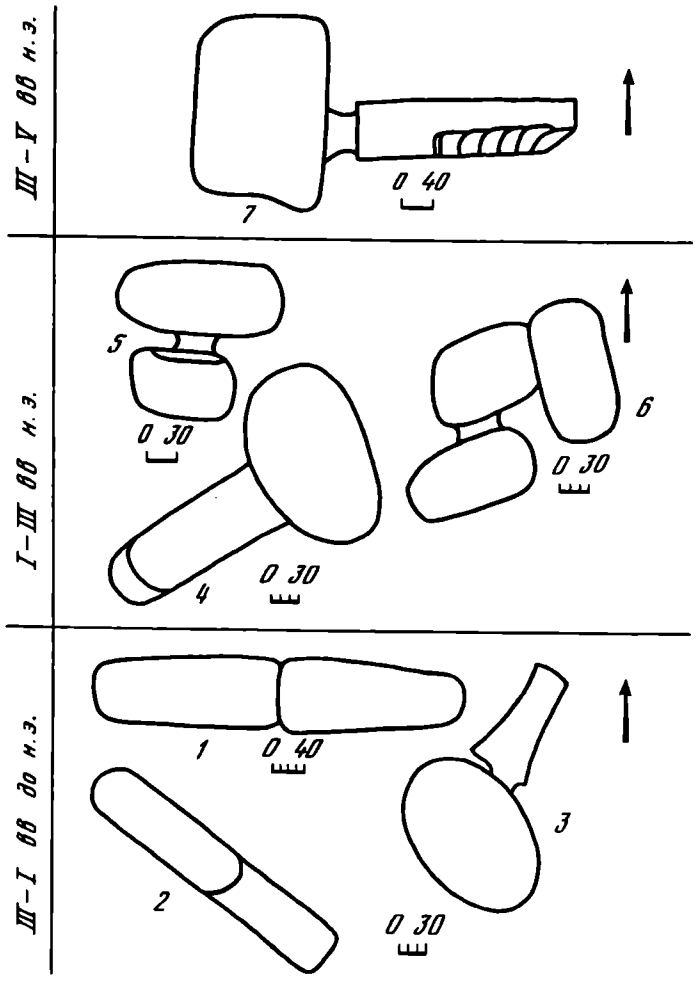


Рис. 1. Типы катакомб Центрального Предкавказья

ранения впускных катакомб II типа решенным. В любом случае появление этого обряда погребения в Центральном Предкавказье следует связывать с приходом туда новой группы ираноязычных кочевников вне зависимости от того, были ли это сираки Прикубанья или сарматы Поволжья – Приуралья.

Что же касается ранних грунтовых катакомб Центрального Предкавказья, то они происходят из могильников Нижний Джулат и Чегем II (Кабардино-Балкария) и датируются II–I вв. до н.э. Могильник Чегем II существует до II в. н.э., а могильник Нижний Джулат – до середины III в. н.э. С I в. н.э. начинает свое существование Подкумский катакомбный могильник (район г. Кисловодска), наиболее поздние погребения которого датируются первой половиной III в. н.э. (Абрамова М.П., 1987). Кроме того, имеется еще несколько единичных катакомбных погребений, датирующихся временем бытования этих трех могильников. Таким образом, грунтовые катакомбные могильники датируются временем со II в. до н.э. до III в. н.э.

Объяснением появления грунтовых катакомб могла бы быть традиционная точка зрения о происхождении северокавказских катакомб, правда, в несколько измененном виде: своим происхождением эти катакомбы обязаны сарматским племенам, которые принесли в Центральное Предкавказье впускные катакомбы и впоследствии, при переходе к оседлости, стали хоронить умерших в грунтовых катакомбных могильниках. Если бы это было так, то на раннем этапе существования грунтовых катакомбных могильников господствующим типом катакомбы был бы тип, характерный для впускных катакомб (длинные оси входной ямы и камеры – на одной

прямой). Чтобы убедиться, так ли это, нам следует подробнее остановиться на характеристике катакомбных грунтовых могильников. Кроме того, интересно проверить и мнение М.П. Абрамовой о том, что в первых веках н.э. и особенно во II–III в. н.э. господствующим типом становятся катакомбы с перпендикулярным соотношением длинных осей (Абрамова М.П., 1988, с. 32), поскольку это имеет значение для этнической интерпретации катакомб последующего периода.

В 1988 г. автор опубликовал статью, в которой катакомбные погребения были формализовано описаны и классифицированы с использованием математических методов (Габуев Т.А., 1988а). Не останавливаясь на выводах, изложенных в ней, хочется отметить, что для сарматского времени (II в. до н.э. – III в. н.э.) характерно наибольшее число разновидностей[1] катакомб (26). Если эти разновидности объединить в более крупные группы, т.е. типы по терминологии многих археологов, отбросив второстепенные признаки, то получим четыре группы погребений: 1) длинные оси входной ямы и камеры на одной прямой (рис. 1, *2*); 2) длинные оси перпендикулярные (рис. 1, *3*,); 3) длинные оси параллельны (рис. 1, *5*); 4) двухкамерные катакомбы (рис. 1, *6*). Если же бытование грунтовых катакомб сарматского времени разделить на два периода (II в. до н.э. – рубеж н.э. и I–III вв. н.э.), то распределение катакомб по группам и периодам будет выглядеть следующим образом (таблица)[2].

Из таблицы видно, что для раннего периода характерны катакомбы с перпендикулярным соотношением длинных осей и полностью отсутствуют погребения групп 3 и 4, а катакомбы группы 1 представлены всего двумя погребениями (погр. 30 могильника Нижний Джулат и погр. 43 могильника Чегем II).

В классификацию и соответственно в таблицу из-за плохой сохранности не были включены погребения 36, 46, 94, 96 Нижне-Джулатовского могильника, датируемые II–I вв. до н.э., которые М.П. Абрамова относит к группе 1 (Абрамова М.П., 1972, с. 9). Если это утверждение бесспорно относительно погребений 36 и 96, то отнесение к группе 1 погребений 46 и 94 вызывает сомнения. Но даже если все эти погребения отнести к группе 1, то все равно общее их число будет составлять менее 50% от числа катакомб раннего времени. А если учесть, что например, погребения 4, 10, 11, 16 могильника Чегем II (не включенные в классификацию и таблицу из-за плохой сохранности), по всей видимости, являются катакомбами с перпендикулярным соотношением длинных осей, то предположение о характерности для раннего периода катакомб группы 1 нельзя считать правильным.

В более позднее время (I–III вв. н.э.) катакомбы группы 1 отсутствуют, а все погребения достаточно равномерно распределились по группам 2, 3 и 4. Среди этих погребений катакомбы группы 2 составляют только одну треть. Если же из всех катакомб I–III вв. н.э. могильников Нижний Джулат и Подкумок (в том числе и не включенных в классификацию и таблицу) выделить погребения II–III вв. н.э., то картина будет выглядеть следующим образом. Из катакомб Нижнего Джулата II–III вв. н.э. датируются только девять погребений, из них только два (погребения 33 и 77) можно отнести к группе 2, тогда как установить форму остальных семи погребений этого времени затруднительно. В могильнике Подкумок из восьми катакомб II–III вв. н.э. только четыре можно отнести к группе 2, тогда как остальные катакомбы были или двухкамерными, или с параллельным соотношением длинных осей. Картина существенно не изменится, если мы прибавим к погребениям группы 2 единичные катакомбы из могильников Пседах и Алхасте, датируемых II–III вв. н.э.

Таким образом, малое количество катакомб группы 2, как и вообще погребений II–III вв. н.э. в Центральном Предкавказье; хотя и позволяет согласиться с мнением М.П. Абрамовой о характерности для этого времени катакомб с перпендикулярным соотношением длинных осей, но в то же время не убеждает в том, что эта форма

---

[1] Разновидностью в данном случае является погребение или группа погребений, которые отличаются друг от друга хотя бы по одному значимому признаку.

[2] В таблице использованы те же погребения, что и при работе над классификацией.

Группа	II в. до н.э. – рубеж н.э.		I–III вв. н.э.	
	количество	%	количество	%
1	2	22,2	–	–
2	7	77,8	12	31,6
3	–	–	15	39,5
4	–	–	11	28,9
Всего	9	100	38	100

становится господствующей. В процентном же отношении катакомб группы 2 в первых веках н.э. становится даже меньше по сравнению со II–I вв. до н.э.

Как мы видим, равнинные и предгорные районы Центрального Предкавказья представлены тремя наиболее крупными катакомбными могильниками: Чегем II, Нижний Джулат и Подкумок. Могильники Нижний Джулат и Чегем II, происходящие из Кабардино-Балкарии, имеют значительное сходство как по конструкции катакомб, так и по другим элементам погребального обряда. О последнем свидетельствует наличие на обоих могильниках 16 признаков, выделенных для характеристики погребального обряда (Габуев Т.А., 1998б, с. 388, 389).

Подкумский же могильник отличается от двух других не только отсутствием четырех признаков, характеризующих погребальный обряд, но и тем, что на Подкумке встречены такие разновидности катакомб, каких нет на могильниках Нижний Джулат и Чегем II. Различие между могильниками Чегем II и Нижний Джулат, с одной стороны, и могильником Подкумок – с другой – следует объяснять не только хронологическими и не столько этническими причинами (все же 12 из 16 признаков реализуются на всех трех могильниках), сколько локально-племенными различиями.

Итак, в последние века до н.э. для Центрального Предкавказья были характерны как впускные катакомбы, так и грунтовые катакомбные могильники. Возникает вопрос: какова взаимосвязь между впускными и грунтовыми катакомбами? И можно ли появление грунтовых катакомб, без сомнения, принадлежавших оседлому населению, связывать с влиянием сармат, имевших в это время впускные катакомбы? Дать окончательный ответ на эти вопросы пока невозможно, поскольку к настоящему времени открыто сравнительно небольшое количество впускных катакомб, но некоторые предварительные выводы уже можно сделать.

Впускные катакомбы датируются III–I вв. до н.э. и локализуются в Ставрополье и Моздокском р-не Северной Осетии, тогда как грунтовые катакомбные могильники начинают свое существование со II в. до н.э. и фиксируются в Кабардино-Балкарии и в районе Кавказских Минеральных Вод. На первый взгляд, можно было бы согласиться с В.Б. Виноградовым и Я.Б. Березиным, считающими грунтовые катакомбы более поздними (Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1985), но поскольку из широкой даты бытования впускных катакомб мы не можем пока четко выделить погребения только III в. до н.э., то справедливым выглядит утверждение М.П. Абрамовой об их синхронности (Абрамова М.П., 1988, с. 26). Хотя нельзя исключить возможность того, что впускные катакомбы могли в какой-то степени предшествовать грунтовым. Но даже если это так, то все равно малое количество впускных катакомб и локализация их в других районах, чем те, откуда происходят грунтовые могильники, не позволяют утверждать, что появление последних вызвано переходом к оседлости кочевых сармат, которым принадлежали впускные катакомбные погребения. В то же время в грунтовых катакомбах изначально присутствуют многие черты погребального обряда, не свойственные сарматам, а характерные для местного кавказского населения (Габуев Т.А., 1988б, с. 392–398). Трудно предположить, что самые ранние памятники пришлого населения могли за столь короткий срок столь сильно подвергнуться местному влиянию. Кроме того, сарматские впускные катакомбы (как северокавказские, так и степные) представлены только одним типом, тогда как в грунтовых могильниках

Центрального Предкавказья изначально отмечается большое разнообразие форм катакомбных сооружений.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что появление грунтовых катакомбных могильников в Центральном Предкавказье не следует связывать непосредственно, с сарматским населением. В уже неоднократно упоминавшейся статье, посвященной классификации катакомб (Габуев Т.А., 1988а, с. 154), автор предлагал рассматривать их появление в этом регионе не в связи с массовым приходом сарматов, а в связи с зарождением этого обряда непосредственно в Центральном Предкавказье. Этот вывод был сделан на основе анализа главным образом грунтовых катакомбных могильников, поскольку большинство впускных катакомб ко времени работы над статьей опубликованы не были. С учетом же впускных катакомб можно предположить, что последние, хотя и в небольшом количестве появившиеся в Центральном Предкавказье, могли послужить своеобразным "импульсом" для появления грунтовых катакомбных могильников, правда, при условии, что впускные катакомбы могли им несколько предшествовать. Для подобной постановки вопроса должно быть соблюдено одно условие – население, этот "импульс" воспринявшее, не должно находиться в антагонизме с населением, этот "импульс" передавшим. Под "антагонизмом" нужно понимать антагонизм не политический, а скорее идеологический, религиозный или этнический.

Население равнинной и предгорной зоны Центрального Предкавказья к моменту появления здесь сармат – носителей впускных катакомб – было в значительной степени неоднородно и содержало как местный, кавказский, так и пришлый, иранский, элементы. Проникновение ираноязычных кочевников в Предкавказье началось еще задолго до появления здесь катакомб, начиная, по крайней мере, со скифского времени. Естественно, что проникновение этих кочевников не проходило бесследно ни для них самих, ни для кавказского населения. Постепенно процент иранского населения увеличивался в связи с приходом новых групп кочевников. Каждая новая волна попадала в среду, в значительной степени подготовленную их предшественниками. И эта среда, видимо, не была для пришельцев совершенно чуждой в этническом, культурном и религиозном отношениях. И у пришлого, и у местного населения могли быть близкие представления относительно религиозно-обрядовой стороны жизни вообще и погребального обряда, в частности, т.е. идея сооружения катакомбы у сармат могла лечь на благодатную почву идеологических запросов северокавказского иранизированного населения. Идею "импульса" следует рассматривать не иначе как предположение, которое не противоречит, а только дополняет концепцию о сложении катакомбного обряда погребения непосредственно в Центральном Предкавказье. Что касается идеологических запросов, то скорее всего именно в них следует видеть причину появления катакомбных погребений у ираноязычных народов в скифо-сарматское время на огромной территории от Средней Азии до Северного Причерноморья. На это указывал в свое время и К.Ф. Смирнов (Смирнов К.Ф., 1972, с. 75, 76).

Таким образом, не обязательно искать один источник зарождения катакомбного обряда погребения и связывать его распространение только с большими перемещениями народов. Возможно, формирование катакомбного обряда на разных территориях и у разных народов могло происходить независимо друг от друга. О том, что зарождение катакомбного обряда погребения происходило, в частности, непосредственно в Центральном Предкавказье, свидетельствует наличие большого числа разновидностей катакомб (26) в грунтовых могильниках. Последний факт позволяет говорить о том, что катакомбы не появляются здесь в готовом виде, а именно здесь наблюдается процесс их сложения.

К подобному пониманию процесса сложения и распространения катакомбного обряда погребения нас подтолкнула мысль Г.А. Федорова-Давыдова о типообразовании (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с. 286–296). Эта мысль сводится к следующему: каждая разновидность какой-либо категории предметов проходит несколько стадий в своем развитии. В первый период признаки на объекте сочетаются случайно в связи с тем,

что у производителей еще не сложилось четкого представления о форме и других качествах этого объекта. Это влечет за собой появление большого количества разновидностей, многие из которых являются случайными, т.е. нетипическими, и бытуют ограниченное количество времени. Некоторые разновидности – "сильные", они продолжают существование и становятся господствующими, т.е. складываются сильные типы. При этом некоторые разновидности, обладающие связанным ядром значимых признаков, могут быть и редкими типами. И, наконец – период упадка, когда какой-либо тип предметов постепенно выходит из употребления.

Если рассматривать северокавказские катакомбы с этой точки зрения, то получится следующая картина. Ранний период бытования грунтовых катакомб в Центральном Предкавказье, т.е. сарматское время, можно рассматривать как первый период формирования типов катакомбных погребений. Для этого периода характерно большое число разновидностей, многие из которых представлены единичными погребениями или малым их числом. Некоторые разновидности существуют ограниченное время, поскольку являются нетипическими. Катакомбы, у которых оси входной ямы и камеры расположены на одной прямой, являются "редкими" типами, поскольку они представлены достаточным числом погребений (если учитывать и впускные, и грунтовые катакомбы) и различия в деталях конструкции у них незначительны. Исчезновение их к рубежу н.э. свидетельствует об окончании периода их существования.

Если рассматривать остальные катакомбы, то для всего сарматского периода более характерны погребения с перпендикулярным соотношением длинных осей. Разнообразие разновидностей катакомб этой группы, видимо, свидетельствует о поиске их устроителями оптимальных параметров погребальной конструкции данного типа. Появление в I в. н.э. двухкамерных катакомб и с параллельным соотношением длинных осей, возможно, также указывает на это. Однако процесс типообразования в сарматский период не был завершен, поскольку к середине III в. н.э. грунтовые катакомбные могильники прекращают свое существование. На поздней стадии их бытования (I–III вв. н.э.) не были выработаны "сильные" типы, которые в дальнейшем стали бы господствующими. Касаясь этого вопроса, хотелось бы еще раз отметить, что во II–III вв. н.э. общее количество погребений резко сокращается и каждая разновидность катакомб представлена чаще всего единичными погребениями.

В середине III в. н.э. в степной зоне Центрального Предкавказья появляются подкурганные катакомбные могильники. Большинство этих курганов расположено на правом берегу Среднего Терека – от г. Моздока (Братское, Октябрьское, Виноградная) до г. Грозного (Алхан-Кала) (Мунчаев Р.М., 1965; Абрамова М.П., 1975; Габуев Т.А., 1985; Нечаева Л.Г., 1956). Датируются эти погребения III–IV вв. н.э. Более поздним временем (V в. н.э.) датируются аналогичные подкурганные катакомбы у с. Брут в предгорной зоне Северной Осетии (Абрамова М.П., 1975, с. 231; Габуев Т.А., 1991, с. 27–29).

Все катакомбы в курганах являются основными. Они имеют перпендикулярное соотношение длинных осей входной ямы и камеры, настоящие дромосы и прямоугольные в плане камеры и входные ямы (рис. 1, *7*). Поскольку все эти катакомбы разграблены в древности, то основным источником для их этнической интерпретации становится конструкция погребального сооружения. Во всех этих могильниках к настоящему времени раскопано только небольшое количество курганов, тогда как реальное число погребений может исчисляться многими сотнями, поскольку могильники эти обширны и зачастую сливаются друг с другом. Датой бытования основных подкурганных катакомб можно считать середину III–V в. н.э.

Подкурганные катакомбы этого времени имеют существенные отличия от грунтовых катакомб сарматского времени. Не останавливаясь подробно на всех деталях, поскольку о них уже было написано (Габуев Т.А., 1988а, с. 151–155), хотелось бы обратить внимание на наиболее важные различия: во-первых, различия в деталях конструкций катакомб обоих периодов (форма свода, количество и характер устройства ступеней во входной яме и пр.); во-вторых, существенная разница в размерах и

пропорциях катакомб; в-третьих, особая тщательность отделки подкурганных катакомб по сравнению с грунтовыми; в-четвертых, среди катакомб сарматского времени нет преобладания тех разновидностей катакомб, которые имели бы общее сходство с катакомбами подкурганными; в-пятых, малое количество разновидностей подкурганных катакомб по сравнению с катакомбами сарматского времени. Последнее указывает на то, что устроители подкурганных катакомб имели четкое представление о форме погребального сооружения, в котором они хоронили своих умерших соплеменников, т.е. мы видим уже сложившуюся форму погребального сооружения.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что появление подкурганных катакомб нельзя рассматривать в связи с развитием традиции сооружения катакомб предшествующего времени. Первый период (сарматское время) бытования катакомб в Центральном Предкавказье можно считать начальным этапом формирования типов катакомбных погребений. Но этот период не был завершен, поскольку новое население, принесшее подкурганные катакомбы, положило конец существованию грунтовых катакомбных могильников. У нового населения процесс типообразования был на более высокой ступени или даже завершен, т.е. все "слабые" типы и случайные "нетипические" разновидности катакомб уже исчезли, а различия между существующими "сильными" типами незначительны.

Рассматриваемая ситуация ставит перед нами следующие вопросы: кто это новое население? Откуда оно пришло? Какова судьба племен, оставивших грунтовые катакомбные могильники сарматского времени?

В этом новом населении мы готовы видеть алан, значительная масса которых (судя по обширности курганных могильников) в середине III в. н.э. осваивает равнинные и предгорные зоны Центрального Предкавказья.

Первое упоминание алан на юге Восточной Европы у древних авторов относится к I в. н.э. Наиболее достоверными можно считать сведения, фиксирующие их в Северном Причерноморье, в районах Танаиса и Меотиды (Сенека, Плиний, Иосиф Флавий, Птолемей, Дионисий Периегет). Выделение собственно раннеаланских памятников из числа сарматских не является вопросом решенным, но хотелось бы отметить, что наиболее аргументированным выглядит мнение об отнесении к ним богатых подкурганных захоронений на Нижнем Дону (Раев Б.А., 1978, с. 14).

Присутствие ранних донских алан в Центральном Предкавказье в I–II вв. н.э. вполне вероятно, так как походы в Закавказье они совершали через горные перевалы именно этого региона. Однако, поскольку приток населения в Центральном Предкавказье со II в. до н.э. до III в. н.э. археологически пока не прослеживается, то говорить об их длительном проживании здесь преждевременно. Что же касается нашего утверждения о приходе в Центральное Предкавказье в середине III в. н.э. значительной массы алан, то мы, видимо, имеем здесь дело уже с новой волной аланской миграции, новой не только для Кавказа, но и для всей Европейской Сарматии, т.е. встает вопрос о поиске аланской прародины.

Самым распространенным до недавнего времени являлось мнение о сарматском происхождении алан. Аланы, по мнению К.Ф. Смирнова, вызревали "как политическая и военная сила внутри сарматской конфедерации III–II вв. до н.э., возглавляемой аорсами" (Смирнов К.Ф., 1950, с. 108). Аорсов исследователь помещал в степных районах Северного Прикаспия.

Кроме того, существует мнение о среднеазиатском происхождении алан. Из работ, вышедших в последнее время, эта идея наиболее полно была отражена в книге А.С. Скрипкина (Скрипкин А.С., 1990, с. 198 и сл.). Поэтому, не повторяя аргументацию, изложенную в этой книге, хотелось бы остановиться на следующем. Автор приводит две точки зрения в вопросе о среднеазиатском происхождении алан. В первом случае аланы связываются с массагето-юэчжийским кругом народов, во второй – с сарматским. Не решая вопроса о том, какая из этих двух версий верна, хотелось бы отметить сам факт пребывания алан (асиев Страбона и асианов Помпея Трога) в Средней Азии. Факт этот в настоящее время подтверждается в основном только

историческими свидетельствами (владение Аланья, аланы-массагеты и пр.), тогда как решение проблемы видится в соотнесении с аланами конкретных археологических памятников, и в первую очередь в сравнительном анализе катакомбных погребений Северного Кавказа и Средней Азии. Неудачная попытка разрешить эту задачу была предпринята Н.И. Берлизовым и В.Н. Каминским (Берлизов Н.И., Каминский В.Н., 1993, с. 94–112). Справедливая критика этой работы со стороны Ю.А. Заднепровского (Заднепровский Ю.А., 1994, с. 114–118) тем не менее не снимает вопроса о необходимости сравнения северокавказских и среднеазиатских катакомб. На перспективность этого пути исследования указывает и то, что наиболее близкие аналогии подкурганным катакомбам III–V вв. н.э. Центрального Предкавказья мы находим среди катакомбных погребений Средней Азии, в памятниках Средней Сырдарьи конца I тыс. до н.э. – середины I тыс. н.э. В присырдарьинских районах катакомбные погребения, аналогичные подкурганным северокавказским, являются преобладающими (Степная полоса..., 1990, с. 28, 29, 104–106). Они имеют перпендикулярное соотношение длинных осей входной ямы и камеры, чаще всего входные ямы и камеры соединялись при помощи дромоса, а в узких и длинных входных ямах устраивались ступени.

Первой на родство северокавказских и среднеазиатских катакомб указала Л.Г. Нечаева (Нечаева Л.Г., 1961, с. 159). Не разделяя до конца эту точку зрения, К.Ф. Смирнов считал ее наиболее аргументированной (Смирнов К.Ф., 1972, с. 80). На схожесть керамического комплекса и элементов погребального обряда Средней и Нижней Сырдарьи с аланской культурой Северного Кавказа указывала и Л.М. Левина (Левина Л.М., 1971, с. 241).

Тем не менее вопрос о среднеазиатском происхождении подкурганных катакомб Центрального Предкавказья пока можно рассматривать только как гипотезу, поскольку он требует самостоятельного детального изучения.

Прояснить судьбу населения, оставившего грунтовые катакомбные могильники после прихода в Центральное Предкавказье алан – носителей подкурганного катакомбного обряда погребения – нам помогают материалы Хумаринского катакомбного могильника из Карачаево-Черкессии. М.П. Абрамова, сопоставив материалы Подкумского и Хумаринского могильников, указала на их значительное сходство, что, по ее мнению, свидетельствует об этнической близости населения, оставившего эти могильники. А то, что верхняя дата Подкумского могильника совпадает с нижней датой Хумаринского могильника, свидетельствует об уходе части оседлого населения Центрального Предкавказья в горы в конце II – начале III в. н.э. (Абрамова М.П., 1990). Это мнение относительно судьбы части населения Предкавказья выглядит бесспорным. Что же касается другой части населения, то выдвинутая М.П. Абрамовой гипотеза не кажется столь убедительной (Абрамова М.П., 1988, с. 31, 32). Она сводится к следующему. Во II–III вв. н.э. в грунтовых могильниках, по ее мнению, господствующим типом становятся катакомбы с перпендикулярным соотношением длинных осей. Они генетически связаны с подкурганными катакомбами последующего периода. А появление последних в восточных районах Центрального Предкавказья вызвано передвижением оседлого населения из районов Кабардино-Пятигорья, о чем свидетельствует наличие единичных грунтовых катакомб III–IV вв. н.э., и отливом сарматских племен с территории Волго-Донского междуречья. Кроме того, появление подкурганных катакомб III–IV вв. н.э. на территории Ставропольского края и Ростовской обл. М.П. Абрамова объясняет кавказским влиянием, поскольку в южных районах эти погребения насчитываются сотнями, а в северных – только десятками. Влиянием Центрального Предкавказья появление подкурганных катакомб на Нижнем Дону в середине III–IV в. н.э. объясняет и С.И. Безуглов (Безуглов С.И., 1990, с. 80–87). На это, по его мнению, указывает конструктивная близость катакомб обоих регионов и широкое распространение на Дону гончарной керамики центральнокавказского производства. Серьезным аргументом последний факт служить не может, так как северокавказская керамика фиксируется на Нижнем Дону и в более раннее время в погребениях различных конструкций. Важным является то, что и для Дона, и

для Центрального Предкавказья эти подкурганные катакомбы являются новшеством.

Точка зрения М.П. Абрамовой основывается на мнении о нехарактерности для сармат катакомб вообще и особенно таких, какие мы находим в курганах III–V вв. н.э. в Центральном Предкавказье. Предложенная ею схема работает только в том случае, если рассматривать алан как одно из сарматских племен, обитавших в междуречье Волги и Дона. Но если предположить их среднеазиатское происхождение, то картина может выглядеть несколько иначе. Аланы, вернее та их часть, которая обитала в Средней Азии, в своем движении на запад дошли до районов Нижнего Дона и повернули на юг, не задерживаясь долго основной своей массой на территории Ставропольского края и Ростовской обл. Можно согласиться с тем, что какая-то часть оседлого населения вошла в состав вновь появившихся в Предкавказье аланских племен, но вряд ли это включение было на первых порах значительным. Однообразие подкурганных катакомб, существенно отличающихся от катакомб предшествующего периода, свидетельствует о достаточной гомогенности населения, эти погребения оставившего.

Основная масса подкурганных катакомб концентрируется в степной зоне восточных районов Центрального Предкавказья (от г. Моздока до г. Грозного) и датируется III–IV вв. н.э.; V в. н.э. можно датировать аналогичные курганы у с. Брут в предгорной зоне Северной Осетии.

С V в. н.э. в Центральном Предкавказье широкое распространение вновь получают грунтовые катакомбные погребения. По конструкции они отличаются от грунтовых катакомб сарматского времени, но имеют значительное сходство с подкурганными катакомбами III–V вв. н.э. Нет сомнения, что подкурганные и грунтовые катакомбы раннего средневековья принадлежали одному неселению. В этой связи интересно отметить, что уже упомянутый Брутский могильник содержал единовременные подкурганные и грунтовые катакомбы (Абрамова М.П., 1975, с. 213–233). Смена подкурганных катакомб грунтовыми свидетельствует о переходе к оседлости кочевого аланского населения, в Брутский могильник фиксирует начало этого процесса.

Таким образом, приход на Северный Кавказ значительной массы алан в середине III в. н.э. привел к сложению единой аланской культуры, характерным атрибутом которой можно считать катакомбные могильники, просуществовавшие до татаро-монгольского нашествия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик.

Абрамова М.П., 1975. Катакомбные погребения IV–V вв. из Северной Осетии // СА. № 1.

Абрамова М.П., 1978. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. № 1.

Абрамова М.П., 1979. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. № 2.

Абрамова М.П., 1982. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы. Ч. II // Тр. ГИМ. Вып. 54. М.

Абрамова М.П., 1987. Подкумский могильник. М.

Абрамова М.П., 1988. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Абрамова М.П., 1990. Западные районы Центрального Предкавказья во II–III вв. н.э. // КСИА. Вып. 197.

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Безуглов С.И., 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.

Берлизов Н.И., Каминский В.Н., 1993. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. Вып. 7. СПб.

Виноградов В.Б., Березин Я.Б., 1985. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Габуев Т.А., 1985. Аланские погребения IV в. из Северной Осетии // СА. № 2.

Габуев Т.А., 1988а. Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в. до н.э. – VII в. н.э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Габуев Т.А., 1988б. Элементы погребального обряда Центрального Предкавказья II в. до н.э. – VII в. н.э. // Древний и средневековый Восток. Ч. II. М.

Габуев Т.А., 1991. Аланские курганы у с. Брут в Северной Осетии // I Междунар. конф. "Осетиноведение: История и современность". Тез. докл. Владикавказ.

Ждановский А.М., 1987. К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье – Поволжье – Средняя Азия) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье. Тез. докл. к семинару. Новочеркасск.

Заднепровский Ю.А., 1994. К проблеме этнической принадлежности катакомбных памятников Средней Азии // Петербургский археологический вестник. Вып. 8. СПб.

Игнатов В.Н., 1986. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст. Хоперская // КСИА. Вып. 186.

Керефов Б.М., 1985. Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Кореняко В.А., 1980. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае // КСИА. Вып. 162.

Левина Л.М., 1971. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. // Тр. Хорезмской экспедиции. Т. VII. М.

Мирошина Т.В., 1985. Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края // КСИА. Вып. 184.

Мошкова М.Г., 1983. К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как о специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов.

Мунчаев Р.М., 1965. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. № 2.

Нечаева Л.Г., 1956. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Нечаева Л.Г., 1961. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л.

Раев Б.А., 1978. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I–III веков н.э. на Нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Смирнов К.Ф., 1950. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. XXXIV.

Смирнов К.Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, 1990. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Археологическая типология и процесс типообразования (на примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М.

Государственный музей искусства
народов Востока, Москва

T.A. GABUEV

SOME ISSUES OF THE CENTRAL CAUCASUS PIEDMONT ETHNIC HISTORY DURING THE SARMAT AGE

Summary

The study of ethnic history of the Central Caucasus piedmont is impossible without resolving the issue on the origin of the Catacomb funeral rite. In this area catacombs appeared in the last centuries BC both in the tumulus and in flat burial grounds. All catacombs in the tumuli are subsequent, one-type catacombs (type II using K.F. Smirnov's classification) and date to the third – the first centuries BC, their appearance should be linked with the advent of Sarmat tribes. The catacombs that originate from flat burial grounds date to the second – the third centuries BC. They were marked by a great variety of forms (26 variants) and belonged to local settled strongly Iranized population. This funeral rite developed directly in the Central Caucasus piedmont and is not linked with the transition of the Sarmat tribes to a settled mode of life. At the same time the appearance of subsequent Sarmat catacombs could serve as an impulse thank to which catacombs became so wide-spread here.

Flat catacomb burial grounds terminated their existence by the middle of the third century BC. From that period onward tumuli with main catacomb burials became wide spread. Significant differences between catacombs beneath the tumulus and flat catacombs do not allow to speak about their continuity, indicating the appearance of a new population in the Central Caucasus piedmont in the third century BC. This new population should be considered to be Alans, descendants from the regions of Central Asia.

In the fifth century BC catacombs beneath the tumulus were replaced by flat catacombs. Similarity in the constructions of each type is an indication of their belonging to the same population and of a transition of nomadic Alans to a settled life.

Ю.Б. ЦЕТЛИН

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ ЗА РУБЕЖОМ

Статья посвящена обзору основных направлений и подходов к изучению технологии изготовления древней керамики в зарубежной археологической науке. Целесообразность такого обзора может быть обоснована не только тем фактом, что древняя керамика представляет собой один из важнейших источников наших знаний о прошлом. Этот тезис давно стал хрестоматийным для всех археологов. Данный обзор необходим сегодня прежде всего потому, что именно в последние десятилетия наблюдается настоящий исследовательский "бум" в сфере разработки и применения новых методов изучения керамики за рубежом. Именно в этой области наиболее интенсивно идет процесс привлечения в археологию методов точных и естественных наук, прежде всего из материаловедения.

Сегодня археологи-практики в силу своей общей гуманитарной подготовки и гуманитарного склада мышления часто оказываются в затруднении, когда встает вопрос об оценке эффективности этих методов, оказываясь во власти взглядов и мнений специалистов-естественников, которые, однако, не будучи профессиональными историками, в свою очередь не могут адекватно оценить корректность применения собственных методов для изучения человеческой культуры и истории. Данное противоречие хорошо осознается ведущими зарубежными керамистами и является, по их мнению, источником многочисленных ошибок в интерпретации конкретных результатов изучения древней керамики.

Вот так эта ситуация была охарактеризована сравнительно недавно специалистом по древней керамике из университета штата Флорида проф. Пруденс М. Райс. В своем фундаментальном труде "Основы изучения керамики", изданном в 1987 г., она пишет: «Изучение археологической керамики ведется по многим направлениям, прежде всего, в сфере технического совершенствования методов и повышения их точности... Эти успехи достаточно значительны, но они не соответствуют современному уровню развития в области теории и в области разработки комплексного подхода к анализу и интерпретации керамических данных... Отсутствие такой теории и правил интерпретации заставляют существующие исследовательские подходы работать "в холостую", что ведет к повторению ошибок...» (Rice P.M., 1987, p. XXII). Поэтому П. Райс видит сегодня основную задачу в развитии теории керамических исследований, в разработке комплексного (а точнее, системного) подхода к анализу и интерпретации керамических данных, в частности касающихся гончарной технологии.

В последнее время, действительно, предпринимались попытки представить изучение древней гончарной технологии в виде определенной более или менее целостной системы. Одна из таких попыток была осуществлена в 1982 г. голландским исследователем Абрахамом ван Асом на конгрессе в Нидерландах (van As A., 1984a, p. 143). Абрахам ван Ас является учеником и последователем известного специалиста по древней керамике Ближнего Востока проф. Хенка Франкена и в настоящее время возглавляет Отдел древней гончарной технологии Лейденского университета. Предложенная им система включает три основных объекта изучения: 1) керамику из раскопок, 2) данные по этнографии гончарства и 3) природные глины. Рассмотрим ее более подробно.

© Ю.Б. Цетлин, 1997 г.

Керамика из раскопок может быть представлена относительно целыми сосудами, которые допускают изучение технологических следов и их физическое моделирование в ходе экспериментов. Сочетание этой информации с данными об этнографии гончарства позволяет предпринять реконструкцию приемов конструирования посуды. Фрагменты сосудов допускают изучение пористости черепка и особенностей обжига посуды. К последним А. ван Ас относит атмосферу обжига, его температуру, характер подъема температуры, "показатель температуры" обжига и термические приемы декорирования. При анализе "структуры черепка" средствами петрографической микроскопии выясняются строение и тип примеси, а путем специального лабораторного изучения ведется определение точного химического состава и предпринимаются попытки решения вопроса о месте производства данной посуды.

Содержание и роль *этнографических данных* по гончарству как особого объекта изучения А. ван Асом здесь не расшифровываются.

При изучении *природных глин*, по мнению исследователя, должны выясняться следующие показатели: степень пористости, воздушная и огневая усадка, температура спекания, состав непластических компонентов, показатели механической прочности черепка и т.п.

Для того чтобы объяснить, как делалась керамика в прошлом, необходимо, как считает автор, оценить две группы взаимосвязанных факторов: характер материала использованного для изготовления посуды, и способы работы с ним древнего гончара. В данном случае речь идет о четырех основных темах или направлениях изучения древней гончарной технологии.

1. **Изучение основных видов исходного сырья** (т.е. глин и примесей) базируется прежде всего на анализе структуры черепка, его пористости и строения глин (как сравнительного материала).

2. **Изучение формовки сосудов** основано на анализе следов на керамике и соответствующих данных этнографии (как сравнительного материала).

3. **Изучение декорирования посуды**. А. ван Ас включает сюда только приемы термического декорирования, которые им объединены с темой "обжиг". (Весь комплекс проблем, связанных с изучением в зарубежной археологии декора на посуде, мною здесь не рассматривается.)

4. **Изучение обжига сосудов** прежде всего базируется на анализе самой археологической керамики и термическом анализе природных глин (как сравнительного материала).

Должен заметить, что некоторые другие исследователи выделяют большее количество подобных исследовательских тем. Например, Чарльз К. Колб в своей системе технологического анализа керамики приводит семь таких тем: 1) исходное сырье, 2) формовка посуды, 3) обработка поверхности, 4) сушка, 5) декорирование до обжига, 6) декорирование после обжига и 7) собственно обжиг сосуда (Colb Ch.C., 1989, p. 324–327). Эти различия, однако, не имеют принципиального характера, так как отражают лишь степень детализации исследовательских тем, но не внутреннюю структуру технологического процесса.

По каждому из трех приведенных выше направлений (т.е. изучение *исходного сырья*, *формовки* и *обжига посуды*) предполагается рассмотреть: во-первых, задачи, которые при этом ставятся исследователями; во-вторых, объекты исследования и характер выделяемой информации, на основе которой эти задачи обычно решаются; в-третьих, основные методы изучения данных объектов и, наконец, в-четвертых, результативность получаемых при этом данных для нужд археологии как исторической науки.

* * *

Изучение исходного сырья. При изучении этой темы в качестве основной исследовательской задачи выдвигается группировка материала керамических коллекций по признаку сходства или различия исходного сырья с целью выяснения местных

особенностей производства и связей данного центра с другими. Основными объектами изучения при этом выступают природная глина (в обожженном и необожженном состояниях) и примеси, которые содержатся в изучаемой керамике.

По мнению зарубежных исследователей, особенности исходного сырья проявляются прежде всего в специфических чертах состава и физико-технических свойств образцов керамики (Matson F.R., 1982; Lemoine C. et al, 1982; van As A., 1984b и др.). Это определяет и характер той информации, которая фиксируется по керамике из раскопок. Прежде всего это минералогический, гранулометрический и химический составы исследуемых образцов; их цветность, пористость, механическая прочность и т.п. При анализе глин (или экспериментальных образцов из природных глин с искусственными примесями) сюда добавляются испытания на степень пластичности, воздушной и огневой усадки и т.п. Примеси в таких образцах также анализируются с точки зрения их минералогического и химического состава, формы зерен, концентрации, крупности и т.д.

Для решения поставленных задач применяются методы естественных наук, диапазон которых сегодня весьма широк. Прежде всего здесь нужно назвать петрографический метод, широкое использование которого началось в зарубежной археологии еще в 30-е годы XX в., а в последнее дейсятилетие активно вытесняется средствами электронной микроскопии, и метод дифракции рентгеновских лучей. Далее следует назвать более современные, но относительно недорогие методы оптической эмиссионной спектроскопии, моссбауэровской спектроскопии, атомной абсорбции и рентгеновской флуоресценции, которые позволяют фиксировать в составе черепка от 30 до 80 химических элементов с разным атомным весом. И, наконец, используются (хотя пока еще в ограниченной степени) весьма дорогостоящие и технически сложные методы нейтронной активации и электронной сканирующей микроскопии, которые допускают очень широкий диапазон исследовательских возможностей (Peacock D.P.S., 1970; Rice P.M., 1987, p. 371–405).

Однако применение этих новых методов имеет свои сложности. По мнению Уильяма Д. Кингери, здесь возникают две важные задачи методического характера: во-первых, задача повышения достоверности заключений при минералогическом и химическом анализах, во-вторых, задача по стандартизации и нормированию оценок разных показателей изучаемых объектов, полученных в разных лабораториях; часто они бывают малосопоставимы. Практическое решение этих задач затрудняется существованием объективной неопределенности любых археометрических данных (Franklin A.D., 1982; Harbottle G., 1982).

Обращаясь к вопросу о результативности выводов, остановлюсь в качестве примера на проблеме определения "места производства посуды". Это одна из тех задач, которые ставятся в большинстве зарубежных керамических исследований, и именно на нее нацелено применение практически всех названных выше методов. При ее обсуждении я буду опираться на мнение П. Стинстра, специалиста по осадочным породам, геолога и петрографа, работающего в области технологического изучения древней керамики (Stienstra P., 1985). Будучи в 1985 г. сотрудником Отдела древней гончарной технологии Лейденского университета, он специально занимался этой проблемой. В частности, он указывает, что "хотя и имеются некоторые успешные результаты определения места производства посуды по данным о составе керамического теста, было бы наивностью полагать, что это может оказаться успешным во всех случаях" (Stienstra P., 1985, p. 13). По мнению исследователя, строение теста только что изготовленного конкретного сосуда сильно отличается, с одной стороны, от геологической характеристики глин изучаемого района, а с другой – от состава обожженного черепка, добытого при раскопках (Stienstra P., 1985). Он указывает следующие возможные причины этих различий: 1) при отборе глины и материала для примеси гончар мог использовать мало распространенные в округе виды исходного сырья; 2) в ходе подготовки исходного сырья ряд минералов мог быть удален из состава теста; 3) в процессе обжига характеристики ряда минералов (например, кальцита, доломита и

некоторых других) меняются настолько сильно, что могут оказаться неопределимыми (или несопоставимыми) в ходе лабораторного анализа; 4) некоторые минералы могли исчезать или изменяться в процессе использования сосудов в быту, в обрядовой практике, во время нахождения их в культурном слое и после извлечения из него (Stienstra P., 1985, p. 13, 14).

Все эти факторы следовало бы, по мнению исследователя, учитывать в работе над конкретными материалами. Однако на практике это оказывается весьма сложным, что и снижает вероятность успешного решения задачи определения "места производства посуды".

Подводя итоги, мне хотелось бы отметить одну общую особенность, которая характерна для применения всех обсуждаемых методов. Как правило, с их помощью может быть изучено только очень небольшое число образцов археологической керамики, которое, с точки зрения требований статистики, будет весьма сомнительным для достоверной характеристики всего добытого раскопками материала конкретного памятника или района (Franklin A.D., 1982, p. 13). В связи с этим приведу следующий пример. Так, Ф.Р. Мэтсон считает выдающейся заслугой исследователей то, что при изучении керамического материала Паленке удалось, судя по предварительному сообщению, подвергнуть анализу методом нейтронной активации около 5% черепков (Matson F.R., 1984, p. 42).

Другой задачей, которая ставится зарубежными исследователями при изучении исходного сырья для изготовления посуды, является реконструкция технических приемов в этой области технологии. В качестве непосредственных объектов анализа при этом выступают прежде всего включения *неглинистых* частиц в тесте черепка. Учету в данном случае, как правило, подлежат четыре параметра: 1) вид примеси, 2) форма частиц, 3) их размерность, 4) количество частиц в изучаемом образце на единицу площади или объема (Shepard A.O., 1956, p. 157–161; Nordström H.A., 1972, p. 36, 37, 41; Rye O.S., 1981, p. 29; Stienstra P., 1986; Rice P.M., 1987, p. 409). Основными методами учета этих параметров служат бинокулярная микроскопия, петрографический анализ и физическое моделирование.

Центральной проблемой здесь является различение "естественных" и "искусственных" примесей в формовочной массе, ибо первые характеризуют особенности состава природной глины, а вторые – особенности добавок к ней, введенных мастером специально.

Данная проблема не имеет сегодня в зарубежной специальной литературе однозначного и строгого решения. Во-первых, некоторая часть исследователей вообще не различает эти два вида примесей, хотя таких сегодня остается уже очень немного – это прежде всего ученые-естественники, работающие в области изучения древней керамики. Во-вторых, исследователи, которые считают необходимым проводить разграничение между естественными и искусственными примесями в керамике, характеризуют эту проблему как чрезвычайно сложную для решения (см. например, Shepard A.O., 1956, p. 24, 25; Matson F.R., 1968, p. 395; Nordström H.A., 1972, p. 40; Rye O.S., 1981, p. 31; Rice P.M., 1987, p. 409–411). Любопытно отметить, что среди зарубежных исследователей наиболее близко к решению этой фундаментальной проблемы подошла Анна Шепард в своей ставшей классической практически сразу после издания работе 1956 г. (Shepard A.O., 1956, p. 161, 162). Она выделила группу примесей, которые в принципе не могут быть естественными в глине (например, шамот). Позднее Х.А. Нордстрем в 1972 г. и О.С. Рай в 1981 г. отнесли к этой же группе примесей "грубые органические включения" в керамике (Nordström H.A., 1972, p. 41, 42; Rye O.S., 1981, p. 31–34). Помимо этого А.О. Шепард предлагала ориентироваться на размерность и концентрацию минеральных включений, а также стараться проводить, когда есть такая возможность, сравнительный анализ примесей в керамике и природной глине, из которой она предположительно могла быть сделана.

Весьма глубоко к осмыслению роли примесей в керамике подошел в свое время Ян Калзбик, изучавший вместе с Хенком Франкеном неолитическую керамику Иерихона

(Franken H.J., 1974; разделы 1–7 во второй части этого исследования написаны Яном Калзбиком). Важно подчеркнуть, что Я. Калзбик, вероятно, первым среди западных исследователей рассматривал **особенности примесей в глиняной посуде как отражение разных культурных традиций** в этой области гончарной технологии. Он выделил три группы таких традиций: 1) глина + неорганический материал; 2) глина + органический материал; 3) глина + неорганический + органический материал (Franken H.J., 1974, p. 180, 181).

На основании этих различий в составе теста были не только выделены разные керамические традиции в гончарстве Иерихона, но и решалась проблема о местном или неместном характере этого производства (Franken H.J., 1974, p. 192–194).

В современной специальной литературе исследователи, напротив, склонны неоправданно широко толковать причины особенностей состава примесей в глиняной посуде. Так, многие зарубежные археологи сегодня считают, что различия в примесях в посуде могут иметь и хронологический, и этнический, и территориальный, и социальный, и функциональный смысл (Rice P.M., 1987, p. 409).

* * *

Изучение формовки сосудов. Второе направление в изучении гончарной технологии связано с анализом приемов формовки сосудов. Здесь зарубежными исследователями ставятся две основные задачи: 1) реконструкция процесса производства (т.е. последовательных приемов формовки сосуда) и 2) изучение причин изменчивости этих приемов в конкретном культурном контексте (Shepard A.O., 1956, p. 181–186; Niclin K., 1971; Franken H.J., 1971, p. 227–255; Rye O.S., 1981, p. 5; Rice P.M., 1984, p. 231–288). Объектами изучения при этом являются особого рода "следы" на керамике из раскопок, так как, по распространенному мнению исследователей, "каждая гончарная традиция оставляет характерные следы производственного процесса на конечном продукте» (Jacobs L., 1983, p. 34).

Вопрос о средствах и методах изучения приемов формовки достаточно сложен. Обычно реконструкция приемов конструирования посуды базируется на трех основаниях: изучении следов на керамике из раскопок, данных современной этнографии и физического моделирования (Hodges H.W., 1965; Kociszewski L., Kruppe J., 1974; Rye O.S., 1981, p. 55–88; van As A., 1984a, p. 138–140). Важной особенностью здесь является весьма ограниченная сфера применения инструментальных естественно-научных методов как средства получения конкретной информации о приемах конструирования сосудов. Использование с этой целью метода *ксерорадиографии*, насколько мне известно, находится пока в стадии эксперимента (Alexander R.E., Johnston R.H., 1982, p. 145–154; Vandiver P., 1988, p. 139–174). Основными при изучении технологических следов остаются визуальный и микроскопический анализ археологической керамики. В самом общем виде схема анализа представляется следующей: этнография позволяет выявить примерный спектр основных приемов конструирования посуды, данные о технологических следах на поверхности и в изломах керамических сосудов из раскопок позволяют предложить гипотетическую реконструкцию использованных мастерами приемов их формовки, в результате которых такие следы могли образоваться, а физическое моделирование исследователем этих приемов в лабораторных или полевых условиях дает возможность проверить, уточнить и конкретизировать данные как этнографии, так и археологии.

Однако на практике ситуация оказывается далеко не столь простой. Еще Анна Шепард, вспоминая позднее о своей книге 1956 г., отмечала, что эта тема оказалась там в роли "недостающего звена" (цит. по: Rye O.S., 1981, p. 8), так как ей тогда можно было уделить только очень небольшое внимание. Тем не менее именно А.О. Шепард на основании данных этнографии выделила 10 разных приемов конструирования посуды без помощи круга (Shepard A.O., 1956, p. 393). Однако при этом она констатировала, что не может предложить четких критериев для различения

случаев их использования по археологической керамике (Shepard A.O., 1956, p. 185, 186).

Последующими исследователями вносились важные уточнения в понимание *системы* технологических приемов в гончарстве. В частности, Х.Дж. Франкен ввел понятие о приемах в "узком" и "широком" смысле: первые характеризуют только конструирование, а вторые – весь процесс производства посуды (Franken H.J., 1974, p. 16–20). О.С. Рай выделяет приемы "существенные" и "несущественные": первые являются строго обязательными, а вторые отражают культурные особенности населения на разных ступенях производственного процесса (Rye O.S., 1981, p. 3). И О.С. Рай, и А. ван Ас, и некоторые другие исследователи предлагают выделять "первичные" и "вторичные" технологические приемы: к первым относятся способы создания сосуда, а ко вторым – способы его отделки (Rye O.S., 1981, p. 62; van As A., 1984a, p. 141, 142).

Наиболее глубоко среди зарубежных исследователей к пониманию системы гончарной технологии подошел, видимо, О.С. Рай, который выделил в ней четыре последовательных уровня: I уровень – характерные признаки (т.е. технологические следы); II – технические приемы (реконструируются по следам); III – процессы производства (включают "разные последовательности осуществления технических приемов"); IV – технологические традиции (включает близкие по составу процессы производства) (Rye O.S., 1981, p. 4, 5).

Кроме того, О.С. Рай ставит вопрос о "стабильности и изменчивости" гончарной технологии. Здесь им совершенно справедливо подчеркивается, во-первых, что "все части процесса гончарного производства чувствительны к изменениям, но не в одинаковой мере" (Rye O.S., 1981, p. 5), причем наиболее устойчивыми являются именно приемы конструирования посуды; во-вторых, что изменения в технологии могут происходить в силу различных конкретно-исторических причин, которые необходимо в каждом случае специально анализировать. К сожалению, эту мысль он высказывает только в самом общем виде, не конкретизируя ее для разных элементов гончарной технологии (Rye O.S., 1981). О.С. Раю осталось неизвестным исследование А.А. Бобринского, изданное в 1978 г., где эти вопросы были впервые сформулированы и подробно изложены на конкретных исторических примерах (Бобринский А.А., 1978).

В этой же своей работе О.С. Рай (вероятно, опять же одним из первых среди западных исследователей) на основе экспериментальных данных представил систематизированную сводку признаков, которые сохраняются на поверхностях и в изломах археологической и любой другой керамики и по которым, с той или иной долей уверенности, могут быть реконструированы основные приемы формовки сосудов. В частности, им предложены признаки для фиксации кольцевого и спирального налепов, выдавливания, лепки сосудов из "пластин", лепки в формах, вытягивания, выбивания, обтачивания и некоторых других приемов (Rye O.S., 1981, p. 66–88).

Должен, однако, подчеркнуть, что такой подход не типичен для абсолютного большинства зарубежных исследований по керамике. Это хорошо иллюстрируется тем фактом, что в огромной обобщающей работе П.М. Райс, изданной на шесть лет позднее и в которой широко цитируется исследование О.С. Рая, этот вопрос изложен весьма кратко и неточно (Rice P.M., 1987, p. 124–132).

* * *

Изучение обжига сосудов – третье направление в анализе гончарной технологии. Обычно исследователями в качестве основной задачи выдвигается здесь необходимость выяснения в той или иной форме условий, при которых осуществлялся этот процесс. К таковым относятся: во-первых, температура ведения обжига, во-вторых, атмосфера ведения обжига, в-третьих, длительность выдержки сосудов при конечных температурах (Shepard A.O., 1956, p. 222, 223; Matson F.R., 1971; Nordtröm H.A., 1972, p. 43; Rye O.S., 1981, p. 24, 25). Непосредственными объектами анализа при изучении

этих показателей являются, с одной стороны, образцы археологической керамики, а с другой – природные глины, из которых она предположительно могла быть изготовлена. Обычно проводятся два вида лабораторных испытаний: 1) обжиг в разных режимах нескольких образцов из разных природных глин, взятых в окрестностях памятника, и 2) вторичный обжиг образцов от изучаемой археологической керамики (Rice P.M., 1987, p. 343–345). При этом фиксируется широкий спектр показателей: различия в цветности образцов, обожженных при разных температурах и в разных условиях; их микроструктура и пористость; фазы спекания; термическая трансформация минералов, входящих в состав образцов, и т.п. (Shepard A.O., 1956, p. 213, 214, 222, 223; Rice P.M., 1987, p. 363–369, 426–435).

Учет этих показателей на практике осуществляется с помощью многочисленных естественнонаучных методов. В частности, для определения цветности используются различные цветовые шкалы, среди которых наиболее распространена шкала Манселла; для фиксации температурных особенностей образцов используются петрографический метод, метод мосбауэровской микроскопии, метод электронного магнитного резонанса, метод определения дифракции рентгеновских лучей, метод сканирующей электронной микроскопии, дифференцированный термический анализ и многие другие современные методы (Heimann R.B., 1982; Maniatis Y. et al., 1982; 1983; Tite M.S et al., 1982; Rice P.M., 1987, p. 426, 427).

Что же касается обобщения и интерпретации этих инструментальных данных, то здесь продолжают сохраняться две достаточно давние линии традиций, которые были четко сформулированы еще Анной Шепард. Она писала, что "значительно сложнее ответить на вопрос: как обжигался сосуд?, чем на вопрос: насколько хорошо он обожжен?" (Shepard A.O., 1956, p. 214). Наиболее ярким, последовательным и в то же время почти единственным представителем первой традиции является О.С. Рай. В этом же ключе некоторые проблемы обжига рассматриваются в изданной не так давно очень интересной статье О. Госселэйна (Gosselain O.P., 1992). Представители второй традиции – это большинство современных зарубежных археологов-керамистов (Roberts J.O., 1962; Tite M.S., 1969; Nordström H.A., 1972, p. 43, 44; Rice P.M., 1987, p. 426–435).

В работе О.С. Рая мы обнаруживаем, во-первых, попытку создания *системы* анализа обжига сосудов с целью реконструкции разных культурных традиций в этой области гончарной технологии, во-вторых, результаты выработки некой *системы* признаков, по которым эти традиции могут быть с той или иной долей уверенности выявлены по древней керамике. Автор приводит сводную таблицу приемов обжига, зафиксированных этнографически по материалам Пакистана, Египта, Палестины и Новой Гвинеи (Rye O.S., 1981, p. 102, 103). Сопоставление археологических, этнографических и экспериментальных данных об обжиге позволило ему предложить целый комплекс критериев для реконструкции приемов обжига по археологическим находкам (Rye O.S., 1981, p. 110–122).

Таким образом, у археологов появляется возможность восстанавливать и анализировать конкретные особенности культурных традиций ведения обжига по древней керамике разных поселений и регионов. Однако до практической реализации этого подхода еще далеко.

Дело в том, что пока основная масса исследователей и в методических рекомендациях, и в практической работе склоняется не к изучению конкретных приемов ведения обжига, а к формулированию неких обобщенных "показателей", которые в конечном счете призваны отвечать на исторически совершенно абстрактный вопрос "насколько хорошо обожжен сосуд?" (т.е. на тот вопрос, против которого восставала Анна Шепард еще 40 лет назад). В частности, еще Дж.П. Робертс (Roberts J.P., 1963), а позднее М.С. Тайт (Tite M.S., 1969) предложили использовать для характеристики обжига некий обобщенный показатель, получивший название "эквивалент температуры обжига", Х.А. Нордстром в 1972 г. использовал понятие "показатель обжига", который складывался у него из особенностей температуры, атмосферы и длительности

этого процесса (Nordström H.A., 1972, p. 43, 44). К тому же мнению о необходимости использования для этой цели обобщенных показателей склоняется в своем исследовании П.М. Райс, когда говорит о множественности факторов, влияющих на качество обжига, и трудностях их учета (Rice P.M., 1987, p. 345, 435).

Таковы вкратце современные взгляды зарубежных исследователей на задачи и правила изучения обжига по керамическим находкам.

* * *

Как же можно в целом охарактеризовать состояние исследовательских подходов в рамках трех основных направлений изучения древней гончарной технологии в зарубежной археологической науке?

В самом общем виде представляется возможным говорить о существовании **двух методологически разных подходов**. Первый подход был назван мною "формально-классификационным", второй – "историко-культурным" (Цетлин Ю.Б., 1991). Они различаются между собой, во-первых, по объектам исследования, во-вторых, по задачам исследования, в-третьих, по способам интерпретации получаемой информации.

Основными *объектами* исследования при формально-классификационном подходе являются некие "формальные" морфологические (грубость или тонкость теста сосуда, цвет поверхности и излома и т.п.) или естественнонаучные (микротвердость, пористость, химический состав черепка и т.д.) признаки. Как правило, число таких формальных признаков бывает весьма значительным. Это позволяет исследователю позднее выделять среди них признаки, "работающие" и "неработающие" на изучение истории. При историко-культурном подходе основными *объектами* исследования служат "технологические следы" на посуде, которые выступают в качестве свидетельств использования гончарами конкретных "навыков труда" при создании сосуда, а также – особые "следы", указывающие на характер и сферу использования этого сосуда.

Основной *исследовательской задачей* при формально классификационном подходе является классификация керамического материала, как правило, по формальным признакам и выяснение характера и степени сходства выделившихся групп материала между собой. При историко-культурном – основная *исследовательская задача* состоит в реконструкции (по результатам изучения навыков труда гончаров) существовавших в древности в данном коллективе конкретных культурных традиций гончарного производства, в изучении закономерностей их формирования, развития и изменения в пространстве и во времени.

Основным *способом интерпретации* полученных данных при формально-классификационном подходе является поиск наиболее "правдоподобного" с точки зрения здравого смысла и опыта конкретного исследователя, объяснения результатов классификации материала. Очевидно, что при этом появляются широкие возможности, с одной стороны, для субъективизма в выводах, а с другой – для длительных и малорезультативных дискуссий между исследователями, пользующимися одними и теми же или близкими материалами. При историко-культурном подходе получаемые исторические выводы базируются прежде всего на представлении о *системном* характере навыков труда и культурных традиций древних гончаров, на знании того, какие исторические явления в них отражаются, а также на знании закономерностей поведения гончарных традиций в разных культурно-исторических ситуациях.

Сегодня в изучении древней гончарной технологии за рубежом абсолютно преобладает формально-классификационный подход. В чем же причина этого? Основных причин можно назвать три.

1. Для основной массы археологов, у которых керамика является лишь одним из многих источников информации о прошлом, такой подход более предпочтителен, так как позволяет "переложить" наиболее сложную практическую часть работы с ней на специалистов, прежде всего специалистов-естественников.

2. Помимо этого широкое применение методов точных и естественных наук

вызвано в большой мере интуитивным стремлением археологов-практиков к "объективизации" получаемой историко-культурной информации, которая якобы достигается с помощью этих методов.

3. Наконец, нельзя не учитывать тот факт, что для западной науки в целом характерен весьма высокий общий уровень развития технической базы исследований, в частности гуманитарных, что делает доступным использование для нужд археологии самых современных технических средств и приемов.

Однако, оценивая сегодня роль естественнонаучных методов в изучении древней глиняной посуды, ведущие западные археологи-керамисты занимают достаточно трезвую и критическую позицию.

Во-первых, они считают, что "хотя отдельные испытания и показатели могут быть статистически значимы или важны с точки зрения промышленной керамической технологии, они могут не иметь никакого значения в изучении древнего... культурного контекста и его особенностей" (Rice P.M., 1987, p. 327).

Во-вторых, хотя технологические испытания и допускают объективные характеристики образцов керамики, но оценки типа "хорошо (или плохо) сделанный (или обожженный) сосуд" не имеют смысла, так как "для потребителей он мог целиком удовлетворять все их насущные потребности" (Rice P.M., 1987, p. 327).

В-третьих, они считают, что "данные естественнонаучного анализа должны интерпретироваться в рамках более широкой структуры, которая оценивает технологические качества изделий либо как проявление сырьевых возможностей, либо как особенности приемов труда" (Rice P.M., 1987, p. 328). Эти последние должны рассматриваться в свою очередь в рамках культурного и исторического контекста, включающего производство, распространение и использование глиняных сосудов.

В-четвертых, эти зарубежные исследователи придерживаются точки зрения, что корректный переход от технологических к культурным выводам – это фундаментальная и неизбежная исследовательская необходимость при анализе древней керамики (Rice P.M., 1987, p. 328).

Таким образом, в последнее время в зарубежной археологической науке наблюдается, хотя и очень постепенное, расширение традиции историко-культурного подхода к изучению древней гончарной технологии. Данный факт отражает объективный процесс более глубокого осмысления исследователями этого источника исторической информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.

Цетлин Ю.Б., 1991. Основные направления и подходы к изучению технологии древней керамики за рубежом // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Тез. докл. Всесоюз. науч. археологической конф. 11–16 февраля 1991 г. Свердловск; Куйбышев.

Alexander R.E., Johnston R.H., 1982. Xeroradiography of ancient objects: A new imaging modality // Archeological ceramics. Washington.

Colb Ch.C., 1989. Ceramic ecology in retrospect. A critical review of methodology and results // BAR. International series, 513.

Franken H.J., 1971. Analysis of methods of potmaking in archeology // Harvard Theol. Rev. 64.

Franken H.J., 1974. In search of Jericho potters. Ceramics from the Iron Age and from Neolithicum // North-Holland ceramic studies in archaeology. Vol. I. Amsterdam.

Franklin A.D., 1982. Introduction and summary // Archaeological ceramics. Washington.

Gosselain O.P., 1992. Bonfire of the enquiries. Pottery firing temperatures in archaeology: What for? // J. Archeol. Sci. 19.

Harbottle G., 1982. Provenience studies using neutron activation analysis: The role of standardization // Archaeological ceramics. Washington.

Heimann R.B., 1982. Firing technologies and their possible assessment by modern analitical methods // Archaeological ceramics. Washington.

Hodges H.W., 1965. Aspects of pottery in temperate Europe before the Roman Empire // Ceramics and man. New York.

Jacobs L., 1983. A summary of the research methods // Newsletter. Department of Pottery Technology. I. Leiden.

Kociszewski L., Kruppe J., 1974. Warsaw pottery in the 14th-17th centures: Technology of production in the light of physicochemical investigations // Archeologia Polona. XV.

Lemoine C., Walker S., Picon M., 1982. Archaeologica, geochemical and statistical methods in ceramic provenance studies // Archaeological ceramics. Washington.

Maniatis Y., Simopoulos A., Kostikas A., 1982. The investigations of ancient ceramic technologies by Mossbauer spectroscopy // Archaeological ceramics. Washington.

Maniatis Y., Simopoulos A., Kostikas A., Perdikatsis V., 1983. Effect of reducing atmosphere on minerals and iron oxides developed in fired clays: The role of Ca / J. Amer. Ceramic. Soc. 66 (11).

Matson F.R., 1968. A.O. Shepard. Ceramics for the archeologist. Washington, 1965. // American antiquity Vol. 33(3). Washington.

Matson F.R., 1971. A study of temperatures used in firing ancient Mesopotamian pottery // Science and Archeology. Cambridge.

Matson F.R., 1982. Archaeological ceramics and the physical sciences: Problems definition and results // Archaeological ceramics. Washington.

Matson F.R., 1984. Ceramics and man reconsidered with some thoughts for the future // The many dimentions of pottery. Ceramics in archeology and anthropology. Amsterdam.

Niclin K., 1971. Stability and innovation in pottery imanufacture // World archaeology. Vol. 3(1).

Nordström H.A., 1972. Cultural ecology and ceramic technology. Early Nubian cultures V and IV millennium B.C. Stockholm.

Peacock D.P.S., 1970. The scientific analysis of ancient ceramics: a review // World archaeology. Vol. 1(3).

Rice P.M., 1984. Change and conservatism in pottery-producing systems // The many dimentions of pottery. Ceramics in archaeology and anthropology. Amsterdam.

Rice P.M., 1987. Pottery analysis. A sourcebook. Chicago.

Roberts J.P., 1963. Determination of the firing temperature of ancient ceramics by measurement of thermal expantion // Archaeometry. 6.

Rye O.S., 1981. Pottery technology: Principles and reconstruction. Washington.

Shepard A.O., 1956. Ceramics for the archaeologist. Publication 609, Washington.

Stienstra P., 1985. Technological research on composition and texture of ancient pottery – a note of sense and nonsense // Newsletter. Department of Pottery Technology. III. Leiden.

Stienstra P., 1986. Systematic macroscopic description of the texture and composition of ancient pottery – some basic methods // Newsletter. Department of Pottery Technology. IV. Leiden.

Tite M.S., 1969. Determination of the firing temperature of ancient ceramics by measurements of thermal expantion: A reassessment // Archaeometry. 11.

Tite M.S., Maniatis Y., Meeks N.D., Bimson M., Hughes M.J., Leppard S.C., 1982. Technological studies of ancient ceramics from the Near East, Aegean, and Southeast Europe // Early pyrotechnology. The evolution of the first fire-using industries. Washington.

van As A., 1984a. Reconstructing the potter's craft // The many dimentions of pottery. Ceramics in archaeology and anthropology. Amsterdam.

van As A., 1984b. Pottery technology and physicoscientific analysis of ceramics // Newsletter. Department of Pottery Technology. II. Leiden.

Vandiver P., 1988. The implications of variation in ceramic technology: The forming of neolithic storage vessels in China and Near East // Archaeomaterials. 2(2).

Институт археологии РАН,
Москва

Y.B. TSETLIN

MAIN DIRECTIONS OF THE STUDY OF ANCIENT CERAMICS TECHNOLOGY ABROAD

Summary

The article is dedicated to the review of directions and approaches to the study of ancient ceramics technology in foreign science. In the opinion of a number of scholars, at the moment the theory of such studies lags behind practical work. It negatively affects, first of all, the interpretation of data gathered.

The study of pottery technology is conducted by foreign scholars on the basis of four major directions: the study of 1) raw materials; 2) pottery technology; 3) their decoration; 4) firing. As regards the first, the second and the fourth directions, the article analyzes: a) research tasks; b) objects of the study; c) main methods of analysis; d) importance of the data obtained for the ancient history study.

In modern foreign science the study of pottery technology is conducted from the positions of two methodologically different research approaches (a formal-classification approach, and a historical-cultural approach) the essence and specific features of which are also unfolded in this article. Most of foreign studies are conducted from the position of the formal-classification approach, the role of the historical-cultural approach remaining very modest. Nevertheless, recently leading foreign scholars have started realizing its importance which reflects an objective process of a deeper perception of ancient ceramics as a source of historical information.

К 850-летию города Москвы

В.Ю. КОВАЛЬ

КЕРАМИКА ВОСТОКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЕ

(опыт систематизации)*

ЧАСТЬ II. ПОЛУМАЙОЛИКА, ФАРФОР, НЕПОЛИВНАЯ ПОСУДНАЯ, ТЕХНИЧЕСКАЯ, ДЕКОРАТИВНАЯ И АРХИТЕКТУРНАЯ КЕРАМИКА

III. ПОЛУМАЙОЛИКА

Серия 1. Полумайолика без дополнительной декорировки[1]

Группа 1. Неангобированная полумайолика

Поверхность сосудов этой группы облицовывалась глазурью (поливой) без сплошной подгрунтовки белым ангобом, скрывавшим цветную основу стенок. Все московские находки принадлежат одной подгруппе – *красноглиняной полумайолике, покрытой бесцветной (или чуть зеленоватой) поливой.* Два подобных образца найдены при раскопках ЦАИ на ул. Ильинке в 1995 г. в слоях XIV–XV вв.: обломок стенки кувшина с глазурованной внешней поверхностью (участок 4 – № 50) и глазурованное изнутри дно сосуда, не имевшего поддона. По характеристикам формовочной массы (жирная глина с редкими включениями красного шамота) эта керамика близка причерноморским изделиям XIV–XV вв.

Группа 2. Ангобированная полумайолика

(подгруппа зеленой глазури)

Такая керамика покрывалась под поливой слоем белого ангоба, но без дальнейшей декорировки. Изредка встречаются обломки с горизонтальными линиями, гравированными по основе до ангобирования.

Вид 1. Керамика из плотной красной глины без визуально фиксируемой примеси песка, с включениями красного шамота и мелкими пустотами (от органических добавок?).

Такой состав теста характерен для керамики золотоордынской эпохи из Восточного Крыма (Баранов И.А., 1991, с. 110–112; Волков И.В., 1992а, с. 10) и Византии. Отличительная особенность – слабое сцепление поливы с ангобной подгрунтовкой, приводившее к отслоению глазурного покрытия.

---

* Основы систематизации восточной керамики изложены в ранее опубликованной первой части статьи (РА, № 2 за 1997 г.). Там же описаны находки восточных фаянсов и полуфаянсов из раскопок в Москве.

[1] Полумайолика с надглазурным люстровым декором, числившаяся ранее иранской (Латышева Г.П., 1971, с. 224, 225; Панова Т.Д., 1986, с. 227), как выяснилось, относилась к производству Испании XIV–XV в. (Коваль В.Ю., 1996), следовательно, она не является восточной керамикой.

© В.Ю. Коваль, 1997 г.

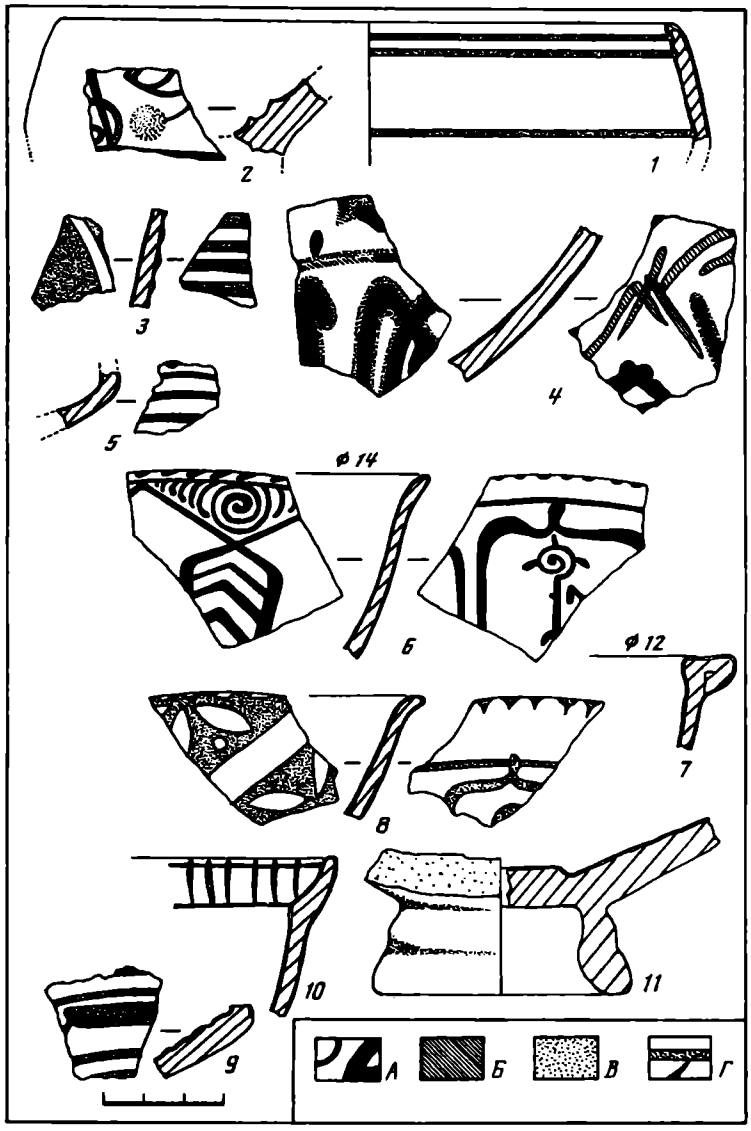


Рис. 1. Восточная полумайолика из раскопок в Кремле (*1–6, 11*) и на ул. Ильинке: "сграффито" (*1, 2, 9, 10*), с росписью белым ангобом (*3*), полихромной (*4, 5*), монохромной черной (*6*) и красной (*8*) росписью, без росписи (*7, 11*) (*А* – черный цвет; *Б* – зеленый цвет; *В* – красно-коричневый цвет; *Г* – линии гравировки по ангобу)

Вариант 1. Кувшины с гладкой внешней поверхностью, подангобной гравировкой и бесцветной поливой на внутренней (неангобированной) стороне стенок. В Кремле найдено два обломка таких кувшинов, один из которых (1959 – № 24661/359) имел карбонатные включения в тесте и поливу светло-зеленого цвета, второй (1988 – № 9) отличался ярко-зеленой пятнистой поливой. Семь обломков (в том числе четыре с гравировкой), покрытые густо-зеленой и светло-зеленой поливами, найдены в 1995 г. на ул. Ильинке, один – при раскопках 1994 г. на Манежной площади (Векслер А.Г., 1994а, с. 156, 157).

Вариант 2. Кувшины с гладкой поверхностью, без поливы на внутренней стороне стенок. Один обломок кувшина из жирной красной глины без видимых примесей (кроме случайных остроугольных белых включений) со светло-зеленой поливой, найден на ул. Ильинке (1995 – участок 2–№ 131).

Вариант 3. Сосуды открытого типа с двусторонней ярко-зеленой поливой по ангобной подгрунтовке. Два обломка венчиков от одного (?) такого сосуда найдены на ул. Ильинке (1995 – участок 2 – № 351; участок 4 – № 45 – рис. 1, *7*).

Вид 2. Керамика из красной глины с примесью песка.

Обломок края кувшина (?) из такого теста, покрытого светло-зеленой поливой, найден на ул. Ильинке (1995 – участок 2 – № 300).

Вид 3. Керамика из "серой" глины без видимых примесей.

Черепок таких сосудов имеет темно-серый цвет, хотя для их изготовления применялась обычная красножгущаяся глина. Причиной серого цвета являлся обжиг в восстановительном режиме. Один обломок стенки кувшина с подангобной гравированной горизонтальной линией и пятнистой зеленой поливой (легко отслаивающейся от ангоба) на внешней поверхности найден в Кремле (1994 – № 31). Внутренняя поверхность покрыта бесцветной прозрачной поливой.

Зеленая полумайолика видов 1 (варианты 1–3) и 3 скорее всего происходит из Восточного Крыма, где она была особенно широко распространена в XIV–XV вв. Вид 2 близок поволжской золотоордынской полумайолике. Все московские находки керамики этого типа связаны со слоями XIV–XV вв. Кроме Москвы, подобная керамика известна в Твери, южнорусских городах и Переяславле-Рязанском (Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995, с. 130, 131).

Серия 2. Полумайолика с подглазурным декором

Группа 1. Полумайолика с гравированным декором

Подгруппа А. Полумайолика с бесцветной или бледно-зеленоватой поливой

Единственным типом, встречающимся в Москве, была керамика "**сграффито**" – полумайолика с красноглиняной основой, покрытой слоем белого ангоба, по которому процарапывался (гравировался) рисунок, приобретавший под поливой более темный цвет на фоне ангоба. Изготовлена она из глины без видимой примеси песка, но с мелкими красными включениями (шамот?) и мелкими щелевидными пустотами (от выгоревшей органики?). Такое тесто было характерно для византийской и восточно-крымской керамики золотоордынской эпохи (см. выше). Орнамент "сграффито" выполнен линией толщиной 1 мм. Обычно такая орнаментация дополнялась подглазурной подцветкой пятнами зеленой и желтой краски, но на трех мелких московских образцах она не фиксируется.

1). Обломок чаши (Кремль–1988–№ 5) с вертикальным краем и двусторонней поливой, форма которой характерна для керамики Византии и круга стран, воспринявших провинциально-византийскую культуру, в том числе для Крыма (Якобсон А.Л., 1979, рис. 89, *2,3* и др.). В тесте отмечены карбонатные включения. 2). Обломок чаши или блюда с бледно-желтоватой поливой по внутренней поверхности и светло-зеленой снаружи (Казанский собор – 1992 – № 356) (Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996, рис. 7, *14*). 3). Край чаши с двусторонней бледно-зеленоватой поливой (Ильинка – 1995 – участок 4 – № 71, рис. 1, *10*). Все находки происходят из слоев XIII–XV вв. Возможно, среди них есть и датирующиеся предмонгольским временем. В других городах Северо-Восточной Руси такая керамика практически не известна.

Подгруппа Б. Полумайолика, покрытая зеленой глазурью

Три образца такой керамики представлены обломками чаш с вертикальным краем, характерных для провинциально-византийской полумайолики (см. выше), изготовленных из светло-красной или розовой глины без видимых примесей (за исключением случайных зерен кварцитов). Глазурь темно-зеленая, рисунок "сграффито" выполнен толстой линией. Внешняя поверхность стенок покрыта ангобом, но глазурь нанесена только на края чаш. Один обломок (рис. 1, *1*) найден в Кремле (1995–№ 225), два –

на ул. Ильинке (1995 – участок 3 – № 48; участок 4 – № 33 – рис. 1, *9*) в слоях XIV–XV вв. Происходит эта керамика, вероятно, из причерноморских центров (Романчук А.И., Перевозчиков В.И., 1990, рис. 5, 10, *1*, 12), конкретная идентификация с которыми пока затруднительна из-за фрагментарности находок. В других городах Северо-Восточной Руси этот тип полумайолики не известен.

Подгруппа В. Полумайолика, покрытая желтой глазурью

Обломок дна чаши из светло-красной плотной глины с крупными включениями шамота (?) кремового цвета, покрытой изнутри темно-желтой поливой, найден в Кремле (1988–№8). На поверхности поливы – след треножника (так называемого "сепая" (рис. 1, *2*). Обломок другой чаши (гравировки на нем не было) найден на ул. Ильинке (участок 2–№ 372). Подобные чаши производились в Византии и странах Причерноморья в XIII–XIV вв. (Megaw A.H.S., 1968, p. 68, 71). Близкие (но не аналогичные) образцы XIII в. известны в Переяславле-Рязанском, Серенске, Твери.

Группа 2. Полумайолика с росписью белым ангобом

Два мелких обломка, найденных в Кремле (1959 – № 24661/447, 448) в слоях XIII в. (Воронин Н.Н., 1959, с. 72, 73, 77) принадлежали одной тонкостенной чаше из плотной темно-красной глины без видимых примесей. Обе ее поверхности украшены горизонтальными параллельными и волнистыми линиями белого ангоба под темно-желтой поливой (рис. 1, *3*). По декору эта чаша находит аналогии XIV–XV вв. в Крыму (Панова Т.Д., 1986, с. 228), но отличается от крымских изделий высококачественной тонкостенной формовкой. Скорее, в ней можно видеть произведение мастеров Византии или сельджукской Малой Азии. Совершенно аналогичная по орнаментации керамика найдена, например, при раскопках в турецком городе Изник (византийская Никея), где она датируется XIV в. (Aslanapa O., 1971, p. 214, foto).

Группа 3. Полумайолика с росписью красками

Подгруппа А. Полумайолика, покрытая бесцветной поливой

Тип 1. Керамика с подглазурной пурпурной подцветкой

Подцветка штрихами, пятнами и точками пурпурно-коричневого цвета (марганцем) не имела здесь характера смысловой орнаментации.

Вид 1. Полумайолика из красной глины без визуально фиксируемой примеси песка, с крупным красным шамотом и многочисленными мелкими пустотами от органики. Два обломка от одного кувшина этого типа найдены на ул. Ильинке (1995 – участок 6 – № 173, 182). Горло кувшина было покрыто подангобной гравировкой и гравировкой по ангобу, стенки – пурпурными штрихами и пятнами. Внутренняя поверхность ангобирована, но не глазурована.

Вид 2. Полумайолика из плотной розовой глины без видимых примесей. Два обломка тонкостенного кувшина найдены на ул. Ильинке (1995 – участок 2 – № 398, участок 4 – № 20). Изнутри и снаружи они были покрыты бледно-зеленоватой глазурью, причем снаружи – по ангобу, с подцветкой пурпурной и желтой красками; нижняя часть сосуда, видимо, не была глазурована.

Образцы обоих видов происходят из слоев XIV–XV вв. и, вероятно, относятся к производству стран Причерноморья (Византии?).

Тип 2. Полумайолика с полихромной орнаментальной росписью

Два обломка чаш из Кремля, изготовленных из коричнево-красной глины недостаточно высокого обжига, насыщенной большим количеством крупного песка, имели двустороннее покрытие белым ангобом и бесцветной поливой. Один из них (1965 – № 1301 НВ) расписан зеленой и желто-коричневой красками, положенными столь

густо, что толстый слой краски, не растворившейся в глазури, приобрел черный цвет (рис. 1, *4*). На обломке второй чаши (1994 – № 2) монохромная темно-коричневая роспись отмечена только на внешней стороне стенки (рис. 1, *5*). Необычный состав теста и орнаментация этих чаш, которым нет прямых аналогий, не позволяют пока установить место их производства. Вместе с тем зелено-коричневая гамма росписи как будто указывает на византийскую традицию декора. Производящий центр полумайолики этого типа мог находиться либо на территории Золотой Орды, где применялись изредка глины с грубыми примесями (Булатов Н.М., 1976, с. 74), либо где-то в Малой Азии. Датироваться такая керамика может в пределах XIV–XV вв.

Тип 3. Полумайолика с черной росписью

Единственный обломок края пиалообразной чаши принципиально отличался от всей другой полумайолики тем, что она была изготовлена не из красной, а из *желтовато-белой* глины. Двусторонняя роспись под бесцветной тонкослойной поливой с очень мелким цеком выполнена коричнево-черной краской, в расплывах дающей зеленоватый шлейф (рис. 1, *6*). При отсутствии полных аналогий датировка чаши в пределах конца XIV–XV вв. определяется орнаментацией внешней стороны лепестками лотоса, стилизованными в виде "фигурной скобки". Такая стилизация появилась впервые на китайском фарфоре XIV в. (La Ceramique Chinoise, 1978, fig. 113; Pope J.A., 1956, pl. 12, 25) и была воспринята керамистами исламского мира во второй половине XIV в., в основном при декорировке керамики с синей росписью (Шляхова В.И., 1980, с. 85, рис. 3, 4). Полумайолика из белых и желтых глин известна для этого периода в небольших количествах на всех золотоордынских городищах (Булатов Н.М., 1976, табл. 1), ее разновидность с росписью черной краской была чрезвычайно редкой и, несомненно, привозной. Одним из вероятных экспортеров мог быть Отрар на Сырдарье, где широко бытовала такая керамика и встречаются аналогии орнаментации московского образца, например панели со спиралями (Керамика средневекового Отрара, 1991, табл. 164, 165, 171, 176).

Тип 4. Полумайолика с красно-коричневой росписью

Вид 1. Обломок пиалообразной чаши (Ильинка – участок 2 – № 204) из красно-коричневой глины с примесью мелкого и крупного песка, недостаточно высокого обжига (на изломе черепок трехслойный, с черной полосой недообожженной глины), покрытой с обеих сторон белым ангобом и бледно-желтоватой глазурью, с красно-коричневой росписью, имитировавшей гравировку толстой линией (снаружи) и гравировку "в резерве" (изнутри чаши) (рис. 1, *8*). Орнаментация внешней стороны чаши в виде лепестков лотоса, стилизованных в манере конца XIV–XV вв. (см. описание типа 3) и имитация "резерва" – техники гравировки, вышедшей из употребления к XVI в., указывает на то, что данный образец может датироваться в пределах конца XIV–XV вв. Для определения его происхождения интерес представляет полумайолика с коричневой росписью из города Загеми в Восточной Грузии, существовавшего в конце XIV – начале XVII в. (Чилашвили Л.А., 1980, табл. 13).

Вид 2. Обломок узкогорлой бутыли из красной глины с примесью мелкого песка, неравномерного окислительно-восстановительного обжига (черепок имеет на изломе от двух до четырех чередующихся прослоек серого и коричнево-красного цветов). Белый ангоб нанесен на обе стороны стенки, чуть зеленоватая полива – на наружную и верхнюю части внутренней поверхности горловины, соединена она с ангобом слабо и во многих местах откололась. Подглазурной росписью красно-коричневой краской исполнен уникальный для полумайолики рисунок в виде листьев лотоса и меандра (рис. 2, *2*), абсолютно идентичный декору редкой разновидности китайского фарфора с *красной* подглазурной росписью (так называемой "yu-li-hung"), датируемой второй половиной XIV–XV вв. Известны фарфоровые бутыли и кувшины с точно такой же орнаментацией (Oriental Art, 1973, p. 349; Medley M., 1974, pl. 51–56, p. 59, 60; Lion-Goldschmidt D., 1975, fig. 21–23, 42–44, 62, 63, 84; Charleston R.J., 1979, fig. 140) (рис. 2, *3*). Аналогично орнаментировался и сине-белый фарфор XIV–XVI вв.

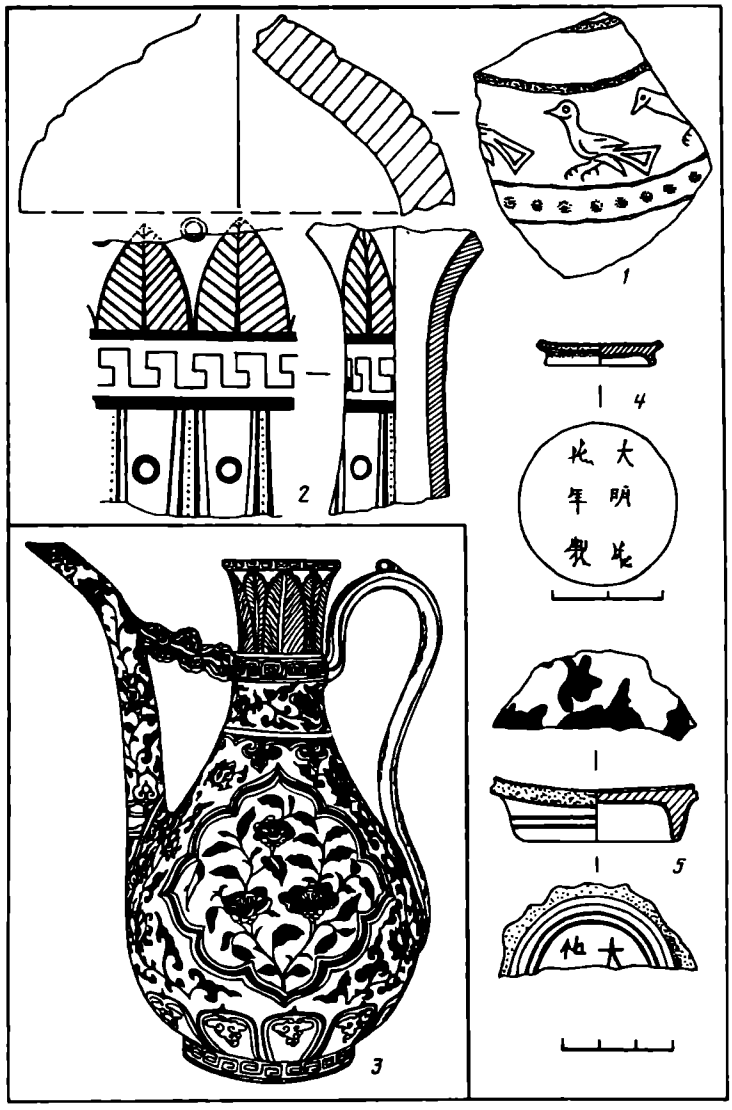


Рис. 2. Обломки сфероконуса (*1*), полумайоликовой бутыли с красной росписью (*2*), китайского бело-синего фарфора (*4, 5*) из раскопок в Кремле (*1, 2*), Зарядье (*4*) и Белом городе (*5*). Аналогия росписи горла бутыли – китайский фарфоровый кувшин с красной подглазурной росписью из коллекции A. Hellner (Стокгольм) (*3*)

(Pope J.A., 1965, pl. 54, 99, 109). Меандровый узор являлся одним из излюбленных орнаментов на китайской керамике, тканях, бронзах (Williams C.A.S., 1960, pl. 35, 38, 47, 80). Панели с кругами известны только на китайском фарфоре XIV–XV вв. (Pope J.A., 1956, pl. 12, 24, 25). В целом московская находка являет собой образец точной копии китайского фарфорового сосуда. Однако керамика, имитирующая красную роспись на китайском фарфоре, не известна[2]. Отметим при этом близость формовочной массы описываемого образца с другими расписными полумайоликовыми изделиями типов 2 и 4, а также сходство с красноглиняной керамикой поволжских центров Золотой Орды, в частности Селитренного городища, на котором был найден и обломок китайского фарфора с красной подглазурной росписью[3]. Независимо от

[2] Только на городище Маджары найден один обломок полумайолики с подглазурной росписью красным ангобом (Булатов Н.М., 1976, с. 79).

[3] Образец такой керамики с шифром СГ– 1975. Уч. 59. Шт. 2. № 162 из раскопок Г.А. Федорова-Давыдова был любезно показан нам хранителем фонда находок с Селитренного городища в ГИМ Г.Ф. Поляковой.

конкретного места производства этой редкостной имитации китайской керамики ее датировка может быть ограничена концом XIV – началом XV в., так как позже на фарфоре красная роспись была вытеснена синей (лишь редкие ее образцы известны для Китая XVI–XVII вв.) и вряд ли уже могла послужить образцом для подражаний.

Подгруппа Б. Полумайолика с зеленой поливой

К **типу** керамики **с подглазурной пурпурной подцветкой** относится только одно дно чаши (со следами сепаи) на кольцевом поддоне (рис. 1, *11*) из светло-красной глины без примесей, на дне которой заметны три коротких тонких полосы коричневого цвета, не составляющих смыслового орнамента (Кремль – 1988 – № 42). Профилировка и характеристики теста этой чаши указывают на ее причерноморское происхождение (Византия?) (Morgan C.H., 1942, fig. 136, 155). Датирована она может быть XIV–XV вв.

Подгруппа В. Полумайолика с желтой поливой

Два обломка красноглиняных сосудов с подглазурной подцветкой коричневыми пятнами по ангобу датированы по слою XV в. (Панова Т.Д., 1986, с. 228).

Группа 3. Полумайолика с подглазурным рельефным декором

(*Подгруппа зеленой глазури*)

Тип 1. "Штампованная" полумайолика

"Штампованной" по сложившейся традиции не совсем правильно называют керамику, рельефный декор поверхности которой достигался тиснением в форме – "калыбе". В Москве такая керамика найдена только на территории Кремля. Для всех образцов характерен грубоватый рисунок из толстых и неровных рельефных валиков. Формовочная масса из красной жирной глины с примесью розового шамота и случайными включениями карбонатов имеет ближайшие аналогии в керамике Восточного Крыма XIV–XV вв. Крупный обломок (1994 – № 44) принадлежал кувшину с шарообразным туловом (рис. 3, *1*), ярко-зеленая глазурь которого отслаивается от белой ангобной подгрунтовки (ср. с полумайоликой группы 2). Два других обгоревших в пожаре обломка стенок принадлежали одному и тому же кувшину (1975 – № 48, 50). Они также были покрыты зеленой (ошлакованной в огне) глазурью, причем нижняя часть тулова была оставлена неглазурованной (рис. 3, *2*, *3*). Тесто этого кувшина отличалось большим количеством карбонатных включений и темно-серым цветом. Тисненые кувшины с серым цветом черепка (обжигавшиеся в восстановительном режиме), покрытые зеленой поливой, известны в золотоордынских центрах Восточного Крыма. Аналогии декору прослеживаются при этом в керамике XIV в. из Белгорода-Днестровского (Кравченко А.А., 1986, с. 78, 79, рис. 31).

Тип 2. Полумайолика с резным орнаментом

Обломок сосуда индивидуальной формы с резным ажурным орнаментом, изготовленного из плотной красной глины без видимой примеси песка, но с мелкими округлыми пустотами (от органики?), мелкими красными включениями (шамот?) и случайными вкраплениями кварцитов, найден на ул. Ильинке (1995 – участок 2 – № 395) в слоях XIV–XV вв. Треугольчатая резьба по глине украшала подзор вокруг горловины сосуда, вся внешняя поверхность которого покрыта ярко-зеленой блестящей глазурью по белой ангобной подгрунтовке, цек средний (рис. 3, *4*). Керамика, украшенная глубокой резьбой по необожженной глине, была широко распространена в Восточном Закавказье в предмонгольское время. Во многих случаях она покрывалась зеленой глазурью. Имелись изделия и со сквозной (ажурной) резьбой, в том числе и по подзорам вокруг горловины сосудов (Якобсон А.Л., 1959, с. 282, 286, табл. XXXVII, XXXVIII). Вероятно, такая керамика производилась там и впоследствии. Московский образец, относящийся к золотоордынской эпохе, также мог быть привезен из Закавказья.

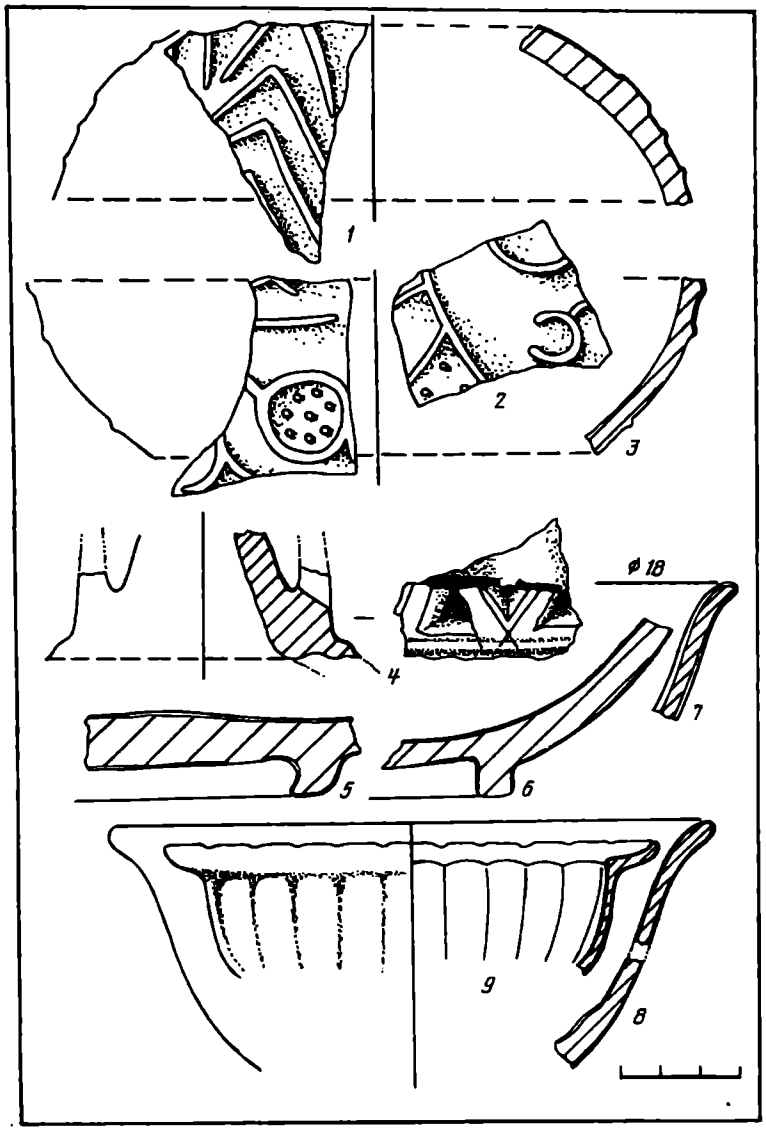


Рис. 3. Штампованная (*1–3*) и резная (*4*) полумайолики, китайские селадоны (*5–9*) из раскопок в Кремле (*1–3, 5–9*) и на ул. Ильинке (*4*)

IV. КИТАЙСКИЙ ФАРФОР

Серия 1. Фарфор с подглазурным декором

Среди фарфора с подглазурным декором выделяется особое семейство изделий, традиционно называемое **селадонами** ("**Лунцюань-яо**"), отличающееся серым цветом своей чрезвычайно твердой формовочной массы и покрытием со всех сторон зеленой поливой различных оттенков – от голубоватого до бурого, в большинстве случаев – нежно-зеленого цвета. По химическому составу теста селадоны не отличаются от настоящего белого фарфора (La Ceramique Chinoise, 1978, p. 287). Производство селадонов существовало в Китае с X по XVII в. (Арапова Т.Б., 1977, с. 20). В XIII–XIV вв. селадоны широко импортировались в золотоордынские центры Поволжья. На Руси их единичные обломки известны в Переяславле-Рязанском, Твери, Новгороде и Киеве.

Среди московских находок имеется один неорнаментированный обломок чаши из

белой фарфоровой массы, покрытой очень толстым слоем нежно-зеленой поливы (рис. 3, *7*), являвшийся, возможно, фарфоровой имитацией селадона. Подобный "псевдоселадон" начали производить в Китае в XVII в. (Арапова Т.Б., 1977, с. 21). Находка происходит из постройки XVII–XVIII вв. на территории Чертолья в Белом городе (сооружение 8 на раскопке II в Антипьевском переулке) (Векслер А.Г., 1989, с. 105). Остальные образцы принадлежали настоящим селадонам из светло-серой или темно-серой массы, с подглазурным декором.

Группа 1. Селадоны с гравированным орнаментом

Восемь обломков от 4–5 блюд и чаш (рис. 3, *5*, *6*) найдены в Кремле (1975 – № 80; 1976 – № 90, 98а [5 шт.]; 1995 – № 83). Из раскопок 1950 г. в Зарядье сохранился обломок поддона блюда, идентичного блюду из Кремля (см. рис. 3, *6*). Обломок селадоновой чаши найден также на ул. Ильинке (1995 – участок 2 – № 236), а фрагмент блюда с желобообразным краем и гравировкой в виде меандра ("узор грома" в китайской символике) – в Ильинском проезде (1970 – № 29068/73 – рис. 4, *1*). Целая чаша этого типа находилась в составе клада поливных сосудов, обнаруженного в XIX в. под полом Благовещенского собора Кремля (Панова Т.Д., 1996, с. 65, 66).

На территории Белого города Москвы селадон (рис. 3, *8*) впервые найден при раскопках ЦАИ на усадьбе Лопухиных (Знаменский переулок, 3) в 1990 г., в заполнении ямы с материалом XVI–XVII вв. (Векслер А.Г., 1990, с. 170, илл. 65). Второй обломок селадона из Белого города зафиксирован в 1995 г. при раскопках ЦАИ на ул. Арбат (д. 1/7) в слое XVII в. (Пол. № 359).

Группа 2. Селадоны с гравировкой и плоской резьбой

Две целых чаши (Фехнер М.В., 1956, вклейка; Панова Т.Д., 1996, с. 67), одно блюдо и два обломка других сосудов этого типа были найдены в Благовещенском соборе Кремля (см. примечание 4 к первой части статьи).

Группа 3. Селадоны с рельефной моделировкой стенок

Обломок чаши с гофрированными стенками и фестончатым краем (1976 – № 98-б, рис. 3, *9*) найден в Кремле в слое XV в. (Панова Т.Д., 1986, с. 229, рис. 4). Второй обломок (Кремль – 1979 – № 55) принадлежал блюду, внутренняя поверхность которого украшена широкими вертикальными каннелюрами, одним из самых распространенных видов декора на селадонах (Арапова Т.Б., 1977, илл. 47, 49, 51).

Сине-белый фарфор

Настоящий китайский фарфор отличается снежно-белой, слегка просвечивающей массой, покрытой *прозрачной бесцветной* поливой. До последнего времени такая керамика в Москве и других городах Руси не была известна, так как не выделялась из общей массы позднего фарфора XVIII–XIX вв. Сине-белый фарфор, т.е. семейство изделий с монохромной синей (кобальтовой) росписью по белому фону, начал производиться в Китае в XIV в. в эпоху Мин и доминировал в керамике XV–XVIII вв.

Целиком сохранившееся донце сосудика без росписи, найденное при раскопках в Зарядье (1953 – № 27081/2222), имело на нижней стороне, внутри кольцевого поддона, выполненное кобальтом иероглифическое клеймо (рис. 2, *4*), несущее девиз императора Чэн Хуа (1465–1487 гг.) из династии Мин (Кречетова М.Н., Вестфален Э.Х., 1947, с. 31; Hobson R.L., 1971, p. 187). Другой обломок чаши с фрагментом аналогичного клейма (рис. 2, *5*) и синей росписью на дне найден при работах ЦАИ в Б. Кисловском переулке в 1989 г. в переотложенном культурном слое XVI–XVIII вв. (Векслер А.Г., 1989, с. 121). Это первые две археологические находки китайского

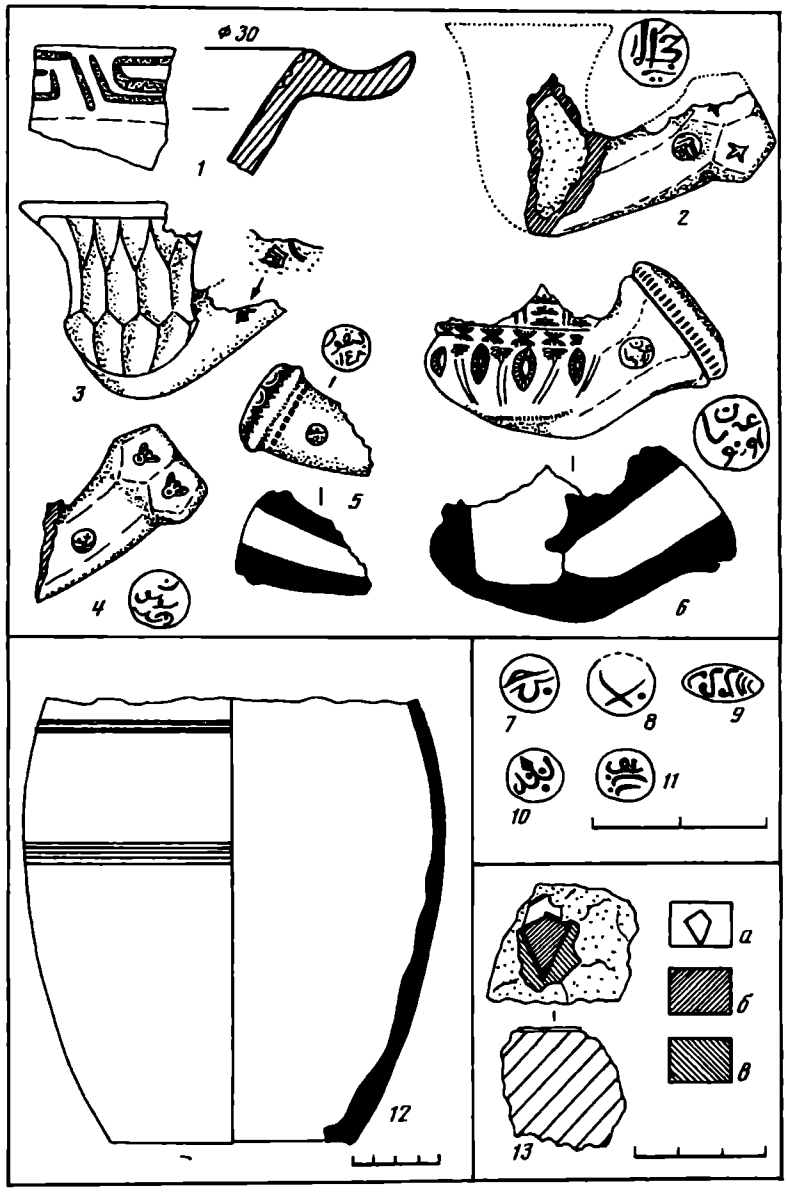


Рис. 4. Обломок селадонового блюда (*1*), турецкие курительные трубки и клейма на них (*2–11*), тулово неполивного кувшина (*12*), обломок красноглиняного поливного изразца (*13*) из раскопок в Белом городе (*1–7, 11*), Замоскворечье (*10*) и на окраинах Москвы (*8, 9*)

сине-белого фарфора XV в. на территории Руси. К этому же типу фарфора принадлежала и упоминавшаяся "сулея" (бутыль) XVI в. из Оружейной палаты (Арапова Т.Б., 1989, рис. 1).

Серия 2. Фарфор с надглазурным декором

При раскопках 1994 г. на Манежной площади в слое XVIII в. был найден обломок миниатюрной фарфоровой вазочки, украшенной гравировкой по бесцветной прозрачной глазури в сочетании с надглазурной контурной росписью красной краской и заполнением рисунка золотом и непрозрачной коричневой эмалью (Векслер А.Г., 1994а, илл. 237, *1*). В 1993 г. там же, на раскопе 8, в комплексах конца XVII–XVIII вв. найдены мелкие обломки фарфоровых чашек с надглазурной росписью красной краской и золотом (Япония или Китай). В 1990 г. при раскопках некрополя Георгиевского монастыря

в Занеглименье в погребениях XVIII в. найдены несколько китайских фарфоровых чашек, использованных в качестве погребальных сосудиков (так называемых "слезниц"). Среди них одна чашечка имела подглазурную роспись кобальтом, а у других полихромная роспись сочеталась с коричневой поливой на внешней поверхности (Векслер А.Г., 1990, т. 2, с. 348, 349).

Если поливная *керамика восточного происхождения* (КВП) в Москве насчитывает более 230 образцов, то **БЛОК НЕПОЛИВНОЙ ПОСУДНОЙ КВП** – только 11 находок. Вся неполивная КВП изготовлена из глины[4].

Серия 1. Керамика без дополнительной обработки поверхности

Декорировка керамики этой серии производилась без дополнительной обработки поверхности сосудов лощением, ангобом, глазурью.

Группа 1. Керамика с гравированным орнаментом

1) Фрагмент кувшина (рис. 4, *12*), сформованного из жирной ярко-красной глины с многочисленными округлыми пустотами от органической примеси (выгоревшей в процессе горнового высокотемпературного обжига), украшенного горизонтальными гравированными линиями, найден в 1993 г. на Манежной площади в комплексе XIII–XIV вв. (Векслер А.Г., 1993, с. 582). По составу теста, манере среза излишков глины у дна ножом и профилировке кувшин находит аналогии в керамике Волжской Болгарии золотоордынской эпохи (Хлебникова Т.А., 1988, рис. 34, *2, 5, 7*, 36, *2, 9*; Васильева И.Н., 1988, с. 126, 127), однако он отличается от нее ярким цветом глины. Учитывая, что в золотоордынскую эпоху близкие формы встречались во многих регионах Золотой Орды, например, в Подонье (Волков И.В., 1992а, табл. 1, *А-8, В-1*), точная атрибуция этой находки пока затруднительна.

2) Обломок дна кувшина из глины светло-красного цвета, без визуально фиксируемой примеси песка, но с включениями красного шамота и щелевидными пустотами, найден в 1995 г. на ул. Ильинке. Дно с небольшой закраиной, без следов подсыпки. Состав теста идентичен восточнокрымской керамике XIII–XIV вв. (см. выше).

3) К особому типу неполивной керамики принадлежала стенка кувшина из красно-коричневой глины с примесью песка, украшенная вертикальными вдавлениями по тулову (Ильинка – 1995 – участок 2 – № 221), найденная в комплексе XIV в. Кувшины, горшки и миски с такой декорировкой известны в Болгаре второй половины XIV – начала XV в. (Хлебникова Т.А., 1988, рис. 38, *7, 9*), но этот декор не имеет генетических корней в Волжской Болгарии, а происходит, видимо, от домонгольской керамики Закавказья (Якобсон А.Л., 1979, с. 83), традиция производства которой могла быть принесена эмигрантами из Армении или мастерами, плененными при набегах золотоордынских ханов на Закавказье.

Группа 2. "Штампованная" керамика

"Штампованная" (т.е. в действительности тисненая в форме) неполивная керамика изготавливалась из глины с примесью песка, обжигалась в восстановительном режиме и оттого обычно имела серый или коричневатый цвет поверхности и излома. В золотоордынскую эпоху она производилась в Хорезме и поволжских центрах. В Москве известны 6 находок фрагментов таких сосудов. Один найден в Кремле (1959 – № 24661/366) (Латышева Г.П., 1971, рис. 3), два обломка фляг (?) происходят из слоя конца XIII – начала XV вв. в Зарядье (Дубынин А.Ф., 1959, с. 92, 93, рис. 40, *7, 8*;

---

[4] Группировка неполивной керамики проводилась с учетом общепринятой классификации функциональных форм сосудов (амфоры, сфероконусы и т.д.) и некоторых наших разработок по типологии археологической керамики (Коваль В.Ю., 1995, с. 67–70).

Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 69), два обломка от одного кувшина с орнаментом из мелких точек и ромбов найдены на ул. Ильинке (1995 – участки 1–2 – № 97, 98, 136) в комплексах XIV в.

Кроме Москвы "штампованная" керамика известна в Твери, Белоозере и Переяславле-Рязанском.

Серия 2. Лощеная керамика

Керамика с дополнительной обработкой поверхности лощением производилась в Москве с XVI в. (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 12), однако некоторые из ранних московских находок обломков этой керамики (как правило, сильно измельченных), по-видимому, принадлежали сосудам, привезенным из Волжской Болгарии (Беляев Л.А., 1991, с. 47), где подобная керамика изготавливалась уже в домонгольскую эпоху. К таким импортам, возможно, относился (либо был изготовлен болгарским мастером в Москве?) кувшин из темно-коричневой глины с примесью песка и слюды, найденный в 1994 г. при раскопках ЦАИ на селище Мякинино II на северо-западе Москвы (Векслер А.Г., 1995, табл. 54, *2*). Профилировка этого сосуда, происходившего из комплекса конца XIV–XV вв., находит прямые аналогии в синхронной керамике Болгара (Хлебникова Т.А., 1988, рис. 38, *4, 8*).

ТАРНАЯ КВП

Представлена в Москве двумя **сериями – керамикой без дополнительной обработки поверхности** (амфоры и сфероконусы) и **лощеной керамикой**. К последней относится только один венчик красноглиняной корчаги с ребром по шейке, найденный в 1995 г. на ул. Ильинке. Подобные корчаги появились в Волжской Болгарии во второй половине XIII в. и получили широкое распространение в XIV в. (Хлебникова Т.А., 1988, с. 79, рис. 57, 59).

Амфоры

Амфоры византийского круга являются в Москве единственной группой КВП, которая уверенно может быть отнесена к домонгольской эпохе. До последнего времени амфоры были известны здесь только в виде разрозненных обломков, однако в 1994 г. на Манежной площади в комплексе первой трети XIII в. найден развал амфоры (Векслер А.Г., Коваль В.Ю., в печати), имевшей на стенке фрагмент дипинто – греческой надписи красной краской, на территории Древней Руси найденной впервые.

Кроме амфоры с Манежной площади и одного вторично использованного обломка амфоры из раскопок 1995 г. на ул. Ильинке, амфорная керамика встречена только в Московском Кремле, откуда происходят 48 обломков от примерно двух десятков сосудов. Византийские амфоры представлены в Москве двумя типами (по типологии И.В. Волкова) (Волков И.В., 1992б, с. 144–147, 149–153):

1) Амфоры типа "Трапезунд", относящиеся к хронологическому варианту XII–XIII вв. К ним принадлежит большинство обломков из Кремля (Латышева Г.П., 1971, рис. 1, *21*), обломок с Ильинки и амфора с Манежной площади.

2) Амфоры типа "Триллия". В Кремле найдены только два обломка таких амфор (1964 – № 222; 1969 – № 622 арх.), морфологические особенности которых (мелкое рифление стенки, ручка с резким перегибом в верхней части) характерны для хронологического варианта XII в.

Еще один обломок плоскодонного толстостенного сосуда из желтовато-розовой глины с включениями красного шамота, найденный в Кремле (1988 – № 41), также мог принадлежать амфоре. Находки амфор, свидетельствующие об импорте византийского вина, оливкового масла, нефтепродуктов и пряностей, известны во всех крупных, средних и даже многих мелких городах Древней Руси домонгольской эпохи.

Сфероконусы ("симоб-кузача")

Сфероконусами называют небольшие толстостенные сосуды подшарообразной или вытянутой формы с заостренным дном и узким горловым отверстием, предназначавшиеся для перевозки ртути, благовоний, лекарств и других дорогостоящих препаратов (Волков И.В., 1994, с. 97, 98). Изготавливались они из глины, которая после очень длительного высокотемпературного восстановительного (так называемого "клинкерного") обжига приобретала свойства искусственного камня – клинкера. В Средней Азии их называют "симоб-кузача".

В Москве известны две находки сфероконусов, причем обе в Кремле. Целый сфероконус, наполненный ртутью, был найден в 1845 г. при строительстве Большого Кремлевского Дворца (Ленц Э., 1904, с. 0106, рис. 19). В настоящее время хранится в ГИМ (опись 2330. № 1)[5]. Он имел форму, близкую к биконической, зеленоватый цвет поверхности и был украшен линейным и слабо оттиснутым штампованным орнаментом, рисунок которого почти неразличим. Подобные сфероконусы известны в материалах из раскопок закавказских городов Двин (Джанполадян Р.М., 1958, рис. 1, *21, 22*) и Байлакан.

Обломок второго сфероконуса (1988 – № 30) принадлежал крупному сосуду из черного теста с белыми округлыми частично выгоревшими включениями и зеленоватым цветом внешней поверхности черепка (толщина слоя до 1 мм). Декор состоит из неровно прочерченных горизонтальных линий, в поясах между которыми размещались отштампованные мелкие розетки и гравированные изображения птиц (рис. 2, *1*).

Датировка московских находок затруднительна, так как прямых аналогов им нет, а хронологические различия между сфероконусами невелики. Центры производства сфероконусов находились в домонгольскую эпоху в Азербайджане (Ахмедов Г.М., 1986, с. 6), а в XIII–XIV вв. – в Средней Азии, где известны образцы, близкие московским (Сычева Н.С., 1979, с. 18–20). В золотоордынском Поволжье изготавливались совершенно иные – красноглиняные – сфероконусы (Михальченко С.Е., 1974, с. 46). Кроме Москвы, обломки сфероконусов найдены в Белоозере в слоях XI в. и во Владимире в комплексе домонгольского времени (Родина М.Е., 1994, с. 89). Московские же образцы, возможно, связаны с золотоордынским временем, так как целый сфероконус был найден вместе с сосудом, содержавшим документы эпохи Дмитрия Донского (Ленц Э., 1904, с. 0106).

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ КВП

Представлена в Москве единственной категорией – курительными трубками. Все они неполивные, изготовлены из красножгущейся глины, покрыты лощением и штампованным орнаментом. Подобные трубки изготавливались в XVIII–XIX вв. в Турции, Болгарии, Крыму (Robinson R.C.W., 1983, p. 265, 268; Илчева В., 1975, с. 180–183; Волков И.В., 1992а, с. 19). Видимо, по турецким образцам они изготавливались и в России, хотя следы их производства пока нигде не обнаружены. К несомненно импортным изделиям относятся трубки с клеймами на втулках чубуков, содержащими арабские надписи. Впервые они были найдены в 1930-х годах при наблюдениях за строительством метрополитена (Воеводский М.В., 1936, с. 170, 171), а затем – при раскопках в Гончарной слободе и Зарядье (Рабинович М.Г., 1947, с. 73; Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 19, *21, 22, 28, 30, 35*). Наиболее ранней из находок является обломок трубки, происходящий из комплека XVIII в. (Векслер А.Г., 1990, с. 96, илл. 42, 6), с клеймом (рис. 4, *5*), на котором читается арабская надпись (буквы b, k, w, r), включающая дату – 1148 г.х. (1735 г. от Р.Х.)[6]. Темный цвет глины этого

[5] Благодарю Н.И. Асташову (ГИМ) за помощь в поиске этого уникального предмета.

[6] Перевод надписей на этом клейме выполнен канд. ист. наук И.В. Волковым, которому приношу свою сердечную благодарность.

образца характерен для трубок стамбульского производства (Robinson R.C.W., 1983, p. 269, 282).

ДЕКОРАТИВНАЯ КВП

Представлена в Москве единственной категорией – *кашинными бусами* (диаметром до 1 см), покрытыми голубой прозрачной глазурью. Два обломка бусин и один целый экземпляр найдены в 1994–1995 гг. при раскопках ЦАИ на селище Мякинино II на северо-западе Москвы (на историческом Спасском лугу напротив села Спас-Тушина). Изготовлены они из твердого белого кашина, состав которого (SiO_2 – до 67,6%; Al_2O_3 – 6,0–11,7; CaO – 4,3–10,9; Fe_2O – 1,4–20,0; MnO – 0,4–25,7%) существенно отличался от кашина посудной КВП за счет необычно высокого содержания окисей железа, алюминия и марганца. Необычен и состав голубой глазури (см. табл. 2 в первой части статьи), класс которой (? – Ca – Si)[7] остался неясен (Векслер А.Г., 1994б, с. 195, 196). По декорировке бусы относились к различным видам: среди них есть ребристая (1994 – № 73), с пересекающимися насечками (1995 – № 94) и с рельефными "жемчужинами" (1994 – № 309). Появление таких бус на Руси датируется второй половиной XIII в., происходят же они из Закавказья (Лесман Ю.М., 1994, с. 191, 192, рис. 1, *4*, *8*, *14*) или же из Египта (что, по нашему мнению, более вероятно).

АРХИТЕКТУРНАЯ КВП

Архитектурная КВП не была известна ранее нигде на территории Древней Руси. Однако в коллекции из раскопок 1950 г. в Зарядье, хранящейся в МИГМ, имеется небольшой скол с поверхности декоративной облицовочной плитки (которые традиционно называются на Руси *изразцами*) из плотной ярко-розовой глины без визуально фиксируемой примеси песка (к сожалению, он депаспортизирован). Толщина обломка 2,7 см (толщина плитки, очевидно, была больше). На лицевой плоскости сохранилась белая непрозрачная полива, по которой проведена черная контурная роспись с заливкой рисунка ультрамариновой прозрачной и бирюзовой непрозрачной поливами (рис. 4, *13*), т.е. в технике, аналогичной декору фаянсов типа "минаи".

Красноглиняные плитки с полихромной надглазурной росписью и позолотой ("майолики" типа IV, по Л.М. Носковой) известны в золотоордынском Поволжье, причем исключительно на Селитренном городище (Носкова Л.М., 1976, с. 23), однако встречаются они там редко, поскольку основная масса ордынских изразцов изготавливалась из кашина. Отличие глины московского образца от гончарных глин Поволжья, насыщенных мелким песком, заставляет исключать возможность его золотоордынского происхождения. Между тем, майоликовые изразцы изготавливались также в Закавказье и Иране, а в Северной Азии техника надглазурной полихромной росписи сохранялась, возможно, до XVII в. Так, изразцы типа "минаи" имелись в декоре самаркандской мечети Тилля-Кари, построенной в 1645–1660 гг.[8] (хотя считается, что при ее возведении использовалась облицовка снесенного при строительстве караван-сарая Мирзои, построенного Улугбеком после 1424 г.) (Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1958, с. 127–131). С учетом этих данных, датировка московской находки возможна в пределах XV–XVII вв.

---

[7] Внешний вид глазури анализированного образца позволяет допускать далеко зашедший процесс ее выщелачивания под действием внешней среды. Если же первоначально содержание щелочных компонентов было в ней выше, то проявится ее сходство (по содержанию всех остальных химических элементов) с составом глазурей египетских фаянсов римской эпохи (Lucas A., 1948, p. 536).

[8] Три обломка таких изразцов хранятся в фондах музея-усадьбы "Коломенское" (Колл. № И–4847-4849). Пользуюсь случаем выразить свою благодарность хранителю фонда керамики музея С.И. Барановой за помощь в работе.

Страна	XII – начало XIII в.			Середина XIII –	
	Кремль	Китай-город	Белый город	Кремль	Китай-город
Византия и Причерноморье:					
полумайолика без декора и "сграффито"				5	19
полумайолика с росписью красками и ангобом				2	7
штампованная полумайолика				3	
неполивная керамика					1
амфоры	49	1	1		
Османская Турция:					
расписные полуфаянсы без рельефной моделировки (типы 3, 4, 5)					
Золотоордынское Поволжье:					
фаянсы типа "минаи"				5	
прочие типы фаянсов				3	3
расписные полуфаянсы с рельефом				29	13
расписные полуфаянсы без рельефной моделировки (типы 1, 7)				26	20
прочие типы полуфаянсов				10	6
расписная полумайолика (типы 2, 4)				3	1
неполивная керамика				1	7
Иран, Средняя Азия, Закавказье:					
фаянсы				2	1
люстровые полуфаянсы				1	
росписные полуфаянсы без рельефной моделировки (полихромные типы 1, 2, 6, 7 и бирюзовые)				4	
расписная полумайолика (типа 3)				1	
резная полумайолика					1
кашинные бусы					
сфероконусы				2	
изразцы					1
Китай:					
селадоны				15	3
фарфор				1	
Всего	49	1	1	113	83

Систематизация восточной керамики, найденной в Москве, позволяет прийти к нескольким выводам:

1) КВП ввозилась в Москву, начиная со второй половины XII в. (византийские амфоры) до конца средневековья и продолжала импортироваться в XVIII–XIX вв. (китайский фарфор, турецкие курительные трубки). Пик импорта КВП приходится на золотоордынскую эпоху (XIV вв.).

2) Москва является пока единственным городом Руси, в котором археологически зафиксирована позднесредневековая КВП (XVI–XVIII вв.)

поступления восточной керамики в Москву

начало XV в.		XV–XVII вв.				Итого
Белый город	Земляной город и окраины	Кремль	Китай-город	Белый город	Земляной город и окраины	
1						25
						9
						3
1						2
						51
			11		2	13
						5
						6
1	1					44
						46
1	1					18
						4
	1					9
						3
			1	1		3
		4	13	1	2	24
						1
						1
	3					3
						2
						1
				3		21
			1	6		8
4	6	4	26	11	4	302

3) Восточная керамика найдена в Москве не только в Кремле, но и на территории примыкавших к нему посадов – Великого (будущего Китай-города) и Занеглименского (на Манежной площади). В XIV в. отдельные находки золотоордынской керамики обнаруживаются даже на окраинах города (Заяузье) и в Коломенском. В XVI–XVII вв. происходит расширение территорий, на которых встречаются находки КВП (рис. 5). Динамика поступления в Москву КВП в XII–XVII вв. и ее распределение по отдельным частям города показаны на таблице. Особое внимание обращают на себя следующие обстоятельства:

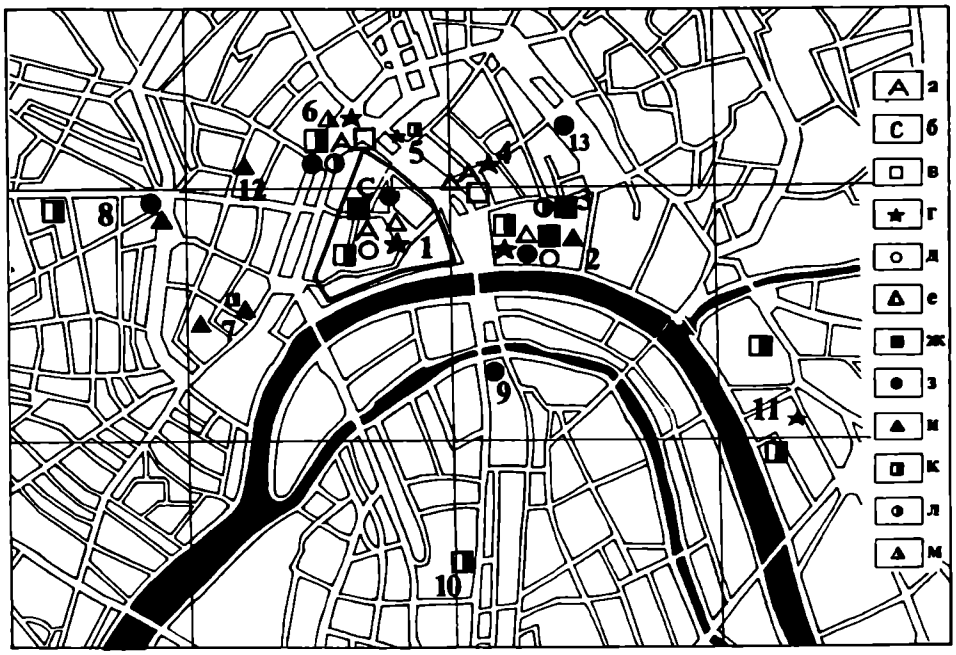


Рис. 5. Схема расположения находок восточной керамики в Москве: Керамика XII – начала XIII в.: *а* – византийские амфоры. Керамика второй половины XIII–XIV в.: *б* – сфероконусы; *в* – керамика из Причерноморья (Византия, Крым); *г* – из золотоордынского Поволжья; *д* – из Ирана и Средней Азии; *е* – из Китая. Керамика XV–XVII вв.: *ж* – из Турции и Крыма; *з* – из Ирана и Средней Азии; *и* – из Китая. Керамика XVIII–XIX вв.: *к* – из Турции; *л* – из Ирана; *м* – из Китая. Места находок: *1* – Кремль; *2* – Зарядье; *3* – дом бояр Романовых; *4* – ул. Ильинка; *5* – Казанский собор и Исторический проезд; *6* – Манежная площадь; *7* – Чертолье (Антипьевский пер., 6); *8* – Арбат; *9* – ул. Ордынка, д. 1/5; *10* – ул. Ордынка, д. 40; *11* – Гончарная слобода; *12* – Б. Кисловский переулок, 2; *13* – Ильинский проезд

а) В домонгольскую эпоху в Москву поступали византийские амфоры, но до сих пор здесь не найдено ни одного образца поливной художественной КВП, достоверно датирующегося тем же временем. Эта черта резко отличает Москву от крупнейших городских центров домонгольской Руси (Киева, Новгорода, Старой Рязани, Суздаля и др.) и даже некоторых относительно небольших городов (Новогрудка, Турова, Ярославля), где поливная КВП известна, но сближает с таким центром как Псков.

б) К начальному этапу золотоордынской эпохи (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.) в Москве могут относиться лишь несколько находок КВП византийско-причерноморского происхождения. При этом почти полностью отсутствует иранская люстровая керамика, широко представленная в других центрах Северо-Восточной Руси (Владимир, Ростов, Тверь). Золотоордынская кашинная керамика (полуфаянсы) второй половины XIV–XV вв. встречается в Москве не реже, чем в других русских городах.

в) Москва остается пока единственным русским городом, где известны образцы поливной керамики Турции XVI в. и единичные фрагменты поливной посуды закавказского происхождения XIV–XV вв.

г) Отличительной особенностью КВП из Москвы является присутствие здесь разнообразной китайской керамики XIV–XVIII вв. (селадоны, фарфор) и поздней (XIV–XV вв.) причерноморской полумайолики византийского круга. Последняя не известна в районах к северу от Москвы, но бытовала в Переяславле-Рязанском. Возможно, это связано с приоритетом южной (т.н. "сурожской" торговли) московских купцов, зримым свидетельством которой в области привозной керамики является импорт в Москву на рубеже XIV–XV вв. испанского люстра, привозившегося в Северное Причерноморье генуэзцами (Коваль В.Ю., 1996). Китайская керамика ввозилась, видимо,

через Золотую Орду, а впоследствии – через Иран, связи с которым иллюстрируются находками иранской поливной КВП XVI–XVIII вв.

Найденная в Москве восточная керамика свидетельствует о том, что средневековая Русь была хорошо знакома с лучшими произведениями декоративно-прикладного искусства стран Востока на огромных пространствах от Византии и Турции до Китая. Среди московских находок имеются уникальные образцы такого искусства, для которых иногда трудно найти аналогии. Необычайное разнообразие здесь типов и видов КВП является признаком широчайших культурных, торговых и внешнеполитических связей средневековой Москвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арапова Т.Б., 1977. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Л.

Арапова Т.Б., 1989. Китайские изделия художественного ремесла в русском интерьере XVII – первой четверти XVIII в. // Тр. ГЭ. Т. XXVII.

Ахмедов Г.М., 1986. Средневековый город Байлакан. Баку.

Баранов И.А., 1991. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев.

Беляев Л.А., 1991. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.

Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х годов) // РА. № 3.

Булатов Н.М., 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.

Васильева И.Н., 1988. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар. М.

Векслер А.Г., 1989. Отчет об археологических работах в Москве в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 14127.

Векслер А.Г., 1990. Отчет об археологических работах в Москве в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 15119–15126. Т. 1–8.

Векслер А.Г., 1993. Отчет об археологических работах в г. Москве в 1993 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., 1994а. Отчет об археологических исследованиях на Манежной площади в Москве в 1994 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., 1994б. Отчет об охранных археологических исследованиях на селище "Мякинино-2" в 1994 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., 1995. Отчет об охранных археологических исследованиях на селище "Мякинино-2" в 1995 г. // Архив ИА РАН.

Векслер А.Г., Коваль В.Ю.; в печати. Византийская амфора с дипинто из раскопок на Манежной площади в Москве.

Воеводский М.В., 1936. Глиняная посуда Москвы XVI–XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя // ИГАИМК. Вып. 132. (По трассе I очереди Московского метрополитена).

Волков И.В., 1992а. Керамика Азова XIV–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Волков И.В., 1992б. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов.

Волков И.В., 1994. Распространение сфероконусов в Золотой Орде как отражение Международной торговли // Международные отношения в бассейне Черного моря в средние века. Ростов-на-Дону.

Воронин Н.Н., 1959. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2004.

Джанполадян Р.М., 1958. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // СА. № 1.

Дубынин А.Ф., 1959. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77.

Илчева В., 1975. Глинени лули от Великого Търново // Годишник на музеите от северна България. Кн. 1. Варна.

Керамика средневекового Отрара, 1991. Алма-Ата.

Коваль В.Ю., 1995. Проблемы типологической группировки и статистической обработки средневековой керамики Руси // Деснинские древности. Брянск.
Коваль В.Ю., 1996. Испанская люстровая керамика в Москве // РА. № 1.
Коваль В.Ю., Судаков В.В., 1995. Средневековая восточная керамика из Переяславля-Рязанского // Археологические памятники среднего Поочья. Вып. 4. Рязань.
Кравченко А.А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев.
Кречетова М.Н., Вестфален Э.Х., 1947. Китайский фарфор. Л.
Латышева Г.П., 1971. Торговые связи Москвы в XII–XIV вв. // МИА. № 167.
Ленц Э., 1904. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского Востока // ЗВОРАО. Т. XV.
Лесман Ю.М., 1994. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород.
Михальченко С.Е., 1974. Сфероконусы Поволжья // КСИА. Вып. 140.
Носкова Л.М., 1976. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М.
Панова Т.Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. № 1.
Панова Т.Д., 1996. Клады Кремля. М.
Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1958. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент.
Рабинович М.Г., 1947. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // МИА. № 7.
Родина М.Е., 1994. Раскопки во Владимире, в "Мономаховом городе" // АО – 1993. М.
Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39.
Романчук А.И., Перевозчиков В.И., 1990. Глазурованная керамика из Азова // Античная древность и средние века. Византия и сопредельный мир. Свердловск.
Сычева Н.С., 1979. Неполивная керамика Средней Азии в собрании ГМИНВ // НС ГМИНВ. Вып. 12.
Фехнер М.В., 1956. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. // Тр. ГИМ. Вып. 31.
Хлебникова Т.А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. М.
Чилашвили Л.А., 1980. Города Кахетии (XIV–XVII вв.). Тбилиси.
Шляхова В.И., 1980. Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде // СА. № 4.
Якобсон А.Л., 1959. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // МИА. № 67.
Якобсон А.Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
Aslanapa O., 1971. Turckish Ceramic Art // Archaeology. Vol. 24. № 3. New York.
Charleston R.J., 1979. World Ceramics. London.
Hobson R.L., 1971. The Wares of the Ming Dynasty. Rutland.
La Ceramique Chinoise, 1978. Fribourg; Paris.
Lion-Goldschmidt D., 1975. La porcelaine Ming. Fribourg.
Lucas A., 1948. Ancient Egiptian materials and industries. London.
Megaw A.H.S., 1968. Zeuxippus Ware // The Annual of the British School of Archeology at Athens. № 63. London.
Morgan C.H. The Byzantine Pottery // Corinth. Vol. 11. Cambridge.
Medley M., 1974. Yuan porcelain and stoneware. London.
Oriental Art, 1973. Vol. XIX. № 4. London.
Pope J.A., 1956. Chinese porcelains from the Ardebil Shrine. Washington.
Robinson R.C.W., 1983. Clay tobacco pipes from the Kerameikos // Mittelungen des Deutschen Archaologisches Instituts Athenische Abteilung. Bd. 98. Berlin.
Rodinson R.C.W., 1985. Tobacco pipes of Corinth and of the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 54. № 2.
Williams C.A.S., 1960. Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives. New York.

Центр археологических исследований
УГК ОИП г. Москвы

V.Y. KOVAL

ORIENTAL CERAMICS IN MEDIEVAL MOSCOW

(experience of systematization)

PART II. SEMI-MAJOLICA, PORCELAIN, UNGLAZED HOUSEHOLD, TECHNICAL, DECORATIVE AND ARCHITECTURAL CERAMICS

Summary

The study and systematization of 300 archaeological finds of oriental ceramics from archaeological excavations in Moscow have allowed to single out more that 50 various types and kinds of decorative glazed and unglazed ceramics of the twelfth – the nineteenth centuries brought to Moscow from Byzantium and the Black sea maritime region, the Golden Horde, Iran and Central Asia, Osman Turkey, China. Fragments of Byzantine amphorae of the twelfth – the thirteenth centuries are the earliest finds. Samples of Byzantinesque red-clay glazed ware (including "sgrafitto") of the thirteenth – the fifteenth centuries is an indication of close trade and cultural links between Russia and the Crimea, Constantinople, known from written sources. A lot of glazed Golden Horde ceramics produced in the Volga region that date to the fourteenth century have been found. Glazed vessels from the Middle East appear in Moscow in the thirteenth – the fourteenth centuries, Turkish ware appears in the sixteenth century. Red-clay tobacco pipes came from various Black sea maritime region centers during the eighteenth – the nineteenth centuries. Moscow occupies the first place among Rus cities as regards the finds of Chinese ceramics (celadons, white and blue porcelain and polychromatic porcelain) brought here in the thirteenth – the eighteenth centuries. Mercury vessels, a neck of a red-clay bottle with underglaze red painting that imitates Chinese porcelain of the fourteenth – the fifteenth centuries with copper-red painting and two finds of fragments of Ming porcelain with stamps of the emperor of Ch'eng Hua which are the first finds of this sort in Rus are among the most interesting discoveries. Oriental ceramics are concentrated on the territory of Moscow within the Kremlin and in ancient towns closely surrounding it. In the fifteenth – the sixteenth centuries the amount of oriental ceramics finds is reduced in number but the territory on which they are found becomes vaster.

А.Г. ВЕКСЛЕР, Ю.А. ЛИХТЕР, Д.О. ОСИПОВ

ОБУВНЫЕ ПОДКОВКИ XV–XVIII вв.

(по материалам раскопок в г. Москве)

В культурных напластованиях древнерусских городов часто встречаются железные обувные подковки, предохраняющие каблук от быстрого износа. В горизонтах XVI–XVIII вв. их количество исчисляется сотнями. В отличие от других элементов кожаной обуви железные подковки более долговечны и хорошо сохраняются в сухом грунте. Однако, несмотря на широкое распространение, эта категория археологических находок до сих пор не привлекала специального внимания исследователей. Как попутный материал подковки рассматривались в работах по изучению обувного производства (Изюмова С.А., 1959, с. 192–222), кузнечного (Колчин Б.А., 1959, с. 7–121) и железообрабатывающего ремесел (Никитин А.В., 1971, с. 42). В научной литературе до сих пор не установлено время их появления. Одни исследователи относят его к концу XIV в. (Изюмова С.А., 1959, с. 214), другие – к середине XVI в. (Курбатов А.В., 1995, с. 203). В московских коллекциях, исследованных нами, обувные подковки не встречаются в слоях ранее XVI в. В многочисленных публикациях археологических коллекций других древнерусских городов различные формы подковок лишь упоминаются, авторы не останавливаются подробно на различии их форм и не разделяют подковки по хронологическим группам (Гайдуков П.Г., 1994, с. 95; Лабутина И.К., 1994, с. 228). Это связано с тем, что подковки в известных нам публикациях не упоминаются в составе закрытых комплексов, имеющих узкую дату.

К настоящему времени количество подковок значительно возросло и назрела необходимость, на наш взгляд, более подробно остановиться на систематизации этого материала, и проследить развитие формы обувных подковок на протяжении XVI–XIX в. Базой для исследования послужили коллекции, собранные во время раскопок исторического центра Москвы на улицах Арбат, Ильинка, Варварка (Гостиный двор) и Манежной площади (Векслер А.Г., 1994; 1995) в слоях, датированных в пределах столетия. Для сравнения привлекались коллекции из раскопок Казанского собора в Москве (Беляев Л.А., 1991), Московского Зарядья (Дубынин А.Ф., 1955)[1], Витебска (Левко О.Н., 1984, с. 48) и Мангазеи (Белов М.И. и др., 1981, с. 50)[2].

Впервые описание различных групп подковок было дано в работе Б.А. Колчина «Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого» (Колчин Б.А., 1959, с. 110), где исследователь выделил два типа крепления подковки к каблуку: на шипах и на гвоздях. Используя этот же признак, А.В. Никитин выделил третий тип с «комбинированным» способом крепления пластины (Никитин А.В., 1971, с. 42). Таким образом, все подковки были разделены по способу крепления на три группы: 1) врезные (на шипах); 2) комбинированные; 3) набивные (на гвоздях).

В исследованной нами арбатской коллекции 1995 г. обнаружена подковка со штампованными (?) рельефными вдавлениями полуцилиндрической формы, расположенными на наружной стороне одной из пластин. Такие углубления, заполняемые каблучными

---

[1] Номера музейных коллекций МИГМ: оф 29987; оф 27081.

[2] Авторы выражают благодарность Т.В. Скоробогатовой за возможность ознакомиться с материалами коллекции МИГМ.

© А.Г. Векслер, Ю.А. Лихтер, Д.О. Осипов, 1997 г.

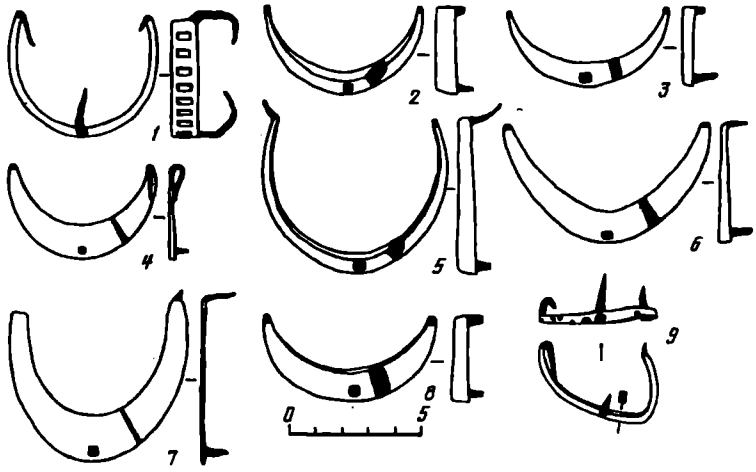


Рис. 1. Обувные врезные подковки. *1–8* – железо, *9* – бронза

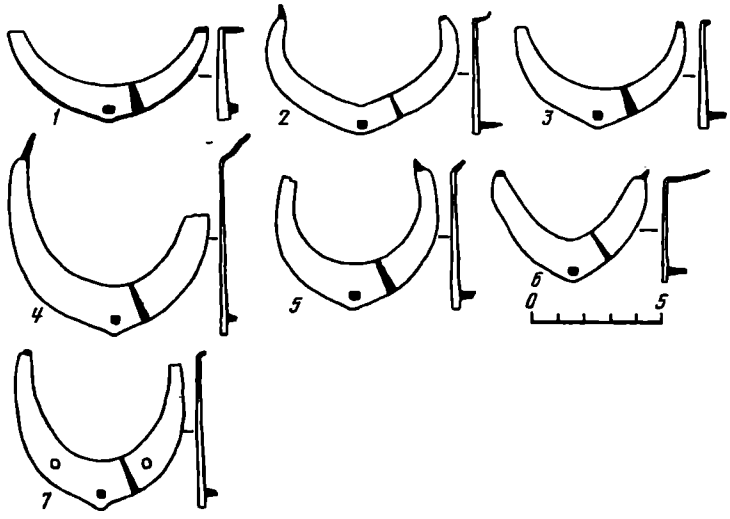


Рис. 2. Обувные железные подковки с заостренной задней кромкой.
1–6 – врезные, *7* – комбинированная

фликами, в которые врезалась подковка, создавали, на наш взгляд, дополнительное крепление пластины в толще каблука (рис. 1, *1*). В этом случае рельеф на поверхности пластины имеет не декоративное, а функциональное значение. Тем не менее нам известны подковки с орнаментом. В коллекции Гостиного двора отмечена декоративная врезная подковка, изготовленная из бронзы, украшенная по задней кромке циркульным орнаментом (рис. 1, *9*).

В типологии О.Н. Левко вместе со способом крепления учитываются также высота и толщина подковки, т.е. размер самой пластины (Левко О.Н., 1984, с. 48). В данной работе мы хотели бы сопоставить различные признаки, выделенные предыдущими исследователями. При рассмотрении подковок мы учитывали две группы признаков: размеры пластины и способ ее крепления к каблуку.

Чтобы определить общие закономерности в развитии обувных подковок, мы используем системный подход, в соответствии с которым описание вещи делится на подсистемы: материал, технология, морфология и функция. Эти подсистемы, безусловно, связанные между собой, развиваются в соответствии с собственными закономерностями (Щапова Ю.Л. и др., 1990, с. 5). В данном случае в существующих группировках учитываются признаки, относящиеся к двум подсистемам из четырех (морфология и функция). Материал, из которого изготовлялись подковки (железо),

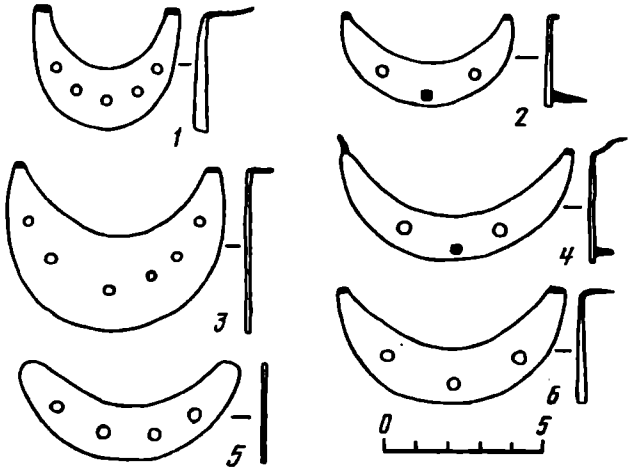


Рис. 3. Обувные железные подковки. *1–4, 6* – комбинированные, *5* – набивная

остается неизменным[3]. Что же касается технологии их изготовления, то этот специальный вопрос в данной работе не рассматривается.

В табл. 1 сопоставлены высота и ширина пластины, дающие четыре возможных варианта: 1) пластина высокая и узкая (рис. 1, *1, 2, 5*); 2) пластина высокая и широкая (рис. 1, *8*); 3) пластина низкая и узкая (в известных нам коллекциях не представлена); 4) пластина низкая и широкая (рис. 1, *4, 6, 7*; 2, *1–7*; 3, *1–6*). В четвертом варианте можно выделить подковки как с остроконечной задней кромкой (рис. 2, *1–7*), так и без нее.

В табл. 2 показана корреляция групп, выделенных по размерам, со способом крепления. В наших материалах из возможных 18 вариантов представлены 8. Врезные подковки наиболее разнообразны (четыре группы), тогда как набивных и комбинированных – по две.

Расположение этих групп в хронологической последовательности показано в табл. 3. Для определения даты соответствующих групп использовались как выводы предыдущих исследователей (Колчин Б.А., 1959, с. 110; Никитин А.В., 1971, с. 42), так и стратиграфия, полученная в ходе археологических работ ЦАИ г. Москвы. На основании анализа данных таблицы можно сделать следующие выводы.

В слоях XVI в. присутствуют лишь врезные подковки. Комбинированные пластины получают распространение в XVII в. и долгое время сосуществуют с врезными подковками. В слое второй половины XVII в. врезные подковки встречаются довольно редко, уступая позиции комбинированным. В горизонтах конца XVII – середины XVIII в. врезные подковки отсутствуют вовсе. Процесс вытеснения одного типа другим можно проследить на примере коллекции из раскопок Мангазеи, собранной в слое второй половины XVII в.[4] (Белов М.И. и др., 1981, с. 50). В коллекции общей численностью 81 экз., из которых 67 находятся в хорошей сохранности, врезные подковки составляют 25% (17 экз.), комбинированные – 70% (47 экз.), а набивные – 4,4% (3 экз.).

В Москве набивные подковки, как показывают материалы раскопок на Манежной площади, зафиксированы лишь в слое XVIII в. Они имеют вид плоской широкой пластины со скругленными краями и отверстиями под гвозди. В нашей коллекции имеется только одна такая подковка (рис. 3, *5*).

---

[3] В данном случае мы не учитываем декоративные подковки, изготовленные из бронзы или, возможно, из других материалов (рис. 1, *9*).

[4] Авторы выражают благодарность А.В. Курбатову за возможность ознакомиться с рабочими материалами коллекции, подготовленной им для публикации.

Таблица 1

Размеры пластины

Высота	Ширина	
	узкая (не более 10 мм)	широкая (более 10 мм)
Высокая (свыше 3 мм)	+	+
Низкая (менее 3 мм)	–	+

Примечание: Знаки ± означают наличие или отсутствие подобных подковок в нашей коллекции.

Таблица 2

Корреляция групп по размерам и способам крепления

Способ крепления	Форма пластины (сечение)					
	узкая высокая		широкая высокая		широкая низкая	
	без кромки	с кромкой	без кромки	с кромкой	без кромки	с кромкой
Врезные	+	–	+	+	+	–
Комбинированные	–	–	+	+	–	–
Набивные	–	–	+	–	–	–

Примечание: Знаки ± означают наличие или отсутствие подобных подковок в нашей коллекции.

Таблица 3

Хронологическая последовательность групп подковок

Группа	XVI в.	XVII в. (первая половина	XVII в. (вторая половина)	XVIII в.
Врезная высокая узкая без кромки	10	5	–	–
Врезная низкая широкая без кромки	23	11	2	–
Врезная широкая низкая с кромкой	6	9	3	–
Врезная широкая высокая без кромки	–	1	–	–
Комбинированная широкая низкая без кромки	3	12	30	17
Комбинированная широкая низкая с кромкой	–	10	7	15
Набивная широкая высокая без кромки	–	–	–	–
Набивная широкая низкая без кромки	–	–	–	1

Набивные подковки доживают до нашего времени и выходят из употребления лишь в последние десятилетия XX в. Это связано с революционными изменениями в технологии обувной промышленности – такими, как использование высокопрочных синтетических материалов, не требующих дополнительного укрепления подошвы (Зыбин Ю.П., 1963, с. 18). На западе, где объем производства делает ремонт обуви экономически невыгодным, массовое производство обувных набоек (если это не связано с капризами моды) давно забыто.

Теперь мы хотели бы остановиться на развитии формы самой пластины. Врезные

подковки, обнаруженные в слое XVI в., представлены тремя группами пластин: высокой-узкой (скоба), высокой-широкой и низкой-широкой. Выделить из этих двух групп более раннюю на основании имеющегося у нас материала мы не можем. Тем не менее высокая и узкая пластина отсутствует и среди комбинированных и, тем более, среди набивных подковок. Зато существует широко распространенная «переходная» форма врезной подковки, более широкой и плоской по отношению к узкой и высокой пластине (рис. 1, *3*). В горизонтах первой половины XVII в. вместе с комбинированными подковками с широкой низкой пластиной встречаются врезные подковки с такой же пластиной. Широкие и высокие подковки (брус) относятся к редким разновидностям поздних форм, обнаруженных в горизонтах конца XVIII–XIX в. (Левко О.Н., 1984, с. 48). В Москве, в слоях первой половины XVII в. найдена лишь одна врезная подковка с подобной пластиной. Таким образом, за исключением редкого варианта широкой и высокой подковки мы наблюдаем процесс унификации подковок, который приводит к господству одного распространенного варианта (рис. 1, *5*). Врезные подковки имеют три варианта пластины: высокую-узкую, высокую-широкую, низкую-широкую. Для комбинированных используется низкая широкая пластина; она же применяется для изготовления набивных подковок, размеры которых со временем уменьшаются. В дальнейшем все более преобладают подковки, закрывающие лишь заднюю часть каблука.

Собранный в наших коллекциях материал позволяет предположить следующее: вначале изготовлялись лишь врезные подковки; затем начинается использование комбинированных пластин, которые сосуществуют с врезными, постепенно их вытесняя. И лишь затем появляются набивные подковки.

Вероятно, использование набивных подковок обеспечивает определенные преимущества. Во-первых, универсальность. Набойки на заднюю часть каблука подходят как на широкий, так и на узкий каблук. Подходят они также и для носочной части подошвы. Во-вторых, унификация производства. Широкое разнообразие форм, связанных с определенными каблуками, постепенно сводится к единой универсальной форме, используемой по сей день. В-третьих, удобство изготовления. Плоские подковки с отверстиями имеют более простую форму. В-четвертых, удобство крепления. Набивные, плоские пластины не нужно врезать в толщу каблука. В-пятых, экономия материала. Небольшие плоские набойки требуют для своего изготовления меньше металла.

Представленный подобным образом материал позволяет нам рассматривать вещь в процессе ее развития, понять характер и закономерности этого процесса, установить четкие различия между различными признаками, на основе которых проводится систематизация материалов, а также определить необратимые (макроэволюционные) изменения формы набоек, которые являются как бы хронологическим репером для своего периода.

В заключение необходимо еще раз отметить, что подковки существуют не сами по себе, а являются деталью обуви, поэтому форма подковок зависит от ее конструктивных изменений. Появление в обиходе новых, более совершенных моделей обуви заставляет менять форму подковок и способ их крепления. Широкое же разнообразие новых фасонов, появившихся в связи с дальнейшим развитием обувного производства и усилившимся влиянием западной моды, способствует, на наш взгляд, стандартизации пластин, пригодных для крепления на каблук любого фасона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. II. М.

Беляев Л.А., 1991. Отчет об исследованиях на участке Казанского собора в Москве в 1991 г. // ОПИ ИА РАН.

Векслер А.Г., 1994. Отчет об охранных археологических исследованиях на Манежной площади в 1994 г. // ОПИ ИА РАН.

Векслер А.Г., 1995. Отчет об охранных археологических исследованиях на Арбатской площади в 1995 г. // ОПИ ИА РАН.
Гайдуков П.Г., 1994. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
Дубынин А.Ф., 1955. Отчет о работе Московской археологической экспедиции в Зарядье в 1955 г. // ИА РАН Р–1 1110.
Зыбин Ю.П., 1963. Конструирование изделий из кожи. М.
Изюмова С.А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65. М.; Л.
Колчин Б.А., 1953. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. М.
Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.; Л.
Курбатов А.В., 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. № 2.
Лабутина И.К., 1994. Раскоп 1967 г. в окольном городе Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков.
Левко О.Н., 1984. Витебск XIV–XVIII вв. Минск.
Никитин А.В., 1971. Кузнечное ремесло XV–XVII вв. // САИ. Вып. Е1-34. М.
Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К., 1990. Морфология древностей. Киев.

Центр археологических
исследований г. Москвы

A.G. VEKSLER, Y.A. LIKHTER, D.O. OSIPOV

FOOTWEAR METALLIC TOP-PIECES OF THE FIFTEENTH – THE SEVENTEENTH CENTURIES
(based in the excavations materials in Moscow)

Summary

The article is devoted to footwear metallic top-pieces collected during archaeological excavations on Arbat street, Ilyinka street, Varvarka street (Gostinnyi dvor), Manezhnaya square. The authors analyze the material on the basis of two groups of traits comparing them with each other: the form of the plate and a means of its attachment to the heel. It allows to single out some tendencies in the development of each category. Cut-in metallic top-pieces were made of three variants of the plate: a high and narrow plate, a high and wide plate, a low and wide plate. Composite and stack metallic top-pieces have a low and wide plate the size of which decreases over time. In subsequent periods metallic top-pieces that covered only the back part of the heel predominated. Therefore, we observe a process of metallic top-pieces unification that result in the predominance of one wide-spread variant.

Публикации

Ю.Б. СЕРИКОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОЛИТУ СРЕДНЕГО УРАЛА

Исследования верхнего палеолита Среднего Урала начались еще в довоенные годы (Талицкий М.В., 1940), но особыми успехами не отмечались. Количество палеолитических памятников было очень ограничено, комплексы находок обычно малочисленны и вследствие этого малоинформативны. И если в изучении палеолита на западном склоне Урала в последние годы наметились значительные сдвиги (выявлено ~40 палеолитических местонахождений (Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю., 1987, с. 15), то на восточном склоне поиск палеолита связан с большими трудностями. Грот на Медведь-Камне на р. Тагил (найден в 1945, опубликован в 1953 г.) (Бадер О.Н., 1953, с. 319–321), грот Безымянный на р. Пышме (найден в 1967, опубликован в 1977 г.) (Петрин В.Т., Смирнов Н.Г., 1977, с. 56–61) и Гаринское месторождение на р. Сосьве (найдено в 1973, опубликовано в 1981 г.) (Бадер О.Н., Сериков Ю.Б., 1981) – это все достижения уральского палеолитоведения за последние 50 лет. Вполне понятно, что каждый новый памятник эпохи палеолита на данной территории приобретает существенное значение.

Новый памятник эпохи палеолита был найден в горной части Среднего Урала на р. Чусовой, связывающей восточный и западный склоны Урала, реке, в низовьях которой зафиксировано свыше десятка палеолитических стоянок и местонахождений (Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю., 1987, с. 5).

Безымянная пещера у камня Котел была открыта автором в 1991 г. (Сериков Ю.Б., 1994). Она находится на правом берегу р. Чусовой в 23 км ниже по течению от д. Нижняя Ослянка (Пригородный р-н Свердловской обл.). Скальный массив мраморизованного известняка, в котором находится пещера, небольшой по размерам: в длину ~40, в высоту до 15 м. Пещера имеет карстовое происхождение. Располагается она на высоте 8 м от уровня реки. Вход имеет довольно правильную форму арки. Ширина входа 5,5, высота 3 м. Пещера экспонирована на юго-восток. В глубину пещера заметно понижается, длина ее доходит до 13 м. От центрального грота на запад отходит узкий ход. По всей длине юго-западной стенки проходит каменная полка, занимающая около трети площади пещеры.

За 3 года исследований вскрыта вся наиболее перспективная часть памятника общей площадью 30 м^2 (рис. 1). Раскопки показали, что пещера служила местом укрытия древнего населения в разные археологические эпохи – в палеолите, мезолите, энеолите, раннем железе, средневековье. Только с энеолитом связана определенная производственная деятельность по изготовлению каменных наконечников стрел. В остальные эпохи хозяйственная деятельность была минимальной.

Палеолитический слой выявлен раскопками 1991 и 1993 гг. Палеолитические находки залегали только в центральной и привходовой частях пещеры. На площадке перед пещерой они отсутствовали за исключением отдельных костей животных.

Стратиграфия пещерных отложений довольно простая. Сверху залегает черный гумусированный слой мощностью до 0,5 м. Ближе к выходу его мощность нарастает,

© Ю.Б. Сериков, 1997 г.

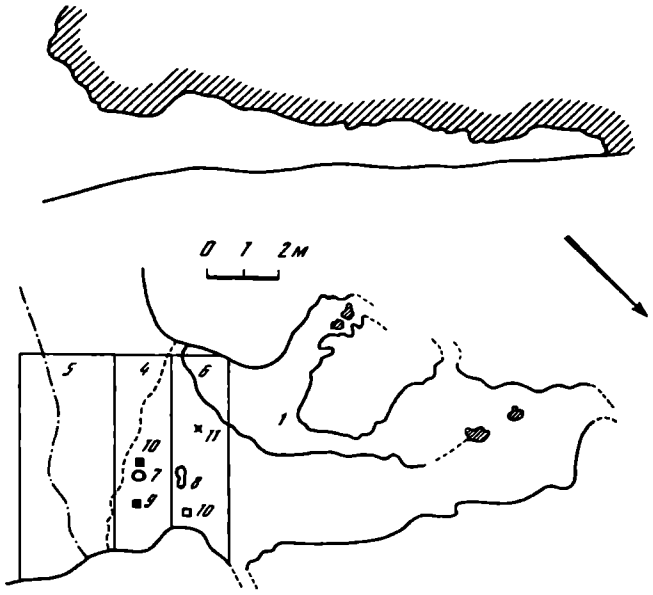


Рис. 1. План и профиль пещеры у камня Котел. *1* – каменная полка; *2* – линия нависания потолка; *3* – граница площадки; *4* – шурф 1991 г.; *5* – шурф 1992 г.; *6* – шурф 1993 г.; *7, 8* – палеолитические кострища; *9* – хрустальный нуклеус; *10* – ножевидные пластинки; *11* – отщеп

вглубь пещеры он становится темно-серым и пылевидным. Мощность его падает до 0,2 м. С этим слоем связаны находки средневековья и раннего железного века. Под щебневым завалом, более мощным у входа (0,3 м), залегает слой светло-серой супеси, переходящей в супесчаный суглинок. Мощность этого слоя в глубине пещеры 0,2 м, ближе к выходу 0,4 м. Энеолитические культурные остатки полностью включены в этот слой. Энеолитический слой подстилает щебневый завал. В глубине пещеры его мощность невелика – 0,2 м. Ближе к выходу он переходит в глыбовый завал. Под завалом открывается бурая плотная глина плейстоценового возраста. В нижней своей части глина насыщается крупными камнями, которые переходят во второй глыбовый завал (до 0,8 м). Под завалом камней на скальном ложе пещеры залегает стерильная глина ярко-желтого цвета. Общая мощность пещерных отложений составляет ~2 м. Палеолитический слой в глубине пещеры открывается уже с глубины 0,6 м, в привходовой части пещеры – с 1 м. В центральной части пещеры после прохождения глыбового завала проявилось скопление костей диаметром до 60 см. Глубина залегания костей 93–124 см. На глубине 105 см в пределах скопления костей открылось палеолитическое кострище в виде углистого пятна диаметром ~30 и мощностью всего 2 см. Вокруг кострища найдено свыше 500 костей животных. В скоплении преобладали кости северного оленя ($^{40}/_{3}$) и дикой лошади ($^{36}/_{2}$). Кроме них тут же залегали кости носорога ($^{3}/_{2}$), бизона ($^{4}/_{1}$), пещерного медведя ($^{4}/_{1}$), волка ($^{3}/_{2}$), лисицы ($^{4}/_{1}$), песца ($^{4}/_{2}$), зайца ($^{61}/_{5}$)[1]. Следует отметить, что все кости носорога представлены костяными отщепами. Все кости плейстоценового возраста имеют характерную пятнистую окраску.

К кострищу также приурочены и все находки каменных изделий. В 40 см от кострища на глубине 122 см был найден нуклеус, изготовленный из гальки горного хрусталя (рис. 2, *1*). Нуклеус торцовый односторонний двухплощадочный. Это самый крупный из известных автору хрустальных нуклеусов, его высота достигает 4,6 см. С

[1] Определения костей животных выполнены научным сотрудником института экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцевым, которому автор выражает глубокую благодарность. В числителе – общее количество костей, в знаменателе – минимальное число особей, которым принадлежили эти кости.

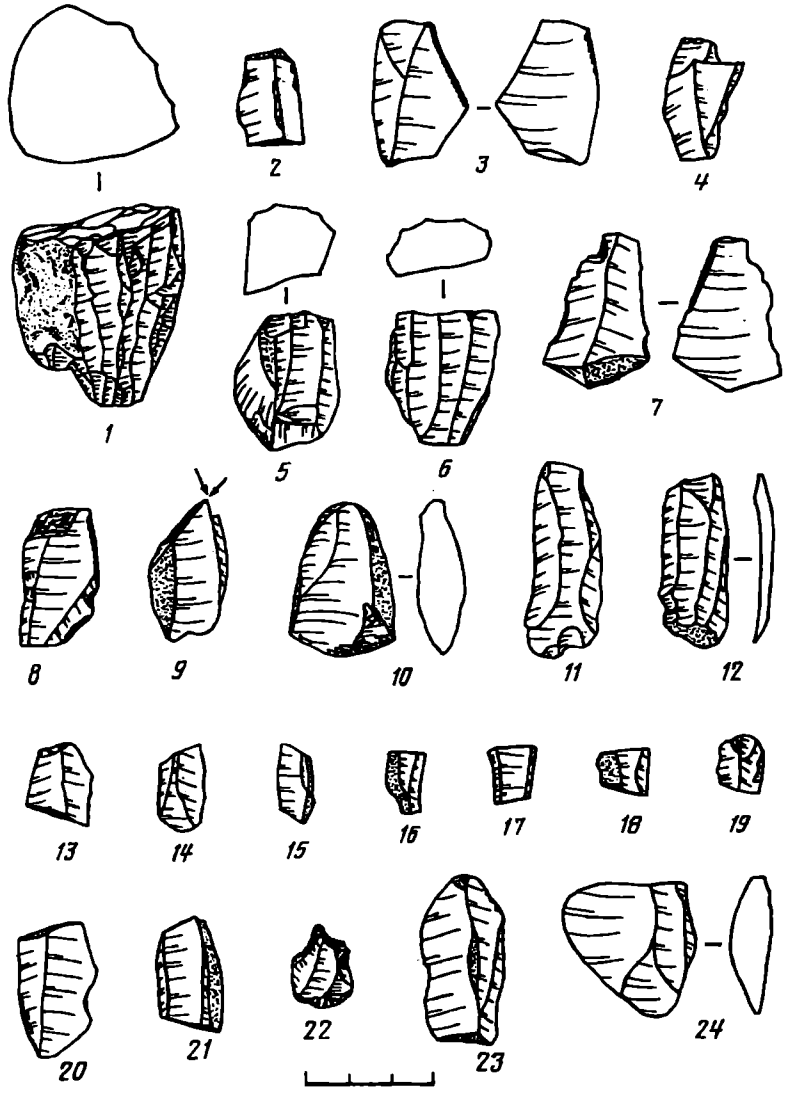


Рис. 2. Каменные изделия эпохи палеолита *1–4* – пещера у камня Котел; *5–22* – Гаринское местонахождение; *23* – Гаринское II местонахождение; *24* – Виновское местонахождение

другой стороны кострища, в 30 см от него (глубина 138 см) найдено сечение ножевидной пластины из черного кремнистого сланца (рис. 2, 2). Пластина имеет двугранную спинку, ширина ее 1,5 см. На обоих краях пластины присутствует ретушь утилизации.

В 65 см от первого кострища выявлено еще одно кострище в виде слабоокрашенного углистого пятна, имеющего форму восьмерки. Максимальные размеры пятна 76 × 38 см, глубина залегания с 60 до 90 см. Вокруг этого кострища тоже найдены кости животных, в основном лошади. С кострищем связаны и находки изделий из камня. В 55 см от кострища (глубина 69 см) найдена ножевидная пластина, изготовленная из высококачественной зеленой яшмы (рис. 2, *3*). Она имеет неправильное гранение, двугранную спинку. Длина ее 3,3, ширина 2,2 см. Выступающий в виде клюва кончик пластины оформлен мелкой ретушью. Также мелкая ретушь имеется по одному краю пластины со стороны спинки, по второму – со стороны брюшка. В 120 см от кострища (глубина 69 см), с другой его стороны, найден отщеп, выполненный из кремнистого сланца плохого качества (рис. 2, 4).

При разборке второго горизонта глыбового завала из щели между глыбами был извлечен клык пещерного льва длиной 9 см (глубина 172 см). На этой же глубине

найдены еще 4 зуба пещерного льва и 20 костей других животных. Эти находки можно отнести ко второму палеолитическому слою, хотя собственно археологического материала в нем не найдено.

Раскопки пещеры показали, что в ней как минимум два раза (а если учитывать нижний костеносный горизонт, то три) делали кратковременные остановки небольшие группы палеолитических охотников. Подобная картина неоднократно отмечалась и при исследовании других небольших пещер и гротов (Бадер О.Н., 1953; Петрин В.Т., Смирнов Н.Г., 1977; Бибиков С.Н., 1950). Учитывая, что на стоянке Талицкого найдено 94 изделия из горного хрусталя (Щербакова Т.И., 1994), а также то, что оба памятника расположены на р. Чусовой примерно в 250 км друг от друга, возможно допустить, что кратковременная стоянка в пещере у камня Котел оставлена населением стоянки Талицкого, которая являлась базовым поселением.

Постоянные наблюдения, проводимые на размываемом "кладбище мамонтов" в Гарях, позволили увеличить коллекцию палеолитических находок более чем в три раза. Кроме опубликованных в 1981 г. 37 изделий (Бадер О.Н., Сериков Ю.Б., 1981), она пополнилась еще 91 находкой. Среди них – 2 нуклеуса, 5 поперечных сколов, 4 ребристых пластины, 27 пластин без ретуши, 11 пластин с ретушью утилизации, 3 пластины с ретушью, 2 острия, 2 стамески, 2 отщепа с краевой ретушью, 29 отщепов и 1 отбойник. Представлен практически полный набор каменных орудий за исключением скребков.

Оба нуклеуса изготовлены из галек, имеют скошенные ударные площадки. Оба нуклеуса изготовлены из яшмы: один – из темно-серой (рис. 2, *5*), второй – из сургучной (рис. 2, *6*). Оба имеют высоту 3,3 см. Два поперечных скола с нуклеусов также имеют галечную корку.

Ножевидные пластины имеют неправильное гранение (рис. 2, *11–21*). В основном они представлены отходами: отсеченных верхних частей – 14 (рис. 2, *13, 19, 21*), отсеченных нижних частей – 10 (рис. 2, *14, 16, 20*). Целых пластин (рис. 2, *11, 12*) и сечений (рис 2, *15, 17, 18*) – по 7 экз. У 21 пластины сохранилась галечная корка (рис. 2, *12, 15, 16, 18, 21*), 11 пластин несут на себе ретушь утилизации (рис. 2, *20*), 19 пластин изготовлены из зеленой яшмы, 2 – из сургучной, 1 – из полосчатой (красно-зеленой) и 16 – из кремнистых сланцев.

Пластин с ретушью в коллекции только три. Две из них отретушированы со стороны спинки (рис. 2, *8*), а одна – со стороны спинки и с брюшка (рис. 2, *7*). Все пластинки изготовлены из разных видов яшмы: зеленой, сургучной и светло-серой. Следует отметить, что светло-серая яшма во всей коллекции представлена единственным экземпляром (рис. 2, *8*). Ширина пластин колеблется от 0,7 до 2,3 см. Распределяются они в этих пределах довольно равномерно: 53,5% имеют ширину до 1,2 см, 46,5% – до 2,3 см.

Все резцы изготовлены на пластинах. Представляет интерес угловой срединный резец, изготовленный на массивной пластине зеленой яшмы (рис. 2, *9*). Два других резца изготовлены на углу сломанной пластины.

Обе стамески изготовлены из галек яшмы. Одна из них имеет высоту 2,5, вторая – 3,6 см (рис. 2, *10*). Она изготовлена при помощи уплощающих сколов из гальки красно-зеленой яшмы. Отсутствие забитости на верхних частях орудий позволяет предположить, что они использовались в муфтах.

Одно острие с намеченными плечиками выполнено на пластине черного сланца. Представляет интерес второе острие. Оно изготовлено на отщепе зеленой яшмы длиной 1,9 см (рис. 2, *22*). Острие имеет короткое жальце и хорошо выраженные плечики, оформленные мелкой крутой ретушью. Ударная площадка отщепа обработана мелкой ретушью, имеет четкие линейные следы использования в качестве скребка по твердому материалу (кости или дереву).

Из 31 отщепа только на двух присутствует мелкая краевая ретушь со стороны спинки. На 21 из них сохранилась галечная корка, 15 отщепов изготовлено из яшмы,

13 – из кремнистых сланцев, по 1 – из мелового кремня и молочного кварца. Размеры отщепов колеблются от 0,7 до 4,2 см. Причем 52% имеют длину до 1,5 см, т.е. являются чешуйками, 29% имеют длину до 3 и 19% – до 5 см.

Необходимо добавить, что в последнее посещение памятника найдено три отщепа из бивня мамонта. Все они сколоты с бивней небольшого диаметра. Отщепы довольно стандартны по размерам, их ширина в четыре раза превосходит длину: 3× 12,5 см; 3,5 × 13,5; 2,5 × 13,5 см.

Отбойник представлен фрагментом кварцитовой гальки с сильно сработанной поверхностью.

Характеризуя комплекс каменных орудий с Гаринского местонахождения в целом, следует обратить внимание на следующие моменты: 61,11% изделий сохранили на себе галечную корку; 57,23% изделий изготовлено из разных видов яшмы, в основном из зеленой (46,61%). Сырьевой основой для материальной культуры разных эпох, от мезолита до раннего железа, на территории Среднего Зауралья являлись разнообразные кремнистые сланцы. В эпоху мезолита изделия из кремнистых сланцев составляли от 65 до 80% (на Гаринском местонахождении их 41,11%), в то время как яшмовые изделия редко превышают 1,5% от всего комплекса (Сериков Ю.Б., 1989). Необычайно высокий процент изделий с галечной коркой неопровержимо свидетельствует о местном характере сырья. Выходы гальки обнаружены в 2 км от Гарей ниже по течению реки в д. Рычково (в основном кремнистый сланец и кварцит, но встречаются сургучная яшма, халцедон и молочный кварц). В то же время ярко выраженная избирательность сырья (57,23% яшмы) свидетельствует о южноуральском происхождении палеолитического населения, побывавшего на Гаринском "кладбище мамонтов". Трудно установить, каким образом происходило перемещение населения с Южного Урала на Сосьву: была ли это одноактная экспедиция за мясом погибших животных; было ли это постепенное перемещение населения с юга на север или это разведывательный поход отдельной группы охотников перед освоением новых территорий, который мог длиться несколько лет. Но необходимо отметить следующее. Видимо, к концу палеолита на Урале складывается такая ситуация, когда палеолитическое население вынуждено было широко осваивать так называемые "кладбища мамонтов", образование которых носило естественный характер (Верещагин Н.К., 1972; Сериков Ю.Б., 1982). И чтобы достичь этих "кладбищ" палеолитические охотники уходили на значительные расстояния. Так, на стоянке Шикаевка II обнаружено 35 изделий из красно-зеленой яшмы южноуральского происхождения (Петрин В.Т., 1976), а расстояние от выходов яшмы до Шикаевки составляет не менее 300 км по прямой (до Гарей – не менее 500 км). В отличие от Шикаевки яшмовый комплекс Гарей содержит яшмы местного происхождения. Отсюда можно предположить, что время, затраченное на продвижение к Гаринскому "кладбищу мамонтов", заметно превосходило время передвижения к Шикаевке. В любом случае Гаринское местонахождение представляет собой интересную деталь хозяйственной жизни палеолитического населения Урала.

В 1990 г. в 350–370 м выше по течению реки от места крайней точки находок костей мамонта на Гаринской стоянке обнаружено еще одно местонахождение. На размытом берегу собрано около двух десятков костей мамонта и ножевидная пластина с ретушью утилизации (рис. 2, *23*). Ширина пластины 2 см, изготовлена она из мелового кремня черного цвета.

Два новых местонахождения костей плейстоценовых животных обнаружено в окрестностях Гарей. В д. Рычково (2 км от Гарей) на выходах галечников найдены череп, бивни, зуб и около десятка костей мамонта. В 5–6 км выше Гарей у устья р. Еволги зафиксировано второе местонахождение. Костей собрано немного – около трех десятков. Но среди них кроме костей мамонта присутствуют кости носорога (нижняя челюсть, лопатка, позвонок), сайгака (рог) и рыбы. Археологических находок на обоих местонахождениях пока не найдено, но со временем при детальном обследовании их вполне можно ожидать.

Следует упомянуть также неопубликованную находку, сделанную еще в 1973 г. на р. Виновке (12 км от с. Балакино Пригородного р-на Свердловской обл.). Там в процессе золотодобычи неоднократно находили кости мамонта, шерстистого носорога и других представителей плейстоценовой фауны. По словам рабочих, кости часто залегали скоплениями. Обследование местонахождения костей дало находку единственного слегка окатанного отщепа серо-зеленой яшмы. Учитывая, что ни одной находки более поздних эпох здесь не обнаружено, возможно допустить одновременность данного отщепа и костей мамонта.

Исходя из новых, но тоже очень малочисленных материалов по верхнему палеолиту Среднего Зауралья, необходимо подчеркнуть, что палеолитические памятники открытого типа на этой территории связаны с так называемыми "кладбищами мамонтов". Учитывая, что берега больших и малых рек Среднего Зауралья сильно повреждены золоторазработками, проводимыми с первой четверти XIX в., открытия здесь палеолитических стоянок открытого типа крайне маловероятны. Более перспективны поиски палеолита на северных реках Среднего Зауралья, мало затронутых золоторазработками, а также в пещерах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., 1953. Археологические памятники Тагильского края // УЗПГУ. Т. VIII. Вып. 2.

Бадер О.Н., Сериков Ю.Б., 1981. Гаринское палеолитическое местонахождение на Сосьве // СА. № 3.

Бибиков С.Н., 1950. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // СА. Т. XII.

Верещагин Н.К., 1972. О происхождении мамонтовых кладбищ // Природная обстановка и фауны прошлого. Вып. 6. Киев.

Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю., 1987. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск.

Петрин В.Т., 1976. К вопросу о формах хозяйства в верхнем палеолите на территории Западно-Сибирской низменности и Урала // Из истории Сибири. Томск.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г., 1977. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // ВАУ. Вып. 14.

Сериков Ю.Б., 1982. К вопросу о природе образования "кладбища мамонтов" в Гарях // Мамонтовая фауна Азиатской части СССР. Л.

Сериков Ю.Б., 1989. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.

Сериков Ю.Б., 1994. Работы Нижнетагильской экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола.

Талицкий М.В., 1940. Островская палеолитическая стоянка близ гор. Молотова // КСИИМК. Вып. 4.

Щербакова Т.И., 1994. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург.

Нижнетагильский государственный
педагогический институт

Y.B. SERIKOV

NEW DATA ON THE MIDDLE URALS PALEOLITHIC

Summary

The study of the Paleolithic in the Middle Urals started as early as 1938. In the subsequent years three Paleolithic sites were found on the eastern slope of the Middle Urals area: a grotto on the mountain Medved-Kamen (bear-stone) on the river Taghil, a grotto Bezymyannyi (without a name) on the river Pyshma and the Garino site on the river Sosva.

The article describes materials from the new site, a cave near the stone Kotyol (cauldron) on the river Chusovaya and new finds in the Garino "cemetery of the mammoths". The collection of stone goods from the cave near the stone Kotyol is rather poor: a core, two blades and a flake. It is worth mentioning that the core is made of a glass rock pebble.

Both sites are interesting because they allow to trace the routes of the settling processes along the eastern slope of the Middle Urals area in the Late Paleolithic. One of the possible routes could run along the river Chusovaya in the lower part of which monuments of both the Early and the Late Paleolithic have been uncovered, i.e. the route running from the west. The second route of settlement passed along the Urals range in the meridional direction: from the Southern Urals to the Middle Urals and further to the North Urals.

В.В. ДВОРНИЧЕНКО, В.В. ПЛАХОВ, М.А. ОЧИР-ГОРЯЕВА

ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ИЗ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В 1987–1988 гг. экспедиция Астраханского музея-заповедника вела раскопки средневекового мавзолея у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской обл. (Плахов В.В., 1988; 1989). В ходе работ обнаружены 45 погребений, два из которых датируются скифским временем.

Погребение 6 обнаружено при зачистке пола гурханы. Яма в виде правильного квадрата, ориентированного по странам света, имела размеры: 248×250 см на уровне обнаружения пятна, 230×230 см по дну, глубину 111–116 см. На дне прослежен слой пережженной мелкодробленной ракушки толщиной 2–4 см с ярко выраженным прокалом в области головы и туловища погребенной. Поверх слоя ракушки был насыпан слой чистого песка толщиной 3–6 см с небольшими кусочками мела или карбоната. Заполнение ямы – чистый песок.

В центре ямы лежал плохо сохранившийся скелет женщины 30–35 лет[1], на спине, вытянуто, головой на запад. Руки погребенной были вытянуты и слегка отставлены от туловища. Левая нога вытянута, а правая отведена в сторону и слегка согнута в коленном суставе.

Удалось проследить слои органической подстилки, покрытия и подушки. На дне ямы поверх слоя песка прослежена коричневая рыхлая супесь, толщиной 3–5 см (остатки кошмы?). Над скелетом находился слой песка мощностью 10–13 см, перекрытый коричневой рыхлой супесью толщиной 5–6 см с фрагментами деревянных плашек. Волокна плашек располагались поперек скелета. Описываемый слой коричневой супеси сливался с обеих сторон с супесью под скелетом погребенной посредством закругления верхнего слоя вместе с фрагментами плашек. Размеры покрытия 115×190 см. Расположение покрытия и деревянных плашек над погребенной предполагает, что верхняя кошма была положена на каркас из деревянных плашек.

Под черепом погребенной был прослежен массив темно-охристой рыхлой супеси мощностью 8 см, шириной (восток–запад) 35, длиной (север–юг) 150 см. Череп располагался по центру массива. В сечении (восток–запад) охристая супесь массива кошмы имела вид эллипса с длинной осью, параллельной дну могилы. Под затылочными костями черепа поверх остатков кошмы находился слой темно-коричневой супеси мощностью 0,5 см с фрагментами кожи, его прикрывал светло-серый рыхлый слой толщиной 1 см. По всей вероятности, под голову погребенной была положена сначала свернутая рулоном кошма, а поверх нее – подушка в обивке из тонкой кожи. Не исключено также, что слои, прослеженные непосредственно вокруг черепа, – остатки головного убора. Все это напоминает деревянные подушки в виде валика из Ак-алахинских, Пазырыкских и 1-го Туэктинского курганов, предназначенных для сохранения сложных причесок и головных уборов (Полосьмак Н.В., 1994, с. 25, 27).

С правой стороны черепа найдены фрагменты деревянных плашек, расположенных на подголовной подушке, перпендикулярно оси погребения. На плашках сохранились мелкие фрагменты кожи, которые дают четкий абрис кожаного мешочка, размерами 23×24 см, перехваченного сужением в верхней части (рис. 1). В мешке находились: подтрапециевидный оселок из серого рыхловатого сланца (рис. 1, *9*; 2, *23*); фрагмент

[1] Определения сделаны патологоанатомом В.М. Михайловым.

© В.В. Дворниченко, В.В. Плахов, М.А. Очир-Горяева, 1997 г.

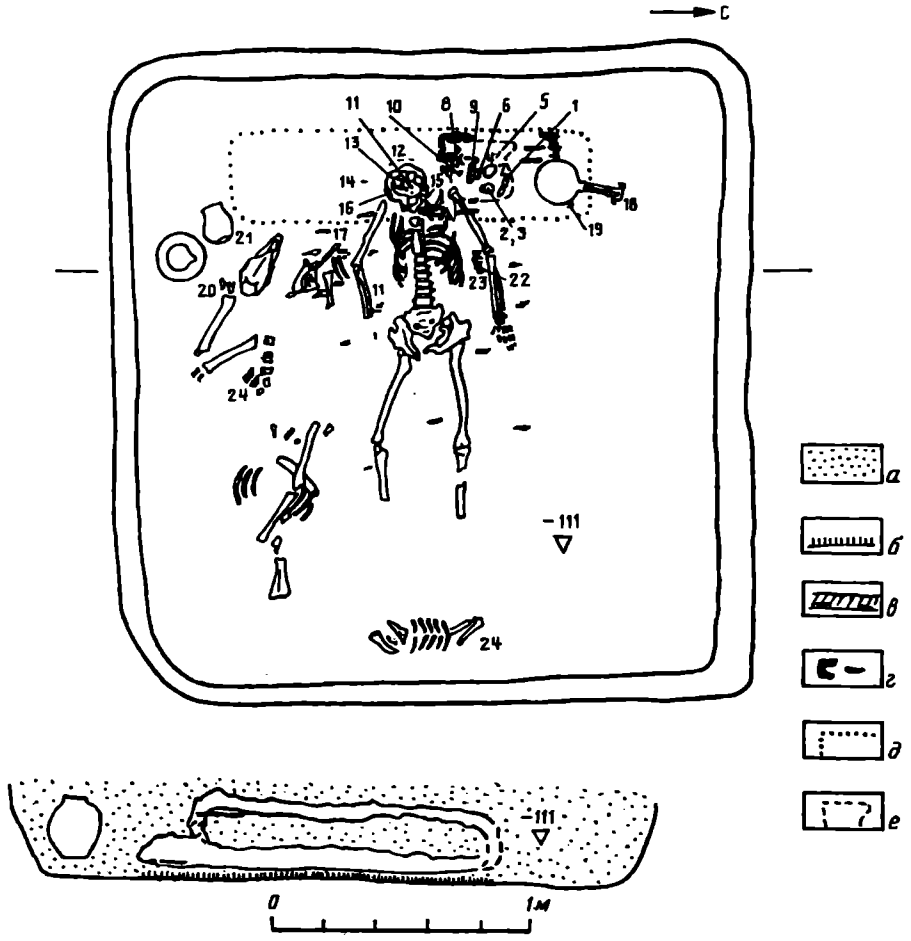


Рис. 1. Погребение 6, план: *1* – фрагмент каменного жертвенника, *2* – пряслице каменное; *3* – амулет бронзовый; *4* – оселок; *5* – проколка железная; *6* – куски гипса; *7* – створки раковин; *8* – кусочки серы; *9* – оселок; *10* – кусочек реальгара; *11* – бусы; *12* – полусферические бляшки золотые; *13* – бусина с золотой лентой; *14* – пластина рифленная золотая; *15* – пластина золотая с зооморфным изображением; *16* – пластина золотая листовидная; *17* – нож железный; *18* – зеркало бронзовое; *19* – крюк бронзовый; *20, 21* – сосуды глиняные; *22* – фрагменты керамики; *23* – камень; *24* – кости овцы. *а* – песок; *б* – ракушка; *в* – слой коричневой супеси; *г* – плашки; *д* – граница подголовной кошмы; *е* – контур кожаного мешочка

края полукруглого предмета из серого песчаника (все стороны отбиты кроме одной) 0,87×0,26×0,16 см (рис. 1, *1*; 2, *28*); фрагмент плоского в сечении оселка с закругленными краями, 0,16×0,26 мм (рис. 1, *4*); три куска "марьиного стекла" – прозрачного гипса (рис. 1, *6*); четыре створки ископаемых раковин (в одной створке прослежены следы растирания реальгара) (рис. 1, *7*); пряслице из дисковидного очень рыхлого камня диаметром 0,38–0,40 см, толщиной 0,8–0,12 мм (рис. 1, *2*; 2, *25*) и бронзовое литое колесико-амулет с четырьмя спицами диаметром 23 мм, диаметр отверстия 4,5 мм (рис. 1, *3*; 2, *24*). Осевые отверстия бронзового колесика и лежавшего на нем каменного пряслица были совмещены; два кусочка серы (рис. 1, *8*); кусочек реальгара (рис. 1, *10*); железная проколка длиной 54, диаметром 7 мм (рис. 1, *5*).

В 8 см севернее описанного мешочка на остатках тех же деревянных плашек лежало гладкой стороной диска вверх бронзовое зеркало "ольвийского" типа с трехреберной ручкой, заканчивающейся изображением стоящего на гладкой подставке кошачьего хищника. Диаметр диска 182 мм, длина ручки 147, высота бортика 11 мм (рис. 1, *18*; 3, *1*). Под зеркалом сохранились фрагменты кожи и тонкие деревянные плашки от футляра. Близ основания ручки зеркала найден крюк из бронзовой проволоки для подвешивания футляра. Диаметр проволоки от 3 до 5,5 мм (рис. 1, *19*; 3, *2*).

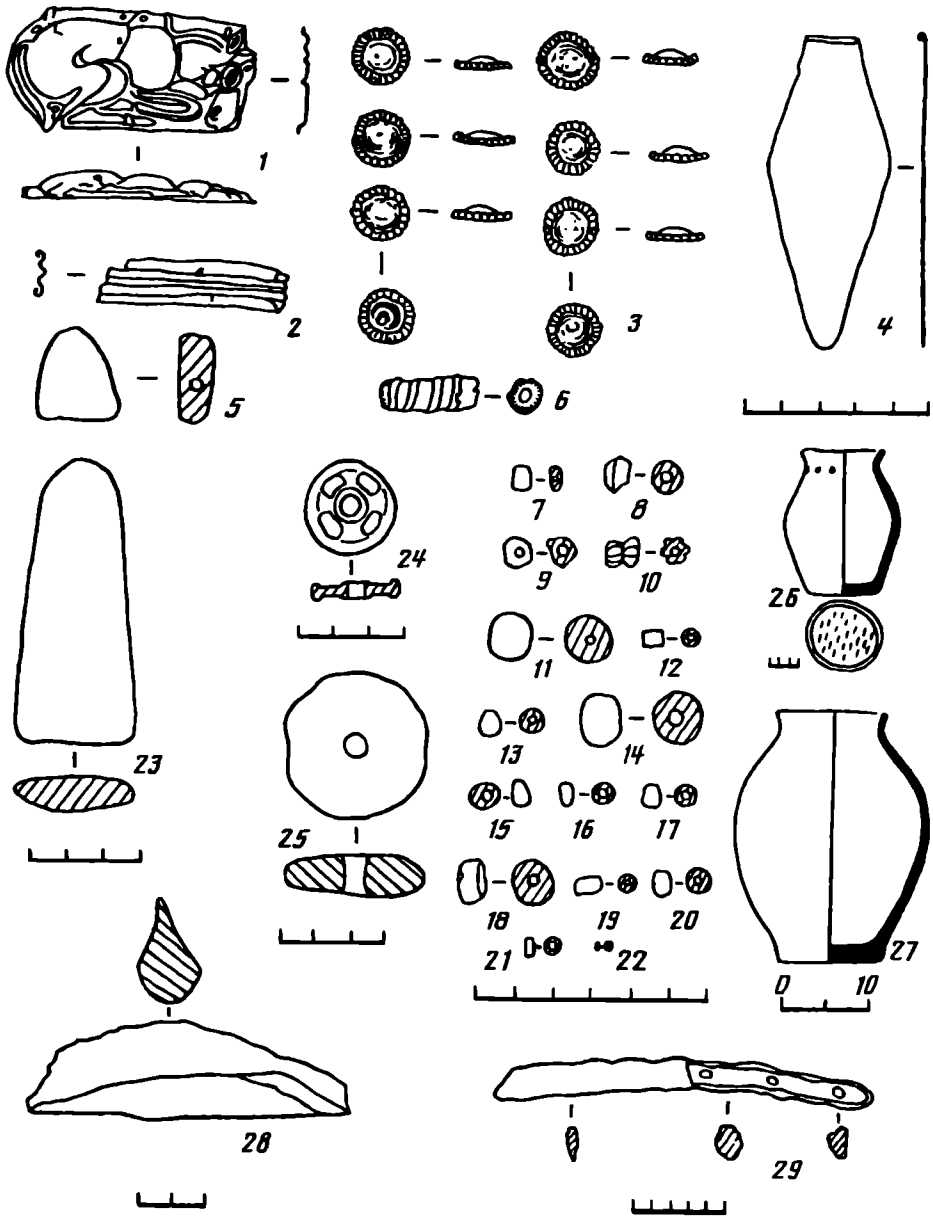


Рис. 2. Погребение 6. Инвентарь

На лобной кости погребенной находилась золотая пластина усеченно-ромбической формы, направленная острым концом вниз к переносице. Верхний более широкий край пластины скручен в трубочку на оборотную сторону, видимо, для продевания нитки. Длина пластины 83, максимальная ширина 32 мм (рис. 1, *16*; 2, *4*).

В средней части теменных костей, как бы обходя сагитальный шов и затылочную кость, располагались с каждой стороны по три золотых тисненных полусферических бляшки с рубчатым краем. Центральная часть бляшек выпуклая, гладкая. На пяти бляшках в двух местах в наиболее выпуклой части рубчатого края пробито по два отверстия для пришивания. На одной бляшке подобных отверстий нет, но на оборотной стороне находится маленькая петелька из тонкой золотой проволочки, припаянная внутри на самой вершине полусферы бляшки. На внутренней стороне одной из бляшек с отверстиями также сохранились следы припоя от отломанной в древности петельки. Диаметр бляшек 15, высота 4 мм. Диаметр колечка 3,5 мм (рис. 1, *12*; 2, *3*). В области средней части сагитального шва, поперек него, была расположена цилиндрическая бусина из стеклянной голубой пасты, перевитая золотой лентой-проволочкой в четыре

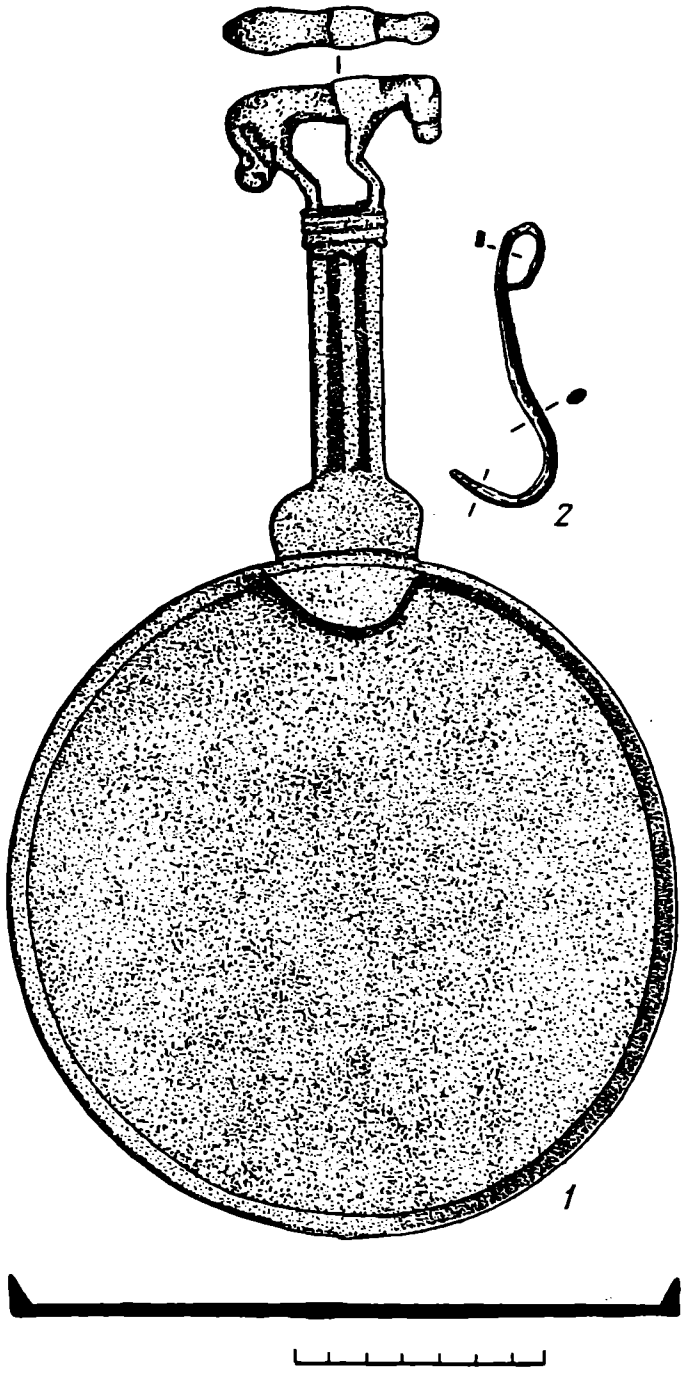


Рис. 3. Погребение 6. Зеркало бронзовое и крюк

оборота. Диаметр 10 мм, длина цилиндра 26, ширина ленточки 2 мм (рис. 1, *13*; 2, *6*). В области шейных позвонков, под подбородочным выступом челюсти лежала золотая пластина из двух фрагментов с тисненным изображением лежащего копытного с подогнутыми ногами и опущенной мордой. Размеры: 66×31 мм, высота рельефа 7 мм (рис. 1, *15*; 2, *1*). В 5 см к юго-западу от острого конца налобной пластины найдена золотая пластина прямоугольной формы 4,8×1,1 см с рифленной поверхностью (рис. 1, *14*; 2, *2*).

На левой височной части черепа находились стеклянные и фаянсовые бусины, еще одни стеклянные бусины находились чуть ниже, на левой скуловой кости (рис. 1, *11*; 2, *12, 17, 19, 21, 22*). На запястье правой руки находился браслет из восьми бусин:

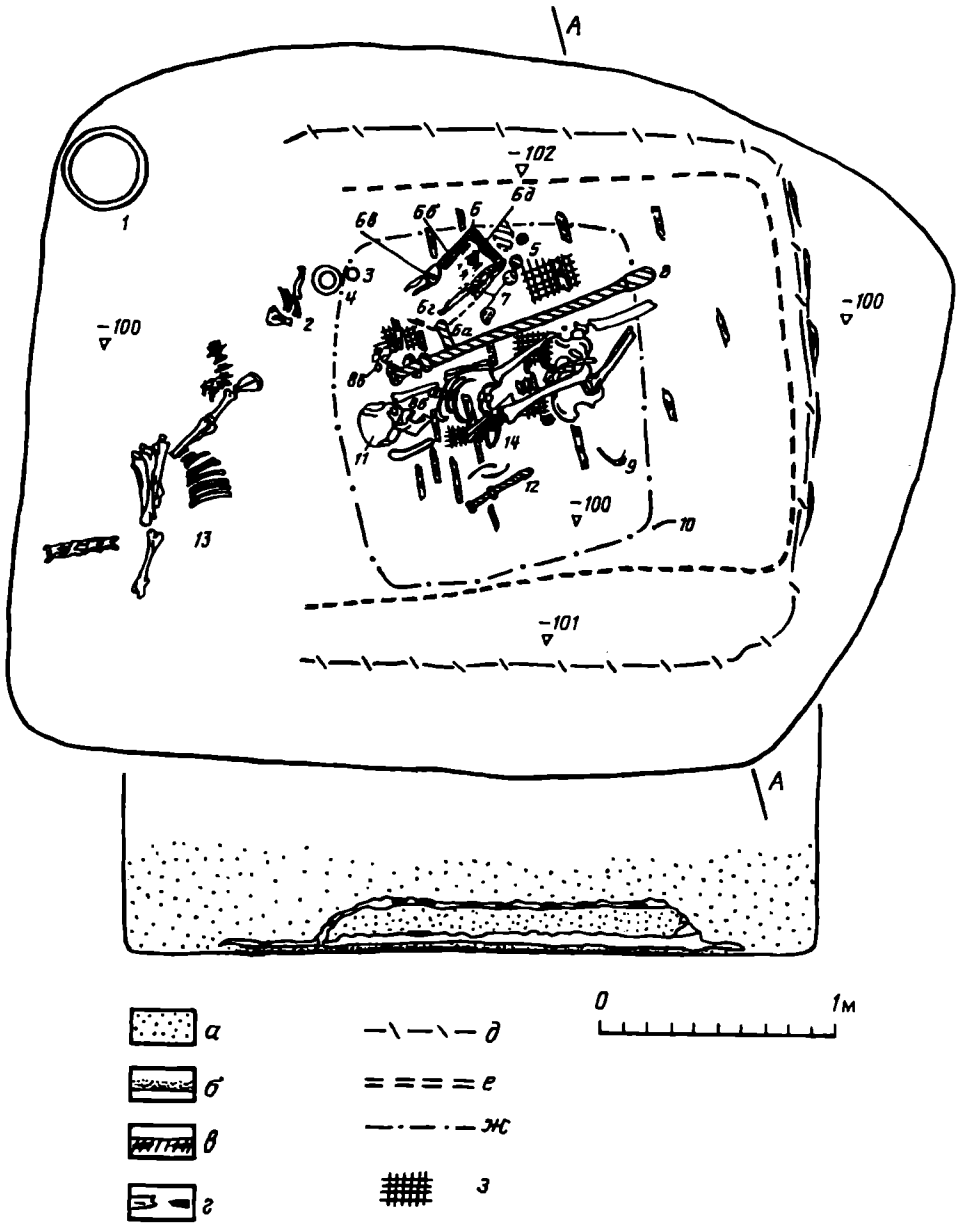


Рис. 4. Погребение 23, план: *1* – сосуд глиняный; *2* – кости овцы; *3* – курильница глиняная: *3а* – раковина, *3б* – галька; *4* – сосуд глиняный; *5* – фалары железные; *6* – горит: *6а* – пластина железная с инкрустацией золотом; *6б* – нож; *6в* – оселок с фрагментами ножа; *6г* – нож; *6д* – камень; *6е* – нож; наконечники стрел; *7* – бляхи бронзовые зооморфные; *8* – меч: *8а* – крюк, *8б* – обойма, *8в* – варварка; *9* – изделие костяное; *10* – позвонки животного; *11* – серьга золотая; *12* – акинак; *13* – кости лошади; *14* – оселок. *а* – песок; *б* – ракушка; *в* – слой коричневой супеси; *г* – плашки; *д* – границы подстилки; *е* – границы покрытия; *ж* – граница супеси сиреневого цвета; *з* – фрагменты ткани

двух янтарных, двух сердоликовых, трех пастовых, одной сдвоенной фаянсовой (рис. 1, *11*; 2, *5, 7, 11, 18, 20*).

Между костями предплечья левой руки и нижними ребрами погребенной было обнаружено еще одно скопление остатков деревянных плашек, на которых находились фрагменты черноглиняного лепного сосуда в слое сажи и золы (рис. 1, *22*). Под ними обнаружены два небольших песчаниковых камня серого цвета (рис. 1, *23*).

С южной стороны скелета в 40 см от правого крыла таза, также на деревянных плашках, под слоем коричневатой супеси лежали в анатомическом порядке кости крупной овцы с черепом. Восточнее черепа овцы лежал на боку лепной черноглиняный сосуд с овальным равномерно раздутым туловом и небольшим уступчиком в придонной

части. Дно сосуда покрыто довольно частыми беспорядочными оттисками ногтя. На шейке сосуда – ряд ямок-наколов. Высота сосуда 158 мм, диаметр венчика 93, диаметр дна 72, диаметр тулова – 127 мм (рис. 1, *21*; 2, *26*). Южнее описанного сосуда стоял еще один лепной черноглиняный сосуд более крупных размеров с овальным равномерно раздутым туловом и шейкой, орнаментированной наколами палочкой. Высота его 268 мм, диаметр венчика 115, дна 115, тулова 218 мм (рис. 1, *20*; 2, *27*).

В южной части ямы на слабо охристом слое песка обнаружено еще одно скопление фрагментов деревянных плашек, на которых находились кости овцы и однолезвийный нож с горбатой спинкой и рукоятью с костяными обкладками. Длина ножа 205 мм, рукояти 115, ширина лезвия 16 мм (рис. 1, *17*; 2, *29*). В восточной части ямы, напротив костей ног погребенной, находились ребра и кости ног овцы, которые были также уложены на подстилку из деревянных плашек и прикрыты сверху слоем коричневой рыхлой супеси.

Погребение 23. Могильное пятно обнаружено у входа в гурхану в 80 см восточнее погр. 6. Яма неправильно прямоугольной формы ориентирована широтно, размеры ее: 390×300 см, глубина 101 см, стенки отвесные. В данном погребении, как и в погр. 6 прослежены совершенно идентичные по устройству остатки подстилок и покрытия погребенного. Различия имеются только в деталях. В погр. 23 нет следов подголовной подушки. В области костей скелета на сиреневатой супеси прослежены отпечатки и мелкие рассыпающиесы фрагменты ткани светлого тона грубоватого плетения.

Скелет взрослого мужчины находился в центре ямы в расчлененном и смешанном состоянии. Кости уложены так, как если бы погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад.

Под черепом погребенного, в области виска находилась золотая серьга в виде довольно массивного литого усеченного конуса, внешняя поверхность которого сплошь покрыта мелкой, едва различимой зернью. Узким концом конус прикреплен к круглой в сечении дужке в виде правильного круга с несомкнутыми концами. Широкий конец был закрыт пластинкой с двумя отверстиями. Высота конуса 11 мм, диаметр широкого конца 9,5–11, дужки 22–23 мм (рис. 4, *11*; 5, *6, 8*). К северу от костяка параллельно ему, острием вниз лежал меч в деревянных ножнах с железным наконечником, с антенным навершием в виде двух волют, гладкой рукоятью и массивным почковидным перекрестьем. Лезвие меча массивное, прямое. Длина меча 1155 мм, длина рукояти 195, ширина лезвия 50 мм (рис. 4, *8*; 5, *1*). Под рукоятью меча обнаружен железный крюк с заостренным концом. Длина крюка 100, диаметр 28 мм (рис. 4, *8а*; 5, *19*). К рукояти меча, ближе к перекрестью, примыкала железная обойма, длиной 45, шириной 22 мм (рис. 4, *8б*; 5, *3*).

Немного ниже перекрестья меча с северной стороны, перпендикулярно клинку, лежала обоймой вверх железная плоская бляха. Прямоугольная вытянутая пластина бляхи заканчивается фигурной головкой грифона с загнутым клювом, обозначенным только абрисом. Внешняя гладкая сторона бляхи покрыта инкрустацией из мелких полосок золотой фольги, образующих зигзагообразный рисунок. Под головой и под клювом грифона имеются вмятины правильной округлой формы, на оборотной стороне – литая массивная горизонтальная петля. Длина пластины 109, ширина 36 мм (рис. 4, *6а*; 5, *17*).

Севернее меча обнаружен горит с набором наконечников стрел (рис. 4, *6*). Судя по остаткам, горит имел плоскую форму прямоугольника шириной 26 и толщиной ~ 5 см. Сохранилась только нижняя часть деревянного футляра со следами обтяжки кожей с коротким ворсом. Дно футляра состояло из деревянной планки толщиной 2 см. От боковых торцев стенок горита сохранилась со стороны меча деревянная планка толщиной 0,5 см. К ней примыкала деревянная, плавно изогнутая планка шириной 4, длиной 20 см. Контур деревянной изогнутой пластины с внешней стороны повторяла тонкая костяная пластинка со следами тонкой железной полосы. Аналогичная картина наблюдалась с внешней по отношению к погребенному северо-западной длинной стороны горита.

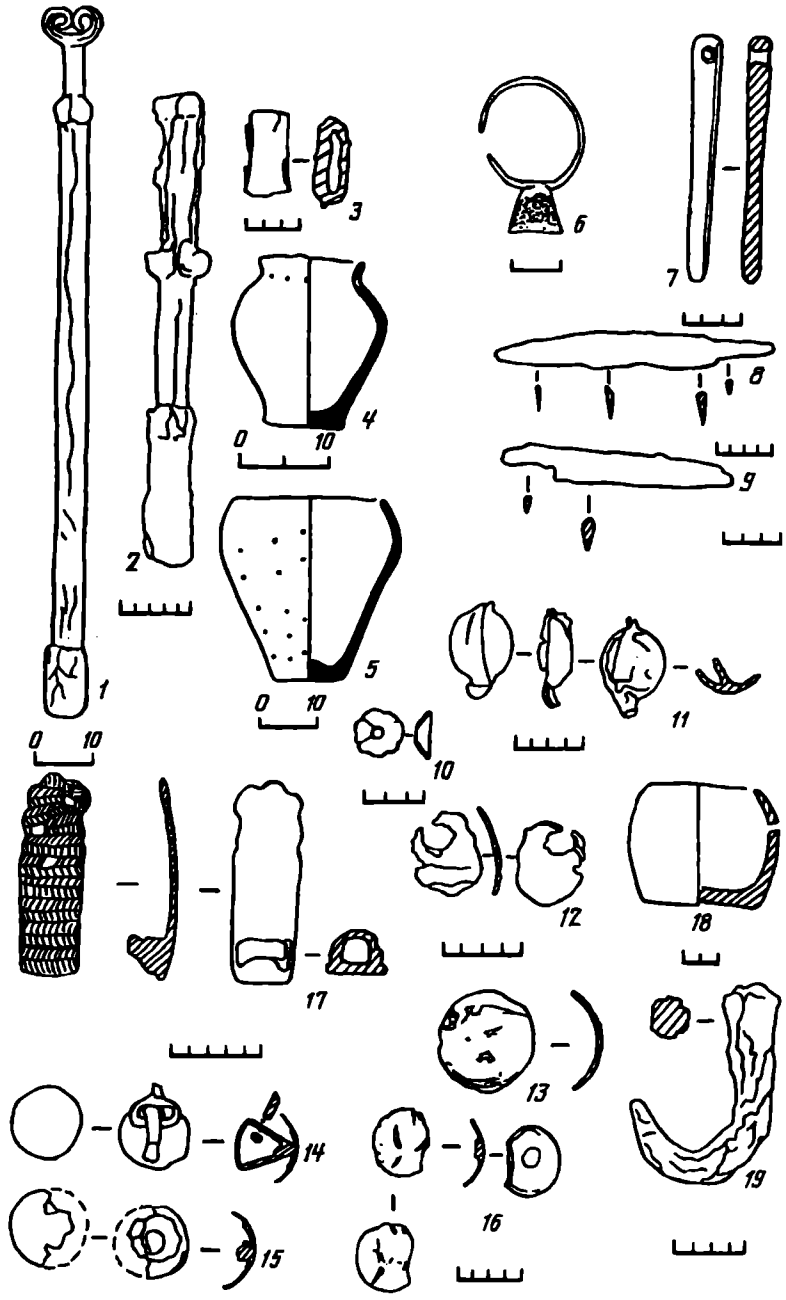


Рис. 5. Погребение 23. Инвентарь

От плоских сторон горита сохранилось следующее: непосредственно на наконечниках стрел лежал тонкий слой кожи (1–2 мм), на нем – тонкий слой волоса или меха (1 мм). Сверху все это перекрывала широкая доска короба толщиной ~ 5 мм. Доска сверху была обтянута (сохранились довольно крупные фрагменты) кожей с короткой щетиной. Точно так же стенки горита были оформлены и с нижней стороны. Под горитом прослежен слой трухи от деревянных плашек (остатки налучья?).

Внутри горита находился комплект наконечников стрел (102 шт.), два из которых железные, один костяной, остальные бронзовые. Деревянные древки стрел частично сохранились. Длина некоторых из них достигала 20 см. Наконечники стрел остриями упирались в дно горита (рис. 1; *6д*, 6). Состав колчанного набора следующий.

1. Двулопастные наконечники стрел с ланцетовидной головкой и выступающей высокой втулкой (рис. 6, *1–3*) – 5 шт.

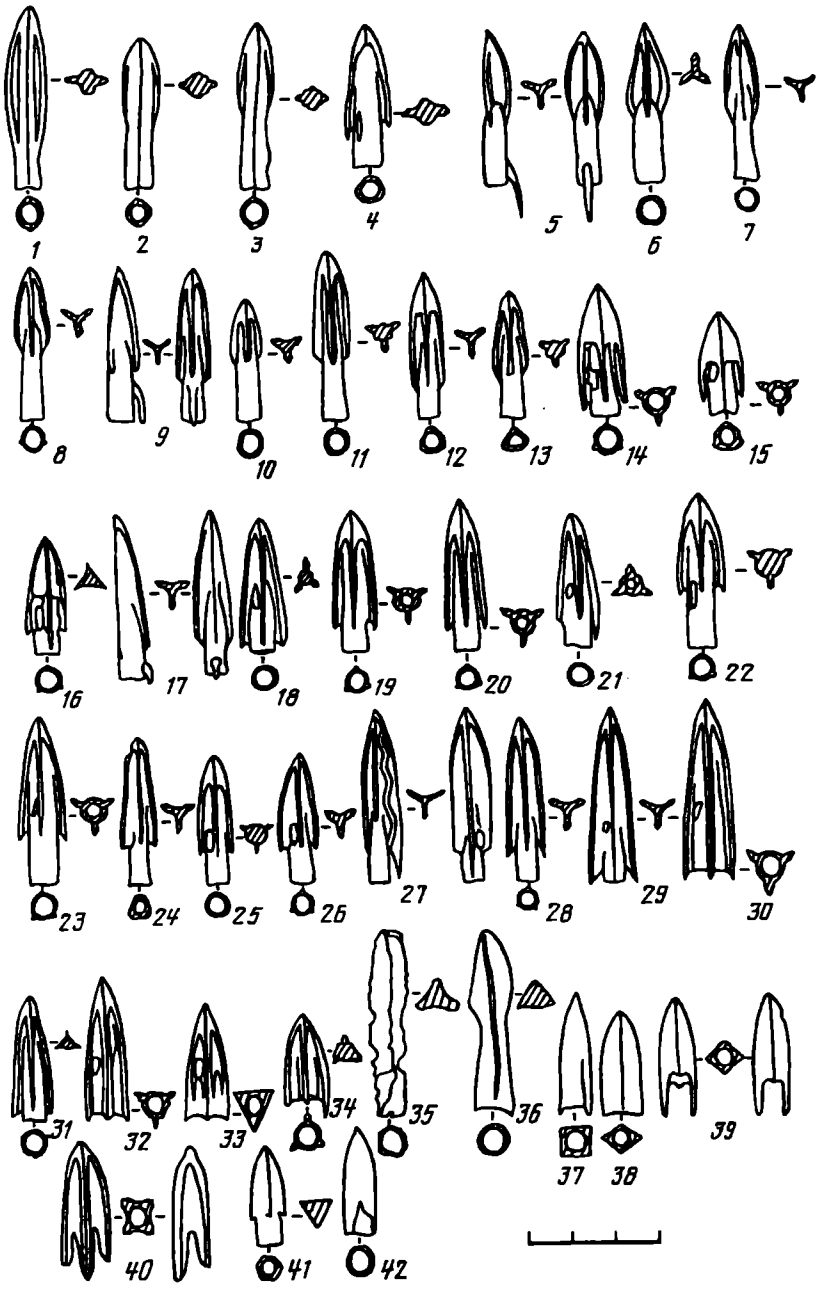


Рис. 6. Погребение 23. Наконечники стрел

2. Двулопастной наконечник стрелы со сводчатой головкой и выступающей втулкой (рис. 6, *4*) – 1 шт.

3. Трехлопастные наконечники стрел с лавролистной головкой и высокой выступающей втулкой. У трех экземпляров на втулке имеется длинный шип (рис. 6, *5–8*) – 6 шт.

4. Трехлопастные наконечники стрел со сводчатой массивной головкой и выступающей втулкой (рис. 6, *9–11, 13, 16–26*) – 54 шт.

5. Трехлопастные наконечники стрел с узкой сводчатой головкой и едва выступающей втулкой (рис. 6, *27–29*) – 5 шт.

6. Трехлопастные наконечники со сводчатой головкой, базисные (рис. 6, *30–32, 34*) – 22 шт.

7. Трехгранно-трехлопастный наконечник с башневидной головкой и выступающей втулкой (рис. 6, *13*) – 1 шт.

8. Трехгранно-трехлопастные наконечники с массивной сводчатой головкой и выступающей втулкой с ложками прямоугольной формы (рис. 6, *14–16*) – 6 шт.

9. Трехгранные наконечники стрел с массивной сводчатой головкой, базисные. На гранях имеются фигурные углубления (рис. 6, *33*) – 4 шт.

10. Трехгранные наконечники с массивной сводчатой головкой и выступающей втулкой. Грани гладкие (рис. 6, *41*) – 3 шт.

11. Четырехгранный наконечник со сводчатой головкой, базисный, с двух сторон имеются кольца (рис. 6, *37*) – 1 шт.

12. Четырехгранный, ромбический в сечении наконечник стрелы со сводчатой головкой, базисный (рис. 6, *38*) – 1 шт.

13. Четырехгранные, ромбические в сечении наконечники стрелы со сводчатой головкой, дуговидным вырезом базы и двумя лопастями, опущенными ниже втулки и переходящими в шипы (рис. 6, *39–40*) – 2 шт.

14. Железные трехлопастные крупные наконечники стрел со сводчатой головкой и высокой выступающей втулкой (рис. 6, *35–36*) – 2 шт.

15. Костяной пулевидный наконечник стрелы, базисный (рис. 6, *42*) – 1 шт.

Поверх горита, на северном его краю острием ко дну горита лежал железный нож с плоским удлиненным черешком, длина его 124 мм, длина лезвия 95, ширина лезвия 14 мм (рис. 4, *6б*; 5, *9*). Чуть восточнее него находились каменный плоский овальный оселок из светло-серого песчаника и фрагмент лезвия маленького ножа. Длина оселка 92, ширина 62 мм. Длина фрагмента лезвия, приваренного окислами к оселку, 50, ширина 5 мм (рис. 4, *6в*). С другой стороны оселка найден фрагмент более крупного ножа с длинным прямоугольным черешком. Длина его 60, ширина лезвия 14 мм (рис. 4, *6е*). Вдоль деревянной пластины располагался клинок железного однолезвийного с горбатой спинкой ножа, также направленный острием ко дну горита. Длина ножа 212 мм, ширина лезвия – 26, длина лезвия – 166 мм (рис. 4, *6г*; 5, *8, 9*). Все эти лезвия ножей были прикрыты слоем кожи в 1–2 мм толщиной (остатки кожаных футляров).

Под древками стрел у оснований наконечников лежал камень удлиненной формы (кресало?) длиной 46, шириной 25 мм (рис. 4, *6д*).

С южной длинной стороны горита под деревянной планкой найдены три бронзовые бляхи с изображением свернувшегося в кольцо волкообразного хищника. Все бляхи лежали лицевой стороной вниз. На оборотной стороне у двух из них имеются по два столбика-штыря с раскованными окончаниями для прикрепления к ремню, а у одной – один столбик. Изображения на бляхах совершенно идентичны. Размеры блях 73×63 мм (рис. 4, *7*; 7).

Восточнее горита, ниже него, найдены шесть фрагментированных железных полусферических фалара. У трех из них с внутренней стороны имеются следы железного стержня и медной полусферической накладки, на четвертом – петля-обойма с уцелевшим в ней фрагментом пряжки. У одного из описываемых фаларов маленького размера с внешней полусферической стороны сохранились остатки позолоты в виде острых и тонких лент. Диаметр этих фаларов 38, высота 9 мм. Фалар более крупных размеров не имеет следов железного стержня. С внешней полусферической стороны его сохранились следы позолоты в виде едва определимых голов грифонов с длинными клювами. Диаметр этого фалара 54, высота 15 мм (рис. 4, *5*; 5, *11–16*).

С южной стороны скелета на костях предплечья правой руки лежал оселок из серого песчаника удлиненной формы, овальный в сечении, с отверстием диаметром 45 мм. Длина оселка 129, диаметр 15–13 мм (рис. 4, *14*; 5, *7*). В 20 см южнее оселка острием вниз лежал железный акинак с массивным брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем в деревянных ножнах с железным наконечником. Длина акинака 415 мм, длина рукоятки 130, ширина лезвия 26 мм (рис. 4, *12*; 5, *2*).

Южнее правого крыла таза в 25 см от него найден предмет, составленный из четырех ребер с отполированной плюсны животного длиной 220 мм (рис. 4, *9*), в 30 см от

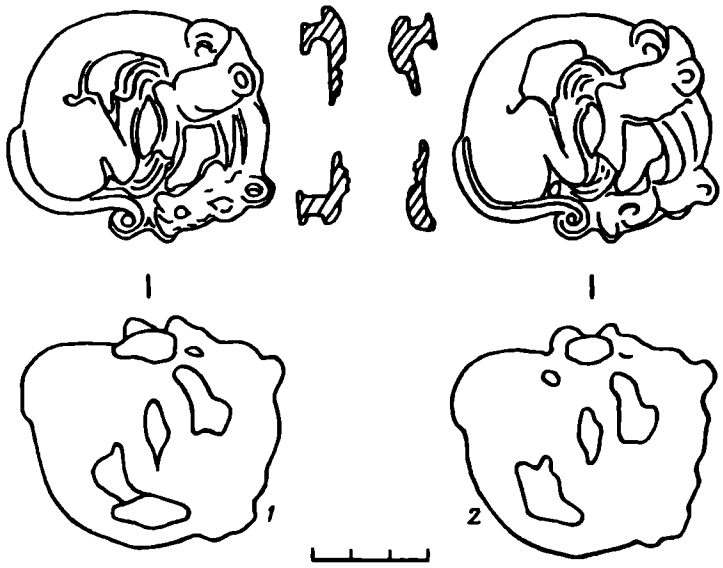


Рис. 7. Погребение 23. Бляхи бронзовые с зооморфным изображением

него в том же направлении лежали в сочленении хвостовые позвонки животного, возможно, собаки крупного размера.

В 60 см к северо-западу от черепа погребенного лежала лепная черноглиняная цилиндрическая с дырочкой на боку диаметром 3 мм курильница. Высота курильницы 62 мм, диаметр дна 68, диаметр горла 55 мм (рис. 4, *3*; 5, *18*). Рядом с курильницей лежали створка раковины с кусочком реальгара внутри (рис. 4, *3а*, *3б*) и продолговатая галька (рис. 4, *3в*). К западу от них стоял лепной черноглиняный сосуд с яйцевидным туловом, резко отогнутым венчиком и выделенным дном. На горле сосуда напротив друг друга имеются два отверстия. От одного из них по часовой стрелке расположены шесть наколов палочкой через равные промежутки. Высота сосуда 180 мм, диаметр горла 110, диаметр дна 87 мм (рис. 4, *4*; 5, *4*). Рядом с сосудом находились часть ребер и кости ноги овцы.

Далее в северо-западном углу ямы стоял лепной черноглиняный сосуд котловидной формы с выделенной массивной придонной частью. Края горла загнуты вовнутрь. Поверхность сосуда покрыта редкими наколами. Высота его 380 мм, диаметр дна 160, тулова 420 мм (рис. 4, *1*; 5, *5*).

Между западной стеной ямы и черепом погребенного находились кости овцы; позвонки, лопатка и кости ног в сочленении с ней. Чуть южнее их лежали кости жеребенка: ребра, кости ног и позвонки в сочленении.

Наиболее информативными для определения хронологической позиции погр. 6 являются всего несколько вещей. Прежде всего это зооморфная нашивная бляшка. В свое время она была включена в серию бляшек из Нижнего Поволжья и была датирована концом VI – первой половиной V в. до н.э. (Очир-Горяева М.А., 1993, с. 35–37). Из последних раскопок к этому кругу аналогий можно привлечь золотые бляшки из Покровского могильника (Яблонский Л.Т. и др., 1994, с. 33–35, рис. 76, *2–10*, *12–20*). Погребение, в котором были найдены три бляшки с изображением хищника, имеет довольно богатый инвентарь[2]. Авторы публикации датировали погребение в целом V в. до н.э. Однако некоторые предметы из этого комплекса указывают на возможность уточнения даты этого комплекса в сторону удревнения. Например, пара золотых серег в виде полого конуса больше всего напоминает женский вариант серьги из

[2] Бронзовая пряжка, помещенная в таблицу 76, судя по описанию, не имеет отношения к этому погребению.

вышеописанного мужского погр. 23. Точно такие же по размеру и конструкции серьги происходят из кург. 3 могильника Бес-Оба. Бесобинский комплекс датируется рубежом VI–V вв. до н.э. (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978, с. 65–70). С комплексом из Комсомольского имеется еще одна общая деталь. В Покровском погребении намеренно был отколот край каменного жертвенника и фрагмент был положен в могилу. В погр. 6 Комсомольского также имеется фрагмент края полукруглого каменного предмета, возможно, жертвенника (рис. 1, *1*; 2, *28*).

Зеркало, ручка которого заканчивается фигуркой стоящего кошачьего хищника, дает твердую опору при датировке. Подобные зеркала датируются второй половиной VI в. до н.э. (Кузнецова Т.М., 1991, с. 57, 58).

Большой интерес представляет головной убор погребенной, украшенный золотыми бляшками, налобной пластиной и цилиндрической крупной бусиной, перевитой золотой проволочкой. Аналогией этому головному убору является убор из кург. 4 могильника Нартан, где была обнаружена аналогичная золотая пластина такой же усеченно-ромбической формы и размеров и цилиндрическая трубочка, напоминающая цилиндрическую бусину из погребения в Комсомольском. Автор раскопок относил этот комплекс к группе поздних курганов, датирующихся V в. до н.э. (Батчаев В.М., 1985, с. 7–19, табл. 16). В.Г. Петренко, однако, считает, что комплексы из курганов 2 и 4 уверенно датируются концом VI–V вв. до н.э. (Петренко В.Г., 1989, с. 219).

Аналогией головному убору является также украшение из кургана 400 у с. Журовка, состоявшее из золотых пластин асимметрично-ромбической формы со сканным узором и петелькой для привешивания, трубочки с пятью цветочками и двух бусин (Бобринский А.А., 1905, с. 9; Петренко В.Г., 1967, с. 92; Онайко Н.А., 1966, с. 70). Журовское погребение традиционно датируется античными сосудами концом VI – первой половиной V в. до н.э. По уточненной короткой хронологии – 480–470 гг. до н.э. (Алексеев А.Ю., 1992, с. 115).

Более удаленной аналогией описываемому, но более близкой журовским украшениям является находка из клада Феттерсфельде (Furtwangler A., 1883, Bd. 3, fig. 3), который по последним разработкам может датироваться концом VI – первой четвертью V в. до н.э. (Алексеев А.Ю., 1992, с. 115, 116).

По форме золотые налобные пластины более всего напоминают простейшие ромбовидные конские налобники с петлей на обороте, найденные в курганах V в. до н.э. Днепровского Левобережья и встречающиеся на Правобережье (Ильинская В.А., 1968, с. 122). Близки налобным пластинам и удлиненные ромбовидные пластины с усеченными длинными концами. Один такой налобник найден в том же кург. 400 у с. Журовка, откуда происходит налобная подвеска женского головного убора. Больше всего аналогий, причем в сочетании с полусферическими бляшками с рубчатым краем, можно найти в Семибратних и Нимфейских курганах (Силантьев Л.Ф., 1959, рис. 37, *13, 6*; рис. 40, *4, 2*; рис. 48, *5*). В Нижнем Поволжье найдена пока только одна налобная пластина с конского оголовья в сочетании с бляшками с рубчатым краем (Молчановка-II, кург. 2).

Наблюдается определенное сходство между деталями женского головного убора из перечисленных погребений и деталями конского оголовья как в декоративном, так и в функциональном назначении. Ромбическая пластина располагается по центру, на лбу, а бляшки – симметрично по обеим сторонам от нее. По данным И.Р. Ахмедова, есть случаи использования не только похожих, но даже одних и тех же украшений в конской узде и в женских накосниках (Ахмедов И.Р., в печати).

Учитывая вышеизложенное, погр. 6 можно датировать второй половиной VI – первой четвертью V в. до н.э.

Некоторые возможности для более узкого датирования дает инвентарь погр. 23. Прежде всего это набор бронзовых наконечников стрел. В нем представлены двулопастные наконечники с узкой ланцетовидной головкой и выступающей втулкой. Эта форма стрел более всего характерна для архаических колчанных наборов Причерноморской Скифии. То же самое можно сказать и о трехлопастных наконечниках стрел с

лавролистной формой головок, особенно о трех экземплярах с длинным изогнутым шипом на втулке. Имеет архаический облик и двулопастный наконечник со сводчатой головкой.

В этом наборе представлен и типично "блюменфельдский" тип стрелы, который является наиболее показательным в колчанных наборах V в. до н.э. Нижнего Поволжья. Однако в данном наборе он представлен более крупными и массивными экземплярами, чем обычно, что является скорее всего признаком их большей архаичности.

Все остальные типы этого набора также представлены довольно массивными экземплярами. Показательно и наличие четырехгранных и ромбических в сечении бронзовых наконечников стрел с дуговидным вырезом базы и опущенными ниже втулки лопастями, переходящими в шипы. Ближайшие аналогии им имеются в наиболее ранних комплексах Южного Приуралья. Исходя из всего сказанного, колчанный набор из погр. 23 можно датировать второй половиной VI – началом V в. до н.э.

Привлекает внимание и сочетание в погребении находок длинного меча и акинака. Акинак с массивным брусковидным навершием и таким же массивным сердцевидным перекрестьем относится к типу, который датируется в основном VI – первой половиной V в. до н.э. Длинный меч с простым антенным навершием и почковидным перекрестьем выделяется из этой серии мечей своей необычной больше метра длиной. Такой же длинный меч с почковидными перекрестьем, но без навершия найден в Покровском могильнике, близ Саратова. К.Ф. Смирнов датировал его не позднее начала V в. до н.э. Он же привел в качестве аналогии случайную находку из Саратовского музея и длинный меч с антенным навершием из г. Чугуева (Смирнов К.Ф., 1961, с. 22, 23, рис. 5, *1*, *2*). Для архаического и классического скифского времени мечи такой длины довольно редки (Мелюкова А.И., 1989, с. 93). Пожалуй, только мечи с антенным навершием из могильника Тагискен (курганы 53 и 59) могут быть привлечены в качестве аналогий (длина 125 и 110 мм соответственно). Оба тагискенских меча датируются V в. до н.э. со ссылкой на позднее, не ранее V в. до н.э., появление длинных мечей в Южном Приуралье. Погребальный обряд тагискенских курганов V в. до н.э. соотносится с обрядом ранних (VII–VI вв. до н.э.) комплексов Уйгарака, бляшка в зверином стиле, украшавшая горит, идентична бляшке из кург. 45 ранней группы того же Тагискенского могильника (Толстов С.П., Итина М.А., 1966, с. 166, рис. 14, *1*, *2*). Поэтому рассматриваемый и тагискенские мечи не обязательно связывать с длинными мечами прохоровской культуры, они могут датироваться и более ранним временем.

Интересный круг аналогий имеет золотая серьга в виде конуса из погр. 23. Полностью идентичные ей серьги найдены в могильниках Тувы: Куйлуг-Хем-I, кург. 9; Хемчик-Бом-III, кург. 1, 2, погр. 9 (Грач А.Д., 1980, с. 124, рис. 86, 88; с. 128, рис. 110, *1*, *6*). Погребения относятся к алдыбельской культуре и датируются VII–VI вв. до н.э.

Простые золотые серьги с конусом известны из раннетагарских памятников (Членова Н.Л., 1963, с. 56, табл. 1). Похожие серьги имеются и в Быстрянском могильнике на Алтае, но они отличаются более декоративной отделкой. Типологически быстрянские серьги следует рассматривать как дальнейшее развитие. Это как будто подтверждается датой, определяемой автором публикации для комплексов с серьгами V–IV вв. до н.э. (Завитухина М.П., 1966, с. 61, рис. 2).

Интересно, что быстрянские и алдыбельские серьги, как и серьга из пос. Комсомольский найдены с левой стороны черепа погребенного по одному экземпляру, в то время как такие же, но более крупные серьги из Покровки и Бес-Обы найдены в паре. Это может указывать на социальное положение погребенных и половые различия ношения серег. Например, у калмыков мужчины носили серьги в левом ухе, незамужние девушки – в правом. И только замужние женщины имели право носить серьги в обоих ушах как символ принадлежности двум родам – мужа и своего отца.

Довольно редкой находкой является железная пластина, инкрустированная золотом.

Как полусферические фалары, пластина, несомненно, относится к конской узде. Такой же формы, но бронзовая пластина была найдена в кургане у с. Черниговское в сочетании с круглыми желобчатыми подпружными пряжками с неподвижной кнопкой. Черниговский комплекс датировался второй половиной VI в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964, с. 89, 90) или серединой – второй половиной VI в. до н.э. (Зуев В.Ю., 1991, с. 42–53). Аналогичная железная пластина с покрытием из золота найдена в кург. 2 могильника Покровка-2. Комплекс датируется концом VI–V вв. до н.э. (Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993, с. 15–18, рис. 18, *16*).

Бляхи с изображением свернувшегося хищника более всего близки к находке из с. Пьяновка близ Бугуруслана. По стилистическим особенностям названные бляхи относятся к восточной провинции по схематической разбивке Ю.Б. Полидовича и принадлежат к одному из трех типов, появившихся во второй половине VI – начале V в. до н.э. (Полидович Ю.Б., 1994, с. 63–78, рис. 5, *4–6*). По данным стилистического анализа Е.Ф. Чежиной, художественные приемы пьяновской бляхи типичны для Южной Сибири и Казахстана, в частности такого памятника, как Уйгарак VII–VI вв. до н.э. (Чежина Е.Ф., 1984, с. 62). Нами замечено, что способ крепления блях из пос. Комсомольский с помощью столбика-штыря с раскованным окончанием также характерен для восточного ареала. На западе, в Северном Причерноморье, распространено крепление блях в виде петли (Вишневская О.А., 1973, табл. I, *6, 19*; XII, *9*; XIX, *5*; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 21, *2–6*; Галанина Л.К., 1977, табл. 23, 26, рис. 49; Ильинская В.И., 1968, табл. XXVII, *32*, XXVIII, *3–5*; Ковпаненко Г.Т. и др., 1978, рис. 36, *3*).

Учитывая архаичность колчанного набора, форму и размеры меча и железной пластины, можно датировать погр. 23 второй половиной VI – началом V в. до н.э.

При датировании погребений из Комсомольского должен учитываться факт, что погребальный обряд обоих погребений совершенно идентичен: расположение ям друг за другом по одной линии запад – восток, почти одинаковая глубина, похожая почти подквадратная форма могильных ям больших размеров, конструкции подстилок и покрытия погребенных. Впечатляет совпадение особенностей деталей устройства могилы, если учесть, что погребения раскапывались в разные полевые сезоны. На наш взгляд, это серьезный аргумент, свидетельствующий об одновременности обоих погребений. Лишь перемешанность мужского костяка может указывать на более раннюю физическую смерть данного погребенного. Кости погребенного были уложены с имитацией анатомического расположения. Таким образом, скорее всего перезахоронение мужчины и захоронение женщины производились одномоментно.

При таком подходе, рассматривая инвентарь обоих погребений как один закрытый комплекс, можно считать наиболее приемлемой дату вторая половина VI – начало, скорее всего первая четверть V в. до н.э.

Установленная дата позволяет считать погребения из пос. Комсомольский самыми ранними в Нижнем Поволжье. Выделяются они богатством и разнообразием инвентаря, позволяющим довольно аргументированно определить их хронологическую позицию. Следующей особенностью публикуемых комплексов является заметное преобладание предметов, связанных с восточным ареалом евразийских степей: бляхи со свернувшимся хищником, некоторые типы наконечников стрел, железная пластина, инкрустированная золотом, золотая серьга в виде конуса, подголовная подушка в виде валика.

Женское погребение из пос. Комсомольский входит в серию нижневолжских погребений с зеркалом и золотой зооморфной бляшкой: Андреевка (Васильев И.В., Матвеева Г.И., 1976), Эвдык (Шилов В.П., 1983, с. 24), два комплекса из Кривой Луки (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977, рис. 78–80).

Равный высокий социальный статус погребенных подчеркнут одинаковым погребальным обрядом, равным по богатству и престижности сопровождающим инвентарем.

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Ахмедов И.Р. (в печати). Уздечные наборы из могильника Кораблино // Тр. ГИМ. М.

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик.

Бобринский А.А., 1905. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. Вып. 14.

Васильев И.В., Матвеева Г.И., 1976. Исследования в бассейне р. Самары и на Самарской Луке // АО – 1975. М.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VI–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // ТХЭ. Т. VIII.

Галанина Л.К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Брандербурга) // САИ. Вып. Д1-33.

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 6719 а–г.

Завитухина М.П., 1966. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930) // АСГЭ. Вып. 8.

Зуев В.Ю., 1991. Курган 1888 г. у поселка Черниговского // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сб. статей молодых ученых. Л.

Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. Вып. 154.

Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А., 1978. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. Киев.

Кузнецова Т.М., 1991. Этюды по скифской истории. М.

Мелюкова А.И., 1989. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993. Раскопки кургана 2 могильника Покровка-2 в 1991 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.

Онайко Н.А., 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1–27.

Очир-Горяева М.А., 1993. Нашивные бляшки древних кочевников Поволжья // Петербургский археологический вестник. Вып. 6.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1–4.

Петренко В.Г., 1989. Скифы на Северном Кавказе // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Плахов В.В., 1988. Отчет о раскопках мавзолея XIV века и могильника у п. Комсомольский Красноярского района в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р–11. № 2519, 2519а.

Плахов В.В., 1989. Отчет об археологических раскопках у п. Комсомольский Астраханской области в 1988 г. // Архив ИА РАН Р–11. № 4329, 4330.

Полидович Ю.Б., 1994. О мотиве свернувшегося хищника в скифском "зверином стиле" // РА. № 4.

Полосьмак Н.В., 1994. "Стерегущие золото грифы" (Ак-алахинские курганы). Новосибирск.

Силантьева Л.Ф., 1959. Некрополь Нимфея // МИА. № 68.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Смирнов Е.Ф., 1964. Савроматы (история и культура ранних сарматов). М.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1–9.

Толстов С.П., Итина М.А., 1966. Саки низовьев Сыр-Дарьи // СА. № 2.

Шилов В.П., 1983. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 9589.

Чежина Е.Ф., 1984. Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 25.

Членова Н.Л., 1963. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // СА. № 3.
Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж. и др., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка-1 и Покровка-2 в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.
Furtwangler A., 1883. Goldfund von Vettersftlde // Beriecht Winkelmann Progr. № 93.

Институт археологии РАН,
Москва

V.V. DVORNICHENKO, V.V. PLAKHOV, M.A. OCHIR-GORYAEVA

EARLY NOMADS BURIALS FROM THE LOWER VOLGA REGION

Summary

The article is dedicated to the publication of two Scythian Age burials from the Lower Volga region the funeral rites of which are absolutely identical though one of them belonged to a woman and the other belonged to a man. The analysis of rather rich and varied offerings has allowed the authors to justify the date of the burials which is the second half of the fourth – the beginning of the fifth centuries BC. The most interesting goods from these two complexes (a long sword more than a meter long, a cone-shaped gold ear-ring, bronze badges shaped in the form of a wild animal curled up in a circle, some types of arrow points, an underhead pillow) indicate close contacts with the eastern area of the Scythian world. The feminine burial forms part of the Lower Volga burials of the "priestesses" with a mirror and a sewn-on badge with a zoomorphic image.

Ю.С. ХУДЯКОВ, К.Ш. ТАБАЛДИЕВ, О.С. СОЛТОБАЕВ

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНИХ ТЮРОК НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Важным источником для изучения культуры древних тюрок являются предметы изобразительного и прикладного искусства. В комплексах древнетюркской культуры Центральной Азии представлены каменные изваяния, петроглифы, предметы торевтики, гравированные изображения на костяных вещах. Изучение этих предметов дало возможность не только охарактеризовать особенности идеологических и эстетических представлений древних тюрок, уточнить характерные черты их жизни и быта, военного дела, но и восстановить этнографический облик кочевников.

В материалах культуры тюркоязычных кочевников на Тянь-Шане костяные и роговые предметы с резными многофигурными композициями встречаются очень редко (История..., 1984, с. 263). Поэтому обнаружение подобных вещей заслуживает специального рассмотрения.

В полевом сезоне 1995 г. в процессе раскопок курганного могильника в местности Суттуу-Булак на Тянь-Шане сотрудниками археологического отряда кафедры археологии и этнографии Кыргызского государственного университета были обнаружены костяные пластины с гравированными изображениями, представляющими собой большую художественную и историческую ценность. Местность Суттуу-Булак представляет собой высокогорное плато на Центральном Тянь-Шане. Здесь сосредоточено около сотни каменных курганов, поминальных оградок и каменных изваяний. Многие курганные насыпи имеют следы грабежа и повреждения в процессе сельскохозяйственных работ. Судя по конструкциям надмогильных сооружений, курганы и могилы сооружались на плато Суттуу-Булак длительный период – от эпохи раннего железа до этнографической современности. В полевом сезоне 1995 г. исследовались курганы хуннского, древнетюркского и монгольского времени. Результаты раскопок существенно дополняют представления о военном деле, искусстве и культуре кочевых племен Тянь-Шаня.

Костяные пластины с гравированными рисунками были обнаружены в процессе раскопок кург. № 54 на могильнике Суттуу-Булак I.

До раскопок курган представлял собой пологую, слабо задернованную каменную выкладку, затянувшуюся землей. На поверхности прослеживались отдельные валуны. В процессе зачистки была выявлена плоская выкладка из речных валунов неправильной округлой формы. Над насыпью находилась могильная яма овальной формы, ориентированная по длине по линии северо-восток – юго-запад. На дне могильной ямы, на глубине 0,9 м, находилось погребение взрослого человека с бараном. Скелет погребенного, судя по сопроводительному инвентарю, взрослой женщины, лежал на спине, с разворотом на левую сторону. Череп лежал на левой стороне, руки вытянуты на левую сторону, ноги слегка согнуты в коленях. Погребенная была ориентирована головой на юго-запад. Под скелетом находились следы тлена. Вероятно, это была подстилка из кошмы. В области левого плеча погребенной женщины найдена пара костяных пластин, между которыми находился обломок истлевшего деревянного предмета. Возможно, что рукоятка. На поверхности одной из пластин имеется резной орнамент в виде геометрических фигур. В области пояса погребенной найдена пара костяных пластин с гравированными изображениями. Под костями скелета обна-

© Ю.С. Худяков, К.Ш. Табалдиев, О.С. Солтобаев, 1997 г.

ружены обломки бронзового зеркала, бронзовая пуговица, обрывки ткани, два пряслица.

В юго-восточной части могилы лежал скелет барана на правом боку, с согнутыми в суставах ногами. Баран ориентирован головой на юго-запад, в ту же сторону, что и погребенная. В восточному углу могилы вдоль стенки были оставлены части деревянного остова седла в разобранном виде, луки и полки ленчика. Передняя лука имеет рельефный орнамент. Здесь же обнаружены остатки сильно коррозионного железного стремени (рис. 1, *1*).

Раскопанное погребение обращает на себя внимание своеобразием погребального обряда и сопроводительного инвентаря.

Погребения человека с целой тушей барана и предметами конского убранства в Центральной Азии относятся к эпохе раннего средневековья (Нестеров С.П., 1990, с. 83, 84). Они представляют собой один из видов захоронений, относящихся к культуре древних тюрок. Среди исследованных в Саяно-Алтае погребений с бараном большая часть относится к числу захоронений детей и подростков. Очень редко встречаются погребения взрослых людей с бараном (Нестеров С.П., 1990, с. 83). На Тянь-Шане захоронения с бараном обнаружены на могильнике Ала-Мышик в долине р. Нарын и в Алайской долине (Бернштам А.Н., 1952, с. 81, 84). В Ала-Мышикском могильнике исследовано захоронение человека в подбойной могиле. Скелет человека находился в подбое, а скелет барана – во входной яме. Около барана обнаружены предметы конской сбруи. В другой могиле скелет барана сопровождал захоронение трех человек. В Алайской долине исследовано детское погребение с бараном. Ориентировка человека и животного в могиле в одну и ту же сторону на Тянь-Шане встречается очень редко. Однако она не имеет значения культурного и хронологического показателя, поскольку могилы с разной ориентировкой присутствуют в составе одного и того же могильника. Нахождение в могиле с бараном предмета конской сбруи позволяет считать, что баран выполнял роль верхового животного. Не случайно баранов чаще всего помещали в могилы к умершим детям. Известно, что у центральноазиатских кочевников дети учились езде верхом на баранах, со временем пересаживаясь на лошадей (Бичурин Н.Я., 1950, с. 40). В погребениях взрослых людей баран являлся заменителем лошади (Грязнов М.П. и др., 1979, с. 155). Вероятно, это происходило в тех случаях, когда семья умершего не могла пожертвовать для свершения похорон лошадь (Нестеров С.П., 1990, с. 84). Видимо, замена лошади бараном при совершении похоронного обряда в рассматриваемом погребении привела к тому, что седло было помещено не на теле животного, а в углу могильной ямы в разобранном виде.

Облик сопроводительного инвентаря в исследуемом захоронении позволяет уточнить его хронологию. Деревянный остов седла состоял из передней и задней лук и полок ленчика. Передняя лука высокая, дугообразная. На лицевой поверхности луки вырезан рельефный орнамент в виде стилизованных растительных побегов, состоящих из семи волютообразных фигур с трехлепестковыми завитками, симметрично расположенных на орнаментальном поле. По нижнему краю луки вырезана полоса окружностей, соединенных между собой общей линией (рис. 1, *2*).

Хотя рельефный тип орнаментации для украшения передней луки седла выглядит вполне оригинальным, сам мотив растительного орнамента и характер оформления фигур можно считать типичными для орнаментального искусства кочевников периода раннего средневековья. Они широко представлены в торевтике кочевников Центральной Азии VIII–X вв. н.э. (Маршак Б.И., 1971, с. 60). Считается, что подобные мотивы восходят к стилизованным изображениям виноградной лозы, заимствованным кочевниками из художественной традиции Ирана и Средней Азии (Даркевич В.П., 1976, с. 75).

Полки ленчика имеют округлые лопасти в нижней части. Подобная особенность характерна для древнетюркских седел, найденных в памятниках VII–VIII вв. в Саяно-Алтае и на Тянь-Шане. Аналогичные по конструкции седла были обнаружены

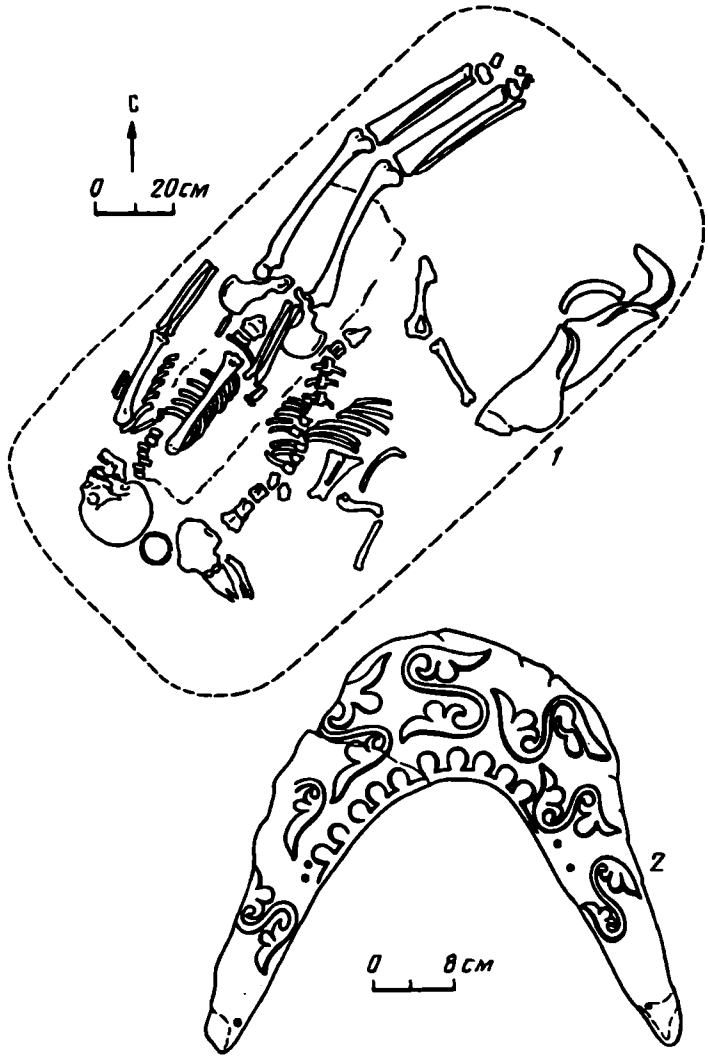


Рис. 1. Погребение в кургане 54 могильника Суттуу-Булак I.
1 – захоронение женщины с бараном; *2* – передняя лука седла

С.И. Вайнштейном при раскопках древнетюркских погребений с конем на могильнике Кокэль в Туве (Ванштейн С.И., 1966, с. 77). Большая серия таких седел найдена авторами настоящей статьи в процессе исследования захоронений с конем на могильнике Беш-Таш-Короо II и Беш-Таш-Короо III в Кочкорской долине на Тянь-Шане (Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1992, с. 110). Обнаруженные в могиле сильно коррозированные остатки железного стремени не позволяют реконструировать с достаточной полнотой его форму, чтобы учесть при определении хронологии памятника. Найденные в погребении пряслица и обломок зеркала в хронологическом отношении не показательны. Среди предметов, найденных непосредственно со скелетом погребенной женщины, наибольший интерес представляют парные костяные пластины. Одна пара пластин, украшенная геометрическим орнаментом, была обнаружена у левого плеча умершей. Пластины служили обкладками какого-то деревянного предмета, например рукоятки плети. Однако местоположение накладок не дает достаточных оснований для определения назначения предмета, в состав которого они входили.

Пара костяных накладок с гравированными рисунками была найдена в области пояса умершей, у правого локтевого сустава. Накладки имеют подпрямоугольную форму со слегка вогнутыми краями. Верхние концы накладок оформлены в виде

раздвоенного рыбьего хвоста. Длина полномерной накладки 7, ширина 2,6 см. Вторая накладка укороченная. Ее длина 5, ширина 2,6 см. Укороченная накладка дополнена пластиной без рисунков длиной 2, шириной 2,5 см. На поверхности накладок имеются рисунки, выполненные резьбой с помощью острого режущего инструмента. На тыльной стороне пластин имеется сетчатая нарезка для приклеивания к основанию предмета, накладками которого они являлись. Близкие по форме пластины с геометрической орнаментацией были обнаружены Д.Г. Савиновым в погребениях с конем VII–VIII вв. на могильнике Узунтал в Горном Алтае, он считает их игольниками, состоящими из двух створок (Савинов Д.Г., 1982, с. 107, 111). Внешняя поверхность пластин заполирована. Верхние концы пластин оформлены идентично, в виде стилизованного раздвоенного рыбьего хвоста. Она окаймлена узкой полоской с косыми насечками, разделены пополам вертикальной полосой и отделены от остальной части пластин горизонтальной полосой с косыми насечками. Поверхность наверший пластин заполнена дугообразными фигурами, имитирующими рыбью чешую.

На поверхности полномерной пластины изображена батальная сцена. На поле боя противостоят друг другу шестеро мужчин-воинов, по трое с каждой стороны. Двое мужчин с левой стороны изображены стреляющими с колена из луков. Третий упал на четвереньки, в руках у него лук. У них короткие волосы до плеч, характерные профили с выступающими носами и узкими усами. Стреляющие воины изображены в ламеллярных панцирях с подолом до колен и сложносоставными луками. С правой стороны изображены два лучника, стреляющие из луков с колена. Третий воин нарисован до пояса. В правой руке у него палаш с длинной рукоятью и перекрестьем, которым он замахнулся на упавшего противника. Все воины изображены с длинными распущенными волосами, большими усами. У них довольно крупные, но не выступающие носы и узкие миндалевидные глаза. Возможно, таким образом показана монголоидность. Лучники изображены в ламеллярных панцирях с подолом до колен и сложносоставными луками. На поясе у одного из лучников с правого бока изображен колчан, слегка расширяющийся к днищу. Воин с саблей изображен в запашной одежде с отворотами на груди и обшлагами на рукавах.

На наш взгляд, на рисунке подчеркнута разная этническая принадлежность противоборствующих групп воинов. Воины с правой стороны пластины с длинными распущенными волосами до поясницы, один из которых изображен в халате с отворотами, несомненно, тюрки (История..., 1984, с. 228, 233; Могильников В.А., 1981, рис. 21, 22). Противостоящие им воины с короткой прической, видимо, согдийцы (Гафуров Б.Г., 1989, с. 311, 312). Батальная сцена размещена по всей длине пластины. Рассматривать ее можно, разместив пластину горизонтально (рис. 2, *1*).

На поверхности укороченной пластины изображено двое людей. В верхней и нижней части рисунка – полосы, заполненные сетчатой штриховкой, ограничивающие пространство композиции. Нижняя полоса расположена горизонтально, верхняя изогнута, образуя выступ. Создается впечатление, что на рисунке изображена внутренняя часть юрты, внутри которой находятся две человеческие фигуры. Одна из них, с правой стороны, изображена анфас. У нее непропорционально большая голова с округлым овалом лица. Показаны узкие брови вразлет, узкие миндалевидные глаза, прямой нос и маленький узкий рот. На голове – трехрогий головной убор. На теле изображен запашной халат с треугольными отворотами на груди и полосой вдоль борта, на рукавах – обшлага. Руки опущены. Ноги не изображены. Видимо, фигура нарисована сидящей. С левой стороны – фигура человека в профиль. У него длинные распущенные волосы, узкие брови, миндалевидные глаза, прямой нос, длинные усы. На человеке – запашной халат с треугольными отворотами на груди и полосой вдоль борта. В руке у него – небольшой предмет, возможно, сосуд типа кружки с расширенным туловом и суженной горловиной. Совершенно очевидно, что на рисунке изображены мужчина и женщина в характерной для тюрок одежде – халатах с отворотами. Женщина – в трехрогом головном уборе, характерном для изображения женщин на известном Кудыргинском валуне на Алтае и для женских каменных изваяний Семиречья и

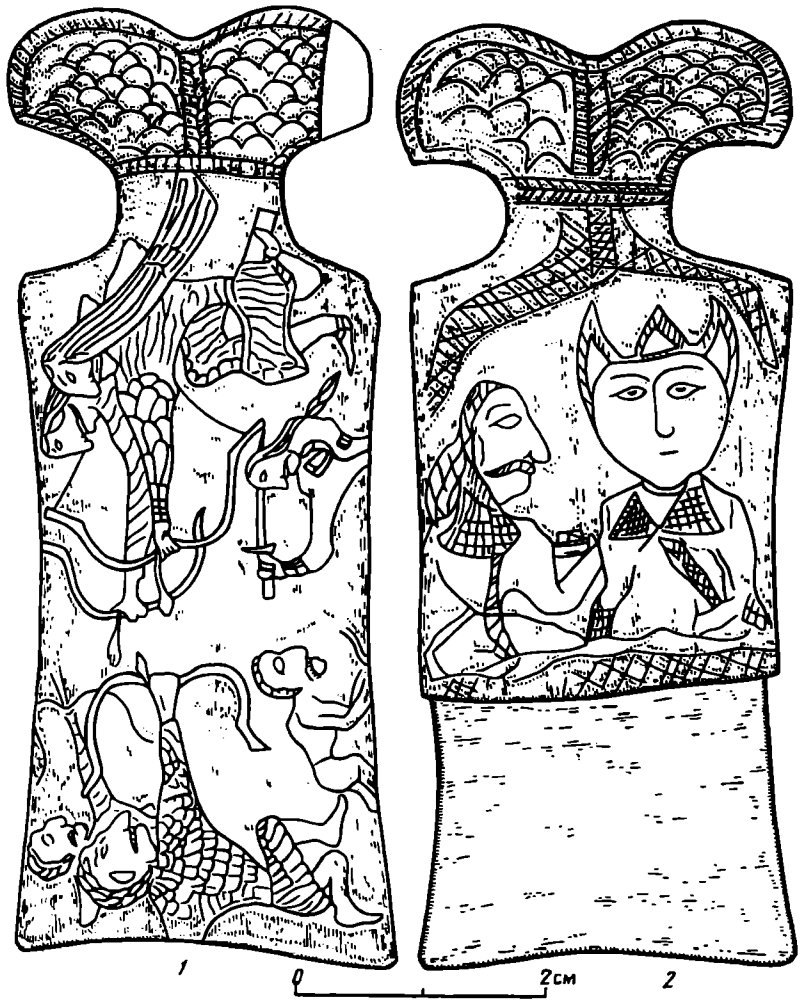


Рис. 2. Изображения на пластинах. *1* – батальная сцена; *2* – мужчина и женщина

Тянь-Шаня (Гаврилова А.А., 1965, табл. VI, *2*; Ермоленко Л.Н., 1995, с. 54). У мужчины длинные распущенные волосы и усы – характерные черты этнографического облика древних тюрок. Рисунок женщины, вероятно, соответствует эстетическому идеалу тюркских источников (рис. 2, *2*).

Сцена на укороченной пластине размещена вертикально, т.е. ориентирована перпендикулярно композиции на полномерной пластине. По своему содержанию она служит изображением семейной идиллии, своего рода антитезой батальной сцене на полномерной пластине. При таком понимании оба рисунка можно рассматривать в качестве последовательно сменяющих друг друга эпизодов одного повествовательного сюжета, объединенного деяниями главного героя-воина. Сокрушив врагов в жесткой битве, он может отдохнуть от ратных подвигов в своей юрте в обществе любимой женщины.

Подобные эпизоды достойной жизни древнетюркских воинов рисует эпитафийная лирика, в которой перечисляются заслуги умерших героев и выражается сожаление о том, что они "не насладились" и "отделились" от земных благ (Малов С.Е., 1952, с. 11, 17, 26, 38, 43, 46, 48, 51, 55, 96). Аналогичные сюжеты характерны и для произведений эпического жанра, действующими лицами которых могут быть вымышленные герои. В памятниках изобразительного искусства кочевников Средней Азии встречаются изображения батальных сцен с участием пехотинцев и всадников с обеих сторон (Пугаченкова Г.А., 1989, рис. 70, 71). При анализе многофигурных

композиций на тепсейских планках высказывались предположения о том, что они могли быть иллюстрациями к повествованию о деяниях героев, которыми пользовались сказители во время исполнения эпических произведений (Грязнов М.П. и др., 1979, с. 145). Не исключено, что аналогичным образом могли использоваться и пластины с рисунками из Суттуу-Булака вне зависимости от того, каким было утилитарное назначение предмета, в состав которого они входили. Не противоречит такому пониманию и обнаружение пластин с рисунками в женском захоронении, поскольку у кочевых народов женщины могли иметь отношение к фольклорной традиции.

Вполне возможны и иные трактовки изображений на пластинах из Суттуу-Булака, которые представляют собой яркий образец изобразительного искусства западных тюрок VII–VIII вв. на Тянь-Шане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. № 26.

Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. М.; Л.

Вайнштейн С.И., 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. № 3.

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.

Гафуров Б.Г., 1989. Таджики. Кн. 1. Душанбе.

Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницина М.Н., Худяков Ю.С., 1979. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.

Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока. М.

Ермоленко Л.Н., 1995. К проблеме изваяний в "трехрогих" головных уборах // Наскальное искусство Азии. Вып. I. Кемерово.

История Киргизской ССР, 1984. Т. I. Фрунзе.

Малов С.Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.

Маршак Б.И., 1971. Согдийское серебро. М.

Могильников В.А., 1981. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Нестеров С.П., 1990. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск.

Пугаченкова Г.А., 1989. Древности Миankаля. Ташкент.

Савинов Д.Г., 1982. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1992. Реконструкция конского убранства древних тюрок Тянь-Шаня // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. I. Омск.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск

Кыргызский государственный
национальный университет, Бишкек

Yu.S. KHUDAYKOV, K.Sh. TABALDIEV, O.S. SOLTOBAEV

NEW FINDS OF OLD TURKS ART OBJECTS IN TIEN-SHAN

Summary

The article is devoted to the analysis of bone plates with engravings that have been uncovered in the Suttuu-Bulak burial site discovered in the Tien-Shan Mountains. The plates were found in the tomb with a dead woman accompanied by sheep. The tomb is attributed to the Ancient Turkic culture that dates back to the seventh – the eighth centuries AD. One of the plates depicts a battle scene. There are two groups of warriors who are shooting from their bows and fighting with broad swords. One of the groups represents the Turks, their counterparts seem to be Sogdians. The second plate depicts a Turkish male and a female in a yurt. Both drawings are connected with each other by a common plot showing the life and a daily routine of an ancient Turk warrior, probably, an epic hero.

М.Е. РОДИНА

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВОСТОЧНОГО И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ИМПОРТА ВО ВЛАДИМИРЕ

Расположенная на удобных путях, Владимиро-Суздальская земля имела благоприятные условия для развития торговли. По словам летописца, к князю Андрею Боголюбскому "гость приходил из Царягорода и от иных стран, из Русской земли, паче Латинин" (Ипатьевская летопись, 1908, стб. 591). Многочисленные находки разнообразных предметов импорта свидетельствуют о связях с Византией, Волжской Болгарией, Средней Азией, Ближним Востоком, Прибалтикой и Западной Европой (Родина М.Е., 1988, с. 170–180).

Раскопки, предпринятые экспедицией Владимиро-Суздальского музея-заповедника в 1993 г. в древней части г. Владимира, дали наряду с традиционным восточным импортом (поливная керамика, бусы из сердолика и горного хрусталя) новые, ранее здесь неизвестные его образцы. В "Печернем" или "Мономаховом городе", на участке между Рождественским монастырем и Дмитриевским собором, на территории княжеского двора (Артлебен Н.А., 1877, с. 1), вероятно, Всеволода Большое Гнездо найдены фрагменты каменного котла и сфероконуса. Там же обнаружены витражные стекла – редкий образец западного импорта.

Каменный котел. Найдены один большой (15×7,5 см) и два маленьких (4,2×3,4; 2,5×4 см) фрагмента стенки котла (рис. 1). Два фрагмента обнаружены в слое XII–XIII вв., один – в слое перекопа. Котел изготовлен из плотной, твердой, жирной на ощупь серой тальковой породы. Диаметр венчика ~ 14 см, высота не менее 15, толщина стенки – 1–1,5 см. Стенки почти прямые, край венчика слегка закруглен. Фрагменты дна не найдены, но известно, что подобные котлы имели плоское или уплощенное дно (Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И., 1986, с. 87). Таким образом, найденный котел, вероятно, имел почти баночную форму. В верхней части большого фрагмента имеются обломанное ушко для подвешивания и небольшой треугольной формы выступ, на маленьком фрагменте – след ремонта – круглое сквозное отверстие диаметром 0,4 см. На внешней поверхности хорошо видны следы ручной обработки камня (вертикальные бороздки) и толстый слой нагара, на внутренней поверхности – следы обработки камня на токарном станке.

Котлы, подобные нашему, были распространены в Хоросане и Хорезме в XI – начале XIII в. (Кураева Л.А., 1969, с. 220). Находят их и в Волжской Болгарии: только в Биляре найдены фрагменты 50 каменных сосудов (Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И., 1986, с. 84, 90). Наиболее часто встречаются они в слоях XII – начала XIII в. Петрографическое изучение каменной посуды из Мерва и Нисы показало, что они изготовлены из талько-хлорита иранского происхождения (Кураева Л.А., 1969, с. 224). Известны также и хорезмийские месторождения "горшечного камня", функционировавшие в IX–XIV вв. (Пугер Е.Б., 1975, с. 231).

Владимирская находка фрагментов среднеазиатского каменного котла является первой и пока единственной на территории Владимиро-Суздальской Руси.

Сфероконус. Найдены фрагмент конического дна и фрагменты сферической части тулова, позволяющие сделать почти полную (нет фрагментов горла и головки) графическую реконструкцию сосуда (рис. 2). Сосуд относится к типу классических сфероконусов с туловом, расширяющимся в верхней части и плавно спускающимся к

© М.Е. Родина, 1997 г.

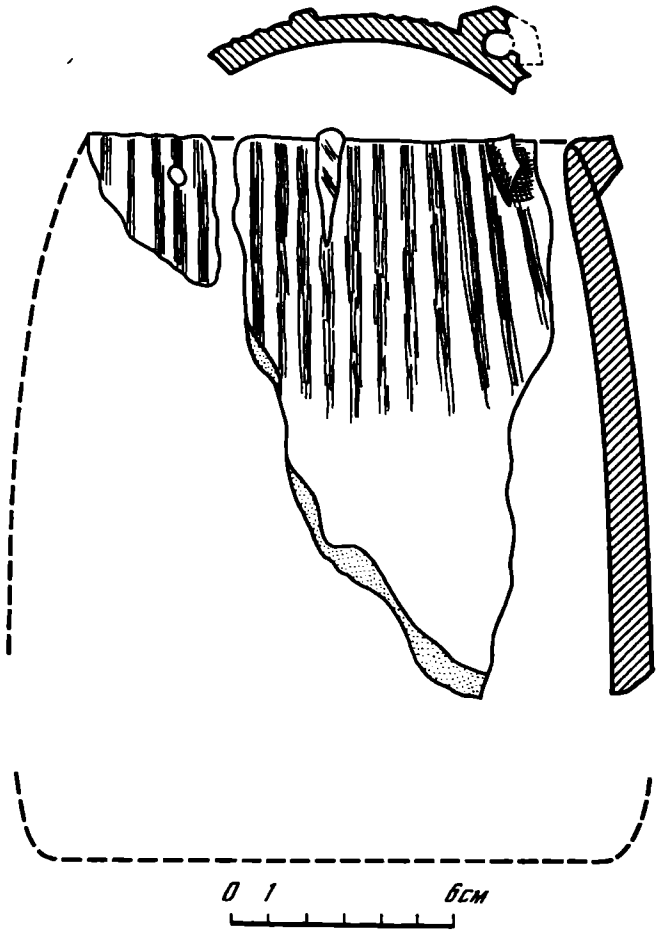


Рис. 1. Фрагменты каменного котла и его реконструкция

коническому дну (Халиков А.Х., 1986, с. 76, 78). Высота его ~ 13 см, толщина стенок 0,8–1,5 см.

На конусовидной части тулова хорошо видны следы обработки на гончарном круге, а также углубление, сделанное, вероятно, для того, чтобы ставить сосуд в специальную подставку (Сычев Н.П., 1947, с. 71). Сфероконус изготовлен из глины зеленовато-желтого цвета и орнаментирован налепными выпуклыми ребрами, спускающимися от плечиков к верхней части конуса. Сфероконус с подобным орнаментом встречен в домонгольском слое Болгара (Хлебникова Т.А., 1988, рис. 71, *3*). Отчасти сходны с нашим сосудом сфероконусы из Чистопольского музея (Сычев Н.П., 1947, рис. 38) и Биляра (Халиков А.Х., 1986, рис. 1, *б*), но на них между выпуклыми накладками имеется еще и штампованный орнамент. В средневековой Армении сосуды классического сфероконического типа бытовали в X–XIII вв. (Джанполадян Р.М., 1982, с. 16). Сфероконус из Владимира датируется концом XII – началом XIII в.: фрагмент его найден в материковой яме, в заполнении которой обнаружены древнерусская керамика, обломки стеклянных браслетов, осколки стеклянных сосудов кубкообразной формы на поддоне, фрагменты амфор.

В средневековье эти оригинальной формы сосуды для хранения и перевозки ртути и ценных жидкостей были широко распространены по всему мусульманскому миру: в Египте, Передней и Малой Азии, Иране, Средней Азии, Крыму, Поволжье и на Кавказе (Джанполадян Р.М., 1982, с. 5). Находки сфероконусов в Древней Руси очень редки. В Белоозере в слоях XI в. найдены фрагменты двух сероглиняных сфероконусов, вероятно, изготовленных в Поволжье (Голубева Л.А., 1969, с. 43). Такая специфическая посуда была известна также в Городце Радилове на Волге – на

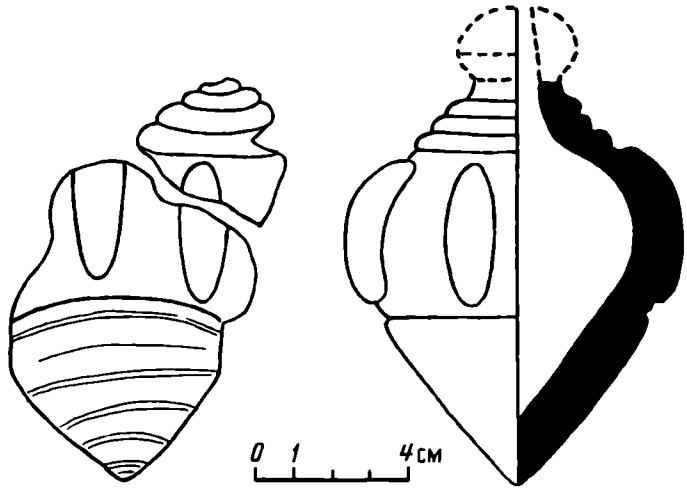


Рис. 2. Фрагменты сфероконуса и его реконструкция

восточном порубежье Владимиро-Суздальской Руси (в экспозиции Городецкого краеведческого музея представлен сфероконический сосуд).

Оба предмета восточного импорта – каменный котел и сфероконус – попали во Владимир, несомненно, через посредничество ближайшего восточного соседа – Волжской Болгарии: там подобные находки, как говорилось выше, редкостью не являются. Болгарские купцы были частыми гостями в Северо-Восточной Руси. "Болгары волжские, имея с Белой Русью непрестанный торг, множество привозили яко жит, тако разных товаров и узорочей, продавая их в городех руских по Волге и Оке" (Татищев В.Н., 1964, с. 128). В 1195 г., когда Всеволод Большое Гнездо женил старшего сына Константина, "съехалось во Владимер множество купцов от Киева, Новаграда и болгар с узорочными богатыми товары" (Татищев В.Н., 1964, с. 160).

Котел и сфероконус могли попасть во Владимир не только в результате торговли, но и как военная добыча. Военные походы владимирских князей на болгар были столь же постоянными, как и торговые связи с ними. Большие походы были предприняты в 1164, 1173, 1183, 1220 гг. (Пашуто В.Т., 1968, с. 215, 274), когда русские дружины вернулись с честию, славой, полоном великим и дарами многими (Татищев В.Н., 1964, с. 80, 97, 130). Вероятно, тогда же попал во Владимир и железный четырехконечный шип – "чеснок", который в Волжской Болгарии с XII в. широко использовали для защиты от неприятельской конницы (Смирнов А.П., 1981, с. 211).

Западноевропейский импорт представлен фрагментами витражных стекол. Это вторая находка витражей во Владимире. Впервые фрагмент витражного стекла был обнаружен Н.Н. Ворониным в 1937 г. при раскопках белокаменных ворот детинца Всеволода Большое Гнездо (Родина М.Е., 1991, с. 114, 115).

Витражные стекла. Семь стекол (рис. 3, *1–4*, *7*, *8*) покрыты буро-коричневой патиной со следами росписи буровато-белой краской на обеих сторонах. По сохранности они очень похожи на стекло из раскопок Н.Н. Воронина. Непрозрачная патина отслаивается от остатков прозрачного стекла, и становится виден первоначальный цвет этих стекол: три фрагмента – бесцветные, два желтые, один синий и в одном фрагменте стекла не осталось совсем, только патина. Изначальную форму стекол и мотивы росписи реконструировать нет возможности, так как фрагменты слишком малы. Толщина стекол 0,35–0,45 см.

Два зеленых прозрачных стекла (рис. 3, *5*, *6*) отличаются от вышеописанных меньшей толщиной (0,2–0,25 см) и отсутствием патины. На одном стекле также сохранилась роспись белой краской: параллельные линии и вписанные между ними круги. У всех фрагментов края обреза неровные, напоминают ретушь, а сколы гладкие.

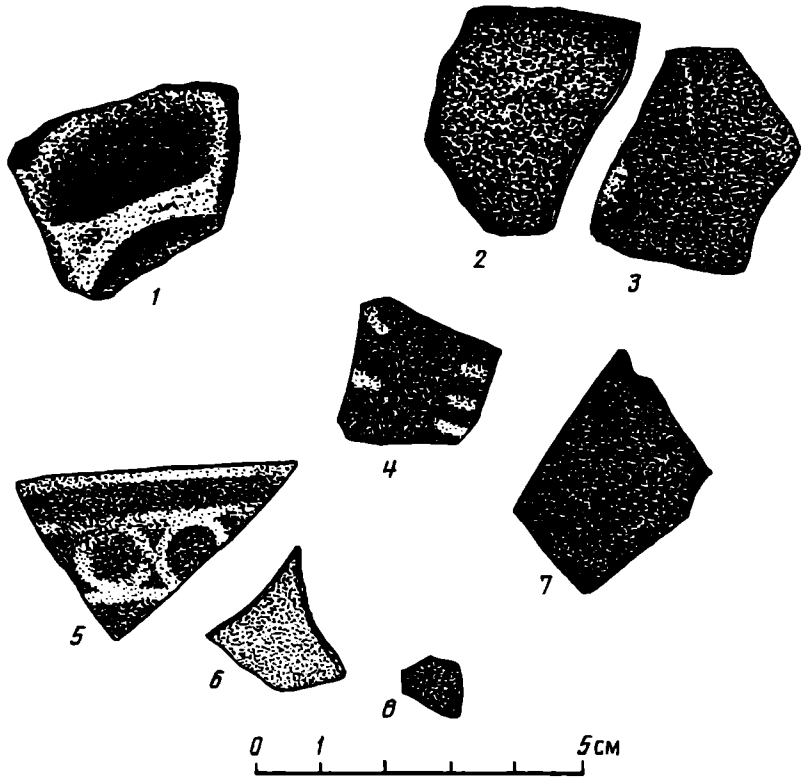


Рис. 3. Фрагменты витражных стекол. *1–4*; *7*, *8* – патинированные; *5*, *6* – прозрачные, зеленые

Данные стекла найдены на разной глубине, но все в домонгольском слое, исключая два фрагмента из слоя перекопа. Все находки витражей концентрируются на небольшой площади и кажутся территориально связанными с двумя сгоревшими деревянными постройками. Несомненно, что жилища эти принадлежали людям состоятельным: в них найдены обломки амфор, фрагменты стеклянных кубков, детали снаряжения конного воина-дружинника (псалий, фрагмент стремени и позолоченная накладка в виде дракона на парадный доспех), предметы восточного импорта. Да и сам факт наличия витражных стекол в доме говорит о его богатстве – витражи всегда и везде (даже там, где их изготовляли) стоили дорого. Перечисленные обстоятельства говорят в пользу предположения, что найденные нами витражные стекла украшали окна хором если не самого Всеволода Большое Гнездо, то кого-то из его приближенных.

Искусство витража пришло во Владимиро-Суздальскую Русь, несомненно, из Западной Европы. Это подтверждается и результатом спектрального анализа стекла из раскопок Н.Н. Воронина (Родина М.Е., 1991, с. 116). Оно является калиево-кальциево-магниево-кремнеземным, т.е. изготовлено по западноевропейскому рецепту. Сварено на золе древесных пород, не обесцвечено, окрашено частично восстановленным кремнием. Очевидно, сходный состав имеют и семь патинированных стекол из наших раскопок, аналогичных ему по сохранности и внешнему виду.

Два прозрачных зеленых стекла без патины оказались свинцовыми (окиси свинца 42 и 55%)[1]. Они могли попасть к нам из Западной Руси, например из Галича, где известны находки витражей в богатом доме XII в. (Гончаров В.К., 1955, с. 25).

Во второй половине XII в. владимирские князья имели тесные связи с Галицкими землями и Западной Европой. Андрей Боголюбский приглашал артели зодчих от Фридриха Барбароссы, с которым, по мнению В.Н. Татищева, "в дружбе был"

[1] Анализы (№ 12:18, 12:19) сделаны в лаборатории методов физического анализа Государственного Эрмитажа. Приношу сердечную благодарность аналитикам В.А. Галибину и М.Б. Днепровской.

(Татищев В.Н., 1964, с. 246). При нем же из Кельна и Лотарингии привозят во Владимир произведения художественного ремесла: реликварий и накладки с эмалями (Даркевич В.П., 1966, с. 23–27).

Всеволод Большое Гнездо также пользовался уважением и любовью Фридриха Барбароссы. Ипатьевская летопись сообщает, что когда племянник Всеволода, сын его сестры Ольги, галицкий князь Владимир Ярославич бежал из венгерского плена в Германию, то "немецкий цесарь же уведав, что он есть сестрич великому князю Всеволоду Суздальскому и принял его с любовью и великой честью" (Ипатьевская летопись, 1908, с. 666). В.Н. Татищев к летописному сообщению добавляет, что Фридрих Барбаросса "любовь и частую переписку имел" с Всеволодом (Татищев В.Н., 1964, с. 149).

Новые находки предметов импорта на княжеском дворе во Владимире служат ярким материальным подтверждением данных письменных источников о связях Владимиро-Суздальской Руси со странами Востока и Западной Европы во второй половине XII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артлебен Н.А., 1877. Владимир кремль-город по описной книге 1626 г. // Владимирские губернские ведомости. № 7.

Голубева Л.А., 1969. Белоозеро и волжские болгары // МИА. № 169. М.

Гончаров В.К., 1955. Археологічні досліди древнього Галича в 1951 р. // Археологічні памятники УРСР. Т. V. Київ.

Даркевич В.П., 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) // САИ. Вып. Е1–57. М.

Джанполадян Р.М., 1982. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // Археологические памятники Армении. Вып. IV. Ереван.

Ипатьевская летопись, 1908 // ПСРЛ. Т. II. СПб.

Кураева Л.А., 1969. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Вып. XIV. Ашхабад.

Пашуто В.Т., 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.

Пугер Е.Б., 1975. К истории разработок месторождения тальковых пород в Узбекистане // СА. № 2.

Родина М.Е., 1988. Культурные и внешнеторговые связи городов Владимиров-Суздальской земли // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.

Родина М.Е., 1991. Витражные стекла из раскопок во Владимире и Суздале // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Смирнов А.П., 1981. Волжская Болгария (гл. 6) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Сычев Н.П., 1947. К вопросу о булгарских сфероконических сосудах // КСИИМК. Вып. XIV.

Татищев В.Н., 1964. История российская. Т.III. М.

Халиков А.Х., 1986. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. Казань.

Хлебникова Т.А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.

Хузин Ф.Ш., Дроздова Г.И., 1986. Каменная и металлическая утварь // Посуда Биляра. Казань.

Владимиро-Суздальский историко-
архитектурный и художественный
музей-заповедник

M.E. RODINA

NEW FINDS OF ORIENTAL AND WEST EUROPEAN IMPORTS IN VLADIMIR

Summary

In 1993 new and previously unknown samples of oriental import were found on the territory of a prince court, probably, that of Vsevolod the Big Nest, in the city of Vladimir: fragments of a Central Asian stone cauldron and a clay sphere-cone. Stained glasses found in the same place is a rare example of Western imports. These finds confirm again the information contained in written sources on the links between Vladimir-Suzdal Rus and the countries of Eastern and Western Europe in the second half of the twelfth century.

История науки

В.А. БЕРДИНСКИХ

Н.Г. ПЕРВУХИН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ВЯТСКОГО КРАЯ

Имя исследователя археологии и этнографии Вятского края Н.Г. Первухина сохранилось в истории науки. В «Этнографическом обозрении» был напечатан его некролог (Смирнов И.Н., 1890, с. 199–201). Справка о нем есть в обзоре деятельности Московского археологического общества, ряде сводок по археологии и этнографии (Московское археологическое общество..., 1915, с. 257; Живаева Г.Т., 1970, с. 79, 80; Генинг В.Ф., 1979, с. 3, 4). Интересен некролог в «Вятских губернских ведомостях», принадлежавший, видимо, А.А. Спицыну (1890, с. 3, 4). В то же время в трех книгах В.Ф. Генинга по археологии Прикамья материалы Первухина никак не учтены. Видимо, небесполезно будет о нем напомнить, используя ранее не привлекавшиеся архивные данные.

Николай Григорьевич Первухин (1850–1889), выходец из среды духовенства, закончил Тверскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. В 1875–1884 гг. он работал преподавателем истории и педагогики Нижегородского Мариинского института. Занятия по изучению местного края он начал в Нижнем Новгороде и уже в 1875 г. представил в Нижегородский статкомитет серьезный доклад (на 49 листах) о состоянии отхожих промыслов Арзамасского уезда в 1874 г. (ГАНО, ф. 61, д. 231). Он избран членом Нижегородского статистического комитета и получил навыки краеведческой работы. Но основные исследования Первухина развернулись в 1885–1889 гг., когда он был назначен инспектором народных училищ Глазовского уезда Вятской губернии. В очень короткое время Первухин сумел сделать столько, сколько иные краеведы не могли сделать в течение всей своей жизни, и стал одним из лучших этнографов края.

Подводя итог своей деятельности, Н.Г. Первухин писал за месяц до скоропостижной смерти: «Еще с весны 1885 года – с первого года своей службы в Вятской губернии, я заинтересовался оригинальными особенностями быта того уезда, где мне пришлось служить, три инородческих племени которого: пермяки, бесермяне и особенно вотяки сохранили у себя до сего времени не только предания и обычаи глубокой старины, но и памятники жизни древнейших обитателей этой страны – чуди и болгар. Пассивно относиться к предмету, меня интересующему, я не могу и потому скоро перешел к активным наблюдениям, расспросам и справкам и мои исследования с самого 1885 года направлены были до двум путям.

С одной стороны – на изыскания разных остатков древнего язычества в суевериях и обрядах инородцев (прежде всего вотяков). Результатом этих исследований явились мои "Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда", из которых три напечатаны в "Вятских губернских ведомостях", а два в "Календаре Вятской губернии".

С другой стороны, я начал собирать древние вещи, которые весьма во многих местностях Глазовского уезда были находимы крестьянами то при распашке полей, то при спаде весенней воды на берегах рек, то при копании случайных ям. Вместе с тем я начал собирать и предания о том или другом месте находок... и, наконец, по пору-

© В.А. Бердинских, 1997 г.

чению Московского Археологического общества начал и нарочно разъезжать по уезду, лично осматривая и описывая урочища, на которых встречались находки, производил пробные раскопки и изыскания...» (ГАКО, ф. 574, л. 71, 72).

Археологические исследования в Глазовском уезде Первухин вел сначала на личные средства, а затем при финансовой поддержке Московского археологического общества. Уже 16 января 1887 г. он прислал туда свои рукописи и коллекции (Протоколы, 1888, с. 81). Вскоре был избран членом-корреспондентом общества (Московское археологическое общество..., 1915, с. 267). В 1888–1889 гг. Первухин регулярно присылал туда собранные им материалы, как вещевые, так и рукописные (Протоколы, 1890, с. 110; 1894, с. 92–94, 105, 159). Сотрудничал Первухин и с Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Результатом его археологических изысканий стала книга «Очерк кладовищ Глазовского уезда», изданная Московским археологическим обществом. С П.С. Уваровой (председателем МАО) Первухин в эти годы ведет оживленную переписку. Также он был избран членом-корреспондентом МАО, ОЛЕАЭ. Стал Первухин и деятельным членом Казанского общества археологии, истории и этнографии, Вятского статистического комитета (с 1886 г.).

Археологические коллекции, собранные Первухиным, были высланы им на VII и VIII археологические съезды. По словам самого исследователя, за 5 лет (1885–1889) он обнаружил в Глазовском уезде 64 городища, 84 места старых поселений и 157 могильников, из которых 49 мест древних поселений и 110 могильников были исследованы им лично. В собранную им первую археологическую коллекцию вошло 1765 предметов, во вторую – 1364 предмета, в третью – 360 предметов, в четвертую, приготовленную им к отсылке на VIII (Московский) археологический съезд, – 1500 экспонатов (ГАКО, ф. 574, л. 74).

Руководя всеми школами уезда, Первухин широко использовал помощь местных учителей. Он упоминает среди них Василия Степановича Раева, Прокопия Васильевича Волкова, Шатрова и Рылеева. Безусловно, прежде всего он был полевым собирателем-практиком. Близко знавший его А.А. Спицын писал: «Все труды Николая Григорьевича вполне самобытны. Он избег этой мелкой кропотливой разработки темы путем изучения литературы предмета, этого мелкого нанизывания факта на факт, этой безличной мозаичности в ученых разборах немецкого типа, а создавал целое по личным наблюдениям и впечатлениям, рисовал смелыми взмахами цельную органическую картину» (Спицын А.А., 1890, с. 3, 4). На городищах закладывались шурфы, устанавливалось наличие культурного слоя. Могильники раскапывались более полно, делались планы и разрезы.

Изумительная быстрота и сосредоточенность, с какой работал Первухин, по мнению А.А. Спицына, объяснялась прежде всего его несомненной талантливостью, способностью к обобщениям, а также самой увлеченностью процессом научного изыскания. «Постоянные разъезды внутри уезда по обязанностям службы (надо было посещать школы. – *В.Б.*) много содействовали успеху его личных расспросов» (Спицын А.А., 1890, с. 4). Очень быстро учитель, используя свои контакты с П.С. Уваровой (последняя посылала ему книги по археологии, давала задания по раскопкам), стал вполне самостоятельным археологом-исследователем. Переписка с П.С. Уваровой, консультации другого вятского учителя – А.А. Спицына (затем крупного археолога) помогли ему осознать научную значимость своих любительских занятий. В 1888–1889 гг. Первухин подготовил для МАО тщательно составленную археологическую карту Глазовского уезда, а также ряд рукописей. Три из них были опубликованы под редакцией П.С. Уваровой в серии «Материалы по археологии восточных губерний России» уже после его смерти в 1896 г. В книге статьи Первухина занимают 162 страницы. К ним приложено более 20 таблиц на меловой бумаге с изображениями нескольких десятков древних вещей: бронзовых, костяных и железных изделий, разнообразных украшений из памятников эпохи средневековья на р. Чепце и других при-

токах Камы (Первухин Н.Г., 1896а, б, в), выделенных позднее в поломскую (VI–IX вв.) и чепецкую (X–XIV вв.) культуры.

Известный знаток археологии Прикамья А.В. Шмидт писал в 1928 г., что Первухин дал «прекрасное описание городищ (с планами и разрезами) и отдельных находок древностей в Глазовском уезде» (Шмидт А.В., 1928, с. 204).

Археологические работы Н.Г. Первухина для своего времени были передовыми – он впервые дал археологическую карту Глазовского уезда, чрезвычайно подробно описал городища и клады, снабдив описание топографическими планами – достаточно точными. Пожалуй, единственная и существенная его ошибка – обобщенное описание находок и с Чепцы и с Верхней Камы. В таблицах же вещей не указано, с каким именно памятником связана та или иная находка. И, конечно, в отличие от работ Спицына, у Первухина нет глубоких заключений об этнической принадлежности памятников, а самое главное – хронологии вещей и археологических эпох в целом в Прикамье.

Впрочем, Николай Григорьевич брал довольно узкий регион и ставил задачей, в основном, публикацию источников. Кроме того, он не мог дать общий очерк древней истории, так как до сих пор в границах уезда памятников эпохи камня, бронзы и раннего железа ничтожно мало. Поэтому он вынужден был оперировать только известными ему средневековыми находками. Редактор книги Первухина (исследователь из МАО) попыталась дать классификацию материалов Первухина, но восстановить местонахождение их также не сумела*. И все-таки для медиевистов-археологов чепецкого и верхнекамского регионов археологические публикации Н.Г. Первухина являются настольной книгой.

Помимо всех перечисленных работ (и все это за 5 лет) Николай Григорьевич приготовил вчерне обширный «Русско-вотский словарь Глазовского разговорного наречия». Сбор археологического материала перерос в собирание этнографической коллекции удмуртских вещей. Замечательна собранная им подборка детских вещей – предметов обучения и игрушек – удмуртского населения. Из-за отсутствия этнографической литературы (хотя на Ярославском археологическом съезде он, конечно, знакомился с книгами по этой тематике) Первухин шел в своих изысканиях наощупь. Ему самостоятельно пришлось вырабатывать для себя методику работы в этом направлении. Он пытался изучать как духовную, так и материальную культуру удмуртов, исследуя фольклор, языческие предания и обряды, образ жизни живущих в уезде удмуртов. Идя от реалий окружающей его жизни, он сделал ценнейшие наблюдения и зафиксировал реалии мировоззрения и быта удмуртов на очень интересной стадии их жизни. Пять выпусков его «Эскизов преданий и быта инородцев Глазовского уезда» – ценнейший и наиболее полный сегодня источник по этнографии глазовских удмуртов. Н.Г. Первухин планировал написать еще два выпуска.

Определенное представление о содержании «Эскизов» дают подзаголовки к ним: Эскиз 1 – «Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях»; Эскиз 2 – «Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах»; Эскиз 3 – «Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков»; Эскиз 4 – «Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков»; Эскиз 5 – «Следы языческой древности в суеверных обрядах обыденной жизни вотяков от колыбели до могилы» (Первухин Н.Г., 1888, 1889).

Эти выпуски вышли в Вятке в 1888–1890 гг. Типография также отпечатала их отдельной брошюрой очень маленьким тиражом (по 200, 300 экз.). Редактором и издателем Первухина в Вятке был секретарь губстаткомитета Николай Александрович Спасский (1846–1920), организатор и вдохновитель краеведческих исследований в Вятской губернии в течение многих десятилетий.

---

* Автор статьи выражает искреннюю благодарность за помощь в работе и квалифицированную оценку археологического наследия Н.Г. Первухина ижевскому археологу Леониду Дмитриевичу Макарову.

В письмах Н.А. Спасскому, связанных с изданием «Эскизов», раскрывается круг деятельности и взглядов Первухина в последний год его жизни. Письма очень ярко характеризуют его как личность – альтруиста и бессребреника, «белую ворону» в среде уездного чиновничества. Думается, что враждебность, сплетни, клевета сильно отравляли жизнь директору уездных училищ, не принявшему образ жизни людей «своего круга» и считавшемуся чудаком (к тому же без денег).

Хлопоча осенью 1889 г. о поездке на VIII Археологический съезд в Москву, Первухин писал 22 октября 1889 г. Н.А. Спасскому: «Имея горячее желание лично участвовать в Археологическом съезде, а кстати, во-1-х, по дороге на съезд повидаться с отцом-матерью, которые уже становятся стары и которых я не видал 14 лет, во-2-х, в самой Москве посоветоваться с докторами-специалистами относительно постоянных болей, которые заставляют меня здесь чуть не каждый день принимать то или другое лекарство, – а при всем этом не имея никаких средств на поездку, – я обратился было к уездному собранию (земскому. – *В.Б.*) с просьбой о единовременном пособии, но уездное собрание, отказав удовлетворить меня из своих средств, постановило перенести мое ходатайство в Губернское собрание (...) Начиная свои разъезды по училищам, я опасаюсь... пропустить срок своевременной подачи ходатайства. При этом покорнейше прошу Вас найти возможность замолвить в мою пользу словечко перед теми из гласных, которые Вам поболее знакомы и имеют покрепче авторитет (...) Боюсь, что и среди глазовцев в Вятке я не найду единодушной поддержки, так как в Собрании (уездном земском. – *В.Б.*) провинился не знаю чем-то перед здешним заправилой – Ивановым, почему он на меня дуется и будет интриговать против меня» (ГАКО, ф. 574, л. 65).

Невзирая на занятость по службе, трудное материальное положение, тяжелую болезнь (туберкулез), Николай Григорьевич занимался научной работой до последних дней своей внезапно оборвавшейся жизни. 10 ноября 1889 г. он написал Н.А. Спасскому свое последнее письмо: «Низко каняюсь Вам, душевно благодаря за то, что Вы уже сделали по моему ходатайству, и благословляю Вас обеими руками на то, что Вы еще хотите сделать впредь, то есть поговорить с Председателем и Губернатором (...) В первой половине октября, после Собрания, я объехал несколько училищ, но дорогою, должно быть, застудился и с тех пор сижу дома до сего времени, и кашель не только избил мне все внутренности, но даже разорвал несколько кровеносных сосудов, так что у меня некоторое время шла даже кровь горлом. Вятская эпидемия (грипп. – *В.Б.*) побывала и у нас и тоже осложнила мою болезнь.

Занятый составлением отчета за 1889 гражданский год и окончательной отделкой Дневника своего летнего путешествия для Москвы я не собрался еще написать ни одного листочка по V эскизу и прошу Вас не сердиться на меня: надо поездить немножко еще по школам, а потом (авось, Бог даст!) и ехать в Москву. Впрочем, в первую же свободную минуту даю Вам слово написать хоть листочка два и, право! – меня нельзя теперь называть лентяем, так как я ежедневно, несмотря на болезнь, занимаюсь часа по 4 утром и вечером.

Из новостей могу сообщить Вам: во 1-х, что Московское имп. Общество любителей естествознания выбрало меня своим действительным членом; а во 2-х, что на днях мне были высланы: а) VIII том «Нижегородского сборника» (как члену Нижегородского статкомитета. – *В.Б.*) и б) П.А. Вологодиным его брошюрка о фосфорном заводе Тупицыных» (ГАКО, ф. 574, л. 66, 67).

Первухин умер внезапно от туберкулеза в расцвете своего таланта (39 лет), собравшись ехать на Московский археологический съезд, для чего губернское земство, наконец, выделило ему деньги.

22 декабря 1889 г. вдова Первухина писала Спасскому: «Многоуважаемый Николай Александрович! Мой муж сегодня умер. Я крайне стеснена в денежном отношении и потому покорнейше прошу похлопотать, чтобы деньги, ассигнованные Губернским земским собранием в помощь моему мужу для поездки в Москву на Археологический съезд, выдали мне. Надеюсь, что Вы, по своей доброте, исполните мою просьбу.

Отвечайте поскорее». После этих слов в письме следует приписка неустановившимся детским почерком: «Пишу сын Сергей, потому что мама ужасно расстроена» (ГАКО, ф. 574, л. 69).

Губернское земство в этой просьбе отказало, видимо, считая выдачу средств на похороны Первухина использованием денег не по назначению.

Тип учителя-идеалиста, народолюбца, занимающегося в 1860–1890-е годы историей, археологией, этнографией своего края, был достаточно широко распространен в российской провинции. Высоко оценивают значение сделанного Первухиным современные этнографы (Владыкин В.Е., Христофорова Л.С., 1984, с. 40). Память об этом инспекторе долго жила в Глазовском уезде. Через 5 лет после его смерти по ходатайству местных учителей, чтивших память покойного, Министерство народного просвещения разрешило открыть подписку в уезде на устройство памятника Н.Г. Первухину. В связи с этим один из хорошо знавших инспектора учителей опубликовал в «Вятских губернских ведомостях» статью, наполненную живыми подробностями о работе Первухина в Глазовском уезде. Статья ярко характеризует не только Первухина, но и сам тип такого рода учителей – любителей истории, археологии, этнографии. Обратимся к материалам этой мемориальной статьи, учтя, что автор подписался «Почитатель Н.Г. Первухина» и давал четко обозначенный положительно житийный материал.

Первухин за 5 лет, по словам автора, «приобрел симпатии буквально всех слоев Глазовского общества и уезда. Своим любезным, истинно гуманным и просвещенным отношением к ученикам и учителям он положительно очаровал всех учащихся тех школ, которые ему удалось посетить» (Память..., 1895, с. 2). Будучи в собственном смысле широко образованным человеком, в отношениях к людям он был всегда ласков, любезен, вежлив, ровен, в беседах неистощим. Женат Николай Григорьевич был на дочери вятского кафедрального протоиерея Ст. Ник. Кашменского. Супруга его желала жить на родине. «В один из вакатов, когда он был в гостях у своего тестя, директор народных училищ Вятской губернии предложил ему занять место инспектора нар. училищ в Вят. губернии и он, по желанию своей супруги, изъявил согласие» (Память..., 1895, с. 2). По прибытии в Глазов Первухин завоевал симпатии местного общества. Тогда говорили, что такой человек, как Николай Григорьевич, для Глазова «большая роскошь».

Объезжая начальные училища в селах, Николай Григорьевич останавливается всегда у приходских священников – сказывалось его собственное происхождение из духовенства. Всесторонне знакомясь со школой, обращал особое внимание на преподавание закона божьего, отмечая, что и земские школы должны иметь такой же оттенок церковности, как и церковно-приходские. Вечером весь причт и педагогический персонал приглашался в дом, где он остановился, на вечеринку с чаем. Инспектор был любезнейший собеседник. «Сельское духовенство особенно любило находиться в обществе, потому что от него было чему поучиться, что послушать».

Первухин умело привлекал людей к своему труду. «Он всем своим знакомым из сельской интеллигенции – духовенству и учителям говорил, что всякий человек, если он не имеет своего "конька", т.е. особенно излюбленного дела, погибший человек. Духовенству и учителям, кроме своих служебных обязанностей, он указывал на необходимость иметь какое-либо дело: земледелие, пчеловодство, лечение народа, занятие литературой и т.п. Особенно хорошо он относился к тем учителям, которые занимались чем-нибудь, кроме своих служебных обязанностей« (Память..., 1895, с. 3).

На старых вотских кладбищах и мольбищах инспектор делал раскопки, для чего ездил летом по уезду. Крестьянам и вотякам, работавшим на раскопках, платил за поденщину деньги. Чтобы приучить крестьян к этим раскопкам даже в свое отсутствие, Первухин возил с собой по уезду массу подарков крестьянам: крестики, кольца, бусы, серьги, пояски и прочее, словно продавец мелочного товара. Крестьяне

так привыкли к нему, что летом ждали его к себе во многих деревнях и спрашивали: «Скоро ли приедет толстый барин?» – Николай Григорьевич был очень полный человек.

Археологические работы Н.Г. Первухина, опубликованные Московским археологическим обществом, стали лучшим памятником провинциальному энтузиасту науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Владыкин В.Е., Христофорова Л.С., 1984. История этнографии удмуртов: краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск.

ГАКО: Государственный архив Кировской области. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1155.

ГАНО: Государственный архив Нижегородской области. Ф. 61. Оп. 216. Д. 231.

Генинг В.Ф., 1979. К столетию изучения чепецких древностей // Северные удмурты в начале II тысячелетия нашей эры. Ижевск.

Живаева Г.Т., 1970. Археология // Об исследованиях культуры удмуртского народа. Ижевск.

Московское археологическое общество за первое пятидесятилетие его существования, 1915. Т. 2. М.

Память о покойном инспекторе народных училищ Н.Г. Первухине, 1895 // Вятские губернские ведомости. № 89.

Первухин Н.Г., 1888, 1889. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка.

Первухин Н.Г., 1896а. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР. Вып. II // Под ред. П.С. Уваровой.

Первухин Н.Г., 1896б. По следам Чуди. У верховьев реки Камы // МАВГР. Вып. II / Под ред. П.С. Уваровой.

Первухин Н.Г., 1896в. Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде // МАВГР. Вып. II / Под ред. П.С. Уваровой.

Протоколы, 1888 // Древности. Т. XII. Вып. 1.

Протоколы, 1890 // Древности. Т. XIII. Вып. 2.

Протоколы, 1894 // Древности. Т. XV. Вып. 1.

Смирнов И.Н., 1890. Николай Григорьевич Первухин // Этнографическое обозрение. № 1.

Спицын А.А., 1890. Н.Г. Первухин (некролог) // Вятские губернские ведомости. № 1.

Шмидт А.В., 1928. Археологическое изучение древностей Севера СССР // Финно-угорский сборник. Л.

Вятский педагогический университет

Критика и библиография

Т.М. Потемкина, О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995. 208 с.

В конце II тыс. до н.э. на северной периферии андроновской культурно-исторической общности происходит формирование ряда ярких археологических культур, объединяемых понятием "андроноидные культуры леса и лесостепи Западной Сибири". Одной из первых в этом ряду была выделена сузгунская культура эпохи поздней бронзы (Мошинская В.И., 1957). Не будет преувеличением сказать, что формирование представлений об облике сузгунской культуры затянулось надолго. В предварительной публикации материалов Сузгуна-II, осуществленной в 1957 г., В.И. Мошинская не смогла в полной мере сформулировать специфику сузгунского керамического комплекса. По-видимому, именно это явилось причиной того, что мысль о принадлежности Чудской Горы к сузгунской культуре окончательно оформилась спустя 10 лет после начала раскопок этого памятника (Косарев М.Ф., Потемкина Т.М., 1985). Последующие исследования сузгунских древностей в Барабе, на Среднем Иртыше, Ишиме, Тоболе остро поставили вопрос об их культурном соотношении с базовыми сузгунскими памятниками, к которым с недавнего времени относят и Чудскую Гору. В связи с этим публикация материалов Чудской Горы, предпринятая авторами, более чем своевременна.

Глава I содержит детальное описание объектов, раскопанных на Чудской Горе, анализ керамики и инвентаря, а также рассмотрение хронологии памятника. Подчеркнем, что описание раскопанных объектов отнюдь не калькирует полевую документацию. Здесь присутствуют выводы и частные обобщения, которые закладывают основу построений, развиваемых авторами во второй главе. Наиболее уязвима в главе I часть, посвященная анализу керамического материала Чудской Горы. Совершенно очевидно, что в вопросе типологии (группировки – ?) сузгунской керамики авторы пошли вслед за В.И. Мошинской. Несмотря на некоторые недостатки типологии Ванды Иосифовны, данный подход не вызвал бы особых возражений, если бы предложенная ею типология не оказалась логически более выдержанной, чем предложенная авторами монография. Основу типологии В.И. Мошинской составляет различие форм (и отчасти (!) размеров) сосудов (I тип – большие плоскодонные равновеликие горшки с узким дном; II тип – средние плоскодонные равновеликие сосуды с относительно широким дном; III тип – плоскодонные приземистые сосуды; IV тип – круглодонные приземистые сосуды) (Мошинская В.И., 1957, с. 120–125). У авторов рецензируемой монографии группа I керамики Чудской Горы соответствует типу I Сузгуна-II, а группа II фактически объединяет типы II и III по В.И. Мошинской, так как далеко не все сосуды, отнесенные авторами к группе II, имеют приземистые пропорции (см., например, рис. 19, *4, 5, 7;* 20, *3, 4, 6, 7*; 21, *5* и т.д.). В итоге получается, что одна часть сосудов, отнесенных к группе II, помещена в нее по признаку "приземистости", а другая – по признаку "широкодонности". Видимо, не случайно авторы не приводят показатели пропорций сосудов групп I и II.

Не вполне ясны мотивы выделения группы посуды, которая в тексте отмечается наличием шарообразного тулова, а на рисунках обозначена как группа IV (рис. 19, *3*; 24, *2*; 31, *1*). В группе IV объединена миниатюрная посуда, не имеющая отношения к приведенным выше сосудам. Опуская эту неувязку, отметим, что данной посуде уделяется внимание в разделе, посвященном стратиграфии керамики: "Посуда оригинальных форм (с сильно раздутым туловом) происходит из верхнего горизонта" (с. 59). Из текста неясно, каков удельный вес данной керамики, но один из двух сосудов, отнесенных к этой группе, происходит не из верхних горизонтов, а из ямы 19 (ус. В/7) и имеет ярко выраженный пахомовский облик, что вполне согласуется с условиями его залегания (рис. 7; 31,*1*).

Считаем необходимым особо высказаться по поводу рисунков керамики. Прекрасно вы-

© А.Я. Труфанов, 1997 г.

полненные, они, к сожалению, малоинформативны. Большинство сосудов нарисовано без разрезов, в перспективе, причем с разных позиций. Такая манера изображения лишает читателя возможности самостоятельного анализа конструктивных деталей форм сузгунской посуды. Это тем более существенно, потому что авторы оперируют отдельными конструктивными признаками сосудов при культурно-генетических построениях. Судя по предыдущим публикациям авторов, ни один из них не был пристрастен к такому варианту рисования керамики. Памятуя о дефиците представлений о целых формах сузгунской керамики, с сожалением отмечаем, что из 61 целого сосуда крупных форм в иллюстрациях, включая фотографии, присутствуют только 38. На фоне этой ситуации вызывает недоумение необходимость наличия двух изобразительных версий одного сосуда при наличии его же фотографии (рис. 29, 1; 31, 9).

Глава II, посвященная особенностям функционирования сузгунского поселка на Чудской Горе, является концептуальным положением и развитием части главы I и предстает перед читателем как самостоятельное, законченное исследование, выходящее за рамки традиционной археологической культурологии. Не будет преувеличением утверждать, что подобных работ в западносибирской археологии немного. В этой главе авторы хорошо показали, как потенциально высокая информативность источника может хорошо сочетаться с интерпретационными возможностями исследователей. Останавливаясь на аспекте возможной взаимосвязи Чудской Горы и расположенного вблизи нее Богочановского поселения, авторы предположили, что на территории Богочановского поселения зафиксированы следы жизнедеятельности людей, обитавших на Чудской Горе (с. 90, 91), допуская возможность обратного положения, высказанного автором рецензии совместно с В.А. Могильниковым и Е.М. Данченко (Могильников В.А. и др., 1991). Соглашаясь с тем, что обе версии нуждаются в доказательстве, отметим, что, если принять вывод авторов монографии о проживании на Чудской Горе первобытных жрецов высокого статуса, отвечавших за поддержание в порядке объектов сакрального комплекса, вполне вероятно предположение о существовании вблизи культового центра поселка, жители которого были ориентированы на сугубо хозяйственную деятельность, целью которой было нормальное физиологическое существование упомянутых жрецов. В последнем случае речь идет именно о Богочановском поселении. Мы полагаем, что явная аномалия форм построек Чудской Горы в совокупности с другими сведениями свидетельствует о том, что эти постройки не были местом постоянного проживания ни жреческого, ни рядового сословий сузгунцев. Кроме того, вывод авторов о функционировании построек в течение длительного времени (с. 90) позволяет поставить вопрос о неприменимости использования стратиграфии культовых объектов такого рода в качестве данных, характеризующих относительную хронологию керамического комплекса всей культуры.

Глава III посвящена некоторым (и, по сути, основным) проблемам сузгунской культуры. Эта часть работы вызывает особый интерес. В ней рассмотрен широкий круг проблем, связанных с сузгунской культурой, среди которых наиболее актуальны, на наш взгляд, вопросы ее происхождения и составных компонентов. Большинство положений, высказанных в этой главе, созвучны нашим представлениям. Безусловно новаторским является пахомовско-сузгунский сюжет, значительная часть которого присутствует в главе I. Можно считать его разработку первым серьезным сравнительным исследованием генетического взаимодействия пахомовской и сузгунской культур. Конечно, концепция авторов не исчерпывает данной проблематики, но, безусловно, закладывает основы для дальнейшей разработки вопросов, связанных с происхождением сузгунской культуры.

Некоторые возражения вызывают попытки авторов районировать сузгунские древности. Мы полагаем, что это преждевременно. Так, выделение барабинского варианта сузгунской культуры было сделано В.И. Молодиным (в силу обстоятельств) скорее по принципу территориальной обособленности, нежели исходя из культурной специфики барабинских материалов. В этой связи предложение авторов о переименовании этого варианта в новочекинский при наличии новочекинского типа керамики раннего железного века в Барабе выглядит ничуть не лучше, чем наименование одного из этапов корчажкинской культуры на Оби иткульским при наличии иткульской культуры раннего железа в Зауралье.

В целом мы полагаем, что эпитеты "яркий" и "уникальный", применяемые авторами к публикуемому материалу, совершенно оправданы. Сибирская наука получила серьезное исследование, которое, безусловно, стимулирует дальнейшее изучение сузгунских древностей.

Дирекция Национального археологического
и природного парка "Батаково", Омск

А.Я. Труфанов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Косарев М.Ф., Потемкина Т.М., 1985. Городище Чудская Гора в свете этнической интерпретации андроноидных культур Западной Сибири // Урало-алтаистика (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск.

Могильников В.А., Данченко Е.М., Труфанов А.Я., 1991. Богочановское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // СА. № 3.

Мошинская В.И., 1957. Сузгун-II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 58.

М.П. Сотникова. Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. М.: Банки и биржи, 1995. 320 с., илл.

Спустя 12 лет вышло в свет новое издание Сводного каталога русских монет конца X – начала XI в. Чем же отличается оно от предыдущего (Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1983)? Нам уже доводилось писать (Молчанов А.А., 1985б, с. 255–259) о больших достоинствах и некоторых недостатках готовившегося более двух десятилетий в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа корпуса златников и сребреников (его английский перевод см.: Sotnikova M.P., Spasski I.G., 1982), и поэтому мы считаем необходимым ответить подробно на поставленный выше вопрос.

Название книги претерпело незначительные изменения, и это не случайно: столь же мало нового, как мы покажем ниже, появилось сейчас в ее содержании. Зато в прежнем авторском коллективе произведено радикальное сокращение: с обложки и титула исчезла одна из двух стоявших рядом фамилий, а именно фамилия крупнейшего отечественного ученого-нумизмата И.Г. Спасского, скончавшегося в 1990 г. Тем самым ныне благополучно здравствующая давняя питомица и ближайшая ученица признанного патриарха нашей нумизматической науки задним числом отказала ему в соавторстве. Став столь оригинальным способом теперь уже единоличным автором Сводного каталога (хорошо известного всем специалистам и у нас, и за рубежом в качестве коллективного труда!), М.П. Сотникова тут же без тени смущения посвящает его "светлой памяти моего дорогого учителя Ивана Георгиевича Спасского" (с. 3). Приходится констатировать, что здесь налицо прискорбный пример инициативной приватизации выморочного научного наследия.

Из тех дополнений и доработок, которые обнаруживаются в новом издании книги, вряд ли все до единой получат полное одобрение специалистов. Так, нельзя признать вполне удачной предложенную замену прежнего краткого предисловия, написанного И.Г. Спасским, который в свое время составил перспективный план и наметил методику всестороннего исследования древнейших русских монет (Спасский И.Г., 1961, с. 51–54). Новое введение, согласно замыслу М.П. Сотниковой, должно было представить монетные эмиссии Владимира Святого и его преемников в широком историческом контексте. Желательность такой увязки нумизматического материала с данными других источников не приходится отрицать. Однако успешно справиться с подобной задачей можно, только досконально зная современное состояние изучения соответствующего периода отечественной истории. И весьма огорчительно обнаруживать в новом введении серьезнейшие огрехи именно по этой части: целиком на совести его автора остаются, например, утверждения о возникновении Древнерусского государства "еще в начале IX в." и о составлении Русской Правды в X в. (с. 6).

Структура книги в целом осталась прежней, лишь поменялись местами составляющие ее части – первая и вторая. Теперь сначала идет каталожное описание монет с разделением их на группы по металлу и типам, а уже потом приводятся историография, топографическая сводка кладовых находок и систематизация всего материала. Корректировка каталожного описания в новом издании вполне закономерно получилась минимальной, поскольку пополнения фонда рассматриваемых монет за последние десятилетия были единичными. Активной, главным образом литературной, переделке подвергнут М.П. Сотниковой текст двух глав нынешней второй части – историографической и топографической, но содер-

© А.А. Молчанов, 1997 г.

жание их принципиально не изменилось. Следующая же глава, посвященная систематизации монет, почти не несет на себе следов такого редактирования, но ее заключительные страницы (из прежнего варианта) резюмирующего характера перекочевали теперь в заключение, что, пожалуй, не лишено логики.

Излагая уже высказывавшиеся раньше выводы, М.П. Сотникова затрагивает два важных, давно дискутируемых вопроса, рассматривая их теперь во многом по-иному. Один из них – это вопрос о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах. Даже после принятия основных положений, высказанных по этому поводу специалистом-искусствоведом, М.П. Сотниковой не удается, к сожалению, до конца разобраться в некоторых существенных деталях. В частности, ей видится противоречие в сопоставлении плоскостной манеры передачи фигуры князя на монетах с антропоморфными изваяниями типа Збручского идола как "привычно круглой ростовой скульптуры" (с. 238). Но в том-то и дело, что названное четырехгранное изваяние восточнославянского божества в княжеской шапке не воспринималось ни его создателем, ни соплеменниками последнего как самостоятельная и обособленная трехмерная пластическая форма, т.е. скульптура в нашем привычном понимании. Каждый из четырех фасадов Збручского идола представляет собой изолированную плоскость с нанесенным на нее отдельным рисунком.

Плохо согласуется утверждение М.П. Сотниковой о прямо-таки тотальной "технико-стилистической общности древнейших русских монет" с ее же наблюдениями о примерах совсем иного пластического решения тех же самых монетных композиций, когда "часть сребреников типа I, как и все златники, чеканены на достаточно толстых кружках, что давало возможность мастеру смело углубляться в рабочую поверхность штемпеля, отчего изображения на монетах производят впечатление как бы лепных" (с. 238).

Новую версию предлагает М.П. Сотникова относительно происхождения знаменитой тамги князей Рюриковичей. Индивидуальные варианты этой эмблемы были, как известно, важным элементом композиционного оформления монет Владимира Святого, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого. Помещались они в X – первой половине XIII в. и на других сугубо официальных атрибутах княжеской власти или ее полномочных представителей – актовых и прикладных печатях (Янин В.Л., 1970, с. 35–41, 132–146, 166, 217–221, 249, 273–275, 281, 315–318; Молчанов А.А., 1985а, с. 66–83), верительных знаках дипломатов и чиновников-администраторов (Молчанов А.А., 1976б, с. 69–89), цилиндрических замках-бирках (Янин В.Л., 1982, с. 138–155), а также на самых разных предметах дружинного обихода и объектах хозяйственной деятельности в феодальном государстве (на оружии, ювелирных изделиях, импортном монетном серебре, клейменых кирпичах, стенной кладке и архитектурных деталях монументальных построек, посуде и других бытовых вещах).

М.П. Сотникова соглашается с мнением ведущих специалистов по средневековой русской эмблематике, считающих, что все имевшие места попытки отыскать изобразительный прототип тамги Рюриковичей остаются пока неубедительными. А они предпринимались многими исследователями и в прошлом, и в нынешнем столетиях. Из такого рода попыток, относящихся уже к последним десятилетиям, можно привести в качестве характерных примеров версии О.Х. Халпахчьяна и А.Л. Хорошкевич, которые, кстати сказать, остались, как и некоторые другие, неизвестными М.П. Сотниковой.

Известный исследователь средневековой архитектуры Закавказья О.Х. Халпахчьян, познакомившись с княжескими тамгами на памятниках зодчества Владимиро-Суздальской земли, выдвинул гипотезу о том, что они являются лигатурами армянских букв (Халпахчьян О.Х., 1977, с. 57, 58). Разумеется, подобная точка зрения могла возникнуть лишь потому, что названный автор был знаком только с поздними вариантами тамг – колоколовидными и багровидными знаками суздальских Рюриковичей – и не знал о других, более ранних, совсем не схожих по начертанию с литерами, введенными в употребление Месропом Маштоцем.

А.Л. Хорошкевич во всех без исключения многочисленных и разнообразных модификациях княжеской тамги опознает одну и ту же христограмму (Хорошкевич А.Л., 1993, с. 11–13). При этом ее не смущает даже полное несходство некоторых графических вариантов, возникших в ходе длительной и непростой эволюции исходной схемы, между собой (ср., например, простейшие двузубцы X в. и багровидные знаки первой половины XIII в.). Тем самым исследовательница полностью игнорирует сравнительно-иконографический аспект, который никак нельзя обходить при рассмотрении любого эмблематического сюжета.

Считаем уместным отметить попутно, что историография данного вопроса пополняется подчас работами не просто спорными, но даже весьма странного свойства. К примеру, одна

из статей, задуманная как обзорная (Иоаннисян О.М., 1983, с. 109–112, 132–135), обнаруживает недостаточное знакомство ее составителя-компилятора с соответствующей литературой. В другой работе (Пчелов Е.В., 1995, с. 37, 38) пересказываются как собственные без необходимых ссылок выводы других исследователей, в то время как сам автор, к сожалению, не вполне владеет имеющимся в наличии материалом (чего стоит, например, его заявление о том, что "со второй половины XI в. знак исчезает с печати князей", тогда как тамга Рюриковичей присутствует на древнерусских сфрагистических памятниках и в XII, и в первой половине XIII в.).

В рецензируемой книге М.П. Сотникова солидаризируется с теми, кто не соглашается с версией о зооморфном прототипе лично-родового знака князей Рюрикова дома (с. 239)[1].

К настоящему времени установлено принципиальное сходство практики употребления вертикальных знаков в политико-административной и хозяйственной жизни Руси и Скандинавии (Молчанов А.А., 1976а, с. 4, 5, 10–12; 1986, с. 184–186). В данной связи обращение к североевропейским параллелям при отыскании прототипа знака Рюриковичей вполне естественно, тем более что скандинавское происхождение самой этой династии стало теперь вполне очевидным для археологов и историков[2]. М.П. Сотникова вполне логично, вслед за другими исследователями предлагает вести поиск именно в этом направлении. Однако выдвинутая ею собственная версия о происхождении знака Рюриковичей от "изображения древнескандинавского судна без кормы, но с двумя носами и с длинным, сильно развитым килем" (с. 241, 245), никак не может быть принята. Ведь самые ранние варианты древнерусской княжеской тамги имеют помимо двух симметричных боковых зубцов вверху еще и резко выраженный нижний выступ, который совершенно невозможно отождествить с выходящим из корабельного днища килем в любой из известных модификаций драккара (von Fircks J. 1979; фон Фиркс И., 1982).

Каким же путем можно реально приблизиться к разгадке первоначального смыслового значения знака Рюриковичей? Разумеется, только путем изучения самых ранних его изображений как наиболее близких к предполагаемому прототипу. Поэтому, несомненно, права Е.А. Мельникова, считающая, что для правильного понимания происхождения и начального этапа функционирования знака Рюриковичей необходимо собрать и систематизировать все его изображения, нанесенные в качестве граффити на куфические монеты из кладов конца IX – первой половины XI в. Именно она и постаралась это сделать (Мельникова Е.А., 1996, с. 45–51). Правда, сама составленная ею сводка, к сожалению, обесценивается, из-за того что исходные данные, использованные там и взятые из более ранних публикаций, зачастую весьма неточны и по части датировки кладовых комплексов, и в отношении аутентичности графических воспроизведений знаков, причем по вине первых публикаторов[3].

Главной же трудностью в определении семантики исходной двузубой тамги является постоянное ее появление уже в отчетливо схематизированном виде. Лишь в одном-единственном случае она трактована как изображение реального предмета: на деревянном изделии из Новгорода с дендродатой 953–972 гг. тщательно вырезаны все детали знака, позволяющие легко и безошибочно узнать в нем острогу-двузубец с короткой ручкой (Колчин Б.А., 1968, с. 22, рис. 12, *8*). Казалось бы, вот долгожданная разгадка. Но где гарантия, что здесь перед нами расшифровка первоначального смысла княжеской тамги рода Рюриковичей, а не переосмысление ее?

Обращая внимание на новые разделы, добавленные М.П. Сотниковой в нынешнее издание корпуса златников и сребреников, мы должны отметить в качестве таковых очерк палеографии монетных легенд с побуквенным разбором и сопоставительными таблицами вариантов начертания отдельных графем (с. 219–233), и каталог подделок, сфабрикованных в XIX–XX вв. (с. 249–276). В остальном содержание рецензируемого переиздания капиталь-

---

[1] Эта версия, связывающая тамги русских князей с изображением птицы и получившая известность главным образом благодаря работам П. Паульсена (Paulsen P., 1953, S. 166–174) и Г. Енихена (Jänichen H., 1956, S. 35, 36), была позднее подхвачена С.С. Ширинским (Ширинский С.С., 1968, с. 215–223) и О.М. Раповым (Рапов О.М., 1968, с. 62–69). Теперь ее поддерживает, опираясь прежде всего на балтско-прусский археологический материал, В.И. Кулаков (Кулаков В.И., 1988, с. 106–117).

[2] Последние сомнения в корректности отождествления Рюрика русских летописей с Хрёреком Ютландским из рода Скьёльдунгов снимаются благодаря анализу ономастического материала (Молчанов А.А., 1992, с. 44–47).

[3] На это настойчиво указывал при обсуждении этой работы Е.А. Мельниковой на VIII Чтениях памяти В.Т. Пашуто 18 апреля 1996 г. С.В. Белецкий.

ного труда остается прежним. И самое главное – не претерпела изменений общая классификация нумизматического материала, установленная еще И.И. Толстым (1882), дополненная позднее другими исследователями (Янин В.Л., 1955, с. 44–46; 1956, с. 162–170; 1970, с. 36–41; Молчанов А.А., 1973, с. 74–86) и принятая с некоторыми коррективами И.Г. Спасским и М.П. Сотниковой. И это вполне закономерно. Не столь ясны причины упорного игнорирования М.П. Сотниковой ряда конкретных замечаний, ранее высказанных коллегами печатно[4]. Так, по-прежнему остается необъясненным молчаливый отказ составителей включить в корпус русских монет X–XI вв. полностью подпадающих под его заглавие сребреников князя Олега-Михаила Святославича Тмутараканского, чеканка которых была осуществлена где-то между 1083 и 1094 гг. (Молчанов А.А., 1982, с. 251–254). Непонятно и нежелание исправить грубую историографическую и библиографическую ошибку: вернуть известному русскому геральдисту и нумизмату П.П. фон Винклеру его подлинные инициалы (см. с. 280, № 36). Об этих и других, тоже по-прежнему сохраняющихся, погрешностях в рецензируемой книге, а кроме того, и о дискуссионных моментах в ней нам уже приходилось писать (Молчанов А.А., 1985а, с. 256–259). Тем из читателей, кто начинает свое знакомство с компактным, но потенциально очень информативным комплексом нумизматических памятников Древней Руси конца X – начала XI в., взяв в руки именно новое его издание, надо иметь в виду высказанные выше замечания.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва

А.А. Молчанов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иоаннисян О.М., 1983. Родовые знаки древнерусских князей X–XIII вв. (литература и источники) // Геральдика. Материалы и исследования. Л.

Колчин Б.А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Вып. Е1-55.

Кулаков В.И., 1988. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // СА. № 3.

Мельникова Е.А., 1996. "Знаки Рюриковичей" на восточных монетах // Восточная Европа в древности и средневековье. VIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Тез. докл. М.

Молчанов А.А., 1976. К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах // ВМУ. История. № 3.

Молчанов А.А., 1973а. Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Молчанов А.А., 1976б. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. Т. VII.

Молчанов А.А., 1982. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // СА. № 1.

Молчанов А.А., 1985а. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД. Т. XVI.

Молчанов А.А., 1985б. Рец.: Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983 // СА. № 4.

Молчанов А.А., 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir // X Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М.

Молчанов А.А., 1992. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей (О роли отдельных компонентов в полиэтнической основе формирования Древнерусского государства) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тез. докл. М.

Пчелов Е.В., 1995. Еще раз о "знаке Рюриковичей" в свете нумизматических данных // Третья Всероссийская нумизматическая конф. в г. Владимире. 17–21 апреля 1995 г. Тез. докл. М.

Рапов О.М., 1968. Знаки Рюриковичей и символ сокола // СА. № 3.

Сотникова М.П., Спасский И.Г., 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.

Спасский И.Г., 1961. Насущные вопросы изучения русских монет X–XI веков // СГЭ. Вып. XXI.

---

[4] Она, правда, часто излагает мнения своих коллег, которые полностью разделяет, но почему-то куда реже сопровождает это прямыми ссылками на соответствующие работы, предпочитая либо вообще "экономить" на этом, либо "загонять" в одну сноску сразу всех, хоть как-то касавшихся данного сюжета, безотносительно к реальному вкладу каждого исследователя. Такой способ оформления научного аппарата не отвечает общепринятым нормам и правилам.

Толстой И.И., 1882. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб.
фон Фиркс И., 1982. Суда викингов. Л.
Халпахчьян О.Х., 1977. Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. М.
Хорошкевич А.Л., 1993. Символы русской государственности. М.
Ширинский С.С., 1968. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. М.
Янин В.Л., 1955. Древнейшая русская печать X века // КСИИМК. Вып. 57
Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.
Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М.
Янин В.Л., 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
von Fircks J., 1979. Wikingerschiffe. Rostock.
Jänichen H., 1956. Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern // Abtiquitas. Reihe 1. Abhandlungen zur alten Geschichte. Bd. 3. Bonn.
Paulsen P., 1953. Schwertorbänder der Wikingerzeit. Stuttgart.
Sotnikova M.P., Spasski I.G., 1982. Russian Coins of the X–XI Centuries A.D. Recent research and a corpus in commemoration of the millenary of the earliest Russian coinage. Oxford.

А.А. ФОРМОЗОВ

О СТАРЫХ И НОВЫХ РАСКОПКАХ ПЕЩЕРЫ СТАРОСЕЛЬЕ В КРЫМУ

(письмо в редакцию)

В марте 1994 г. мне стало известно, что летом 1993 г. совместная украинско-американская экспедиция возобновила раскопки пещерной стоянки Староселье близ Бахчисарая. Стоянка была открыта мною в 1952 г. и исследовалась под моим руководством в 1952–1956 гг. Итоги работ подведены в монографии (Формозов А.А., 1958). Согласно морально-этическим нормам, принятым в научном сообществе, возобновление раскопок любого, тем более важного археологического комплекса невозможно без согласия предшествующего исследователя. В данном случае эта норма была нарушена.

Я думал, что американская сторона (Departament of Anthropology Southern Methodist University, Dallas, Texas. Руководитель Э. Маркс) была введена в заблуждение представителем украинской стороны В.П. Чабаем. Еще в 1991 г. он защитил в Институте археологии Академии наук Украины кандидатскую диссертацию на тему "Ранний палеолит Юго-Западного Крыма", написанную в значительной мере по материалам моих раскопок на стоянках Староселье, Кабази и Навес в Холодной балке. Разрешения на использование добытых мною коллекций перед утверждением темы диссертации ни В.П. Чабай, ни его руководитель Ю.Г. Колосов у меня не спросили. Я бы такое разрешение дал и – более того – мог бы предоставить аспиранту некоторые полевые материалы, оставшиеся неопубликованными. Но и то и другое, видимо, сочли ненужным.

По полученным мною сведениям, и в США, и в Киеве, и в Симферополе, и в Бахчисарае В.П. Чабай говорил, что располагает моим разрешением на раскопки в Староселье. Это не соответствует действительности. В.П. Чабай не мог не знать, что я против возобновления раскопок Староселья. В 1992 г. в СНГ приезжал английский археолог Ф. Олсворт-Джонс. Он выразил желание взять ряд образцов из культурного слоя Староселья для анализа и обратился ко мне с просьбой содействовать ему в этом. Не имея возможности поехать в Крым, я написал письмо руководителю Крымской палеолитической экспедиции ИА АНУ Ю.Г. Колосову, где просил его и работающего на юго-западе Крыма В.П. Чабая помочь Ф. Олсворт-Джонсу. При этом я оговорил, что в Староселье можно сделать лишь зачистку с последующей консервацией ее, но не следует проводить сколько-нибудь значительные раскопки.

В 1993 г. я выразил Ф. Олсворт-Джонсу, украинским и американским коллегам свое недоумение по поводу происходящего. Ответа не последовало. Раскопки продолжались и в

© А.А. Формозов, 1997 г.

1994, и в 1995 гг. Если о результатах сезона 1993 г. я что-то знаю, то о результатах следующих сезонов мне почти не известно. Исследователи не сочли нужным информировать меня об этом, хотя бы прислав ксерокопии появившихся публикаций. Вряд ли это можно считать нормальным во взаимоотношениях между коллегами. К тому же я вел раскопки не как частное лицо, а будучи сотрудником Института археологии Академии наук СССР, на средства этой Академии выпустил свою книгу. Однако на запросы директора Института археологии РАН Р.М. Мунчаева ни от украинских, ни от американских археологов внятного ответа не последовало.

Мое нежелание возобновить раскопки в Староселье было связано с тем, что при завершении работ 1956 г. значительная часть средств экспедиции была затрачена на тщательную консервацию памятника. Стенка раскопа высотой до 4 м была заложена камнем и засыпана. С Бахчисарайским музеем была достигнута договоренность о том, что сотрудники его будут регулярно посещать пещеру и следить за ее сохранностью. До 1992 г. памятник находился в идеальном состоянии, что отметил и посетивший его Ф. Олсворт-Джонс.

По сведениям, полученным из Бахчисарая, серьезной консервации раскопок после завершения сезонов 1993–1995 гг. украинско-американская экспедиция не производила. И это при вспышке кладоискательства в Крыму, когда в антикварных магазинах Симферополя и Ялты продают не только античную керамику, но и мустьерские остроконечники (Смольговская И., 1994).

В опубликованной в 1993 г. сводке "Ранний палеолит Крыма" перечислено ни много ни мало 140 мустьерских памятников. Часть из них находится под угрозой уничтожения: в районе каменоломен, в центре современной застройки (Чокурча в пределах Симферополя). Что же заставило выбрать как объект новых раскопок хорошо законсервированный памятник, на исследование которого первооткрыватель разрешения не давал?

Моя позиция могла быть оспорена. Но в таком случае решение о необходимости возобновить раскопки в Староселье должно было принять авторитетное научное общество – специалисты по палеолиту из Москвы, Петербурга и Киева. Вместо этого просто произведен бесцеремонный захват памятника человеком, недобросовестно изложившим положение дел. Наконец, интересы науки требовали согласования плана новых раскопок с работами предшествующих лет.

Совершив неэтичный поступок и узнав о моих запросах в США, Киев и Симферополь, В.П. Чабай стал действовать по принципу: "лучший вид защиты – нападение". В письме ко мне из Далласа от 20 апреля 1994 г., направленном в копии и археологам из Киева П.П. Толочко, Ю.Г. Колосову, В.Н. Гладилину и заведующему Крымским филиалом Института археологии АНУ В.Л. Мыцу, В.П. Чабай совершенно превратно изображает ход моих работ в Староселье. Эти ложные сведения появились в печати – как в предшествовавшей началу раскопок Староселья 1993 г. книге (Колосов Ю.Г. и др., 1993), так и в первых информациях о новых раскопках пещеры. В связи с этим придется дать ряд объяснений, чтобы у российских, украинских и зарубежных археологов не закрепились превратные представления о положении дел.

В.П. Чабай пишет мне: "Что меня откровенно озадачивает – это Ваши претензии на Староселье. Я не силен в нынешнем российском законодательстве, но о каком авторском праве может идти речь, если памятник открыт сотрудником Бахчисарайского музея Н.П. Кацуром и исследовался на деньги того же музея до 1954 г.". О том же сказано в книге Ю.Г. Колосова, В.Н. Степанчука и В.П. Чабая (Колосов Ю.Г. и др., 1993, с. 145). Авторы явно стремятся создать впечатление, будто к моменту моего приезда в Крым стоянка была уже обнаружена сотрудником Бахчисарайского музея, и я был приглашен музеем ее исследовать, но ни в одной публикации имя первооткрывателя не назвал, присвоив чужое открытие. Это ложь.

В момент моего приезда в Крым в 1952 г. никто из крымских археологов не располагал никакими сведениями ни о каких новых пещерных стоянках. Это хорошо знает Ю.Г. Колосов. Он начал работать в Крыму раньше меня, жил в Симферополе, следил за всеми сообщениями о находках кремневых орудий и пещер и проверял эти сообщения на месте. Если бы к 1952 г. Староселье было найдено, сам Ю.Г. Колосов и копал бы эту стоянку.

Пригласила меня в Бахчисарай Х.И. Крис – тогда заместитель директора Музея пещерных городов Крыма. Ныне она живет в США (Khava Kris. 12301. Feather Wood Dr., apt. 11. Silver Springs. M.D. 20904. USA. Tel/301/68-94-57). У нее можно справиться, как обстояло дело. Мне она соответствующую справку дала, направив копии археологам Киева и Симферополя.

Но и Ю.Г. Колосов должен помнить, что до начала работ в Староселье я около месяца искал объект для раскопок: шурфовал Качинский и Алимовский навесы, собирал кремни в Кабази и Эфендикое, бесплодно осматривал многие скальные выходы. В эти дни я спрашивал всех крымских археологов, где мне стоит побывать. Неоднократно велись эти разговоры и с сотрудником Крымского филиала АН СССР Е.В. Веймарном. В его рабочем кабинете сидел и Н.П. Кацур. Ни тот, ни другой никаких сведений мне сообщить не смогли.

Лаборант Крымского филиала АН СССР, а вовсе не сотрудник Бахчисарайского музея, Н.П. Кацур – человек без образования (не только археологического) – не вел научной работы, а занимался выполнением чисто технических заданий Е.В. Веймарна. И в 1952 г., когда я уже нашел пещеру и начал ее копать, и на протяжении большей части сезона 1953 г. я не раз бывал у Е.В. Веймарна, но и тогда Н.П. Кацур не говорил мне, что я изучаю стоянку, им открытую. Впервые я услышал от него об этом осенью 1953 г., когда в Староселье было найдено погребение, в Бахчисарай приехали ученые из Москвы и Ленинграда, о находке писали в газетах. Никаких доказательств своих слов Н.П. Кацур не привел – не показал полевой дневник (он не вел дневников) или коллекцию, собранную в пещере. Я готов поверить, что Н.П. Кацур, житель Бахчисарая, мог бродить по окрестностям, скажем, собирая кизил, и побывать в пещере. Несомненно, до меня бывали там и другие жителя Бахчисарая. Ведь до ближайших домов от пещеры метров 200, и хозяева этих домов в 1952 г. хранили в пещере мешки с удобрениями. Но что из этого следует? Почему голословное утверждение Н.П. Кацура лишает меня права не только на открытие памятника, но и на беспокойство о его судьбе?

Н.П. Кацур ушел из жизни в 1954 г., лет за 10 до рождения В.П. Чабая, и ныне мало кто помнит о первом. Он не оставил ни печатных трудов, ни рукописного архива, ни археологических коллекций. Помнить о нем из трех авторов книги может только Ю.Г. Колосов. Но он-то не может не знать, что Н.П. Кацур работал вместе с ним в одном учреждении, а вовсе не в Бахчисарайском музее, что музей приглашал меня не копать уже найденную стоянку, а искать новые. Невольная это ошибка памяти или сознательная дезинформация?

Приехав в Крым в 1952 г., я познакомился с коллекциями каменных орудий, собранными симферопольским краеведом А.А. Щепинским. Среди кремней, найденных у с. Малиновка, я увидел бесспорно мустьерские вещи. Обследование места находок убедило меня в том, что они связаны с погребенной пещерой. Выяснилось также, что Малиновка это б. Кабази, где собирал кремни еще К.С. Мережковский в 1879 г. Хотя приоритет был за ним, а не за Щепинским, и не они оба определили возраст памятника, я в своем печатном отчете упомянул о сборах обоих (Формозов А.А., 1954, с. 65). Более того, я попросил редактора "Кратких сообщений ИИМК" Т.С. Пассек поместить в том же выпуске заметку А.А. Щепинского о его находках, написанную им с моей помощью (Щепинский А.А., 1954, с. 71–75). Именно с этой публикации начался путь в науку краеведа Щепинского, выросшего затем в признанного знатока древностей Крыма.

Точно так же я отметил, что в Эфендикое побывал по следам Д.А. Крайнова, а в Алимовском навесе – по указанию И.М. Громова. Назвал бы я и Н.П. Кацура, тем более что в 1952 г. особого значения Староселью не придавал.

Ю.Г. Колосов и В.П. Чабай действуют иначе. Для Кабази I указано на сборы К.С. Мережковского и А.А. Щепинского, хотя после открытия Кабази II–V неясно, в каком из этих пунктов сделал находки Мережковский. Мои работы приурочены только к 1954 г. (Колосов Ю.Г. и др., 1993, с. 163, 165). Между тем я вел исследования стоянки с 1952 до 1955 г. В последний сезон были проведены наиболее широкие раскопки. Ну а кто же нашел пункты II–V? Оказывается, экспедиция Ю.Г. Колосова и В.П. Чабая 1985 г. (Колосов Ю.Г. и др., 1993, с. 135). Но ведь новые местонахождения в Кабази выявили еще в 1957–1959 гг. Л.С. Белокрыс и В.Ф. Петрунь, о чем они сообщили в центральном украинском археологическом журнале (Петрунь В.Ф., Білокрис Л.С., 1962, с. 167–183).

Замалчивается и роль В.Ф. Петруня в открытии массива стоянок Заскальное. Перечислив в цитируемой монографии 23 свои публикации, Ю.Г. Колосов сослался лишь на одну статью В.Ф. Петруня по палеолиту Крыма (Колосов Ю.Г. и др., 1993, с. 226, 227), минимум из десятка им напечатанных. Вправе ли после этого Ю.Г. Колосов и В.П. Чабай выдвигать Н.П. Кацура на роль первооткрывателя Староселья?

Не случайно подчеркивается и тот факт, что раскопки Староселья я начал на средства Бахчисарайского музея. В.П. Чабай хочет сказать, что я вел раскопки на украинской земле, на средства украинского музея, на стоянке, открытой украинцем Кацуром. Но три из пяти полевых сезонов в Староселье, включая два, когда я получал деньги от Бахчисарайского музея, падают на период до передачи Крыма из РСФСР в УССР. Ни в 1952, ни в 1953 г.

Бахчисарайский музей украинским не был. Н.П. Кацур умер до указанного момента. Говорил он всегда по-русски и вряд ли считал себя украинцем.

Гораздо более серьезны другие обвинения в мой адрес. И в автореферате диссертации В.П. Чабая (1991), и в книге трех авторов акцентируется внимание на том, что мои исследования в Староселье подвергались критике со стороны коллег и в период раскопок, и позднее. Возобновившие раскопки Староселья в 1993 г. Э.Э. Маркс, Ю.Э. Демиденко и В.И. Усик (1994, с. 121) видят в этом оправдание своих действий.

Я отнюдь не считаю свои раскопки 1952–1956 гг. безупречными. Они были начаты всего через 7 лет после конца Отечественной войны в районе, разоренном и в период этой войны и при выселении крымских татар, на средства маленького музея в районном городке 23-летним аспирантом. Опыт полевой работы у меня был неплохой. Я участвовал в исследовании палеолитических памятников на Десне и Сейме с М.В. Воеводским, на Днестре – с А.П. Чернышем, на Волге – с С.Н. Замятниным. Но опыта раскопок пещер у меня не было. При всем желании я не мог бы его приобрести, поскольку с 1939 г. никто из археологов СССР пещеры не изучал. Я учился делать это в ходе раскопок, путем проб и ошибок. Какие-то ошибки сумел вовремя исправить, что-то, наверное, упустил из вида.

В отличие от Ю.Г. Колосова, В.П. Чабая и их сотрудников я не делал секрета из своих раскопок. В Староселье постоянно бывали археологи из Бахчисарая, Симферополя, Севастополя, приезжали археологи из Москвы, Ленинграда и Киева. Не раз бывал здесь и Ю.Г. Колосов, позднее дважды проводивший показ коллегам своих раскопок в Заскальном, но ни разу меня не приглашавший. Я всем все показывал и просил о советах.

Мне были полезны советы С.Н. Замятнина, М.М. Герасимова и С.Н. Бибикова. К сожалению, взаимоотношения с последним у меня не сложились. При начале моих работ в отличие от В.П. Чабая я спросил у С.Н. Бибикова, не возражает ли он против моих разведок в Крыму. Он ответил, что нет, но не видит в них смысла, ибо Крым исследован исчерпывающе и ничего нового я не найду. Уже в 1952 г. я нащупал три новых пещерных стоянки. В 1953 г. в Староселье было найдено заинтересовавшее всех погребение. В 1954 г. С.Н. Бибиков добился своего назначения на пост начальника Крымской палеолитической экспедиции и в конце сезона подал в дирекцию ИИМК докладную записку с выражением недовольства действиями начальника отряда А.А. Формозова. Вопрос разбирался специальной комиссией Отдела полевых исследований ИИМК под председательством А.В. Арциховского. Мне рекомендовали учесть некоторые замечания С.Н. Бибикова, но без тени сомнения выдали открытый лист для продолжения раскопок в Староселье. Когда Крым вошел в состав УССР, а директором Института археологии АН УССР стал С.Н. Бибиков, он приложил силы к тому, чтобы я ушел из Крыма. Показательно, однако, что, не раз публикуя позднее обзоры исследований по каменному веку Крыма, где говорилось и о Староселье (особенно подробно – Бибиков С.Н., 1969, с. 144–146), он всюду лишь излагал мои выводы без каких-либо возражений.

Критика моей трактовки Староселья началась уже в 1970–1980 гг. Ю.Г. Колосов, В.Н. Степанчук и В.П. Чабай, с одной стороны, и Э.Э. Маркс, Ю.Э. Демиденко и В.И. Усик – с другой перечислили все реплики, появившиеся в печати.

Они сослались прежде всего на статью зоологов Г.Ф. Барышникова и Н.К. Верещагина, обрабатывавших коллекцию фауны из Староселья, но не участвовавших в раскопках. По мнению зоологов, отложения в пещере – это не культурный слой древнего поселения, пусть несколько потревоженный, как писал я, а всего лишь смыв с плато, где первоначально располагалась стоянка. Находки в слое сочлененных костей, скоплений чешуек, отколотых от одного куска кремня, и следов кострищ противоречат этому утверждению. Рассмотрев его, Ю.Г. Колосов, В.Н. Степанчук и В.П. Чабай также с ним не согласились и присоединились к моему мнению. Они пишут: "Следует признать несостоятельность обвинения А.А. Формозова в непонимании природы образования наслоений стоянки и согласиться с его мнением" (Колосов Ю.Г. и др., 1993, с. 130). К тому же выводу пришли после раскопок 1993 г. участники украинско-американской экспедиции Э.Э. Маркс, Ю.Э. Демиденко и В.И. Усик (Маркс Э.Э. и др., 1994, с. 121).

Второе замечание было впервые сделано Г.П. Григорьевым в 1970 г., а потом лишь повторялось другими. Он говорил, что мощность отложений в пещере – до 4 м и они неоднородны. Значит, заключенные в них культурные остатки относятся к очень длительному отрезку времени и их надо рассматривать не суммарно, а дифференцированно (Григорьев Г.П., 1970, с. 58).

В этом есть резон, почему я, будучи редактором сборника, где опубликована статья Г.П. Григорьева, не счел возможным вычеркнуть или как-то исправить это утверждение. Однако

уже слова Г.П. Григорьева неточны, а то, что стали говорить позже, исходя из них, другие, – тем более.

Создалось впечатление, что в Староселье чуть ли не 4-метровый культурный слой, находки из которого были взяты неразумным исследователем без деления на горизонты. Это не так. Только на одном небольшом участке пещеры, к которому мы подошли в 1956 г., толщина отложений достигает 4 м (линия 21). В других местах она 0,5; 1; 1,5; 2; 2,5 м. Возник этот пласт в результате действия трех факторов: намыва глины по балке Канлы-дере, сноса отложений с поверхности плато и обвала и отслаивания плит известняка с потолка пещеры. В большинстве других пещер действовал лишь третий фактор, в связи с чем и мощность отложений всюду гораздо меньше. Геолог В.В. Богачев сопоставлял наслоения Староселья с селевыми, а сель может намыть за несколько часов многометровую толщу. Идею о селевом характере наслоений Староселья приняли как Н.К. Верещагин и Г.Ф. Барышников, так и авторы сводки по раннему палеолиту Крыма (Колосов Ю.Г. и др., 1993, с. 148, 149).

Если бы в стенках раскопок были видны перемежающиеся слои глины и щебенки, это свидетельствовало бы о колебаниях климата, смене влажных и сухих периодов за длительный отрезок времени. Перед нами же нечто иное – не горизонты глины и щебенки, а включенный в слои один огромный пласт камня – блок обвала потолка пещеры. Этот обвал произошел мгновенно, скорее всего в результате землетрясения.

Значит, мощная толща отложений в Староселье могла образоваться за не такой уж долгий срок. Суммируя кизячно-очажный слой, стерильные слои гравия на полу пещеры и мощность слоя обвала, мы на линии 21 получаем ~ 2,5 м отложений, не содержащих мустьерских находок. Следовательно, слои с такими находками достигают 1,5 м.

Находки в слоях с мустьерскими изделиями над плитой обвала и под ней взяты, разумеется, отдельно, да еще по горизонтам. Обрабатывая коллекцию, я не смог уловить каких-либо различий между материалами из этих слоев и описал коллекцию суммарно. Вероятно, это было ошибочное решение. Делались попытки доказать, что находки из слоев под горизонтом обвала и над ним различаются. Такую задачу поставили перед дипломницей каферды археологии Ленинградского университета М.Н. Поповой В.П. Любин и Г.П. Григорьев. Но она, изучив коллекцию, пришла к другому выводу и согласилась со мной.

В.Н. Гладилин, просмотрев коллекцию из Староселья, стал говорить, что материалы из двух слоев отличаются по индексу леваллуа. Никаких подсчетов он не опубликовал. Ссылка на его обобщающий очерк "Ранний палеолит" в сводке "Археология УССР", данная Э.Э. Марксом, Ю.Э. Демиденко и В.И. Усиком, – не к месту, ибо там о различии слоев Староселья нет ни слова. О впечатлениях В.Н. Гладилина упомянул лишь Ю.Г. Колосов в своей книге о Шайтан-кобе (Колосов Ю.Г., 1972, с. 125, 126), но и здесь нет никаких доказательств этого тезиса.

В.П. Чабай при подготовке своей диссертации вновь изучил коллекцию из Староселья с применением новейших методов. В книге Ю.Г. Колосова, В.Н. Степанчука и В.П. Чабая 1993 г. после этой проверки сказано следующее: "Необходимо отметить высокую степень сходства технико-типологических характеристик I и II культурных слоев Староселья, что еще раз подтверждает высказанное ранее А.А. Формозовым мнение об отсутствии значительных различий между индустриями двух культурных слоев стоянки" (Колосов Ю.Г. и др., 1993, с. 155).

Таким образом, авторы, начав с утверждения о раскопках Формозова, подвергшихся всесторонней критике, в итоге согласились со мной в тех двух пунктах, которые особой критике и подвергались.

Да, стратиграфия Староселья должна быть разработана детальней, чем это было сделано в 1952–1956 гг. Но зачем создавать у читателей представление о каком-то особо ущербном характере этих раскопок?

При раскопках Староселья в 1993 г. было найдено позднее погребение. Я слышал, что аналогичные находки были и в 1994 г. Это ставит под сомнение мустьерский возраст захоронения, обнаруженного в 1953 г.

Погребение 1953 г. было выявлено в шурфе, предварительно расчищено антропологами В.П. и Т.И. Алексеевыми. Я вызвал комиссию для решения вопроса о возрасте погребения. Кроме членов комиссии М.М. Герасимова, С.Н. Замятнина и Я.Я. Рогинского, к обсуждению этого вопроса были привлечены и крымские археологи П.Н. Шульц, Е.В. Веймарн, Ю.Г. Колосов, Н.А. Богданова. Когда костяк был уже извлечен из земли, но еще сохранялись стенки шурфа, по которым можно было рассмотреть стратиграфическую картину, в Староселье побывали С.Н. Бибиков и Г.Ф. Дебец. Мнение специалистов было сформулировано с оговоркой, но единодушно: погребение "скорее всего мустьерское". Все доводы "за" и

"против" я привел в моей книге (Формозова А.А., 1958, с. 61–75). Там же, на с. 15, я указал на соседство с пещерой татарских мавзолеев XVIII в., для которых ломали камень в навесе. Не исключено, что кладбище было обширным и за парадными мавзолеями, раскопанными в XIX в., тянулись рядовые могилы. На одну из них наткнулись исследователи в 1993 г.

Находки 1993–1994 гг. заставляют с гораздо большей настороженностью отнестись к находке 1953 г., чем раньше. Но мне представляется, что для прояснения вопроса украинско-американской экспедицией сделано было не все. Следовало пригласить в Староселье тех, кто видел погребения 1953 г.: если не меня, то Т.И. Алексееву или М.М. Герасимову. Если бы они, увидев вновь открытые могилы, сказали: "Да, это то же самое", – положение было бы одно. А если бы они отметили: "Нет, это не совсем то, что в 1953 г., мы видим такие-то отличия", – положение было бы другое. По плану и описанию в статье Э.Э. Маркса, Ю.Э. Демиденко и В.И. Усика (1994, с. 125, рис. 7) видно, что погребение 1993 г. не тождественно погребению 1953 г. Первое – скорченное, находится в кизячно-очажном слое у стены пещеры и ориентировано на север (что ясно по плану). Второе – вытянутое, находится на площадке в мустьерском слое и ориентировано на запад.

Изложив в книге 1958 г. все, что представлялось нужным относительно антропологических материалов из Староселья, больше к ним я не возвращался. В моих книгах "Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке" (1959), "Археологические путешествия" (1974) и "Проблемы этнокультурной истории каменного века Европейской части СССР" (1977) использованы материалы стоянки Староселья, но погребения я не упоминал.

Я буду готов признать, что в 1953 г. вместе с другими, гораздо более опытными археологами ошибся в определении возраста первого погребения из Староселья, но пока что говорить об этом, пожалуй, преждевременно.

Я отнюдь не считаю свои раскопки 1952–1956 гг. в Староселье безупречными. Но не безупречными выглядят через 40 лет любые раскопки.

Каждое время ставит перед исследователем свои задачи, что отражается и на характере раскопок: основное внимание сосредоточивается то на планировке, то на стратиграфии, то на чем-то еще. Взяв монографию П.П. Ефименко "Костенки I" (1958), мы с удивлением увидим, что в ней нет сколько-нибудь подробной геологической характеристики памятника, списка костей животных, найденных при раскопках, даже указания на то, что поселение многослойное. Но сомневается ли кто-нибудь в ценности книги? Описание палеолитического слоя с конструкциями из костей мамонта, ямами-хранилищами и т.д. дано здесь впервые, очень детальное и поучительное. Очевидно, к работам 40-летней давности надо подходить исторически, понимая, что в ту пору было важным, за что мы вправе упрекнуть автора, а за что нет.

Я лучше, чем кто-либо, знаю о недостатках своих старых работ, но знаю и о времени, когда они проводились. В книге о Староселье есть ряд моментов, новых для того периода в развитии археологии. Это реконструкция охоты на дикого осла в Староселье, постановка вопросов о финальном мустье и о локальных вариантах крымского мустье.

Мой вывод о позднемустьерском возрасте Староселья вызвал возражения М.Д. Гвоздовер, Н.К. Анисюткина, Г.П. Григорьева. Но среди дат Староселья, полученных Ф. Олсворт-Джонсом в Кембридже, есть дата 35–36 тысяч лет, т.е. стоящая на грани верхнего палеолита.

В 1953 г., когда я впервые заговорил о двух типах крымского мустье, теория стадиальности в нашей науке о палеолите была далеко не преодолена. Вызывало сомнение даже выделение археологических культур в мезолите, тем паче в верхнем палеолите. В 1956 г. при обсуждении рукописи моей книги о Староселье в секторе палеолита ИИМК П.И. Борисковский решительно возражал против моего тезиса о локальных вариантах в мустье Крыма. Но прошло всего 6 лет, и на совещании по палеолиту в Ленинграде проблема локальных вариантов была признана главной и меня же упрекали за то, что я не признаю культур в палеолите.

В публикациях Ю.Г. Колосова и В.П. Чабая отмечено, что вопрос о вариантах мустье применительно к Крыму был поставлен мной в 1950-х годах, но моим работам противопоставлены как более глубокие публикации В.Н. Гладилина 1970-х годов. В соответствии с ними написана и не раз цитировавшаяся книга о раннем палеолите Крыма. Это, разумеется, право авторов, но когда В.П. Чабай в своей диссертации утверждает, что Кабази и Навес в Холодной балке относятся к одной мустьерской культуре, а Староселье – к другой, ему следовало бы указать, что вывод об этих двух группах содержится уже в моей книге 1958 г.

В.П. Чабай пришел к нему, может быть, и другим путем, но существенно, что был подтвержден вывод, сделанный ранее.

Я знаком только с предварительными сообщениями Э.Э. Маркса, Ю.Э. Демиденко и В.И. Усика о раскопках в Староселье в 1993 г. По тексту и чертежам видно, что работы ведутся тщательней, чем мной в 1952–1956 гг. Стратиграфия пещеры описывается подробно с выделением малейших прослоек. Это нельзя не приветствовать, хотя наличие отдельных стерильных линз суглинка и гравия на каких-то участках культурного слоя (что отмечено и в моей книге) не говорит о многослойности стоянки. Просто жилая площадка время от времени подтоплялась водой, шедшей после дождей по балке Канлы-дере и местами покрывалась грунтом, принесенным этими потоками. Напротив, удивляет, что слой обвала потолка навеса, прослеженный по всей площади пещеры, украинско-американская экспедиция не принимает за важный стратиграфический рубеж.

Но главное не в этом. Вероятно, исследователи хорошо разберутся в изучаемом ими кусочке стоянки. Задача же состоит в том, чтобы понять не этот кусочек, а всю стоянку в целом. Это невозможно без привлечения данных о предшествоваших раскопках. Между тем украинско-американская экспедиция не сделала ничего для того чтобы использовать мои материалы. Я считаю это серьезной ошибкой.

В 1994 г. я направил в американский журнал "Current Anthropology" письмо с выражением недоумения по поводу сложившейся ситуации. Письмо опубликовали в 1996 г. как материал к дискуссии "Авторское право в археологии" (Proprietary Right..., 1996, p. 113–127). Высказывания семи авторов разделяются на две группы.

Во вступительной статье Ф. Кола (США) и в отклике А.П. Деревянко, написанных в спокойном тоне, очень взвешенно констатируется, что нет обязательных для всех международных законов относительно авторских прав в археологии. Но, исходя из морально-этических норм и того, что у первого исследователя есть полевые материалы о раскопках, украинско-американской экспедиции следовало не игнорировать А.А. Формозова, а считаться с ним.

Отклики участников этой экспедиции В.П. Чабая, Э. Маркса, Ю.Э. Демиденко и В.И. Усика написаны в совершенно ином духе, крайне взвинченно, раздраженно, порою на грани приличия. Заявляется, что законы об авторском праве в археологии существуют. По словам В.П. Чабая (Propreitary Right..., 1996, p. 115, 116), на Украине всегда действовал закон о том, что исследователь утрачивает права на памятник через 5 лет после конца работ. Я участвовал в раскопках на Украине с 1947 г., до конца 1960-х годов бывал там почти ежегодно и тем не менее никогда не слышал о таком законе; напротив, знаю множество случаев, опровергающих утверждение В.П. Чабая. Э. Маркс, видимо, неверно информированный им, утверждает, что такой закон искони существовал в СССР и теперь перенесен в украинское законодательство. Как обстоит дело с Россией, он не знает, но думает, что и там следуют старому разумному закону (Propreitary Right..., 1996, p. 119). Читатели сами могут судить, так ли это.

Казалось бы, уверившись в том, что они прочно стоят на почве закона, участники украинско-американской экспедиции должны были бы чувствовать себя спокойно. Но, как сообщает сам Э. Маркс, узнав о моем письме, он позвонил редактору журнала проф. Р. Фоксу и протестовал против публикации этого документа. Тот ответил, что в качестве редактора уже принял решение о публикации. Тогда Э. Маркс пригрозил, что в таком случае "научная репутация Формозова будет перечеркнута раз и навсегда" (Proprietary Right... 1996, p. 121, 122). Эту задачу и постарались выполнить участники украинско-американской экспедиции. Они затратили много сил для сбора всяческого "компромата". Если бы десятую часть этих сил они посвятили на установление нормальных человеческих контактов со мной, исследования Староселья только бы выиграли.

В основном повторено то, что говорилось раньше: раскопки плохие, материал не разделен по слоям, в литературе много критических замечаний (в частности, Г.Ф. Барышникова и Н.К. Верещагина), но появились и новые мотивы.

Н.П. Кацур якобы не только нашел стоянку, но и сделал доклад о ней в Музее пещерных городов в Бахчисарае. Это утверждает Ю.Г. Колосов (Proprietary Right... 1996, p. 116, 123). В справке Х. И. Крис о первом уже сказано. Видимо, ее письмо дошло до Киева и Симферополя, поскольку в отчете о раскопках Староселья в 1993 г. первооткрывателем назван опять я (Маркс Э. и др., 1994, с. 131). Тогда Ю.Г. Колосов "вспомнил" о докладе Н.П. Кацура. Никаких докладов в Музее пещерных городов в 1950-х годах не было. Изредка бахчисарайцы выступали в Отделе истории и археологии Крымского филиала АН СССР. Я бывал на этих заседаниях, но лаборант Н.П. Кацур никогда на них не приезжал и никогда никаких докладов не делал.

Далее говорится, что я вел раскопки в Староселье только 3 года (1952–1954 гг.), исключительно на местные деньги (т.е. Бахчисарайского музея, по мнению авторов, украинские, хотя основные средства были от АН СССР). А уже в 1955–1956 гг., после критики моих раскопок С.Н. Бибиковым, я от них был отстранен и исследовала стоянку М.Д. Гвоздовер (Proprietary Right..., 1996, p. 116, 119, 123). Если авторы в этом убеждены, непонятно, почему претензии по раскопкам предъявляются мне, а не ей. Ведь как раз в 1955–1956 гг. в Староселье была вскрыта основная часть – 150 м^2 с наиболее мощной толщей отложений – от 1,8 до 4 м.

К списку моих прегрешений добавлено то, что я "ничего не сделал для изучения условий антропологической находки 1953 г., в связи с чем и возник законный скептицизм". Следует ссылка (Рогинский Я.Я. и др., 1954, с. 118). Но это же заключение комиссии, которую я и вызвал именно для изучения условий находки! Заключение подписано и мной. Им я руководствовался в оценке антропологической находки. (Критики моей методики здесь нет. Не странно ли, что уже на следующий год я стал копать крайне плохо? В 1952–1953 гг. вскрыто 70 м^2, в 1954 г. – 11 м^2).

Далее В.П. Чабай сообщает, что всех украинских археологов удивило мое заявление о том, что пещера хорошо законсервирована и потому ее лучше не трогать. Теперь он понял, зачем я консервировал ее: затем, чтобы скрыть свои фальсификации и помешать их разоблачению. Как можно тщательнее консервировать раскоп требовал от меня в 1953–1956 гг. С.Н. Бибиков (в цитированных авторами его письмах этот момент опущен). И он был совершенно прав. Как можно оставить не засыпанной стенку раскопа высотой 4 м на территории города?

Как видно из всего этого, В.П. Чабай идет на любые передергивания, для того чтобы опорочить мои работы и тем отвести критику от себя. Это сказывается даже в мелочах. В 1954 г. В.В. Данилова провела анализ костей из Староселья фторовым методом и пришла к выводу, что кости ребенка более поздние, чем остатки фауны. Я это заключение не скрыл, а привел в своей книге (Фо́рмозов А.А., 1958, с. 74), как указал выше и на соседство пещеры с татарскими мавзолеями. В.П. Чабай акцентирует внимание на этих анализах, но ссылается на публикацию их американцем Р. Клейном (Proprietary Right..., 1996, p. 118), в действительности лишь заимствовавшего их из моей книги.

Все же из отклика В.П. Чабая главное становится ясным. Договоренность о раскопках Староселья с американской стороной была достигнута в декабре 1992 г. 2 февраля 1993 г. директор Института археологии Академии наук Украины П.П. Толочко официально скрепил договор. И только в мае 1993 г. В.П. Чабай якобы известил меня о начале раскопок Староселья, но, как он подчеркивает, отнюдь не спрашивал у меня на то разрешения (Proprietary Right..., 1996, p. 116). Письма я не получил. Даже если оно пропало на почте, ясно, что решение принималось без всякого согласования со мной.

На замечание Ф. Кола и А.П. Деревянко о том, что экспедиции было бы полезно использовать мои полевые материалы, Э. Маркс отвечает, что читал мою книгу о Староселье и она его только дезориентировала. Ни мое согласие на раскопки, ни мое участие в них, ни мои материалы ему не нужны ((Proprietary Right..., 1996, p. 120–121). Думается, мало кто из квалифицированных археологов отказался бы от неизданных материалов об изучаемом им памятнике.

Седьмой отклик принадлежит В.А. Ранову и написан неопределенно и уклончиво. Заинтересовал меня лишь один момент. В.А. Ранов не верит, что я не получил письмо В.П. Чабая и узнал о раскопках в Староселье в 1994 г. из Франции, ибо уже в 1993 г. все специалисты по палеолиту в СНГ прекрасно знали об этих раскопках (Proprietary Right..., 1996, p. 126). Хотелось бы думать, что В.А. Ранов ошибается. Неужели никто из моих коллег, зная о сомнительных действиях, производящихся в тайне от меня и задевающих мою репутацию, не счет нужным информировать меня об этом? Я был лучшего мнения о моих товарищах по работе.

Больше высказываться о ситуации, возникшей в связи с новыми раскопками в Староселье, я не буду. Мне кажется, что объективный читатель в состоянии сам во всем разобраться.

Институт археологии РАН,
Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бибиков С.Н., 1969. Палеолит Крыма // Природа и развитие первобытного общества. М.

Григорьев Г.П., 1970. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. М.

Колосов Ю.Г., 1972. Шайтан-Коба – мустьерская стоянка в Крыму. Киев.

Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П., 1993. Ранний палеолит Крыма. Киев.

Маркс Э.Э., Демиденко Ю.Э., Усик В.И., 1994. Новые раскопки в Староселье в 1993 г. // Археологический альманах. № 3. Донецк.

Петрунь В.Ф., Білокрис Л.С., 1962. Нові знахідки кам'яного віку в Криму // Археологія. XIV. Київ.

Рогинский Я.Я., Герасимов М.М., Замятнин С.Н., Формозов А.А., 1954. Заключение по находке ископаемого человека в пещерной стоянке Староселье близ Бахчисарая // СЭ. № 1.

Смольговская И., 1994. Без зазрения совести // "Крымская правда". 8 июня.

Формозов А.А., 1954. Исследование стоянок каменного века в Крыму // КСИИМК. Вып. 54.

Формозов А.А., 1958. Пещерная стоянка Староселье близ Бахчисарая и ее место в палеолите // МИА. № 71.

Чабай В.П., 1991. Ранний палеолит Юго-Западного Крыма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Щепинский А.А., 1954. Новые сборы на палеолитических стоянках в окрестностях Симферополя // КСИИМК. Вып. 54.

Proprietary Right in Archaeology, 1996. // Current Anthropology. V. 37. Supplement. February.

Т.И. АЛЕКСЕЕВА

К НАХОДКЕ ДЕТСКОГО СКЕЛЕТА В ПЕЩЕРЕ СТАРОСЕЛЬЕ БЛИЗ БАХЧИСАРАЯ (1953 г.)

Ознакомившись с дискуссией по поводу находки скелета ребенка в пещере Староселье близ Бахчисарая, опубликованной в "Current Anthropology", я сочла своим долгом высказаться в связи с точкой зрения некоторых участников дискуссии.

Вместе со своим мужем, академиком В.П. Алексеевым (ныне покойным) я была участником раскопок Староселья в 1953 г., когда было найдено детское погребение. В связи с этим я могу утверждать, что многие факты в журнале "Current Anthropology" № 2 за 1996 г. изложены неверно.

Во-первых, в 1953 г. никаких разговоров, что пещера найдена не А.А. Формозовым, а Н.П. Кацуром не было. Н.П. Кацур в то время был жив, но никаких претензий на открытие пещеры не предъявлял. Более того, я даже не слышала его имени и не уверена, присутствовал ли он на совещании в Симферополе, где впервые были продемонстрированы результаты раскопок в Староселье.

Во-вторых, когда было найдено погребение, А.А. Формозов вызвал комиссию для выяснения условий находки. В нее вошли авторитетнейшие археологи и антропологи из Москвы и Ленинграда: С.Н. Замятнин, М.М. Герасимов, Я.Я. Рогинский. К работе комиссии были привлечены крымские археологи П.Н. Шульц, Е.В. Веймарн, Ю.Г. Колосов и геолог В.В. Богачев.

Утверждение В.П. Чабая, что "Формозов ничего не сделал для выяснения условий антропологической находки 1953 г., в связи с чем возник законный скептицизм" (On Proprietary Rights..., 1996, p. 118) свидетельствует о явной недобросовестности автора. При этом он ссылается на Я.Я. Рогинского и др. (Рогинский Я.Я., 1954). Но ведь это протокол Комиссии, вызванной А.А. Формозовым и им же подписанный. Опубликовано заключение Комиссии в журнале "Советская этнография" (1954, № 1, с. 39–41). В этом же номере опубликованы статьи М.М. Герасимова и Я.Я. Рогинского, посвященные условиям находки и антропологической характеристике младенца из Староселья.

Комиссия вынесла решение, согласно которому погребение оценивается как "скорее всего мустьерское", в соответствии с чем и действовал далее А.А. Формозов.

© Т.И. Алексеева, 1997 г.

В публикации Э. Маркса, В.П. Чабая, Ю.Э. Демиденко, В.И. Усика А.А. Формозов выглядит как какой-то случайный человек в науке. Но он вел экспедицию от Академии наук СССР, его отчет утверждал отдел полевых исследований академического института. Этот институт напечатал его книгу о Староселье, обсуждавшуюся и в московском, и в ленинградском отделениях института (Формозов А.А., 1958). Академия наук отвечала за эти работы.

В-третьих, в Староселье в 1952–1953 гг. было вскрыто 70 м^2 напластований. Знакомившиеся с этими раскопками С.Н. Замятнин и М.М. Герасимов никаких претензий к руководителю экспедиции не имели. Нет их и в протоколе Комиссии.

В 1954 г. в Староселье по той же методике было вскрыто всего 11 м^2. Претензии С.Н. Бибикова, посетившего пещеру после окончания раскопок, рассматривались в Москве и были отклонены. В печатных работах С.К. Бибикова о Староселье никаких замечаний нет.

В-четвертых, по меньшей мере странным выглядит утверждение В.П. Чабая, что стена раскопа высотой в 4 м была Формозовым "законсервирована, чтобы скрыть свои фальсификации". Совершенно ясно, что такого рода сохранение пещеры было сделать необходимо, так как она находится в черте города и постоянно посещается людьми.

На этом, пожалуй, я закончу свою полемику с В.П. Чабаем и его единомышленниками. Обращусь к итогам антропологических исследований костных останков ребенка из Староселья, открытых в 1953 г. А.А. Формозовым.

При обнаружении костных останков младенца, раскопки захоронения которого проводились со всей возможной тщательностью, сразу же бросалась в глаза одна особенность – очень крупные зубы младенца, явно выходящие за пределы вариаций у современного человека. Эта особенность была отмечена в телеграмме, которую мы послали в Москву при вызове на место раскопок Комиссии.

Скелет был сфотографирован и тщательно зарисован. Совершенно отчетливо видно, что скелет не потревожен, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший лежал на спине, в вытянутом положении, кисти рук, судя по расположению сохранившихся костей, находились в области таза. Возраст ребенка по предварительному определению, по молочным зубам, не превосходил двух лет.

Комиссия под председательством профессора Московского Государственного университета Я.Я. Рогинского в составе М.М. Герасимова и С.Н. Замятнина (впоследствии к ним присоединились геолог В.В. Богачев, археологи Е.В. Веймарн, В.И. Мошинская, В.Н. Чернецов и П.Н. Шульц) нашла, что слой, в котором найден младенец, не потревожен.

После извлечения скелета монолитом, а черепа – отдельными фрагментами, так как он был частично разрушен, и после склейки черепа уже в поле была произведена антропологическая экспертиза, которая установила следующее.

1. Определение возраста. В нижней челюсти прорезались 8 молочных зубов, задние молочные коренные зубы уже вышли из альвеол и сформировались закладки первых постоянных зубов. Состояние зубов верхней челюсти аналогично. Следовательно, возраст ребенка не меньше полутора лет и не больше трех. Истинный возраст, по-видимому, ближе к нижней границе, так как в области родничка наблюдается истончение теменных и лобной костей.

2. От современных детских черепов близкого возраста череп старосельца отличается общей массивностью костей свода, особенно в нижней области лобной кости, весьма крупными размерами вторых молочных коренных зубов как верхней, так и нижней челюсти, крупными размерами медиальных резцов (о чем можно судить по размерам альвеол) и большой величиной коронок формирующихся первых постоянных коренных зубов.

3. От современных детских черепов того же возраста череп ребенка из Староселья отличается большей уплощенностью и шириной фронтальной части альвеолярной дуги нижней челюсти и более слабым развитием сосцевидных отростков.

Все эти особенности свидетельствуют о некоторой неандерталоидности старосельского черепа.

4. Кроме того, отмечаются признаки кроманьоидности – угловатость орбит, что нехарактерно для современных детей данного возраста, малая высота лица с относительно большой его шириной, относительно большая мощность скуловой кости.

5. Среди черт, характерных для Homo sapiens, можно отметить крутой лоб, наличие подбородочного выступа и глубокие клыковые ямки.

Имеются и специфические особенности – такие, как альвеолярный прогнатизм, малая величина площади затылочного отверстия.

Заключение: ребенок принадлежал к типу древнего человека, сочетающего в себе неандерталоидные и кроманьоидные черты с преобладанием последних.

Позднее Я.Я. Рогинский подверг весьма тщательной экспертизе череп младенца, выводы Комиссии подтвердились (Рогинский Я.Я., 1954).

Определение места старосельца среди известных в антропологии мустьерских находок выявило, что череп ребенка из Староселья сходен не с классическими неандертальцами (типа Ля Шапелль), а с обитателями грота Схул горы Кармел в Палестине. Для них характерно сочетание неандерталоидных черт с сапиентными. Череп старосельца, по мнению Рогинского, значительно "очеловечен", но неандерталоидные черты, как уже отмечалось выше, выражены достаточно отчетливо. Такие специфические черты, как альвеолярный прогнатизм, низкие орбиты, относительно узкий и высокий череп, сближают череп из пещеры Староселье с черепом Схул V.

Мнение Я.Я. Рогинского об антропологической характеристике старосельского ребенка было подтверждено и другими антропологами. Так, выступая на совместном заседании Ученых советов Института этнографии АН СССР, Института истории материальной культуры АН СССР и Института антропологии МГУ, состоявшемся в ноябре 1953 г., проф. М.А. Гремяцкий указал на исключительную трудность изучения находки из-за недостаточного количества сравнительных детских материалов по древним формам человека, однако отличия от современного детского черепа даже больше, чем это было отмечено Я.Я. Рогинским (подробное освещение заседания см. Алексеев В.П., 1954). По мнению М.А. Гремяцкого, к отличительным чертам старосельца можно добавить еще чрезвычайно слабую выраженность лобных и теменных бугров, что является характерной чертой неандертальского черепа.

На этом же совещании проф. М.Ф. Нестурх также обратил внимание на сходство старосельца с находкой из Схул V, а В.П. Якимов, согласясь с Я.Я. Рогинским в отношении антропологической характеристики находки из Староселья, указал, однако, что отмеченные архаические черты в виде крупных зубов и утолщения латерального края глазницы встречаются и у верхнепалеолитических черепов. В специальной статье В.П. Якимов высказал суждение по поводу близости старосельца к неандертальцам группы Схул, отличавшимся чертами перехода к современному человеку (Якимов В.П., 1954).

В отечественной антропологии, да и в мировой тоже, старосельская находка стала дискуссионной проблемой антропогенеза.

В 1955 г. М.М. Герасимов опубликовал графическую профильную реконструкцию внешнего вида младенца. На основании реконструкции можно сказать, что это ребенок современного человека с некоторыми негроидными признаками – прохейлией и слабым выступанием носа. В качестве генетических аналогий указывался череп юноши из грота Гримальди и череп женщины из Кро-Маньон (Герасимов М.М., 1955).

Реферируя работу Я.Я. Рогинского, Г. Ульрих, немецкий антрополог, высказал мысль, что эта находка может быть отнесена к одному из вариантов "пресапиенса" (Ullrich H., 1955).

Независимо от Г. Ульриха французский антрополог А. Валлуа также на основе статьи Я.Я. Рогинского высказал аналогичную точку зрения. По его мнению, старосельца можно рассматривать как представителя современного вида, сформировавшегося в мустьерское время (Vallois H., 1955).

В 1956 г. Г.Ф. Дебец, используя прием перевода размеров детских черепов во "взрослые", высказался в пользу отнесения старосельского ребенка к современному виду (Дебец Г.Ф., 1956).

Немецкий антрополог Г. Гросс в противоположность Дебецу отнес находку к неандертальской группе, объединив ее с черепами из Эрингсдорфа, Ля Кина и Саккопасторе (Gross H., 1956).

В 1958 г. Г. Ульрих изменил свою точку зрения и согласился с мнением Я.Я. Рогинского (Ullrich H., 1958).

В этом же году Ф.К.Хоуэлл высказал мысль о том, что старосельский ребенок страдал гидроцефалией (Howell F.C., 1958). Однако он не отрицал принадлежности старосельца к ранним формам современного человека.

В.В. Бунак в 1959 г. сделал заключение о том, что староселец по комплексу признаков более всего сходен с верхнепалеолитическими людьми (Бунак В.В., 1959). Не отрицая возможности сближения этой находки с палестинской группой Схул, он все же высказался в пользу ее принадлежности к группе ранних неоантропов. Позднее, в обобщающем труде,

посвященном становлению рода Homo, В.В. Бунак оценил находку старосельского младенца как одну из разновидностей неандертальцев, отмечая их большую полиморфность (Бунак В.В., 1980).

В 1962 г. французский антрополог А. Тома на основе работы Г. Ульриха о неандертальцах с территории СССР и исследования муляжа старосельца определил последнего как типичного протокроманьонца. По заключению патологоанатомов, которым Тома показывал муляж и фотографии старосельского черепа, никаких признаков патологии на черепе не обнаружено (Thoma A., 1962).

К. Кун при обзоре древнейших и древних гоминид поместил череп старосельца среди находок, представляющих древнейшие этапы развития европеоидной расы (Coon C., 1963).

В том же году Я.Я. Рогинский подтвердил свою точку зрения во втором издании учебника антропологии, написанного совместно с М.Г. Левиным (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1963). В первом издании учебника старосельская находка уже была освещена (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1955).

В 1964 г. М.М. Герасимов опубликовал скульптурную реконструкцию старосельского ребенка. В качестве ближайших аналогов, по мнению Герасимова, могут служить черепа юноши из Грота Гримальди и взрослого мужчины из стоянки на Маркиной горе (Герасимов М.М., 1964).

В это же время М.И. Урысон полностью присоединился к мнению Я.Я. Рогинского в общем обзоре ископаемых форм человека (Урысон М.И., 1964).

В монографии, вышедшей в свет в 1969 г. и посвященной общим проблемам антропогенеза, Я.Я. Рогинский подтвердил свое мнение (Рогинский Я.Я., 1969).

В этом же году С.И. Успенский, основываясь на геометрических и тригонометрических соотношениях отдельных элементов черепной коробки, высказал мысль о принадлежности ребенка из Староселья к неоантропам поздней поры верхнего палеолита (Успенский С.И., 1969).

В.П. Алексеев, склоняющийся к мнению Г.Ф. Дебеца в 1966 г., впоследствии вновь вернулся к старосельской находке с целью определения ее систематического положения в системе гоминид, посвятив этому вопросу специальный раздел книги, касающейся проблем эволюции и таксономии человека (Алексеев В.П., 1985). Детальное изучение находки с помощью метода перевода черепа во взрослую форму привело В.П. Алексеева к выводу о принадлежности старосельца к современному виду и позволило присоединиться к тем исследователям, которые считали, что неандерталоидные признаки у него выражены не больше, чем у любой другой древней формы Homo sapiens, – Ульриху (в ранней редакции), Валлуа, Дебецу, Хауэллу, Бунаку, Тома, Успенскому.

Поместив человека из Староселья в группу верхнепалеолитического человечества на основе морфологических признаков, В.П. Алексеев подошел к определению его места среди расовых вариантов внутри Homo sapiens. Ближайшая аналогия – скелет из погребения на стоянке Маркина гора (Костенки IV).

Г.Ф. Дебец писал о негроидном типе человека из Костенок (Дебец Г.Ф., 1955), Я.Я. Рогинский в учебнике антропологии отмечал сочетание негроидных и австралоидных черт в облике черепа с Маркиной горы. Не исключено, что здесь проявляются наследие протоморфной стадии расообразования и нехарактерное для ныне живущих людей сочетание негроидных и австралоидных черт. В.П. Алексеев видит в морфологии человека из Староселья аргумент в пользу контактов населения Восточной Европы в палеолитическую эпоху с населением южных территорий. Как один из важнейших выводов, основанных на изучении морфологии черепа старосельца, можно назвать вывод, сделанный Алексеевым, о том, что "появление человека современного вида не совпадает по времени с формированием верхнепалеолитической культуры и наступило в отдельных районах раньше, еще в эпоху господства мустьерской техники обработки камня" (Алексеев В.П., 1985, с. 32).

Наконец, нельзя не обратить внимания на результаты изучения скоростей процесса роста и развития у ископаемых форм, показавшего, что ростовые процессы у старосельца характеризуются скоростями, типичными для ранних форм человечества (Бацевич В.А., Харитонов В.М., в печати). В 1996 г. В.М. Харитонов диагностирует находку из Староселья как архаическую форму Homo sapiens, но с выраженными неандреталоидными чертами (Gvozdover M.D. et al., 1996).

Таковы в общих чертах антропологические данные о систематическом положении старосельца в системе гоминид.

НИИ и музей антропологии МГУ,
Институт археологии РАН, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., 1954. Находка костных остатков ребенка мустьерского времени в пещере Староселье близ Бахчисарая // СЭ. № 1.

Алексеев В.П., 1985. Человек. Эволюция и таксономия. Некоторые теоретические вопросы. М.

Бацевич В.А., Харитонов В.М. Особенности возрастной антропологии мустьерского сапиенса Староселья в связи с присущим ему специфическим эволюционным статусом // ВА. Вып. 91 (в печати).

Бунак В.В., 1959. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // ТИЭ. Т. XLIX.

Бунак В.В., 1980. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М.

Герасимов М.М., 1955. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Т. XXVIII.

Герасимов М.М., 1964. Люди каменного века. М.

Дебец Г.Ф., 1955. Палеоантропологические находки в Костенках // СЭ. № 1.

Дебец Г.Ф., 1956. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР // Тез. докл. на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК. Л.

Рогинский Я.Я., 1954. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерской пещеры Староселье // СЭ. № 1.

Рогинский Я.Я., 1969. Проблемы антропогенеза. М.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1955. Основы антропологии. М.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1963. Антропология. М.

Успенский С.И., 1969. Положение ископаемых детей из пещер Староселье и Тешик-Таш в эволюционной системе гоминид по данным стереоморфологии нейрокранов // ВА. Вып. 31.

Урысон М.И., 1964. Начальные этапы становления человека // У истоков человечества (основные проблемы антропогенеза). М.

Формозов А.А., 1958. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. // МИА, № 71.

Якимов В.П., 1954. Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов // СЭ. № 1.

Coon C., 1963. The origin of Races. London.

Gross H., 1956. Die Umwelt des Neanderthalers // Der Neanderthaler und seine Umwelt. Bonn.

Gvozdover M.D., Kharitonov V.M., Allsworth-Jones P., Housley R.A., 1996. AMS Dates from Formosovs Excavations at Staroselje in the Crimea // Cambridge Archaeological Journal. Vol. 6. N. 1.

Howell F.C., 1958. Upper Pleistocene men of the Southwest Asian Mousterian // Hundert Jahre Neanderthaler. 1856–1956. Köln; Graz.

On Proprietary Rights in Archaeology: Some Unresalved Issues // Current Anthropology. 1996. Vol. 37. Suppl. February.

Thoma A., 1962. Le déploiement évolutif de L'Homo sapiens // Anthropologia Hungarica. N 1.

Ullrich H., 1955. Palaeolitische Menschenreste aus der Sowjet union. I. Das Mousterien-Kind von Staroselje (Krim) // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. Bd. 47.

Ullrich H., 1958. Neanderthalerfunde aus der Sowjetunion // Hundert Jahre Neanderthaler 1856–1956. Köln; Graz.

Vallois H., 1955. Un nouvel homme Mousterien en Crimee: le squelette d'enfant de Staroselje // L'Anthropologie. Vol. 59.

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН ИНФОРМИРУЕТ О ВЫХОДЕ В СВЕТ В ПЕРВОМ КВАРТАЛЕ 1997 г. СЛЕДУЮЩИХ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА:

1. **Ершова Г.Г.** Система родства майа. Опыт реконструкции. М.: Космополис, 1997. С. 130, тираж 200 экз.

2. **Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Саки нижней Сырдарьи. М.: РОССПЭН, 1997. С. 186, тираж 1000 экз.

3. **Козловская М.В.** Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы (антропологический очерк). М.: Греко-латинский кабинет, 1996. С. 242, тираж 999 экз.

4. **Макаров Н.А.** Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.: Скрипторий, 1997. С. 368, тираж 1000 экз.

5. **Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. н.э. М., 1997. С. 196, тираж 500 экз.

6. **Никитина Г.Ф.** Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М.: Наука, 1996. С. 182, тираж 800 экз.

7. **Пилипко В.Н.** Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М.: Восточная литература, 1996. С. 158, тираж 700 экз.

8. **Пузикова А.И.** Памятники скифского времени в бассейне р. Тускарь (Посеймье). М., 1997. С. 126, тираж 500 экз.

9. **Сайко Э.В.** Древнейший город. Природа и генезис. М.: Наука, 1996. С. 206, тираж 600 экз.

10. **Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.** Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. С. 315, тираж 1000 экз.

11. **Титов В.С.** Неолит Карпатского бассейна. М.: Наука, 1996. С. 280, тираж 600 экз.

Хроника

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(Новгород, 26–31 августа 1996 г.)

Объем источниковой базы, которой располагает археология для изучения древней и средневековой истории, экономики и культуры славян, постоянно и быстро возрастает. Уже в середине XX в. крупным европейским ученым стало очевидным, что дальнейшее развитие археологической славистики немыслимо без тесных контактов исследователей разных стран, без широкого привлечения для изучения истории славянского мира ученых разных профилей. Образованная в 1965 г. в Варшаве Международная уния славянской археологии ставила своей основной целью всестороннюю координацию изысканий в области этногенеза, истории, экономики и культуры древних и средневековых славян не только археологов, но и исследователей смежных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Уния организовала и провела десятки международных симпозиумов и конференций по различным проблемам археологии и культуры славян. Высшим форумом Унии стали Международные конгрессы славянской археологии, которые до недавнего времени проводились регулярно раз в 5 лет.

Эта традиция в последние годы оказалась нарушенной. Запланированный на 1990 г. VI конгресс славянской археологии, страной проведения которого была определена Югославия (Скопье – Прилеп), в силу сложившейся политической и экономической ситуации не состоялся. Образовался перерыв, длившийся 11 лет.

По предложению Международной унии славянской археологии нелегкий путь по организации и проведению VI конгресса взяла на себя Россия. Его непосредственным организатором стал Институт археологии РАН. Национальный комитет по подготовке и проведению Конгресса возглавил академик В.Л. Янин. В организации Конгресса приняли деятельное участие Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого и Новгородской государственный объединенный музей-заповедник.

Проходил VI Международный конгресс славянской археологии в древнем русском городе Новгороде 26–31 августа 1996 г. В нем приняли участие свыше 300 исследователей из 23 стран. Россия была представлена исследователями из академических институтов, университетов и других ВУЗов, археологических исследовательских центров, музеев и учреждений культуры 22 городов. Большими группами ученых были представлены также Белоруссия, Украина, Польша, Югославия и Македония.

Как и предшествующие форумы, VI конгресс имел междисциплинарный характер, в его работе наряду с археологами приняли участие этнологи и медиевисты, антропологи и искусствоведы, лингвисты и нумизматы, историки архитектуры и палеографы, а также представители естественных наук. Было заслушано и обсуждено 266 докладов. Программа конгресса охватывала все основные вопросы славянской археологии. Главными темами были определены "Европейский средневековый город", "Славяне и их соседи в раннем средневековье" и "Славяне в римское время и период латена". На три пленарных заседания конгресса были вынесены 10 докладов, касающихся важнейших положений этих проблем. Остальные выступления были распределены по 13 секциям. Кроме того было проведено два "круглых стола" по наиболее актуальным дискуссионным темам археологической славистики: "Методика этногенетических исследований" и "Становление славянских народностей".

Обсуждение проблемы "Европейский средневековый город" открылось пленарным докладом *В.Л. Янина* (Москва) "Основные итоги археологического изучения Новгорода Великого". Ученый рассмотрел важнейшие исторические темы, касающиеся Новгорода и Древней Руси в целом, изучение которых стало возможным благодаря источниковому фонду, полученному в результате археологических раскопок. Установлено, что эпоха Древней Руси характеризуется развитыми специализированными ремеслами. Раскопками в Новгороде изучено свыше 2 тысяч жилых построек и изобилие находок в них, в том числе резного дерева, свидетельствует о благоустроенном быте и высоком искусстве горожан, а берестяные грамоты, обнаруженные уже в восьми городах Руси, – о распространении грамотности. Изучение усадебной застройки

© В.В. Седов, 1997 г.

Новгорода позволило определить их владельцев, решить ряд вопросов новгородского землевладения и связанной с ним политической жизни города.

Ныне вполне очевидно, что летописные известия о событиях IX в. относятся к Новгородскому (Рюрикову) городищу. Работами на Троицких раскопках под культурными напластованиями города выявлены пахотные поля и сельская застройка. Начало Новгорода определяется серединой X в., когда Олег уходит в Киев и местная аристократия сселяется в город, закладывая основы его усадебной застройки. Система фиска в Северной Руси заметно отличалась от Киева – сбор пошлин по погостам осуществлялся местным протобоярством, а не князьями. С укреплением боярства в XI в. Новгород становится независимым от князя и Киева.

Проблема становления древнерусского города в целом исследовалась *П.П. Толочко* (Украина) в докладе "Три основных пути развития городских форм жизни на Руси в IX–XIII вв.". Условно эти пути были названы торгово-ремесленным (возникновение в IX–X вв. на водных путях торговых поселений-факторий – протогородов с недостаточным развитием ремесленных функций и в X в. параллельно – поселений-городов, развитие которых было обусловлено социально-экономическим подъемом при стабилизации государственной структуры), общинно-феодальным (трансформация племенных и общинных центров в города в условиях феодализации – X–XI вв.) и феодальным или государственным (строительство государственной властью – вторая половина XI–XIII вв.).

Л. Лециевич (Польша) в докладе "Колобжег – приморский город на южном побережье Балтики" рассмотрел вопрос о становлении и развитии раннесредневековых городов в Балтийском регионе. Ядром Колобжега стало городище IX–X вв. площадью около 1 га, защищенное валом с деревянными рустовыми конструкциями, которое возникло в агрокультурном регионе балтийских славян. Главным занятием было морское рыболовство, раскопками зафиксированы также следы кузнечного дела и обработки янтаря. С рубежа IX–X вв. развивается костерезное ремесло и торговля со странами Балтики. Развитие города было тесно связано с солеварением. Первые городские фортификации строятся во второй половине IX в. – поселение, включая предградье, защищается валами. В XIII в. город имел многочастную плановую структуру – град с костелом святого Петра, защищенный кольцевым валом, северное, южное и левобережное предградья и порт.

Становлению славянского города в Адриатике был посвящен доклад *М. Поповича* (Югославия) "Средневековые города Сербии. Развитие и формы". Исследователь утверждал, что городские центры в Адриатике и в соседних районах Подунавья зарождаются в III–IV вв. в условиях интенсивной романизации местного населения. Вторжение славян и аваров нарушило городскую жизнь. До XII в. городов в Сербии не было. Только в тех местностях Адриатики, где сохранилось романизированное население, города продолжали функционировать (Котор, Бар и др.). Византийские традиции сохраняли города Македонии – Скопье, Охрид, Прилеп. Первые городские агломерации в Сербии зарождаются во второй половине XII в. (строятся крепостные сооружения, развивается торговля). На развитие урбанизации влияла государственная власть – города прежде всего выполняли административные и военные функции. Активный процесс урбанизации относится к XIII–XIV вв.

В докладе "Традиции и континуитет в генезисе средневековых городов в Дунайском бассейне" *С. Олтеану* (Румыния) показал, что в конце IV в. развитие античных городов в Дакии (в Добрудже – в начале VII в.) прерывается. Однако жизнь в этих городах не прекращается. Она протекала в меньших масштабах при усилении аграрного сектора. В конце I тыс. в условиях кристаллизации демоэкономической и социально-политической ситуации в Нижнем Подунавье начинается процесс восстановления городов (они сохраняют названия, используются прежние фортификации, дороги и иные конструкции).

Различные вопросы по проблематике европейского средневекового города были рассмотрены на заседаниях трех секций: "Археология раннесредневекового города" ,"Раннесредневековый город: предыстория: функции, эволюция" и "Город и его округа, село, замок, крепость".

Доклад *Е.Н. Носова* (С.-Петербург) "У истоков Новгорода"был посвящен исследованиям Новгородского (Рюрикова) городища и определению его отношения к Новгороду. Докладчик показал, что жизнь на городище началась не позднее середины IX в. Это было сравнительно крупное торгово-ремесленное и военно-административное поселение на магистральном торговом пути. Многочисленные скандинавские находки, в том числе неторгового происхождения, говорят о наличии в составе жителей городища выходцев из Северной Европы. Городище было предшественником Новгорода. Интенсивная жизнь продолжалась в течение всего X в., но вскоре наступает некоторое запустение – набирает силу Новгород.

Проблема становления раннесредневекового города затрагивалась в нескольких выступлениях. *М. Янкович* (Югославия) в докладе "Белград и его округа в IX–X вв.", отметив, что раннесредневековые напластования этого города еще недостаточно изучены, попыталась показать процесс зарождения города на фоне его округи. Охарактеризовав поселения VII–X вв., докладчица показала, что начало Белграда можно относить к IX в. (слои в "Верхнем городе", где, по всей вероятности, была деревянная крепость). В X в. возникает посад в "Нижнем городе".

В выступлении *А. Розвалка* (Польша) "Средневековый Люблин – процесс преобразований поселен-

ческого ансамбля" рассматривалась история развития поселения от небольшого городища VIII–IX вв. с небольшим посадом (племенной центр на северо-восточной окраине Малопольши) до города X–XII вв., включавшего укрепленный град и несколько посадов, и далее вплоть до XIV в.

Характеристике первых раннесредневековых городских поселений в землях приальпийских славян был посвящен доклад *Т. Набергой* (Словения). С большим интересом слушался доклад *А. Лухтанаса* (Литва) "Становление средневекового города в Литве". *А.А. Метельский* (Белоруссия) в выступлении "Становление посожских городов Смоленской земли" охарактеризовал уже тот этап городской жизни Руси, когда основание городских центров было связано с государственной деятельностью.

Для изучения периода зарождения раннесредневековых городов в славянском мире большой интерес представляют неаграрные поселения догородского облика. *Л. Полачек* (Чехия) в выступлении "Микульчице и исследование поселений в Моравии" дал систематизацию селищ и городищ одного региона Великоморавского государства. Историческое место поселения Победим попыталась определить *Д. Бялекова* (Словакия) в докладе "Славянское городище в Победиме в среднеевропейском контексте". *А.Д. Пряхин* (Воронеж) охарактеризовал комплекс памятников последних веков I тыс. н. э. на окраине города Воронежа, полагая, что именно здесь следует локализовать Вантит арабских источников.

Интересная попытка охарактеризовать древнерусский город XI в. в целом предпринята в зачитанном на заседании одной из секций докладе *Э. Мюле* (Германия) "О становлении восточнославянского города в XI в.". Из 53 пунктов этого времени, названных в русских летописях, исследователь выделяет 21 поселение, которые обладали функциями города (имели вече, церкви, монастыри, жители занимались ремеслами и торговлей и зовутся в источниках горожанами). Из 98 городищ с напластованиями XI – начала XII в. докладчик на основании археологических данных (следы торговли, социальной дифференциации, наличие памятников каменной архитектуры и письменности, находки предметов вооружения и др.) вычленяет опятьтаки 21 поселение, которые можно отнести к городам. Из них только 12 сопоставимы с данными летописей, которые Э. Мюле и рассматривает как достоверные городские центры Древней Руси.

Восточнославянские города рассматриваемого времени характеризуются двухчастной структурой (град и предградье). Площади их достигают до 4 га, а вместе с периферийной застройкой составляют от 4 до 20 га. Численность населения – от 500 до 2000 человек. Около этих городов имеются крупные некрополи. Их экономической основой на первой стадии были внешняя торговля и универсальное ремесло. Застройка или бессистемная, или усадебно-дворовая как в Новгороде. Известную роль в жизни городов XI в. играла, по мнению Э. Мюле, варяжская знать. Эти города в следующих столетиях стали центрами удельных княжеств.

Функциональной характеристике городов Южной Руси был посвящен доклад *М.А. Сагайдака* (Украина) "Южнорусский город (IX–XI вв.). Становление функций и формирование территории".

В целом ряде докладов рассматривались материалы отдельных средневековых городов, их топография, эволюция, быт и т.п. Несколько таких выступлений было посвящено различным сторонам археологии Новгорода. Интересная работа по фиксации и обобщению исследований культурного слоя этого города была проведена *Л.И. Петровой* (Новгород). Результаты ее были изложены автором в докладе "Археологический слой древнего Новгорода и проблема его охраны". Эти изыскания имеют не только большое научное, но и практическое значение, поскольку они стали подосновой при разработке строительных планов современного города. *Н.Н. Фараджева* (Москва) в докладе "Становление и развитие строительной культуры древнего Новгорода" обстоятельно рассмотрела детали и особенности домостроительства на разных этапах его эволюции. Основу выступления *П.Г. Гайдукова* (Москва) "Топография, стратиграфия и хронология Дубошинского раскопа в Новгороде" составила характеристика результатов кабинетного исследования материалов одного из завершенных новгородских раскопов. *В.А. Буров* (Москва) в докладе "Стратиграфическая датировка новгородских берестяных грамот Неревского раскопа" обратил внимание на некоторые расхождения в отнесении находок грамот на бересте к строительным ярусам. Исследователь полагает, что стратиграфическая датировка грамот нуждается в дополнительном анализе. Этапы изменений моды и связанных с ней наборов женских украшений попытался наметить *Ю.М. Лесман* (С.-Петербург) в выступлении "Основные тенденции развития ювелирных украшений Новгорода X–XV вв.".

Научные итоги по раскопочному изучению древних культурных отложений в Ростове были изложены в докладе *А.Е. Леонтьева* (Москва) "Ростов в X–XI вв. (по раскопкам 1984–1995 гг.)". Археологии Пскова посвятили свои выступления *И.К. Лабутина* (Псков) "Раскопки в старой части Псковского посада" и *И.О. Колосова* (Псков) "Улицы Пскова: средневековье и раннее Новое время". В докладе *М.В. Седовой* (Москва) "Становление и этапы развития Суздаля (X–XV вв.)" речь шла об историческом и топографическом развитии этого города. Новые материалы были введены в научный оборот *А.Н. Хохловым* (Тверь) в докладе "Средневековая Тверь: возникновение и эволюция города". *В.П. Коваленко* (Украина) в выступлении "Чернигов в XIII в." дал характеристику этого города в период его расцвета. О раскопках одной из интереснейших городских усадеб, в которой был найден клад высокохудожественных вещей, рассказал *Ю.Э. Жарнов* (Владимир) в докладе «Усадьба первой трети XIII в. "Ветчанового города" Владимира-на-Клязьме». Итогам археологических раскопок 1979–1995 гг. в Переяславле Рязанском было посвящено выступление *В.В. Судакова, В.М. Буланкина* и *В.П. Челяпова* (Рязань). *О.А. Макушников*

(Белоруссия) прочитал доклад "Летописный Гомель в свете новейших археологических исследований", *Т.С. Бубенько* (Белоруссия) – "Социотопографическая структура посада средневекового Витебска".

Три доклада были посвящены археологии Москвы. О крупных раскопочных изысканиях последних лет рассказал *А.Г. Векслер* (Москва) в докладе "Археологические исследования средневековой Москвы. Работы 90-х годов". *Т.Д. Панова* (Москва) прочитала доклад "Проблемы реконструкции исторической топографии средневековой Москвы", *С.З. Чернов* (Москва) – "Археологическая карта Москвы".

Несколько интересных докладов касались археологии и истории малых городов Руси. Таковы выступления *Ю.Ю. Моргунова* (Москва) и *С.П. Щавелева* (Курск) "Курескъ на Тускоре", *Т.В. Сергиной* (Москва) о средневековой Вязьме, *С.В. Томсинского* (С.-Петербург) об Угличском Кремле, *С.И. Алексеева* (Кострома) о древней Костроме. С интересом были восприняты доклады о вновь найденных городах – *А.Н. Башенькина* и *А.В. Кудряшева* (Вологда) "Луковец – затопленный древнерусский город" и *Р.В. Кляшина* (Тула) "Корнике – город Рязанского княжества". О зарождении городской жизни в домонгольский период в ареале удмуртов речь шла в докладе *М.Г. Ивановой* (Ижевск) "Городище Иднакар и вопросы социальной типологии укрепленных поселений восточных финнов в начале II тыс. н.э.", "Малые города Волжской Болгарии" получили характеристику в докладе *А.Ф. Кочкиной* (Самара).

М.Н. Аспарухов (Болгария) прочитал доклад "Средневековой град Никопол". Три доклада по тематике средневекового города предложили археологи Словении. *П. Корошец* посвятила свое выступление Птуи, *Т. Книфиц* – славянской Карниоле, *Б. Равник-Томан* – Крани. *Я.М. Баарт* (Нидерланды) в докладе "Средневековый Амстердам" рассказал об итогах многолетних археологических исследований этого города.

Среди докладов, посвященных комплексам поселений, связанных с городом или способствовавших градообразованию, следует назвать выступления *В. Шмидта* (Германия) "Внутренние торговые пункты в землях западных славян", в котором получили характеристику поселения в ареале ободритов и лютичей – Пархим, Касторт и Ретра, *Б.Д. Борисова* (Болгария) "Основные этапы в развитии системы поселений Северо-Восточной Фракии в XI–XII вв.", *И. Кутыловской* (Польша) "Средневековые городища в междуречье Средней Вислы и Буга", *У. Станкевич* (Польша) "Археологические исследования раннесредневековых городищ в Брянске", *В.А. Петрашенко* (Украина) "Система и структура расселения в Каневском Поднепровье в VIII–XIII вв." Несомненный интерес представляли также доклады *А. Руттkai* (Словакия) "Дво́рцы в западнославянском мире (морфология и функции)" и *А.П. Моци* и *В.П. Коваленко* (Украина) "Поселение Автуничи. 10 лет исследований".

Проблематика двух других главных тем конгресса анализировалась в пяти пленарных выступлениях. В докладе "Этногенез славян в древности и начале средневековья" *В.В. Седов* (Москва) показал, что славяне вступили в эпоху средневековья далеко не монолитной массой. Выделяются семь раннесредневековых археологических культур, в которых доминировал славянский этнос. Поиски истоков их приводят исследователей к полиэтническим провинциальноримским образованиям – пшеворской и черняховской культурам. Начало же славян восходит ко II тыс. до н.э., когда в Средней Европе существовала среднеевропейская культурно-историческая общность полей погребальных урн (древнеевропейцы), из которой в начале железного века вышли и стали развиваться как самостоятельные этносы кельты и италики, иллирийцы и германцы, а в землях севернее Карпат сформировались славяне (культура подклешевых погребений). Дальнейшая история славян связана с взаимодействиями их с кельтами, германскими и скифо-сарматскими племенами, и этим во многом обусловлено развитие славянских древностей.

Б. Хроповский (Словакия) в докладе "Проблематика славянского расселения в Средней Европе" утверждал, что локализация славянской прародины в Среднем Подунавье, как это предполагает О.Н. Трубачев, не находит подтверждения в материалах археологии. В эти земли славяне пришли только в самом начале средневековой поры. Древнейшей культурой их здесь является пражская. Далее докладчик остановился на археологии Великой Моравии и взаимоотношениях славян с аварами и венграми.

В докладе "Славянская археология в Сербии" *В. Иванишевич* и *В. Бикич* (Югославия) рассмотрели вопрос о первых этапах славянского освоения западных регионов Балканского полуострова, показав, что первые археологические следы славян здесь датируются V в. Более широкое расселение относится к VI–VII вв., а стабилизация культуры славян определяется IX в. *Б. Бабич* (Македония) в выступлении "Славяне севернее Дуная" пытался показать, что славяне издревле заселяли среднеевропейские земли. Характеристике славянских древностей западной части балтийских славян был посвящен доклад *М. Мюллер-Вилле* (Германия) "Исследования славянских поселений в Восточном Голштейне и Западном Мекленбурге".

На секции "Этногенез славян: славяне в начале средневековья" было заслушано и обсуждено 25 докладов. Среди них следует упомянуть доклады *В.Д. Барана* (Украина) "Венеды, склавины и анты в свете археологических данных", в котором эти племена отождествляются с носителями дзедзицкой, пражско-корчакской и пеньковской культур, *С. Табачинского* (Польша) "Интерпретация и надынтерпретация материальной культуры славян", *Т. Штефановичовой* (Словакия) "О славянском населении Греции", *Д. Янковича* (Югославия) "Славянские особенности в населении позднеримского времени в Юго-Восточной Паннонии", *Д. Теодора* (Румыния) "Славянские элементы VI–VII вв. в Северном Подунавье", *П. Коуржила* (Чехия) "Славянское население Северной Моравии и Силезии", *С. Трифуновича* (Югославия)

"Славянское население V–VII вв. Бачкоя и Баната", *И.О. Гавритухина* (Москва) "Хронология пражской культуры", *С. Зогович* (Македония) "Развитие военной организации у славян в VI–VIII вв.".

Анализ древностей третьей четверти I тыс. н.э. северо-запада Русской равнины содержался в докладах *И.В. Исламовой* (Москва), *Е.А. Шмидта* (Смоленск), *А.Н. Башенькина* (Вологда), *С.Ю. Каргапольцева*, *С.Л. Кузьмина* и *Е.Р. Михайловой* (С.-Петербург).

Более ранним периодам европейской истории были посвящены доклады, прочитанные на секции "Славяне и их соседи в латенское и римское время". *А.В. Гудкова* (Украина) в докладе "Особенности этнокультурного процесса в черняховском обществе" проанализировала процесс становления и развития черняховской культуры. Хронологии и периодизации позднезарубинецкой культуры был посвящен доклад *Е.В. Максимова* (Украина). Для познания исторической ситуации в лесной зоне Восточной Европы существенны выступления *А.М. Медведева* (Белоруссия) "О времени прихода славян на территорию Белоруссии", *Н.В. Лопатина* (Москва) "Днепро-двинская культура как компонент культуры псковских длинных курганов", *А.А. Егорейченко* (Белоруссия) "Поздний этап культуры штрихованной керамики". Нельзя не упомянуть также выступление *В.Н. Зоценко* (Украина) "Прибалтийские связи Среднего Поднепровья в начале великого переселения народов". В ряде докладов (*А.М. Обломский* – Москва, *А.А. Хреков* – Балашов, *Р.В. Терпиловский* и *А.В. Шекун* – Украина) в научный оборот вводились новые материалы. Несомненный интерес представляют результаты изучения керамики, изложенные в выступлениях *Н.П. Салугиной* (Самара) и *Н. Дубицкой* (Белоруссия) и приводящие к существенным историко-культурным выводам.

Историко-археологические вопросы средневекового славянского мира была распределены по трем секциям. На секции "Этнокультурные и торговые контакты в эпоху средневековья" обсуждено 19 докладов. С интересом слушалось выступление *Й. Геррманна* (Германия) "О различных сторонах западнославянско-скандинавско-балтийских отношений в VIII–IX вв.". Докладчик остановился в основном на двух вопросах: 1) о связях славян, которые стали в VII в. доминирующей массой населения Южной Балтии, с остатками германцев; 2) о приморских торговых факторах – открытых поселениях с разноэтническим населением, в которых главную роль играли купцы и местная власть. Большой интерес вызвали также доклады *Т.И. Алексеевой* (Москва) "Антропология циркумбалтийского региона в эпоху средневековья", *И. Янссона* (Швеция) "Скандинавско-русские отношения в свете новых данных (скандинавские древности в Приильменье"), *В.Я. Петрухина* (Москва) «"Путь из варяг в греки": археология и письменные источники», *Е.А. Мельниковой* (Москва) "Культурная ассимиляция скандинавов на Руси по данным языка и рунической письменности", *В.Б. Перхавко* (Москва) "Древнерусские купцы в Подунавье (по археологическим данным)", *М. Пихо* (Эстония) "Археологические параллели сетуских украшений".

Различные вопросы торговых связей Древней Руси с широким привлечением археологического источникового фонда были рассмотрены в докладах московских археологов *Е.А. Рыбиной* "Новгород в системе балтийских связей", *Н.И. Асташевой* "Торговые связи Смоленска XII–XIV вв.", *З.М. Сергеевой* "Археологические материалы о торговле западнорусских земель в X–XIII вв.", *В.Ю. Коваля* "Керамика Востока в Древней Руси", а также в выступлениях *О.В. Иов* (Белоруссия) "Припятско-Неманский путь в IX–XI вв. в свете новых археологических данных" и *М.Е. Родиной* (Владимир) "Новые находки предметов восточного импорта во Владимире". Славяно-византийские отношения по материалам Восточной Македонии рассмотрены были в докладе *К. Трайковского* (Македония), взаимодействию славян с пермско-финским миром было посвящено выступление *Л.Д. Макарова* (Ижевск) "Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв.", этнокультурные процессы на юго-восточной окраине Руси анализировались в докладе *М.В. Цыбина* (Воронеж).

На секции "Племя, народность, земля, историко-культурный регион" в нескольких докладах обсуждались география, структура и состав населения исторически сложившихся территорий. Таковы выступления *И.В. Дубова* (С.-Петербург) "Новгородская и Ростовская земли (общее и особенности)", *Н.Н. Гончаровой* (Москва) "Население Новгородской земли по данным антропологии", *Н.А. Макарова* (Москва) "Белое озеро: историко-культурная ситуация X–XIII вв. по итогам полевых исследований 1980–1990-х годов", *Б.Н. Харлашова* (Псков) "Псковская земля в XIV–XV вв.", *И.В. Волкова* (Москва) "Приазовская Русь в XII–XIII вв.", *М. Дулинича* (Польша), "Археология Мазовии в период становления Польского государства" и др. В ряде докладов анализировалась этнокультурная ситуация в крупных регионах Европы. Среди них можно назвать доклады *А. Астраускаса* и *В. Шименаса* (Литва) "Центральная Литва в раннем средневековье", *А.В. Квятковской* (Белоруссия) "Этнокультурная ситуация в Верхнем Понеманье в IX–XIII вв.", *Т.Н. Коробушкиной* (Белоруссия) о древностях Белорусского Побужья, *О.Н. Левко* (Белоруссия) о населении Днепро-Двинского междуречья в VI–XI вв., *Е. Симоновой* (Венгрия) о славянском населении VII–XI вв. в Северо-Восточной Венгрии, *А.З. Винникова* и *Е.Ю. Кудрявцевой* (Воронеж) о поселениях XI – начала XIII в. в лесостепном Подонье. Одному из раннесредневековых племенных образований посвятил свой доклад *М. Парчевский* (Польша) "Загадочное племя лендзян на польско-древнерусском пограничье". *С.В. Борис* (Белоруссия) прочитал доклад "Полочане, литвины и Великий Новгород: хроника событий". Дискуссию вызвал доклад *А.А. Александрова* (Псков) "Псковские сопки", в котором эти

памятники ареально сопоставляются с "Ольгинской топонимикой" и относятся к древностям русов – выходцев из Скандинавии.

Весьма многообразной была тематика докладов, прочитанных на секции "Общество, экономика, ремесло". Славянскому обществу было посвящено два выступления – *В.Я. Конецкого* (Новгород) "Семья и община у славян Приильменья в конце I тыс. н.э." и *Х. Любке* (Германия) "Роль чужеземцев в раннесредневековом славянском обществе". В двух докладах рассматривалась проблема становления государственности *С.В. Тарасов* (Белоруссия) попытался осветить этот процесс на примере Полоцкого княжества, отождествляя его с ранним белорусским государством. *А.К. Кравцевич* (Белоруссия) говорил об образовании Великого литовского княжества, которому сопутствовали тесные балто-славянские контакты в Понеманье. К этим докладам примыкает выступление *Л. Басотовой* (Македония) "Политика Самуила по отношению к зетскому князю Владимиру".

В серии докладов анализировались различные стороны славянского ремесла. *А.Н. Кирпичников* (С.-Петербург) прочитал доклад "О начале производства мечей на Руси". Три выступления были посвящены железообрабатывающим ремеслам – *В.И. Завьялова* (Москва) "Древнерусские инновации в кузнечном ремесле пермских народов", *Т.Ю. Закуриной* (Псков) "Топография следов железоделательного и железообрабатывающего ремесла в Пскове" и *Л.С. Розановой* (Москва) "Традиции в технологии железообработки Изборска". Ювелирному делу посвятили свои доклады *Э.В. Королева* (Псков) "Ювелирное ремесло Пскова", *И.Е. Зайцева* (Москва) "Производственные ювелирные комплексы Серенского детинца и их место в системе застройки и планировки (XII–XIV вв.)" и *Н.В. Ениосова* (Москва) "Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова". Следует упомянуть и доклады, в которых нашли отражение иные ремесла: *В. Манойлович-Николич* (Югославия) "Костяная индустрия в Сербском Подунавье (IX–XIII вв.)", *Л.И. Смирнова* (Москва) "Костерезные мастерские Неревского и Людина концов средневекового Новгорода", *М.С. Сергеева* (Украина) "К истории деревообработки в древнерусских городах лесостепного Поднепровья", *В. Бебре* (Латвия) "Организация обувного производства в Риге в XII–XIV вв.", *О.М. Олейников* (Москва) "К вопросу о производстве стеклянных браслетов в Древней Руси".

Несомненный интерес представляют доклады, посвященные раннесредневековому судостроению. О находках остатков судов в Новгороде и реконструкции их рассказал *Г.Е. Дубровин* (Москва). Доклад *В. Филиповяка* (Польша) назывался "Славянские кораблестроение и портовые постройки в устье Одера". *П.Е. Сорокин* (С.-Петербург) прочитал доклад "Судостроительная традиция Древней Руси".

О системах земледелия в Древней Руси, в том числе подсечно-огневой, и размерах скота речь шла в выступлениях *С.П. Маслова* и *Ек. Е. Антипиной* (Москва), *Ю.А. Заяц* (Белоруссия) прочитал доклад "Роль земледелия и животноводства в хозяйстве горожан Белоруссии в X–XIII вв.". Выступление *Е.В. Салминой* (Псков) было посвящено характеристике рыболовства по археологическим материалам Пскова.

На секции "Вопросы средневековой культуры" было прочитано 30 докладов. Среди них можно выделить доклады *А.В. Чернецова* (Москва) "Трансформация элементов античной культуры в Древней Руси (по материалам прикладного искусства)", в котором по миниатюрам, мелкой пластике и резьбе прослеживались элементы античного наследия, *Ю.Л. Щаповой* (Москва) "Древнерусский эмалевый убор: к вопросу о происхождении", в котором была высказана новая мысль о технике производства рассматриваемых изделий, *В.Г. Пуцко* (Калуга) "Художественное ремесло Киева начала XIII в.", в котором исследователь выделяет три стилистические группы прикладного искусства и предпринимает попытку определения конкретных мастерских, *Т.В. Рождественской* (С.-Петербург) "Эпиграфика средневекового города в славянском контексте (к проблеме взаимодействия письменных культур)" и заслушанное на совместном заседании с секцией "Духовная культура" выступление *В.И. Поветкина* (Новгород) "Истоки музыкальной культуры Новгорода", продолжением которого был концерт древней музыки в Центре музыкальных древностей.

Древнерусские изделия из зерни получили стилистическо-технологическую характеристику в докладе *Н.В. Жилиной* (Москва). Зерненые украшения рассматривались также в выступлениях московских исследователей *Т.А. Пушкиной, Н.В. Ениосовой. Е.Ю. Новиковой.* Стеклянные изделия Руси анализировались в докладах *И.А. Дашковой* (Тверь), *Е.К. Столяровой, А.Г. Векслера* и *Ю.А. Лихтер* (Москва). Наборные пояса Гнездова были объектом анализа *В.В. Мурашевой* (Москва). Интересен доклад *У. Мюллера* (Германия) об орнаментированных бляхах, распространенных в XI–XII вв. в Северной Европе. Нельзя не упомянуть еще доклады московских исследователей *Р.А. Симонова* «"Учение" Кирика 1136 г. и календарные граффити Старой Рязани и Киева» и *С.С. Ширинского* "Кресты-энколпионы с обратной надписью как источник для истории церкви в Древней Руси", а также выступления *А. Буко* (Польша) о функции знаков на днищах гончарных сосудов и *Б.Б. Овчинниковой* (Екатеринбург) "Писала в средневековом Новгороде".

В ряде докладов исследователи попытались восстановить облик и развитие материальной культуры более или менее крупного региона. Таковы выступления *Г. Филиповской-Лазаревской* (Македония), *Л.В. Колединского* (Белоруссия), *Е.М. Веремейчик* (Украина), *П.Н. Травкина* (Плёс).

На секции "Духовная культура. Погребальная обрядность" заслушано 28 докладов. Среди них имеются интересные выступления, анализирующие различные стороны славянского язычества: *А. Валич* (Словения)

"Триглав – археологическая проблема", в котором рассказывалось о местах поклонения этому божеству в Приальпийском регионе и об его символах, *Л. Слупецкий* (Польша) о деревянных храмах на позднем этапе славянского язычества, *Р.В. Забашта* (Украина) "Скульптура, пластика славян-язычников и античная традиция", *Н. Чаусидис* (Македония) "Средневековые фибулы как источник южнославянского язычества", *Э.М. Зайковский* (Белоруссия) "Бык в языческих верованиях восточных славян", *С.В. Меснянкина* (Москва) "Погребальный обряд культуры длинных курганов как источник изучения язычества", *Ж. Бланкофф* (Бельгия) "Какие скоморохи? (по поводу кожаных масок, найденных в новгородских раскопках)" и др. Интересным было выступление *Л. Галушки* (Чехия) "Начало христианства у придунайских славян по материалам Угерского Градища".

Среди докладов по проблеме "Погребальная обрядность" большую ценность представляют выступления, обобщающие многолетние раскопочные исследования. Таковы доклады *Д. Янковича* (Югославия) "Погребальный обряд сербов в раннем средневековье", *И.И. Мовчана* (Украина) "Погребальные комплексы древнего Киева", *Н.Н. Милютиной* (Псков) "Древнерусский некрополь Пскова", *Е. Маневой* (Македония) "Средневековые некрополи Македонии", *Л. Блажевской* (Македония) "Погребальные обычаи по средневековым некрополям долины Вардара" и др. Следует также назвать доклады *А. Стальсберг* (Норвегия) "Интерпретация скандинавских погребений с ладьей на Руси" и *Л. Сёиринки-Хармо* и *П. Уйно* (Финляндия) о захоронениях по обряду кремации в Карелии. Безусловный интерес представляет участие в работе Секции этнологов, фольклористов и лингвистов. Среди прочитанных ими докладов назову три, принадлежащих московским исследователям: *О.В. Белова* «"Фольклорная археология" – интерпретация ископаемых остатков», *С.М. Толстая* «"Вторичное погребение" у славян. Магия и ритуал» и *Л.Н. Виноградова* «Представления о "хорошей" и "плохой" смерти в системе славянских архаических верований».

Активно функционировала секция "Архитектура и градостроительство". Работу ее открыл интересный доклад *Л.А. Беляева* (Москва) "О взаимоотношении романского и восточнохристианского элементов в культуре Руси X – начала XIII в.". Докладчик утверждал, что в первые века русской истории ощущалось заметное влияние со стороны Византии. В отличие от Западной Европы, Русь не имела римской или раннехристианской подосновы, византийские традиции перерабатывались на "варварской основе". Начиная с середины XI в. имела место встреча культурных влияний Византии и Запада. Романский стиль не сумел оказать формирующего воздействия на зодчество Руси, но его значение более существенно, чем это представлялось недавно.

Различным вопросам архитектуры Руси было посвящено несколько докладов. Среди них следует упомянуть выступления *О.М. Иоаннисяна* (С.-Петербург) "Деятельность романских мастеров на Руси в XII–XIII вв.", *О.А. Трусова* (Белоруссия) "Гродненская архитектурная школа", *Вл. Седова* (Москва) "Новгородская архитектура первой половины XIV в.", *Е.Н. Торшина* (С.-Петербург) "О взаимосвязи архитектурно-строительных традиций в киевском зодчестве рубежа XII и XIII вв.".

Архитектура западнославянского ареала рассматривалась в четырех докладах. Выступление *А. Фиалы* (Словакия) было посвящено великоморавской базилике IX в., открытой раскопками в Братиславском замке. *Е. Кубица* (Польша) прочитала доклад об археологическом изучении памятников раннесредневековой архитектуры Малопольши, *Т. Барановский* (Польша) рассказал об остатках деревянного костела XI в., выявленных раскопками в Калише, *М. Миленкович* (Югославия) – о результатах исследований в Костол-Понтесе.

Весьма многогранной была тематика выступлений на секции "Нумизматика и сфрагистика". *С. Суходольский* (Польша) предложил свой метод классификации монет. Доклад *Н.Ф. Котляра* (Украина) был посвящен классификации и хронологизации древнерусских монетных гривен. Монеты VI–VIII вв. Среднедунайского региона анализировались в докладе *М. Козуба* (Польша), а византийские монеты XII–XIV вв. из Марковой Кулы в докладе *Л* и *М. Мандич* (Югославия). *В.Н. Рябцевич* (Белоруссия) исследовал Козенковский клад куфических монет. Два доклада (*Б.Д. Ершевского* – Новгород; *Л. Квизикявичюса* – Литва) были посвящены торговым пломбам. *В. Булгакова* (Украина) прочитала доклад о печатях "Дънеслово", *С.В. Белецкий* (С.-Петербург) о лично-родовых знаках князей Рюриковичей.

На заседании секции "Методология и естественнонаучные методы" обсуждались вопросы использования геофизики в археологических изысканиях (*А.С. Зайцев, Т.Н. Костюкова, М.Э. Аронзон, А.Г. Векслер, А.В. Шилобреев* – Москва), сохранения культурных напластований (*Т.В. Гусева* – Нижний Новгород, *А.С. Дворников* – Тверь) и компьютерной обработки археологических объектов и находок (*С.А. Даненков, Л.В. Кондрашев, Ю.А. Лихтер* – Москва, *И.В. Болдин* – Калуга).

Проведение Конгресса в Новгороде – важное событие в научной жизни России, которое даст новый импульс исследованиям в области славянской и европейской археологии. Научные результаты конгресса неоценимы, но его окончательные итоги могут быть подведены и осмыслены только после публикации "Трудов" этого форума. Конгресс показал, что дальнейшее развитие археологической славистики требует постоянной координации региональных изысканий, оно невозможно без регулярного научного общения и обсуждения дискуссионных тем. Безусловно, конгресс во многом способствовал расширению и укреплению сотрудничества ученых разных стран и разных профилей.

Во время работы конгресса состоялось два заседания Исполнительного комитета и Постоянного совета Международной унии славянской археологии. Генеральным секретарем Унии на новый семилетний срок избран директор Археологического института Словацкой Академии наук Александр Рутткаи.

Институт археологии РАН,
Москва

В.В. Седов

КОНГРЕСС «100 лет ГУННСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»

(Улан-Удэ, 1996)

С 11 по 16 августа 1996 г. в столице Республики Бурятия г. Улан-Удэ проводился международный конгресс «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен». Конгресс проходил в рамках интерконгресса WAC (World Archaeological Congress); организаторами его являлись Институт общественных наук БНЦ, Сибирское Отделение РАН, Правительство Республики Бурятия, Читинский педагогический институт им. Н.Г. Чернышевского, научно-производственные центры охраны памятников истории и культуры Бурятии и Читинской обл. Финансовую поддержку конгрессу оказал Российский гуманитарный научный фонд.

В пленарных и секционных заседаниях приняли участие более 80 человек из Великобритании, России, США, Франции и Японии. Несмотря на финансовые сложности, достаточно представительной оказалась и география российских участников: от Махачкалы и Москвы до Магадана и Владивостока. К сожалению, в работе конгресса не смогли принять участие исследователи из других государств СНГ, Монголии и Китая.

Открытие конгресса и первое пленарное заседание проходили 12 августа в здании Совета Министров Республики Бурятия. С приветственным словом к участникам конгресса обратились директор Института общественных наук БНЦ СО РАН В.Ц. Найдаков, зам. председателя правительства Бурятии Л.Ч. Нимаева, дид-хамбо лама, член WAC М. Дюмефри, замминистра культуры Бурятии А. Майорова и ряд других лиц.

На пленарном заседании были заслушаны четыре научных доклада. Первый пленарный доклад «Характерные черты кочевых империй» был прочитан *Н.Н. Крадиным* (Владивосток). Докладчик показал, что «кочевые империи» являлись пиком централизации скотоводческих народов. Он отметил двойственную, противоречивую природу империй кочевников, которые имели автократический и «государственноподобный» вид снаружи, но в то же время оставались консультативными и племенными изнутри. Докладчик также остановился на основных путях эволюции империй номадов и главных вариантах взаимодействия «кочевых империй» и земледельческих цивилизаций.

Второй доклад *П.Б. Коновалова* (Улан-Удэ) «Археология хунну: итоги и перспективы» был непосредственно приурочен к столетнему юбилею хуннской археологии. Автор обобщил результаты исследований российских, монгольских и китайских исследователей последних десятилетий, очертил основные гипотезы относительно местонахождения «хуннской прародины». По его мнению, следы ранних хунну (сюнну) следует искать к северо-востоку от Ордоса в исследованных китайскими археологами памятниках VIII–IV вв. до н.э. В то же время докладчик отметил самобытность раннекочевнических культур восточной части Центральной Азии и отличие их от мира «скифо-сибирского», а также подчеркнул преемственность хунну с более поздними культурами монголоязычных народов.

Следующее выступление *Б.Б. Дашибалова* (Улан-Удэ) «Кочевники – связующее звено Евразийской циливизации», как и первый доклад, было посвящено общетеоретическим проблемам кочевниковедения. Автор подверг критике представления о номадах как о синониме жестокости и варварства. По мнению докладчика, кочевники являлись «медиаторами истории» – посредниками, соединявшими различные народы и культуры в единую Евразийскую цивилизацию.

Завершил пленарное заседание доклад *М.В. Константинова* (Чита) «В преддверии номадизма (Охотники и рыболовы Байкальской Азии в эпоху камня)». Автор остановился на основных проблемах изучения палеолитических и неолитических культур подвижных охотников и собирателей Забайкалья, показал предпосылки становления кочевничества в Байкальской Азии.

Секционные заседания конгресса проводились в живописном местечке в окрестностях Улан-Удэ под названием Сосновый бор. Работа велась по четырем секциям. Секция «Гунны: этнос, история, культура» была посвящена изучению археологии и истории хунну (сюнну) и гуннов, подведению основных итогов хуннской археологии и обсуждению наиболее актуальных в настоящее время вопросов. Особый интерес

© Н.Н. Крадин, 1997 г.

вызвали доклады, посвященные истории хуннов в период между началом их миграции на Запад и их появлением у границ Римской империи (*С.Г. Боталов* (Челябинск) «Зауральская Гунния II–IV вв. н.э.», *Л.Б. Гмыря* (Махачкала) «Гунны в Дагестане» и др.).

На секции «Номадизм в системе древних цивилизаций» обсуждался широкий круг теоретических и конкретно-исторических вопросов эволюции скотоводческих обществ. Большое внимание слушателей привлекли доклады *Т.Д. Скрынниковой* (Улан-Удэ) о ряде монгольских «юридических» терминов, свидетельствующих, по мнению автора, о предгосударственной природе Монгольской империи, геолога *Т.Т. Тайсаева* (Улан-Удэ) о связи геохимических процессов с этногенезом в Байкальской Азии, *Э.С. Львовой* (Москва) об особенностях отношений между скотоводами и земледельцами в Африке, *Е. Фридман* (США) о начальных этапах одомашнивания лошади в евразийских степях, *К. Финн* (Великобритания) о стереотипах восприятия кочевников в научной и художественной литературе.

На секции «Духовная культура и мировоззрение населения евразийских степей» был представлен широкий спектр докладов по самым разнообразным проблемам идеологии скотоводческих обществ. Так, например, *А.И. Гоголев* (Якутск) рассмотрел раннекочевнические традиции в духовной культуре якутов. *В.А. Кореняко* (Москва) остановился на проблеме происхождения и эволюции анималистического искусства у номадов, *А.И. Тугутов* (Улан-Удэ) сопоставил культ Вечного неба у хунну и средневековых монголов. Большую полемику вызвали вопросы трактовки изображений на знаменитых оленных камнях Забайкалья и Монголии (*А.В. Варенов* (Новосибирск) и др.).

В работе четвертой секции «Палеоэкология древних обществ» приняли участие главным образом специалисты по археологии каменного века Сибири и Дальнего Востока. Пристальное внимание привлекли выступления *В.А. Лынши* (Уссурийск) о критериях выделения стадии мезолита, *А.А. Орехова* (Магадан) об особенностях приморской адаптации первобытных культур Берингоморья, *Л.В. Лбовой* (Улан-Удэ) о хронологических рамках верхнего палеолита в Забайкалье, а также ряд других интересных докладов.

Более подробную информацию можно получить из двух выпусков тезисов докладов конгресса на русском и английском языках (100 лет гуннской археологии.., 1996).

Организаторы конгресса подготовили обширную экскурсионную программу для участников и гостей конгресса. В первый день было организовано посещение выставок «Хунну – история, культура, исследования» (Музей БНЦ СО РАН) и «Шаманизм в Бурятии: материалы полевых исследований XIX–XX вв.» (Хранилище восточных рукописей БНЦ СО РАН). Во второй день участники посетили всемирно известное Иволгинское городище и стоянку каменного века Ошурково. В третий день участники секции «Палеоэкология древних обществ» провели выездное заседание на палеолитических памятниках в окрестностях г. Улан-Удэ, а вечером все желающие побывали в Бурятском республиканском этнографическом музее под открытым небом.

В последние два дня работы конгресса участники выехали в г. Кяхту, где посетили раскопки уникального 55-го кургана хуннского княжеского могильника в Ильмовой пади и Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева, в котором специально была развернута расширенная экспозиция хуннских материалов. Тем самым организаторы и участники конгресса отдали должное памяти Ю.Д. Талько-Гринцевича, стоявшего у истоков хуннской археологии в Забайкалье.

На заключительном заседании, которое было приурочено к 15 августа – Дню археолога, была принята резолюция, в которой отмечалась важность проведения подобных мероприятий для развития контактов между учеными различных стран и научных школ. Было решено опубликовать материалы конгресса несколькими тематическими сборниками и, самое главное, сделать проведение данного международного форума кочевниковедов традиционным.

После официального закрытия конгресса гостям была предложена экскурсия по археологическим памятникам Бурятии и Читинской обл. Участники конгресса надолго запомнят искренность и радушие организаторов, предпринявших титанические усилия по организации и проведению конгресса в столь сложное для российской науки время. Симпозиум прошел в теплой дрежественной обстановке и способствовал продуктивному обсуждению различных актуальных вопросов хуннской археологии и более общих дискуссионных проблем кочевниковедения.

Институт истории, археологии
и этнографии ДВО РАН, Владивосток *Н.Н. Крадин*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тез. докл. Ч. I–II. Улан-Удэ, 1996.

О ЮБИЛЕЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЫ В АФИНАХ

В середине сентября 1996 г. в Афинах прошли мероприятия, посвященные 150-летию Французской школы в Афинах – одного из самых известных и самых заслуженных мировых центров в области классической археологии.

Французская школа была создана в 1846 г. в соответствии с ордонансом короля Луи-Филиппа от 16 сентября как «школа совершенствования в изучении греческого языка, истории и древностей». Один из первых директоров школы Т. Омоль справедливо указывал, что условия для ее возникновения создали две революции: политическая и литературная. Под политической революцией подразумевалась борьба Греции за независимость от Оттоманской Порты, приведшая к провозглашению в 1822 г. независимого государства (признанного Англией, Россией и Францией в 1830 г.), под литературной – романтизм, который соединял в себе как восхищение великими достижениями древнегреческого гения, так и горячее сочувствие героической борьбе современных греков за свою свободу.

Французская школа в Афинах занимает особое место среди научных учреждений как Греции, так и Франции. Она была первым французским зарубежным научным центром и первым среди ныне весьма многочисленных иностранных археологических институтов, созданных в XIX и XX вв. в Греции. Хотя первоначально археология не занимала ведущего места среди тех задач, которые ставились перед школой, однако уже в 1852–1853 гг. Э. Бюле осуществил первые раскопки в районе Акрополя, а немного позднее были проведены и первые рекогносцировки в Дельфах. Археология стала основным содержанием деятельности Французской школы с 70-х годов прошлого века, когда началась эпоха «великих раскопок»: на Делосе (с 1873 г.) и в Дельфах (с 1877 г.). В 1898 г. вышел в свет первый том «Bulletin de Correspondance hellénique», ставшего одним из ведущих и наиболее авторитетных антиковедных журналов в мире.

Заслуги Французской школы в Афинах перед мировым антиковедением огромны. Нет нужды перечислять все центры античного мира, в которых ее сотрудники проводили археологические раскопки, и регионы, где осуществлялись разведки, – они хорошо известны всем антиковедам. Достаточно сказать, что сейчас Французская школа осуществляет свои исследования в Аргосе, Дельфах, Малии, Дикили Таше, на островах Делос и Фазос. Ею же проводятся раскопки и на о-ве Кипр – в Амафунте. К этому впечатляющему перечню необходимо добавить также и многочисленные совместные греко-французские раскопки спасательного характера.

Специалисты хорошо знают и те публикации результатов археологических раскопок (а также различных исследований, созданных на базе полученных в ходе этих раскопок материлаов), целый ряд из которых начал издаваться более ста лет тому назад: «Études péloponnesiennes», «Études crétoises», «Études thasiennes», «Exploration atchéologique de Délos», «Fouilles de Delphes», «Corpus des inscriptions de Delphes», «Études chypriotes», «Recherches franco-héllenіques», «Travaux et mémoires», «Supplements du Bulletin de Correspondance hellénique». Широко известны также труды, выходящие в серии «Bibliotheque des Ecoles Françaises d'Athènes et de Rome». Большой популярностью пользуются и изданные школой путеводители по различным центрам Греции.

Уже практически с самого момента основания Французская школа в Афинах стала основным центром подготовки специалистов самой высокой квалификации в области классической археологии, а также античной истории. Первоначально членами школы могли стать (по конкурсу) только выпускники Высшей Нормальной школы, затем было разрешено принимать участие в конкурсе и выпускникам из других университетов. С 1900 г. был открыт доступ в школу и иностранцам. Высокий научный уровень подготовки обеспечивается в значительной мере благодаря тому обстоятельству, что французская школа в Афинах в научном отношении подчиняется Академии надписей и изящной словесности (эта ситуация остается неизменной с 1850 г., несмотря на неоднократное изменение административной принадлежности школы). От Академии в значительной мере зависит и назначение директора школы. Надо отдать должное Академии, которая всегда находила очень достойных кандидатов на этот пост. Достаточно перечислить имена директоров, которые всегда принадлежали к числу крупнейших представителей французского акниковедения: А. Давелю (1846–1867 гг.), Э. Бюрнуф (1867–1875 гг.), А. Дюмон (1875–1878 гг.), П. Фукар (1878–1890 гг.), Т. Омоль (1890–1903 и 1912–1913 гг.), М. Олло (1903–1912 гг.), Ж. Фужере (1913–1919 гг.), Ш. Пикар (1919–1925 гг.), П. Руссель (1925–1935 гг.), Р. Деманжель (1936–1950 гг.), Ж. До (1950–1969 гг.), П. Амандри (1969–1981 гг.), О. Пикар (1981–1992 гг.), Р. Этьенн (с 1992 г.).

Мероприятия в связи с юбилеем Французской школы в Афинах начались 15 сентября, когда премьер-министр Франции А. Жюппе и премьер-министр Греции К. Симитис открыли памятную стелу в честь ее 150-летия. 16 сентября состоялось торжественное заседание Афинской академии, на котором присутствовал президент Греции К. Стефанопулос. Основной доклад на тему «Эллинизм и Франция» сделал *Ж. Леклан*, непременный секретарь Академии надписей и изящной словесности; кроме того, выступили с

© Г.А. Кошеленко, 1997 г.

сообщениями академик *С. Яковидис* и *П. Амандри* (иностранный член Афинской академии). В тот же день в помещении Национального археологического музея министр просвещения Франции Ф. Байру и министр культуры Греции С. Бенос открыли выставку «Пространство Греции. 150 лет раскопок Французской школы в Афинах». 17–19 сентября в помещении Французского института в Афинах (созданного на базе школы в 1900 г.) проходил коллоквиум под названием «Политика археологии от середины XIX века вплоть до зари XXI века».

Основная идея коллоквиума состояла в том, чтобы организовать диалог между несколькими категориями людей, которые в обычных условиях практически никогда не взаимодействуют: историками международных отношений и культуры, лицами, ответственными за археологическую политику в различных европейских странах, археологами и архитекторами-археологами. Вся проблематика коллоквиума вращалась вокруг трех основных проблем, каждой из которых был посвящен один из полных дней работы.

Первая из них была названа в программе коллоквиума следующим образом: «Вчера: политика и археология (от середины XIX в. до середины XX в.)» и была посвящена собственно историческим проблемам, в частности политике европейских держав в Восточном Средиземноморье в XIX в., тем особенностям политической ситуации, которые привели к созданию Французской школы в Афинах и ее дальнейшей эволюции, возникновению других археологических центров, месту археологии в международной политике нового времени. В рамках этой проблематики были заслушаны и обсуждены следующие доклады: «Греция и иностранные раскопки. Политика по отношению к молодой нации со стороны "старых" цивилизаций (XIX–XX вв.)» (*А. Калпаксис*, профессор университета в Рефимно, Греция), «Греческие исследования с берлинской точки зрения» (*А. Борбайн*, профессор классической археологии Свободного университета, Берлин), «Археологические миссии как инструмент политики» (*М. Петричиолли*, профессор факультета политических наук Римского университета), «Роль греческой археологии в Великобритании (XIX–XX вв.) и ее проявление в международных отношениях» (*Д. Уитли*, профессор Уэльского университета), «Предыстория одного института: научная экспедиция в Морею в 1829 г.» (*Д. Гранж*, профессор III университета в Гренобле), «Французская археология в Греции: археологическая политика и средиземноморская политика, 1798–1945 гг.» (*Э. Гран-Эмерик*, профессор античной литературы), «Археология и французская дипломатия на Среднем Востоке: от 80-х годов XIX в. до начала 30-х годов XX в.» (*Ж. Тоби*, почетный профессор VIII Парижского университета), «Археологические исследования – проявление могущества? Археология в сердце современных международных отношений. Пример Французской школы в Афинах» (*Ж.-М. Делонэ*, преподаватель истории современных международных отношений в I Парижском университете – Сорбонна-Пантеон).

Вторая проблема имела название «Завтра: археология за рубежом на заре XXI в.». Организаторы коллоквиума отметили, что археология оправдывает свое существование сегодня путем постоянного обращения к целому ряду таких понятий, как «наследие», «культура», «наука». В связи с этим они поставили перед докладчиками, выступавшими по этой проблеме, ряд важнейших вопросов, которые были сформулированы следующим образом: 1) какое наследие, для кого и почему? 2) какая культура и для кого? 3) какой имеется сегодня в различных европейских странах социальный интерес для исследования эллинизма? 4) какие формы международного сотрудничества необходимо поддерживать и в каких направлениях вести исследования? В ходе обсуждения данной проблемы особое место занимали два ее аспекта: выступления лиц (в основном из Франции), непосредственно отвечающих за формулирование и проведение в жизнь археологической политики, а также взаимоотношения стран, «принимающих» иностранные археологические миссии, и стран, «посылающих» эти миссии. В ходе обсуждения данной проблематики были заслушаны и обсуждены следующие доклады: «Археологическое знание: от прошлого к настоящему» (*А. Шнап*, профессор I Парижского университета – Сорбонна-Пантеон), «Кипр и иностранные археологические миссии» (*Д. Христу*, директор Археологической службы Кипра), «Роль иностранных археологических миссий в Египте на заре XXI в.» (*Ф. Хайкал*, профессор египтологии в Американском университете в Каире), «Политика в отношении французских раскопок за рубежом» (*Б. Малоза*, заместитель директора Дирекции технического и научного сотрудничества МИД Франции), «Министерство культуры: прием иностранных экспедиций и действия за рубежом» (*В. Дибол*, заместитель директора Службы археологии Министерства культуры Франции), «Немецкий археологический институт и его раскопки за рубежом» (*Х. Кириеляйс*, президент Немецкого археологического института), «Британская археология за рубежом. Будущее» (*Д. Кадоган*, руководитель Британской школы в Афинах), «Швейцарская археологическая политика за пределами национальных границ, или пределы индивидуальной инициативы» (*П. Дюкре*, директор Швейцарской школы в Афинах), «Археологическая политика Италии в Греции» (*А.Ди Вита*, директор Итальянской школы в Афинах), «Политика Испании: желательное будущее» (*К. Арке*, директор Испанской школы истории и археологии в Риме), «Албанская археология: старая и новая организация» (*Ф. Пренди* – зав. Отделом первобытной археологии Института археологии в Тиране), «Институт археологии Румынской академии и Французская школа в Афинах» (*П. Александреску*, директор Института археологии Академии наук Румынии в Бухаресте), «Организация археологии в России и роль иностранных миссий» (*Г. Кошеленко*, зав. Отделом

классической археологии Института археологии РАН), «Оси археологической политики Европы» (*Т. Акенс*, профессор археологии в университете Лувэна, Бельгия).

Последняя тема, которая обсуждалась в ходе работ коллоквиума, называлась «Сегодня и завтра: политика в отношении памятников». Суть обсуждавшихся вопросов состояла в том, каким образом включить открытые при раскопках памятники в «живую ткань» современной жизни, каковы должны быть принципы консервации и реставрации памятников, каким образом они должны быть «представлены» нашим современникам, как разрешать противоречия между массовым туризмом и сохранностью памятников археологии. В ходе обсуждения данной темы были заслушаны следующие доклады: «Очерк истории и практики устройства археологических памятников» (*П. Пино*, профессор Архитектурной школы в Париже), «Греческая политика в отношении археологических памятников» (*И. Димакопулос*, директор Службы реставрации Греции), «Взгляд на археологические памятники: кипрский пример» (*В. Карагиоргис*, профессор университета в Никосии), «Французская политика в отношении археологических памятников» (*М. Готье*, генеральный инспектор археологии Франции), «Передача знания: пример святилища Траяна в Пергаме» (*К. Нолен*, профессор-инженер, Германия), «Необходимость в управлении археологическими памятниками» (*В. Ламбринудакис*, профессор университета в Афинах), «Передача знания или оптическая иллюзия? Несколько эпистемологических наблюдений относительно модных современных взглядов на "идеальное" восстановление древних городов» (*П. Гро*, профессор университета Прованса), «Акрополь Афин и его новый музей» (*П. Каллигас*, эфор древностей Акрополя), «Остров Фера: проблема использования большого археологического памятника» (*Х. Думас*, профессор первобытной археологии Афинского университета), «Сохранять, представлять, использовать. Аванш и его амфитеатр» (*Ф. Бридель*, ответственный за памятники Аванша, Франция), «Сохранение и/или туризм в Помпеях» (*П.Д. Гуццо*, суперинтендант археологических памятников Помпей), «Различные аспекты представления памятников» (*Ф. Фрэсс*, архитектор Французской школы в Афинах).

Итоги коллоквиума подвел в очень ярком и содержательном выступлении профессор I Парижского университета (Сорбонна-Пантеон) и предшествующий директор Французской школы *О. Пикар*.

Как видно из проблематики и названий докладов, данный коллоквиум представляет собой очень неординарное событие, на нем действительно встретились и вступили в диалог те специалисты, которые в обычных условиях делают это чрезвычайно редко. Можно полагать, что эта встреча будет очень полезна для всех, кто принял в ней участие, и позднее, когда будут изданы «Труды» коллоквиума, – для всех, кто их прочтет. Если попытаться резюмировать основную проблему данного мероприятия, то, вероятнее всего, ее можно будет определить следующим образом: «Археология в мире».

Отметим также, что к своему юбилею Французская школа в Афинах опубликовала два очень интересных труда: специальный номер журнала «Bulletin de correspondance hellénique» и сборник «L'espace grec». Первый из них включает в себя большое число статей, посвященных различным аспектам и периодам истории школы, второй является «развернутым» каталогом той выставки, о которой мы писали выше. Парижский монетный двор выпустил специальную памятную медаль в честь 150-летия Французской школы.

В завершение хотелось бы отметить два обстоятельства: юбилей продемонстрировал, какое место занимает в жизни современного европейского общества археология и как высоко оцениваются им заслуги лучших научных археологических учреждений; в то же время сама школа осталась верна своим лучшим традициям – она ознаменовала свою годовщину не только праздничными мероприятиями, но и проведением научного коллоквиума по самой важной проблеме современной археологии – ее месту в мире.

Институт археологии РАН,
Москва

Г.А. Кошеленко

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.Д. БЛАВАТСКОГО

(Москва, 1996)

26–27 февраля 1996 г. в Москве в Институте археологии РАН прошли VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского (1899–1981). В.Д. Блаватский являлся участником и инициатором исследований самых разных проблем истории и археологии Греции, Рима и Северного Причерноморья. Темы докладов, представленных на Чтения, касались многих разделов античной истории, археологии и культуры разных городов древней ойкумены. Они отразили многообразие интересов этого выдающегося ученого.

© Д.В. Григорьев, 1997 г.

На конференцию собрались антиковеды, как археологи, так и историки, из разных научных учреждений России и Украины. Рабочая обстановка конференции подтвердила, что Чтения давно превратились в традиционные встречи исследователей с целью обмена мнениями по научным вопросам и ознакомления с результатами деятельности своих коллег.

На открытии VI Чтений выступил директор института археологии РАН, д-р ист. наук, проф. *Р.М. Мунчаев*. Во вступительном слове он отметил заслуги В.Д. Блаватского как основоположника отечественного антиковедения, который был специалистом и в области собственно истории и археологии, и в области истории искусств и античной культуры в целом. Особенно значительный вклад Владимир Дмитриевич внес в исследование античной цивилизации в греческих государствах Северного Причерноморья. Докладчик выделил выдающуюся роль В.Д. Блаватского в воспитании целой школы археологов-антиковедов, а также его обширную международную научную деятельность.

Г.А. Кошеленко, зав. отделом классической археологии ИА РАН, в выступлении, посвященном памяти В.Д. Блаватского, обратил внимание участников Чтений на неоднозначные результаты разработки современными исследователями ряда важных идей, выдвинутых В.Д. Блаватским. Это относится к изучению палеоэкологических проблем в Северном Причерноморье, торговых связей эллинов с местными народами в отдельных районах Северного Понта в доколонизационный период, а также к работе со статистическими материалами, касающимися сельского хозяйства в древности. Докладчик выразил уверенность, что названные перспективные темы не останутся без внимания.

Работа конференции проходила по нескольким секциям. Доклады, представленные на одну из них, освещали проблемы истории и культуры античного мира в целом.

В.И. Козловская (Владимирский Государственный педагогический университет) выступила с докладом "Артемида Эфесская на Дальнем Западе: культ, его организация и распространение". Автор, анализируя данные письменных и археологических источников, показала значительное распространение культа Артемиды в ионийских колониях, на территории современных Восточной Испании и Южной Франции. Основную роль в этом сыграли фокейцы. Из археологического материала В.И. Козловская использовала в первую очередь известняковые блоки-ящики в виде храма с изображением Великой Богини (Артемиды), а также различные предметы ее культа. В докладе было обращено внимание на то, что распространенность культа этой богини на Дальнем Западе явилась результатом заинтересованности в нем местного иберийского населения.

В докладе "Легионеры в Аустеравии" *В.И. Кулаков* (ИА РАН) сообщил о контактах Римской империи с населением Янтарного Берега (северная часть Калининградской обл.) с целью организации непосредственной торговли между ними. В нескольких погребениях грунтового могильника, принадлежавшего местной родовой знати, обнаружены детали снаряжения римских легионеров эпохи Нерона. Это, по мнению докладчика, свидетельствует о посещении данной территории римскими воинами. Факт находок снаряжения в могильнике местного населения является результатом торговых сделок легионеров при обмене на янтарь.

М.Ю. Трейстер (ГМИИ им. А.С. Пушкина) в докладе "Леда и лебедь – оттиск матрицы на грузиле из Пантикапея" затронул вопросы датировки данной находки в связи с особенностями сюжета изображения, места производства матрицы и состава предметов, на которых делались подобные оттиски. В результате анализа деталей изображения на грузиле из Пантикапея докладчик датирует его первой половиной III в. до н.э. При рассмотрении ряда аналогий и особенностей произведенного оттиска был сделан вывод о пантикапейском происхождении матрицы и изготовлении ее специально для производства штампов на грузилах.

М.Г. Абрамзон (Магнитогорский Государственный педагогический институт) в докладе «"Коронационные" монеты фракийского царя Реметалка III» анализирует редкий тип монет, связанный с интронизацией римского ставленника во Фракии. Автор отметил скудость нарративных и эпиграфических источников для данного отрезка истории и важную роль изучаемой монеты как дополнительного источника, который может пролить некоторый свет на обстоятельства воцарения во Фракии Реметалка III и раскрыть еще одну страницу в истории внешней политики Рима в Северо-Западном Причерноморье.

И.М. Безрученко (ИА РАН) в докладе "Таблицы демиургов как источник по истории сельскохозяйственного производства Киренаики" представил анализ надписей демиургов, найденных в районе Кирены-Аполлонии и датируемых V–II вв. до н.э. В документах указаны объемы собираемых урожаев различных культур. Анализ этого материала позволяет говорить о рыночной ориентации хозяйств, находившихся под управлением демиургов. Подобная информация дает возможность реконструировать структуру хозяйства царского теменоса эпохи Баттиадов, который после свержения монархии перешел под управление коллегии демиургов. Приблизительная оценка доходности хозяйства по ценам, имеющимся в ряде надписей, позволяет говорить об ежегодной прибыли киренского царя, исчисляемой суммой не менее чем в сто талантов. Это согласуется с общим мнением античных авторов, говорящих о богатстве киренских царей.

Другая секция объединяла сообщения по истории и культуре Древнего Востока.

В докладе *Б.Я. Ставиского* (ВНИИР) "Еще раз о периодизации истории культуры Средней Азии" выделены этапы становления научной периодизации истории культуры данного региона. В.В. Бартольд,

А.Ю. Якубовский, Б.В. Веймарн создали первую научную периодизацию. Гранью между древней и средневековой эпохами являлись VIII–IX вв., когда домусульманская идеология сменяется исламистской. В 1940–1950-х годах под давлением партийной идеологии был внедрен "стадиальный" европоцентристский подход. С 1960–1970-х годов он начал постепенно изживаться. Меньшее идеологическое влияние перенесли более дробные разделы периодизации истории народов Средней Азии.

Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов, А.Н. Бадер (ИА РАН) сделали доклад "Греко-македонское завоевание Маргианы: к постановке проблемы". В нем авторы на основании сообщений древней письменной традиции определили границы Маргианы. При сопоставлении сведений древних о походах Александра Македонского сделан вывод о достоверности фактов, сообщаемых Курцием Руфом, о событиях в Средней Азии. В докладе отмечены особенности политики Александра Македонского на Востоке, в частности создание смешанного населения основываемых им городов.

В.Н. Пилипко (ИА РАН) в докладе "Вторая голова в шлеме из Старой Нисы" сообщил о важной находке фрагментов скульптуры, которую частично удалось реставрировать. Анализируя особенности изображений на шлеме, автор возражает трактовке рисунка "змееногой богини" для Северного Причерноморья как скифского божества. Он находит аналогии ей на обширной территории от Сицилии до Индии и высказывает мнение об ее чисто греческом происхождении. Докладчик выразил сомнение в том, что обе головы в шлеме из Старой Нисы являются изображениями парфянских царей или парфян, поскольку имеют ярко выраженный эллинизированный облик.

Т.К. Мкртычев (ГМшНВ) в докладе "Функциональное назначение комплексов южной вершины Карателе" рассмотрел существующие в научной литературе определения открытых сооружений "культовый центр" (В.Я. Ставиский), "пещерно-наземный буддийский храм" (Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян), "вихара для паломников" (В.В. Вертоградова). Автор пришел к выводу, что исследователи сосредоточились на констатации очевидных планировочных различий и попытках соотнесения выявленных сооружений с полученными благодаря эпиграфике буддийскими терминами, обозначающими культовые постройки. Он полагает, что сами архитектурно-планировочные решения комплексов южной вершины представляют наиболее объективный материал для решения проблемы их функционального назначения. Докладчик выделил несколько типовых планировочных зон: дворцы, святилища, ступы с окружающим пространством, помещения на склоне и пещерные сооружения, описал их конструктивные особенности, высказал предположение о функциональном назначении. Были сделаны следующие выводы: комплексы южной вершины Кара-тепе представляли небольшие монастыри, комплекс "В" к моменту своего сооружения, судя по надписям на керамике, мог именоваться "вихара правителя".

Наибольшая часть докладов на Чтениях была посвящена проблемам истории и культуры Северного Причерноморья.

С.Ю. Внуков (ИА РАН) в докладе "Новые данные по истории Северо-Западного Крыма" ознакомил с данными археологических раскопок последних лет в названном регионе. На основании результатов раскопок на городище Кара-Тобе и привлечения аналогичного материала с других поселений Северо-Западного Крыма автор предложил свои предварительные размышления о событиях периода Диофантовых войн и истории первых веков нашей эры.

Несколько докладов затрагивали вопросы, общие для Боспора в целом.

В сообщении *С.И. Болдырева* (ИА РАН) "Денежная реформа Левкона" предпринята попытка рассмотреть сообщение Полиена (VI, 9, 1) о финансовых мероприятиях Левкона. В отечественной историографии по этой проблеме существуют две точки зрения: М.И. Ростовцев, В.Ф. Гайдукевич, Д.П. Каллистов, Ф.В. Шелов-Коведяев относят эту стратегему к Левкону I. Д.Б. Шелов предлагает считать упомянутого у Полиена Левконом II. Докладчик считает мнение Д.Б. Шелова неубедительным, приводит отрывок из "Экономики" пс.-Аристотеля (II, 5,2; II, 21,9) о тиранах Гиппии и Дионисии Сиракузском, где они разовым действием изменяют значение номиналов серебряных монет. Анализ текстов Полиена и пс.-Аристотеля выявил их смысловую и структурную схожесть. Автор приходит к выводу, что речь у Полиена идет не о попытке реформировать монетное дело, в частности перечеканке (надчеканке) медной монеты, а о пополнении тираном своей казны. Анализ типологии монет Боспора в начале IV в. до н.э. дает новый тип "голова Сатира". Докладчик выдвинул предположение, что данные монеты начал чеканить не Сатир, а Левкон, после смерти отца, возможно, предпринявший попытку его героизации.

Доклад *Д.В. Григорьева* (ИА РАН) "Об отдельных спорных вопросах в изучении военного дела Боспора" был посвящен проблеме состава войска эллинских городов на Боспоре в ранний период истории и данным, свидетельствующим о наличии наемников. Докладчик пришел к выводу о неправомерности существующей точки зрения, отрицающей распространение гоплитов среди граждан греческих городов на Боспоре.

Е.А. Молев (Нижегородский Государственный университет) в докладе «Термин "Боспор" у Диодора» критически проанализировал точку зрения А.Н. Васильева о значении употребляемого Диодором термина "Боспор". Автор доклада сделал вывод, что в политическом смысле этот термин использовался еще до Диодора другими древними авторами. Сам сицилийский историк подразумевал под ним официальное наименование государства. Е.А. Молев считает, что "царь Понта" в отличие от "царя Боспора" у Диодора

употребляется в географическом смысле, а сам термин "Боспор" был первоначальным наименованием Пантикапея, впоследствии перешедшим на название государства.

В докладе *Н.В. Тарасовой* (ИА РАН) "Лепная керамика античных городов Северного Причерноморья (проблемы историографии)" были освещены основные результаты исследований археологов, непосредственно работавших с лепной керамикой античных городов юга России. Автор пришла к выводу, что в ходе многолетнего изучения керамики вырабатывались различные подходы и успешные в ряде случаев попытки культурной интерпретации материала.

Доклад *Н.А. Фроловой* (ГИМ) и *Э.Я. Николаевой* (ИА РАН) "Проблема континуитета и история позднеантичного Боспора по нумизматическим данным" затронул тему отражения нумизматическим материалом сложной связи между позднеантичным и раннесредневековым Боспором. Было обращено внимание на то, что идея континуитета на Боспоре не нова и существуют примеры, подтверждающие ее. Авторы подвергли критике результаты передатировки позднеантичного амфорного материала, произведенной А.В. Сазановым, и высказали мнение о необходимости более тщательного изучения данной проблемы.

Темы следующего блока сообщений относились к Европейскому Боспору.

Доклад *Н.И. Винокурова* (ЦДЮТ, Москва) "Итоги раскопок городища Артезиан в 1989–1995 гг." содержал ценные сведения о материальной культуре жителей данного поселения на территории Европейского Боспора на протяжении первой половины IV в. до н.э. – III в. н.э. Докладчик информировал о различного рода находках на городище и отдельных выводах, которые они позволяют сделать относительно истории и разных сторон жизни населения.

В докладе "Краснолаковая керамика I–III вв. н.э. из Пантикапея: предварительные наблюдения" *Д.В. Журавлев* (ГИМ) сообщил о возможностях выделения значительного количества центров производства краснолаковой керамики, обнаруженной в Пантикапее, в том числе и Западного Средиземноморья. Для этого необходимы продолжительные физико-химические исследования лака и глины имеющихся изделий.

А.А. Завойкин (ИА РАН) в докладе "О времени присоединения к Боспору Феодосии" рассмотрел комплекс данных литературной традиции, нумизматики, эпиграфики и археологии, которые что-либо могли прояснить в обозначенном вопросе. Отмечались противоречия в рассуждениях исследователей по датировке окончания боспоро-феодосийской войны. Автор предложил более позднюю дату этого события, поскольку письменные и нумизматические источники этому не противоречат. Докладчик высказал мнение о том, что разрушения на ряде памятников Европейского Боспора могли быть связаны с рассматриваемым событием и анализ археологических материалов, в частности фасосских клейм, позволит разъяснить этот вопрос.

В.Г. Зубарев (Тульский педагогический университет) прочитал доклад "К истории сельской территории Европейского Боспора в первые века нашей эры". Автор, сопоставляя письменные свидетельства древних авторов и археологические источники, пришел к следующим выводам. В конце I в. до н.э. – первых веках нашей эры создается единая система обороны Европейского Боспора, включающая систему земляных оборонительных валов, которые дополняют цепь хорошо укрепленных городищ, перекрывающих все важнейшие дороги с запада на восток и с севера на юг. В результате были созданы условия для ведения крупного землевладельческого хозяйства и максимально полного освоения аграрной территории восточнее Узунларского вала. Единовременность крупномасштабных фортификационных и строительных работ свидетельствует о непосредственном руководстве со стороны государства. Успешное осуществление программы, нашедшее отражение в "Географическом руководстве" Клавдия Птолемея, говорит об экономическом и политическом подъеме, который переживало Боспорское царство в первые века нашей эры.

Совместный доклад *А.А. Масленникова* (ИА РАН), *С.Л. Смекалова* и *Т.Н. Смекаловой* (Кафедра квантовых магнитных явлений Института физики СПбГУ) "Изучение развития исторического ландшафта и археологических памятников Керченского Приазовья в античную эпоху" показал пример эффективного использования экспериментальных методов естественных наук в археологии. Магниторазведка позволяет открывать памятники археологии, когда ни в рельефе местности, ни в растительности нет каких-либо признаков погребенных сооружений. В результате многолетнего сотрудничества Института физики НИИФ и Института археологии РАН по изучению Керченского Приазовья были произведены разведки и раскопки усадьбы "Бакланяя скала", в районе Чокракского озера, Узунларского вала. Применение естественнонаучных методов дает возможность выявлять и различать природные образования и антропогенные структуры в особенностях рельефа местности в зонах исторических ландшафтов.

Н.В. Молева (Нижегородский Государственный университет) в докладе "Древности эпохи камня и бронзы на античном городище Китей" подняла проблему присутствия в античных культурных слоях находок более ранних эпох. После анализа различных взглядов исследователей на эту тему, сообщений древних авторов и контекста находок эпохи камня и бронзы на отдельных городищах, в частности в Китее, предложены следующие выводы. Присутствие каменных реликтов в античных слоях не является случайным, большинство таких находок происходит из сакральных комплексов и, очевидно, связаны с культовыми обрядами. Находки, обнаруженные в хозяйственных либо погребальных сооружениях, свидетельствуют об использовании их в качестве апотропеев и оберегов в подземном мире.

О важных результатах археологических исследований сообщил *В.А. Хршановский* (Государственный

музей истории религии, Санкт-Петербург) в докладе "Погребения гуннского времени на некрополях Илурата и Китея". В 1987 г. в Илурате и в 1994 г. в Китее обнаружены погребения, согласно монетам и инвентарю, обнаруженному в них, гуннского времени. Автор дал описание погребальных сооружений и инвентаря, отметил, что погребения данного периода были обнаружены в Илурате и Китее впервые.

Проблемы археологии и истории азиатской части Боспора были представлены в следующей группе докладов.

В докладе "Палеогеография Боспора" *Ю.В. Горлов* (ИА РАН) проанализировал сведения античной письменной традиции, боспорской эпиграфики, результаты палеогеографического и геологического изучения Северо-Западного Кавказа и использовал материалы собственных археологических разведок 1990-х годов на Тамани и аэрофотоматериалы. Автор пришел к выводу о том, что гипотеза о существовании на месте Тамани архипелага островов в античный период не имеет под собой достаточных оснований, и предложил собственную реконструкцию географии Тамани.

А.А. Малышев (ИА РАН) в докладе "К вопросу о торговле Боспора с Прикубаньем" сделал попытку проследить становление торгово-обменной системы, упомянутой Страбоном (Strabo. XI. 2.10). Распространение античной керамики последней четверти VI–V вв. до н.э. по всему Прикубанью свидетельствует об оживлении контактов между античным миром и населением Прикубанья. Более многочисленны находки на левобережье, где они в значительной части связаны со всадническими захоронениями. На протяжении V в. до н.э. идет складывание трех основных политических центров в Прикубанье, центров "притяжения" дорогих предметов античного ремесла, поступающих из городов азиатского Боспора как дипломатические дары, дань или военная добыча. Погребальные сооружения, обнаруженные под Семибратними и Елизаветинскими курганами, не имеют местных корней и соперничают в роскоши с захоронениями боспорской аристократии. Отсутствие аналогичных сооружений на левобережье объясняется, по всей видимости, устойчивостью здесь традиций, связанных с институтом военной демократии. Возможно, об этих воинственных племенах упомянуто в новелле Полиена (Polyen, Strateg., VIII, 55). Широкое распространение античной керамики в Прикубанье со второй четверти IV в. до н.э., связанное с активизацией боспоро-прикубанских контактов, является одним из результатов процесса консолидации на Боспоре. Апогей боспорского могущества в Прикубанье, создание системы торгово-обменных отношений приходится на конец IV в. до н.э., что, думается, непосредственно связано с завершением междоусобной борьбы на Боспоре (Diod., XX, 22–24).

В докладе *Т.Г. Шавыриной* (УДН) "Погребения первых веков нашей эры, исследованные в 1991–1995 гг. на территории западного некрополя Фанагории" освещены результаты охранных раскопок на некрополе Фанагории. Обнаруженные захоронения отнесены к алано-меото-сарматской этнической группе. Даны описания особенностей погребального обряда и архитектуры, относящихся к этой группе населения. Сделан вывод о присутствии в Фанагории первых веков нашей эры различных социальных слоев варварского населения.

Кроме перечисленных, были прочитаны следующие сообщения: *Н.П. Сорокиной* (ГИМ) "Клейма эллинистического времени из Кеп", *Н.М. Смирновой* (ГМИИ им. А.С. Пушкина) "Новые находки греческих монет в Мерве", *Д.И. Данышина* (ИА РАН) "Некоторые вопросы классификации боспорских надгробных рельефов", *А.А. Никонова* (Институт физики Земли РАН), *В.П. Толстикова* (ГМИИ им. А.С. Пушкина), *А.А. Масленникова* (ИА РАН) "Новые археологические данные о землетрясении 63 г. до н.э.", *А.П. Мартемьянова* (Харьковский педагогический институт) "К вопросу о землевладении в Нижней Мезии и Фракии в первые века нашей эры", *Ю.П. Зайцева* "Погребальные комплексы с органическими остатками Усть-Альминского могильника в Крыму".

На закрытии Чтений выступила Т.В. Блаватская. Она выразила удовлетворение прошедшей конференцией и пожелала успехов всем участникам в их дальнейшей научной деятельности.

Институт археологии РАН,
Москва

Д.В. Григорьев

АРХЕОЛОГИЯ НА НАУЧНЫХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ В БРЯНСКЕ В 1995 – НАЧАЛЕ 1996 гг.

Брянская область и Подесенье в целом является археологически и исторически традиционной "переходной зоной". Уже одно это обстоятельство делает для ее изучения особенно важным привлечение специалистов как центральных научных учреждений, так и сопредельных с ней государств – Украины и Беларуси.

© Е.А. Шинаков, К.Н. Гаврилов, 1997 г.

В связи с этим в Брянске в 1995 и 1996 г. были проведены Первая межобластная и Первая межгосударственная конференции, посвященные специально Брянскому краю и Подесенью (включая Посеймье и прилегающие к Верхнему Подесенью орловские, смоленские и калужские территории).

Первая конференция (март 1995 г.) была приурочена к 50-летию Победы, поэтому археология занимала в ее программе сравнительно скромное место – восемь докладов из нескольких десятков. Конференция организовывалась БГПУ и Администрацией Брянской области.

В одном из археологических докладов, представленных на пленарном заседании (*Шинаков Е.А.* "Средневековые города Брянщины: современный этап изучения") проанализированы достижения, проблемы и трудности в изучении как летописных пунктов, так и предгородских по данным археологии центров, в частности в определении времени их возникновения, функций и локализации, а также степени изученности их материальной культуры к середине 1990-х гг.

Из секционных докладов три посвящались средневековым городам Черниговской земли: *Гурьянов В.Н.* (Брянск) "Новые данные о древнерусском Брянске"; *Зайцев В.В.* (Москва), *Шинаков Е.А.* (Брянск) "Севск и его округа в древности"; *Коваленко В.П.* (Чернигов) "К вопросу о взаимоотношениях феодальных городов и округи в Чернигово-Северской земле". Другие категории памятников затрагивались в докладах: *Миненко В.В.* (Брянск) "Феодальные замки на Брянщине"; *Ющенко Н.Е.* (Брянск) "К вопросу о топографии сельских поселений древнерусского времени в Стародубском ополье"; *Падина В.А.* (Трубчевск) "Некрополь Трубчевска в X–XII вв.". Новейшим исследованиям Брянской Древнерусской экспедиции в летописных Рогове и Синине Мосте было посвящено сообщение *Г.П. Полякова* и *Г.И. Шинаковой* "Археологические исследования Брянского краеведческого музея в 1994 г."

К сожалению, по техническим причинам тезисы докладов этой конференции были опубликованы со значительным опозданием.

На конференции "История и археология Подесенья" (апрель 1995 г.), посвященной памяти умершего 18 июня 1994 г. выдающегося брянского археолога Ф.М. Заверняева, археологическая проблематика занимала основное место. Организаторами конференции выступили: отдел досоветской истории БОКМ, кафедра истории России БГПУ, ОНПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры, Брянское отделение общества "Древности". Сборник тезисов докладов издавался на средства Управления культуры Администрации Брянской области.

К сожалению, далеко не все доклады, опубликованные впоследствии в сборнике тезисов "Деснинские древности", были представлены на самой конференции. В связи с этим вместо пяти предполагавшихся археологических секций было организовано три – "Каменный и бронзовый век", "Ранний железный век" и "Славяно-русские древности" (председатели Н.Д. Праслов (СПб), Е.А. Шмидт (Смоленск) и Е.А. Шинаков (Брянск)). Работа двух последних секций была затем объединена.

Географический диапазон участников конференции был достаточно широк: после Брянска и области первое место занимал Санкт-Петербург, затем Москва, Курск, Калуга, Смоленск, Орел, Чернигов, Минск, Киев, Тула.

На пленарном заседании были представлены три археологических доклада: *Шмидта Е.А.* "Обзор археологической деятельности Ф.М. Заверняева", *Падина В.А.* "К вопросу славян Подесенья", *Шинакова Е.А.* "Подесенье как историко-культурный регион". Особенный интерес вызвало выступление В.А. Падина, снова постулировавшего, теперь уже с привлечением недавно полученного материала (трубчевский антский клад VI–VII вв. н.э.) тезис о непрерывности славянского развития в Подесенье с рубежа н.э. (с почепской культуры).

Секция "Каменный и бронзовый век"

Пять из семи сделанных на заседаниях этой секции докладов посвящались анализу материалов, полученных Ф.М. Заверняевым при исследовании верхнепалеолитической стоянки Хотылёво II.

Н.Д. Праслов (СПб) в своем докладе "Об одной головке женской статуэтки из Хотылёво II или к вопросу о портрете в палеолитическую эпоху" вновь поднял казалось бы недавно забытый вопрос о возможности рассматривать некоторые палеолитические изображения людей как портретные. Одним из таких портретов конкретного человека Н.Д. Праслов считает найденную при раскопках Хотылёво II маленькую головку женской статуэтки.

В Докладе *А.Б. Селезнева* (Москва) "Технология первичного расщепления стоянки Хотылево II" давалась характеристика системы расщепления нуклеусов, а также пластин-заготовок различных категорий предметов со вторичной обработкой, определена степень их стандартизации.

А.А. Чубур (Курчатов) представил на суд публики доклад "О мамонтах с верхнепалеолитической стоянки Хотылево II (по материалам раскопок Ф.М. Заверняева в 1969–1981 гг.)". Докладчик охарактеризовал возрастной спектр мамонтов, чьи костные остатки обнаружены при раскопках памятника, а также особенности распределения костей этого животного на вскрытой Ф.М. Заверняевым площади. По мнению А.А. Чубура, южная, периферийная, часть поселения представляет собой участок естественного скопле-

ния остатков мамонтов, использовавшийся человеком "как источник топлива и строительно-поделочного сырья".

В докладе *Г.П. Григорьева* (СПб), к сожалению, не опубликованного в сборнике тезисов, была высказана мысль, что Хотылевская верхнепалеолитическая стоянка – памятник, оставленный населением, которое испытало на себе влияние костенковско-авдеевской культуры.

В докладе *К.Н. Гаврилова* (Москва) "Планировка Хотылевскго верхнепалеолитического поселения" была представлена реконструкция планировки Хотылево II, сделанная на основе анализа архивных материалов по раскопкам Ф.М. Заверняева. По мнению докладчика, есть все основания предполагать существование на вскрытой площади стоянки остатков трех округлых в плане конструкций, две из которых могли иметь жилой характер. Этот доклад по техническим причинам не был опубликован. Вместо него в сборник тезисов вошло совместное сообщение *К.Н. Гаврилова* и *Е.В. Воскресенской* "Новые исследования верхнепалеолитической стоянки Хотылево II".

Следующий доклад *Г.В. Григорьевой* (СПб) был посвящен материалам другой верхнепалеолитической стоянки на Брянщине – Юдиново I ("Орудия охоты позднепалеолитической стоянки Юдиново"). Докладчик дала систематическую характеристику изделий из бивней и костей мамонтов, интерпретируемых как орудия охоты. Проанализированы особенности орнаментации и планиграфического распределения этих предметов. По мнению Г.В. Григорьевой, "наличие в Юдиново костяных изделий, их орнаментация, сближают памятник с мадленскими стоянками Центральной и Западной Европы". Отмечает их друг от друга использование различного сырья: костей и бивней мамонта в Юдиново и рога северного оленя в Центральной и Западной Европе.

Последнее выступление на Секции было связано с эпохой бронзы. *А.Н. Рикунов* (Рогачев) в докладе "Несколько бронзовых изделий из находок в Рогачеве" продемонстрировал последние находки, сделанные автором в ходе обследований городища Замковой горы – исторического центра города. Особенный интерес участников заседаний вызвала бронзовая фигурка, по-видимому, горного козла. По мнению докладчика, вероятнее всего она "является предметом импорта с северного Кавказа и принадлежит к древностям Кобанской археологической культуры".

Помимо представленных докладов в программе конференции были заявлены и другие выступления, однако по различным причинам они не состоялись. Их тезисы были также опубликованы в сборнике "Деснинские древности": *Тарасов Л.М.* (СПб), "Мустьерские стоянки Верхней Десны"; *Абрамова З.А.* (СПб), "Особенности сюжетного искусства в палеолитических памятниках Верхней Десны"; *Сергин В.Я.* (Москва), "Об ориентировках входа в палеолитических жилищах"; *Грудинкин Б.В.* (Калуга), "Поселения каменного века на левых притоках Верхней Десны"; *Чубур А.А.* "Стоянка Савлуково I (материал к Своду памятников)"; *Ксензов В.П.* (Минск), "Первый этап Днепро-Деснинской культуры"; *Наумова Т.В.* (Тула), "Новый памятник Иеневской мезолитической культуры в бассейне Верхней Оки".

Секции "Ранний железный век" и "Славяно-русские древности"

В докладе *Е.А. Шмидта* указывалось на значение импульсов с юга, из Подесенья, в формировании как Днепро-Двинской (при преобладании местного элемента эпохи бронзы), так и тушемлинской культур (в последнем случае не сбрасывается со счетов и возможность восточного, мощинского влияния).

В докладе *Ю.Ю. Шевченко* (Чернигов) высказанная им ранее мысль об образовании почепской культуры, открытой Ф.М. Заверняевым, на базе смешения пшеворских, постпоянешти-лукашевских (певкино-бастарнских) и скифо-сарматских элементов была дополнена соображениями об ее завершении. "Полный финал почепских памятников Десны напрямую связан с расцветом именьковской культуры Поволжья". Нижняя и верхняя границы почепской культуры связываются автором с "походом Буребисты" сер. I в. до н.э., боспоро-сарматскими войнами конца II в. н.э. и началом движения готов.

Доклады *Г.А. Массалитиной* (Калуга), *В.В.* и *О.Н. Енуковых* (Курск) были посвящены отдельным элементам почепской, мощинской и киевско-колочинской культур. В первом из них на базе типологического сравнения круглых землянок почепской и мощинской культур заново аргументируется связь Подесенья и Поочья. Второй доклад устанавливает связь таких памятников, как Артюшково в Посеймье и Кветунь в Подесенье по погребальной обрядности. В обоих памятниках, "относящихся к периоду исканий" V–VII вв. при переходе от киевской к позднекалочинской культуре, впервые появляется такая деталь обряда захоронения, как курганная насыпь.

Этнокультурным аспектам истории Среднего и Верхнего Подесенья, уточнению этнических и племенных границ, облика отдельных поселений и микрорегионов в древнерусскую эпоху по материалам курганов посвящено три доклада: *Прошкин О.Л.* (Калуга), "К вопросу об иноэтничном населении Верхнего Подесенья в эпоху Древней Руси"; *Шинаков Е.А.* "Камерные захоронения Среднего Подесенья"; *Гурьянов В.Н.* "К вопросу о расселении кривичей на севере современной Брянщины".

Типология отдельных категорий предметов и в ряде случаев выяснение их этнокультурного содержания разработана в шести докладах. Три из них посвящены древнерусской керамике Подесенья (авторы – *Коваль В.Ю.* (Москва), *Шевцов Л.В.* (Киев), *Болдин И.В.* (Калуга)). По данной проблематике опубликованы также тезисы несостоявшегося доклада *И.Г. Сарычева* (Москва). Двум категориям украшений (амулетам-конькам и змеевикам) посвящены доклады *Модестова Ф.Э.* (Смоленск) и *Черненко Е.Е.* (Чернигов). В первом из них постулируется семантическая связь коньков с культом богини плодородия у балтов через один из ее атрибутов – коня.

Материалы исследований сельских поселений древнерусского времени обобщены в докладах *А.П. Моци, И.А. Готуна, В.П. Коваленко* (Киев, Чернигов). Особенно интересна публикация данных о более поздних сельских поселениях (*Шекун А.В.* (Чернигов), "Поселения второй половины XIII–XV вв. в междуречье Десны и Днепра").

Вопросам определения времени возникновения, этапам развития, социальной топографии городов (в основном Чернигова и Дебрянска, но также и Кричева) посвящались доклады *Уманец А.Н.* и *Шевченко Ю.Ю.* (Чернигов), *Андрощука Ф.А.* (Киев), *Полякова Г.П.* (Брянск), *Метельского А.А.* (Минск). Доклад и публикация Г.П. Полякова, по сути, представляют собой первую попытку ввести в научный оборот обширные и интересные материалы раскопок Ф.М. Заверняева на посаде "Чашина кургана" Брянска (раскопки 1976–1979 гг.).

Данные о сравнительно новых полевых исследованиях прозвучали в сообщениях *Стародубцева Г.Ю.* (Курск) о Гочево, *Чеплянской Е.А.* и *Ющенко Н.Е.* (Брянск) о севере Стародубского района, *Карпова Д.Н.* (Дятьково) о долине р. Болвы в пределах Дятьковского района, *Полякова Г.П.* о городищах Антоновка под Брянском, *Слюнченко Ю.И.* (Брянск) о городище Старый Почеп, *Игнатенко И.М.* и *Кузьминой Е.В.* (Чернигов) об усадьбе ремесленника в Чернигове, *Клянина Р.В.* (Венев) о городе Корнике.

Новый вариант локализации летописного Болдыжа (на городище Радогощь на р. Нерусса) представлен в докладе *Зайцева В.В.* (Москва). Кроме того, на секции славяно-русской археологии прозвучали "исторические" по содержанию доклады – *Раздорского А.И.* (СПб) и *Енукова В.В.* о Курском княжестве, а также *Новик Т.А.* и *Шевченко Ю.Ю.* об особой княжеской династии Чернигова скандинавского происхождения, но более связанной с ассиями и савирами, чем с Киевом, и пресекшейся между 1016 и 1023 гг. Первым Рюриковичем в Чернигове стал Мстислав Храбрый.

Для участников конференции организовывались экскурсии на Хотылевские палеолитические стоянки, на место основания первоначального ("Чашин Курган") и великокняжеского (Покровская гора) Брянска.

В конце апреля 1996 г. состоялась организованная Научным советом по исторической демографии и исторической географии Института истории РАН на базе БГПУ V Межвузовская конференция "Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России". Семь из прочитанных докладов прямо или косвенно были связаны с археологией. Проблем пограничий и особенностей их заселения касались доклады *В.В. Енукова, В.Н. Гурьянова, Н.А. Тропина* (Елец), отдельным памятникам и их типам – *Е.А. Шинакова* (о поселениях особого социально-хозяйственного назначения), *Г.А. Массалитиной* (по колочинской культуре) и *О.Л. Прошкина* (о комплексе поселений у г. Лихвин). Особо стоит отметить доклад *С.П. Щавелева* (Курск), выдвинувшего новую концепцию основания Курска выходцами из-под Новгорода, а также возникновения этнонима "северяне". Сухопутному пути из Посеймья в "Лесную землю" (Карачев) был посвящен доклад *Г.П. Полякова*, поддержавшего традиционную концепцию локализации Болдыжа на городище Слободка.

Е.А. Шинаков, К.Н. Гаврилов

Брянский государственный
педагогический университет

Институт археологии РАН,
Москва

ТРЕТИЙ СЕМИНАР "ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ДРЕВНОСТИ" (Тверь, 1996)

26–28 марта 1996 г. состоялся третий семинар "Тверская земля и сопредельные территории в древности", организованный Тверским Государственным объединенным историко-архитектурным и литературным музеем. В нем участвовало значительное число специалистов по каменному, бронзовому и раннему железному

© Л.В. Кольцов, 1997 г.

векам из Москвы, С.-Петербурга, Петрозаводска, Вологды, Иванова, Пензы, Твери, Череповца. Участники заслушали 21 доклад.

Финальному палеолиту был посвящен коллективный доклад *Г.В. Синицыной* (С.-Петербург), *Е.А. Спиридоновой* и *Ю.А. Лаврушина* (оба – Москва). Он касался датировки с помощью палинологических данных нижнего слоя стоянки Подол III (Тверская обл.). Авторы пришли к выводу о позднеаллередском возрасте слоя, в котором был обнаружен комплекс кремневых изделий с наконечниками типа Лингби. В докладе была дана характеристика природной обстановки района во время функционирования стоянки.

Серия сообщений касалась различных проблем мезолитического времени. В значительной степени с предыдущим перекликался доклад *Е.А. Спиридоновой* и *М.Г. Жилина* (Москва) об окружающей среде и фазах заселения стоянок Озерки 5 и 17 (Тверская обл.), где была дана их стратиграфия и характеристика окружающей природной среды во время их бытования как в мезолите, так и в раннем неолите. В докладе *Н.В. Косоруковой* (Череповец) освещались новые памятники типа опубликованной в начале 80-х годов С.В. Ошибкиной стоянки Андозеро-М. Автор доклада выявила серию аналогичных стоянок в бассейне Шексны, получила для двух из них радиоуглеродные датировки, что позволяет теперь более точно определить их хронологическое положение.

Доклад *М.М. Шахновича* (Петрозаводск) был посвящен мезолитическим памятникам Северной Карелии и их связям с аналогичными поселениями Северной Финляндии и Кольского п-ова, относящимся к культуре комса. Автор считает, что между ними прослеживается несомненное сходство, а различия носят характер локальных.

Два доклада по мезолиту носили теоретический характер. *В.В. Сидоров* (Москва) посвятил свое сообщение оценке заселения лесной зоны Восточной Европы. Он считает, что оно производилось с востока, из Сибири, а затем уже все мезолитические и неолитические культуры, постепенно трансформируясь, принимали известный археологам облик. Однако во время дискуссии никто из выступавших по докладу не согласился с ним; докладчику указали, что современные данные по хронологии и сами археологические материалы противоречат его построениям. *Л.В. Кольцов* (Москва) в своем докладе обобщил на большом материале характер взаимоотношений населения соседних культур в мезолите Северной Европы, выделив четыре формы (с вариантами) таких взаимоотношений: 1) отсутствие отношений; 2) одностороннее воздействие; 3) взаимодействие; 4) генетическая связь.

Группа докладов по неолиту была самой обширной. *Ю.Б. Цетлин* (Москва) классифицировал варианты контактов между населением древних культур, исходя из известных керамических материалов. Им были выделены 12 вариантов таких контактов и показана возможность их выявления по керамике. *В.В. Ставицкий* (Пенза) в своем докладе коснулся культурной принадлежности памятников бассейна р. Мокши с гребенчато-накольчатой керамикой. Он считает возможным связывать их с верхневолжской ранненеолитической культурой. *В.И. Тимофеев* (С.-Петербург) посвятил свой доклад цедмарской неолитической культуре, особенности которой, по его мнению, состояли в том, что она, являясь самым западным проявлением восточно-европейского лесного неолита, граничила с неолитическими культурами – носителями производящего хозяйства. *К.Э. Герман* (Петрозаводск) в сообщении о ранней гребенчатой керамике Карелии отнес ее возникновение к культуре сперрингс. *Н.В. Лобанова* (Петрозаводск) поместила рождение каргопольской неолитической культуры в IV тысячелетие до н.э. *И.В. Верещагина* (С.-Петербург) сообщила о датировке памятников с ямчато-гребенчатой керамикой на крайнем северо-востоке Европы: радиоуглеродные определения относят их ко второй половине V тысячелетия до н.э. *Т.М. Гусенцова* (С.-Петербург) охарактеризовала каменный инвентарь неолитических стоянок в бассейне р. Оять (Ленинградская обл.). Доклад *А.В. Уткина* и *Е.Л. Костылевой* (Иваново) осветил данные о волосовской фаллической скульптуре.

Бронзовому веку были посвящены два доклада. *К.В. Воронин* (Москва) обобщил данные о памятниках II тысячелетия до н.э. в Волго-Окском междуречье и к северу от Волги. По его мнению, в начале указанного периода здесь наблюдается крайне сложная культурная картина, а во второй половине II тысячелетия до н.э. она в значительной степени нивелируется, при этом основное значение в комплексах приобретает сетчатая керамика. Сообщение *Е.В. Волковой* (Москва) было посвящено экспериментальной реконструкции гончарной технологии фатьяновской культуры.

Два доклада касались проблем раннего железного века. *А.Н. Башенькин* (Вологда) охарактеризовал памятники этого времени бассейна среднего течения р. Мологи. За последние десятилетия здесь выявлены городища, селища и могильники, состоящие из грунтовых погребений (в том числе в сосудах-урнах), "домиков мертвых" и курганов. Получена большая серия радиокарбоновых датировок, помещающих памятники в промежуток IV в. до н.э. – V в. н.э. *А.Д. Максимов* (Тверь) сообщил о результатах раскопок селища Суходол 2 (Тверская обл.), которое он отнес к мощинской культуре с датировкой III–VII вв. н.э.

Два доклада носили широкий хронологический характер. *И.В. Исланова* (Москва) развернула картину историко-культурной организации северо-восточных районов Тверской обл. в хронологических рамках от мезолита до позднего средневековья, показав при этом четкое деление этого района во все периоды на две территориальные единицы. Интересный доклад *И.В. Калининой* (С.-Петербург) был посвящен находкам

предметов естественного происхождения и их функциям в археологических комплексах в широком хронологическом диапазоне.

Таким образом, семинар оказался очень интересным как по составу участников, так и по широкой научной проблематике, затронутой в их докладах. Многие доклады вызвали дискуссии, во время которых обсуждались самые разнообразные вопросы археологии. Результаты работы семинара будут опубликованы в "Тверском археологическом сборнике".

Семинар был прекрасно организован, за что участники выразили глубокую благодарность его главному вдохновителю – заместителю директора Тверского музея И.Н. Черных, который вложил в это дело массу сил и времени.

Институт археологии РАН,
Москва

Л.В. Кольцов

КОНФЕРЕНЦИЯ "UTMARK-96" И ИССЛЕДОВАНИЕ "ВНЕШНИХ РЕСУРСНЫХ ЗОН" СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ (ШВЕЦИЯ, 1996)

Шведское слово "Utmark" не находит точного соответствия в русском языке, хотя используется для обозначения объектов, хорошо знакомых исследователям традиционной культуры, средневековой истории и археологии севера Европейской России. Utmark (буквально – "внешняя земля", "земля, лежащая по ту сторону границы") – ресурсная зона, находящаяся за пределами основной освоенной территории сельских обществ, деревни с прилегающими сельскохозяйственными территориями. Это собирательное обозначение различных угодий и хозяйственных объектов, связанных главным образом с лесными промыслами – от охоты до производства железа сыродутным способом. Это понятие включает также и особые сельскохозяйственные участки – дальние поля и сенокосы, расположенные в лесу на значительном расстоянии от стационарных поселений. Конференция "Utmark-96", посвященная изучению, главным образом археологическому, подобных объектов, состоялась 25–29 сентября 1996 г. в небольшой деревне Тушбю в провинции Вэрмланд, недалеко от границы Швеции и Норвегии. Конференция была организована Археологическим институтом Лундского университета. Помимо археологов и историков из Швеции, Норвегии и Дании в ней приняли участие исследователи из Англии, Швейцарии, Финляндии и России, представившие в общей сложности 20 докладов.

Одним из исходных моментов для организации специальной конференции, посвященной археологическим памятникам "утмарка", можно считать укрепившееся в последнее десятилетие в скандинавской археологии представление, что использование "внешних территорий" сыграло огромную роль в жизни средневековой Скандинавии, а характер этого использования менялся в различные периоды вместе с меняющимися потребностями и техническими возможностями общества. При этом под "внешними территориями", "утмарком" имеется в виду не столько зона дальней колонизации, лежащая за полярным кругом или вблизи него и занимающая периферийное положение по отношению к основным политическим и экономическим центрам средневековой Скандинавии, сколько незаселенные (как правило, гористые и покрытые лесом) участки, лежащие в пределах основного массива староосвоенных земель и находившиеся, судя по документам позднего средневековья и раннего нового времени, в пользовании или собственности обитателей близлежащих деревень. Другим источником повышенного интереса к "внешним территориям" явилось широкое внедрение в археологию естественно-научных методов (анализов почв, спорово-пыльцевого анализа и радиоуглеродного датирования), сделавших доступными для содержательного исследования объекты, малопривлекательные и малоинформативные с точки зрения традиционной археологии (например, домницы для выплавки кричного железа или средневековые поля). Об этом рассказал в своем вступительном слове инициатор организации конференции и председатель оргкомитета профессор Лундского университета *Ханс Андерссон*.

Конференция открылась докладом *Герда Магнуссона* "Лес как ресурсная зона в различные периоды истории". Согласно Г. Магнуссону, слабозаселенные лесные территории Швеции и Финляндии представляют более благоприятные возможности для изучения землепользования и использования ресурсов "дикой природы" в различные исторические периоды, чем остальные части Европы. Специфический уклад быта и хозяйства, существовавший у населения глубинных лесных районов Швеции, был впервые описан в середине

© Н.А. Макаров, 1997 г.

XVI в. Олаусом Магнусом, однако археологические памятники этих районов стали предметом специального изучения лишь в 1960-е годы в связи со строительством электростанций в речных долинах. Главное содержание доклада – демонстрация различных путей использования леса в средневековье и в новое время. Автор показал многообразие археологических следов, которые оставляет в лесу хозяйственная деятельность человека. Среди этих объектов – остатки сооружений, связанных с охотой, выплавкой железа, выжиганием угля, производством дегтя. С другой стороны, и сам лес должен рассматриваться как культурный ландшафт, поскольку различные направления хозяйственной деятельности создавали различные виды леса. Лес для заготовки деловой древесины, лес для заготовки дров, лес, использовавшийся для выпаса скота, и лес для сбора ягод заметно различались по своему облику. Принципиальным Г. Магнуссон считает и тот факт, что население глубинных лесных районов Швеции жило не в изоляции, а, напротив, было тесно связано с различными районами Европы, в которые направлялась их "экспортная продукция".

В развитии сельского хозяйства Северной Европы и становлении сельскохозяйственного рынка в XVII–XVIII вв. большую роль сыграли сезонные летние поселения "шилинги", предназначавшиеся для содержания скота и заготовки сена вдали от основных поселений. Исследования последних лет показали, что "децентрализованная" система сельского хозяйства, предполагающая использование сезонных летних поселений, существовала еще в эпоху викингов, хотя, разумеется, могла существенно отличаться от позднейшей, известной по письменным источникам и этнографическим данным. Об использовании дальних пастбищ и лугов на Фарерских островах в эпоху викингов рассказал *Дитлев Малер* (доклад «"Шилинги" и их роль в экономике Фарерских островов в эпоху викингов и раннем средневековье»). Шилинги на Фарерских островах идентифицируются на основании соответствующих топонимов, остатки построек хорошо заметны на местности, для датировки построек используется радиоуглеродный метод. На наиболее исследованном поселении Аргисбрекка раскопано 17 сооружений IX–XI вв., среди которых жилые постройки, мастерские и хранилища. Постройки сооружались из торфа. Д. Малев полагает, что в эпоху викингов на Фарерах господствовала "децентрализованная" модель аграрной экономики с характерными для нее постоянными и сезонными поселениями. Впоследствии, не позднее рубежа XII–XIII вв., она сменилась иным типом хозяйства, при котором для выпаса скота использовались луга, окружавшие деревенские поля, т.е. скот находился ближе к основному поселению. Причины этих изменений пока не ясны.

Формирование системы летних деревень в Норвегии рассмотрено в докладе *Монса Квамме* "Использование ресурсов неосвоенных территорий в районах летних деревень в Западной Норвегии". М. Квамме проанализировал археологические и палеоботанические материалы четырех "шилингов" в районе Бергена. В каждом из этих пунктов пробы для спорово-пыльцевого анализа были взяты как в культурном слое самого поселения, так и в близлежащем торфянике. Во всех пыльцевых диаграммах из торфяников четко выражены два уровня сведения лесов и формирования открытых ландшафтов, один из которых датируется XIX–XV вв. до н.э., а второй – III–V вв. н.э. Таким образом, первые, довольно ограниченные расчистки в районах летних деревень начали производиться еще в бронзовом веке, а в середине I тыс. н.э. эти участки уже активно использовались для скотоводства. Тем не менее М. Квамме полагает, что сама система летних деревень сложилась значительно позже.

Центральное место в программе занял доклад *Евы Свенссон* "Северный Вэрмланд – ландшафт лесных промыслов", сопровождавшийся продолжительной экскурсией по памятникам "внешней ресурсной зоны" на территории сельского округа Дальбю. Этот район, подробно исследованный археологами из Лундского университета и Карльштадской высшей школы, существенно выделяется по степени изученности памятников "утмарка" на фоне остальной территории Швеции, что и послужило одной из причин организации конференции "Утмарк-96" именно здесь, в Тушбю. Территория Дальбю разделяется на узкую речную долину, в которой в древности и в средневековье располагались основные поселения и аграрная зона, и на окружающую эту долину гористую возвышенность с обширными лесными массивами, внутри которых вплоть до XVII в. не было постоянных поселений, но которые тем не менее интенсивно эксплуатировались и являлись важнейшим источником благосостояния для жителей расположенных в долине деревень.

В Дальбю, как и в других районах Швеции, некоторые виды хозяйственной деятельности в "утмарке" получили четкое отражение в материальных памятниках. Здесь хорошо сохранились ловчие ямы для охоты на лосей, остатки домниц и "шилинги" с остатками средневековых полей и сенокосов. О других направлениях хозяйства нам известно из письменных источников XVII в., фиксирующих заготовку сена на болотах, сбор в лесу листьев и мха, использовавшихся в качестве зимнего корма для скота, или устройство в лесу небольших полей. Финны, переселившиеся в Дальбю в XVII в., познакомили шведов с техникой подсечно-огневого земледелия, весьма эффективного в этих глухих лесных районах. Разумеется, получить исчерпывающую картину хозяйственной деятельности человека в лесу невозможно ни по письменным, ни по археологическим источникам.

Обследование, картирование и раскопки памятников "утмарка" в Дальбю позволили Е. Свенссон сделать несколько интересных наблюдений. Во-первых, судя по размещению ловчих ям, домниц и летних сезонных поселений, каждая деревня в Дальбю располагала по меньшей мере одним объектом каждой категории. Во-вторых, многие из этих объектов находились на таком удалении от постоянных поселений, что для работы

здесь часть взрослого населения неизбежно должна была надолго покидать деревни. Поскольку основной хозяйственной единицей в Дальбю была малая семья, эксплуатация хозяйственных объектов, находившихся далеко в лесу, была возможна только при условии кооперации нескольких семей. Судя по источникам XVII в., для подобных работ каждая деревня выделяла специальную группу работников, что привело к разделению лесных массивов на участки, закрепленные за отдельными деревнями. В-третьих, есть все основания считать, что характер использования "внешней зоны" в различные периоды существенно менялся. Так, древнейшие ловчие ямы в Дальбю датируются III тыс. до н.э., а наиболее поздние – XIII в. н.э. При этом системы ловчих ям, как правило, относятся к более раннему времени, чем одиночные ямы. В письменных источниках охота с помощью ловчих ям ни разу не упомянута. Домницы, судя по радиоуглеродным датам, использовались с V до XVII в. н.э., однако большинство из них датируется X–XII вв. Железоделательные комплексы этого времени отличаются от более ранних и более поздних большим скоплением шлаков.

Эти изменения могут быть интерпретированы как в контексте местной истории, так и с учетом сложных многообразных отношений между местными обществами и "внешним миром". Резкий подъем в производстве железа в X–XII вв., безусловно, связан с поставками его на рынок (возможно, в Норвегию, где в это время шла междоусобная война). Не исключено, что охота на лосей с помощью охотничьих ям также была связана с поставками продуктов охоты на рынок (например, с продажей лосиных рогов, использовавшихся как материал для изготовления гребней). В распоряжении исследователей пока нет данных о существовании в приходе Дальбю деревень, выделявшихся своим богатством, однако в деревенских церквях здесь сохранились лучшие в Вэрмланде образцы деревянной скульптуры XII–XV вв. Возможно, эти скульптуры следует рассматривать как своеобразное материальное выражение высокого благосостояния фермеров Дальбю.

В XIII–XIV вв. производство железа сыродутным способом и охота на лосей с помощью ловчих ям в Дальбю резко сокращаются и вновь переориентируются на обслуживание внутренних потребностей местных деревень. Использование "утмарка" приобретает отчетливый аграрный характер, что выражается в устройстве дальних летних пастбищ и покосов. Лишь в XVIII–XIX вв. эта территория вновь становится экспортной зоной, производящей в основном лес.

Е. Свенссон полагает, что ситуация упадка "экспортной" экономики в Вэрмланде в XIII в. послужила причиной реорганизации хозяйства и сопровождалась не обострением конкуренции между отдельными деревнями, а, напротив, их кооперацией, отражением которой можно считать появление железоделательных объектов, общих для нескольких деревень, и находки на этих объектах орудий, связанных с кузнечным ремеслом, в том числе наковален. При такой организации производства железо никогда не попадало в отдельные деревни. Не исключено, что дорогие памятники церковного искусства из храмов Дальбю, относящиеся именно к этому периоду, следует интерпретировать как символы общего благосостояния деревень, достигнутого путем консолидации их населения.

Йохим Регнелл рассказал о спорово-пыльцевых материалах из торфяника, находящегося вблизи одной из летних деревень в Дальбю (доклад "Палеэкологические исследования землепользования в районе летних деревень в Северном Вэрмланде"). Автор попытался дать ответ на вопрос о времени появления практики использования летних деревень в этом районе и о возможном выращивании зерновых культур вблизи этих поселений. Судя по пыльцевой диаграмме из торфяника Бэнтебюсэтен, расчистки лесов вблизи летних деревень были начаты еще на рубеже XV–XVI вв. и достигли максимума около середины XVII в. В горизонте этого периода представлены и отдельные споры культурных злаков. Разумеется, эти наблюдения, сделанные по материалам одного разреза, не могут быть экстраполированы на всю территорию Северного Вэрмланда.

Палеоботаники *Мария Эманюэльссон* и *Улф Сегерстрем* представили результаты сходных по своим задачам и методам исследований в провинции Даларна в Средней Швеции. Здесь, как и в Вэрмланде, в новое время существовала традиция летнего выпаса скота и устройства сенокосов вблизи специальных сезонных поселений. Анализ палинологических материалов из разрезов вблизи летних ферм, известных по историческим источникам, показывает, что подобный тип хозяйства сложился в Даларна в эпоху викингов и оказал существенное воздействие на облик существующих в настоящее время лесов. Первые следы антропогенного влияния на лес относятся ко времени около 1000 г. и свидетельствуют о выпасе скота в лесу и о периодическом выжигании участков леса для улучшения качества травы на выпасах. Антропогенное воздействие увеличивалось в последующие периоды, вплоть до 1960-х годов, когда хозяйственная активность в лесу заметно снижается.

Сотрудник Археологического института Лундского университета *Матс Мугрен* рассказал об исследовании на территории сельского округа Энгершё на границе провинций Хэльсингланд и Хэйердален. Этот сельский округ, так же как и Дальбю, представляет собой глухой лесной район. Длительные исследования, проводившиеся здесь с 1975 г., были, как и в Дальбю, нацелены на выявление и исследование памятников разных типов, включая постоянные поселения, остатки древних полей, летние деревни – "шилинги", водяные мельницы, домницы и т.п. Цель проекта автор определил как исследование возникновения и развития

поселений в лесных районах, малоперспективных для земледельческой колонизации, и изучение хозяйственного базиса этих поселений, включая утилизацию ресурсов "утмарка". М. Мугрен подчеркивает "гибкость" хозяйственной стратегии средневекового населения, обитавшего в подобных районах, способность его развивать различные отрасли хозяйства и одновременно использовать различные виды ресурсов "внешней зоны".

Ряд докладов был посвящен отдельным памятникам "утмарка" и интерпретации их в контексте средневековой археологии Севера. В докладе *Ю.-П. Таавитсяйнена* «Эксплуатация ресурсов лесной зоны и саамские поселения Центральной Финляндии" представлены последние материалы раскопок в Суойоки в округе Кеура (Центральная Финляндия). Памятник представляет собой торфяник с многочисленными находками остатков лодок и лыж. Детали двух лодок, судя по радиоуглеродному анализу, относятся к XIII в. Культурный слой или следы постоянного поселения в Суойоки отсутствуют, более того, этот пункт далеко отстоит от районов постоянного обитания финнов в эпоху средневековья. Ю.-П. Таавитсяйнен интерпретирует памятник как место торговых контактов кочевого саамского населения и оседлых финнов, занимавшихся земледелием и торговлей, указывая на существование многообразных экономических связей между двумя этими этническими и культурными группами.

Большой интерес вызвал доклад датской исследовательницы *Йетте Арнеборг*, посвященный использованию природных ресурсов Гренландии скандинавскими колонистами в XI–XV вв. Анализ обширных археологических материалов, собранных в последние десятилетия на западном побережье Гренландии, привел Й. Арнеборг к выводу, что, хотя основу жизнеобеспечения норвежских поселенцев составляло скотоводство, важнейшим направлением хозяйства здесь была добыча моржового клыка и моржовых шкур, поставлявшихся в Европу. Именно экспортные отрасли экономики, жестко привязывавшие Гренландию к европейскому рынку престижных товаров, обеспечивали высокое благосостояние колонистов, общую стабильность экономики и своеобразие социальной организации. Запустение норвежских поселений в Гренландии и прекращение их существования в XV в. автор связывает как с сокращением поголовья моржей, истребляющихся колонистами в течение нескольких столетий, так и с широким проникновением европейцев в Африку в XV в., следствием чего стало частичное вытеснение моржового клыка слоновой костью на рынке престижных товаров.

Проблема использования "утмарка" тесно связана с общей стратегией расселения и колонизации пустующих земель на окраинах. Обзор колонизации территории Швейцарии в средневековье был представлен профессором *Вернером Мейером* из Базеля (доклад "Расчистки, строительство замков и развитие поселений в Швейцарских Альпах"). В средневековье территория современной Швейцарии в экономическом, политическом и культурном отношении представляла собой окраину Европы – слабозаселенную и покрытую лесами территорию. Демографический подъем VIII в. и приток в регион германского населения повлекли за собой интенсивные расчистки лесов, сопровождавшиеся строительством небольших городов и замков. Бедность страны во многом предопределила ее политическое устройство: в Швейцарии не сложился институт королевской или княжеской власти, а оформилась конфедерация союзных общин.

Специфическая культура альпийский районов Швейцарии формировалась в суровых условиях горной местности, бедной природными ресурсами. Важными направлениями хозяйства здесь стали такие занятия, как смолокурение, обработка горного хрусталя и мыльного камня. Расчистка территорий производилась очень простыми способами и распространилась до высокогорных районов. При этом постоянные поселения находились на высоте 1500–2000 м над уровнем моря, а сезонные летние поселения," связанные с выпасом скота, – на высоте 2000–2600 м. Остатки этих поселений, представляющие собой примитивные конструкции из дикого камня, пещеры или пещеры с примыкающими к ним каменными постройками, неплохо изучены.

Об исследовании сезонных поселений подобного облика в округе Вальс в Швейцарских Альпах рассказал археолог из Базеля *Якоб Обрехт*. Судя по письменным источникам, высокогорные пастбища Вальса использовались в XII–XIV вв. тремя различными этническими группами населения, говорящими на французском, немецком и итальянском языках. Я. Обрехт ставит своей задачей выяснение этнической принадлежности сезонных поселений, находящихся на территории Вальса.

В докладе *Н.А. Макарова* "Русский Север в XI–XIII вв.: колонизация, системы расселения, изменения в экономике" коротко изложены основные итоги изучения колонизации северных окраин Древней Руси и их экономического использования в средневековье. Основное внимание было уделено оценке демографической ситуации и вопросу о соотношении пушной охоты и земледелия в процессе колонизации. На конкретных археологических материалах показано постепенное смещение ареала пушного промысла на северо-восток и развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства на территориях, первоначально использовавшихся как зона промыслов. Большое внимание в докладе было уделено палеоботаническим материалам – остаткам зерен со средневековых памятников Белозерья, документирующим существование здесь сельского хозяйства по крайней мере с X в.

Ряд докладов был посвящен охране археологических памятников в лесных районах Скандинавии. В докладе *Евы Мюрдаль-Рунебьер* "Лес и история" остро поставлен вопрос о сохранении памятников на тех территориях Средней и Северной Швеции, где в настоящее время ведутся лесозаготовки с использованием

тяжелой техники. В отличие от "аграрных ландшафтов" эти участки мало обследовались археологами – основная масса памятников здесь не выявлена и не зарегистрирована. Новое законодательство предусматривает обязательные разведки в районе будущих лесосек. В Вэрмланде Департамент лесов финансирует проект "Лес и история", предполагающий в частности выявление и обследование всех археологических объектов в лесах. Однако на практике столь полные разведки едва ли возможны, и значительная часть памятников, таким образом, обречена на уничтожение.

Конференция "Utmark-96" значительно расширяет горизонты средневековой археологии, а многие методы и идеи, обсуждавшиеся ее участниками, весьма актуальны для исследования отечественных памятников и культурного процесса в лесных областях России в целом. Целая серия конкретных примеров дает возможность убедиться, что привычное для нас представление о ремесле и сельском хозяйстве как о двух компонентах средневековой экономики, почти полностью исчерпывающих ее, – значительное упрощение. Благосостояние значительной части средневековой Европы базировалось на эксплуатации "внешней ресурсной зоны", формы хозяйственного использования которой были многообразны и непрерывно менялись. Эксплуатация ресурсов "внешней зоны" в отдельные периоды являлась источником мощного экономического роста и развития товарно-денежных отношений. Очевидно, все эти наблюдения справедливы и для территории России.

При крайней скудости средств, которыми располагают сегодня российские археологи, трудно надеяться, что многие современные методы естественных наук могут быть широко внедрены в практику исследования наших памятников. Мало кто из наших коллег может позволить себе радиоуглеродное датирование почв древних полей или угля из домниц, теоретически возможный диапазон датировки которых – от раннего средневековья до XVIII в. Однако необходимость поисков и выявления промысловых объектов в лесу, домниц, водяных мельниц, остатков сезонных поселений на месте охоты, рыбной ловли, соляных промыслов, летнего выпаса скота кажется совершенно очевидной, а первичная фиксация их – задача, вполне посильная для отечественной археологии.

Институт археологии РАН,
Москва

Н.А. Макаров

ПАМЯТИ ЛЕОНИЛЛЫ АНАТОЛЬЕВНЫ ГОЛУБЕВОЙ (1909–1996)

3 июля 1996 г. скончалась Леонилла Анатольевна Голубева – известный специалист по славянской и финно-угорской археологии, более 30 лет она проработала в Институте археологии РАН.

Л.А. Голубева родилась 19 января 1909 г. в Казани в семье учителей. Окончив в 1930 г. Саратовский университет, она работала учителем сначала в сельской школе Нижневолжского края, потом в Москве, а в 1933 г. поступила в аспирантуру Государственного Исторического музея, прочно связав свою судьбу с археологией. В ГИМе Л.А. Голубева проработала вплоть до 1954 г. В отделе археологии ГИМа, в окружении крупных археологов-медиевистов у Л.А. Голубевой сформировался глубокий интерес к культуре и ремеслу Древней Руси, в особенности древнерусского города, и произошло становление ее как исследователя.

В конце 1930-х–1940-х годах Л.А. Голубева принимала участие в раскопках Киева и Вышгорода, работала в экспедиции Б.А. Рыбакова в Переяславле Хмельницком. Ее первые публикации были посвящены древностям Киевской земли. В 1946 г. она защитила кандидатскую диссертацию "Топография домонгольского Киева". Продолжая исследование древнерусских городов, она проводит раскопки в Рузе и Верее, а затем в 1949 г. начинает пробные раскопки древнерусского города Белоозера. Исследование этого уникального памятника, а затем и других памятников Белозерья стало главным делом ее жизни. Она совмещала эти исследования с работой в Большой Советской Энциклопедии, где с 1949 по 1956 г. заведовала редакцией археологии, антропологии и этнографии, а затем, после перехода на работу в Институт археологии (1956 г.), – с работой в редакции "Советской археологии", где она с 1956 по 1965 г. вела отдел статей.

Раскопки Белоозера с самого начала дали яркие и неожиданные результаты. На далекой северо-восточной периферии Руси, у истока Шексны из Белого озера, был открыт богатый город с остатками жилых домов и ремесленных мастерских, усадеб и уличных мостовых, с характерным набором древнерусских "городских вещей" XI–XIII вв. и выразительным комплексом находок финно-угорского облика в слоях X в., подтверждавшим летописное известие о веси – предшественнице славян на Белом озере. Л.А. Голубева по достоинству оценила значение Белоозера как уникального по своему характеру и сохранности археологического памятника и как крупнейшего центра древнерусской государственности и культуры на Севере. Она затратила много сил и энергии для организации здесь масштабных долговременных полевых работ, сумела привлечь в экспедицию ряд высококвалифицированных археологов. Раскопки велись вплоть до 1965 г., когда сооружение Волго-Балта, сопровождавшееся подъемом воды в Шексне, сделало невозможным их продолжение. Таким образом, исследовательнице удалось спасти для науки ценнейшие археологические материалы. Отметим, что работы на Белоозере велись на высоком для своего времени методическом уровне, а их материалы (в отличие от материалов раскопок многих других древнерусских городов, исследовавшихся в те же десятилетия) были опубликованы Л.А. Голубевой.

© Н.А. Макаров, 1997 г.

Систематизация и анализ материалов Белоозера органично переросли в изучение историко-культурной ситуации и этнокультурных процессов эпохи средневековья на обширной территории между Ладогой, Верхней Волгой и Северной Двиной, в исследование взаимоотношений населявших эти области финских и славянских племен. Этим проблемам была посвящена докторская диссертация Л.А. Голубевой и вышедшая в свет в 1973 г. капитальная монография "Весь и славяне на Белом озере".

Работа с материалами из Белоозера побудила Л.А. Голубеву, считавшую себя первоначально археологом-славянистом, в 1970-х годах обратиться к углубленному изучению финно-угорских древностей, прежде всего украшений и женского костюма. В сферу ее интересов попадает зооморфная пластика Приладожья, Прикамья, Среднего Поволжья и Приуралья. У исследовательницы возникает замысел создания свода финно-угорских зооморфных подвесок. Эта книга, обобщившая огромный материал, вышла из печати в 1979 г.

В 1974 г., после почти десятилетнего перерыва, Л.А. Голубева возвращается к полевым работам на Белозерье, избрав в качестве объекта для раскопок поселение Крутик в Кирилловском районе Вологодской области. Выбор памятника и на этот раз оказался исключительно удачен: Крутик – одно из немногих на Белозерье поселений с ненарушенным культурным слоем IX–X вв. и богатейшим набором вещевых материалов. Л.А. Голубева рассматривала его как своеобразный эталон культуры веси, еще не затронутой славянским влиянием. Изобилие редких находок, их неожиданные сочетания, необычная для региона сохранность культурного слоя и средневековых сооружений, наконец, живописное ландшафтное окружение Крутика и теплое отношение к археологам жителей небольшой деревеньки Городище, где находился лагерь экспедиции, заставили Л.А. Голубеву сердечно привязаться к этому памятнику. Раскопки на Крутике продолжались в течение восьми полевых сезонов и завершились в 1981 г. Несмотря на тяжелую болезнь, Л.А. Голубева нашла в себе силы, чтобы систематизировать материалы этих раскопок и подготовить их к публикации. Ее последняя книга, целиком посвященная Крутику, вышла из печати в 1991 г.

Л.А. Голубева внесла существенный вклад в изучение средневековых древностей финнов и славян на Севере. Для своих коллег и учеников она всегда была примером глубокой преданности археологии, высокой научной добросовестности и подлинного жизнелюбия. Такой она останется в нашей памяти.

Институт археологии РАН, Москва *Н.А. Макаров*

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Л.А. ГОЛУБЕВОЙ

1. Как обследовать археологические памятники. М., 1941 (Центр. детск. экскурс. турист. станция МП РСФСР).

2. Топография домонгольского Киева // КСИИМК. 1946. Вып. XVI. С. 178–180.

3. Киевский некрополь // МИА. 1949. № 11. С. 103–118.

4. Раскопки в Верейском Кремле // МИА. 1949. № 12. С. 134–143.

5. Новый образец свинцовой печати из Суздаля // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 109–111.

6. Белоозеро // БСЭ. М., 1950. Изд. 2. Т. 4. С. 462.

7. Древнее Белоозеро // КСИИМК. 1951. Вып. XLI. С. 37–40.

8. Раскопки в Рузе // Археологический сборник. Тр. ГИМ. 1953. Вып. XXII. С. 143–162.

9. Совещание, посвященное вопросам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян // СА. 1957. № 4. С. 274–277.

10. Надпись на корчаге из Белоозера // СА. 1960. № 3. С. 321–323.

11. Белозерская экспедиция 1957 года // КСИИМК. 1960. Вып. 79. С. 35–42.

12. Белозерская экспедиции // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 77–85.

13. Славянские памятники на Белом озере // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 25–46.

14. Могильник X – середины XI в. на Белом озере // СА. 1961. № 1. С. 201–215.

15. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. 1962. № 3. С. 53–77.

16. Раскопки древнего Белоозера (1959–1960 гг.) // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 64–71.

17. Белозерская весь и ее западные соседи в X–XI вв. // Тезисы докладов научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1963. С. 37, 38.

18. Белозерская весь и ее западные соседи в X–XI вв. // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. VIII. С. 285–296.

19. Огнива с бронзовыми рукоятями // СА. 1964. № 3. С. 115–132.

20. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 257–260.

21. О дате поселения веси на Белом озере // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 12–17.

22. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966. № 3. С. 80–98.

23. Пестовские курганы // Культура древней Руси. М., 1966. С. 53–60.

24. Раскопки в Белоозере // АО – 1965. М., 1966. С. 174–176.

25. Раскопки древнего Белоозера в 1961–1962 гг. // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 92–97.

26. Рецензия на книгу В.В. Пименова "Вепсы. Очерк истории и генезис культуры" // СА. 1967. № 1. С. 305–309.

27. "Квартал металлургов" в Вышгороде // Славяне и Русь. М., 1968. С. 25–33.

28. Кемские курганы // СА. 1969. № 3. С. 261, 262.

29. Белоозеро и волжские болгары // Древности Восточной Европы (МИА № 169). М., 1969. С. 40–43.

30. К проблеме энтогенеза веси // Древние славяне и их соседи (МИА № 176). М., 1970. С. 142–146.

31. Белоозеро // БСЭ. М., 1970. Изд. 3. Т. 3. С. 360, 361.

32. Древнее Белоозеро // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. М., 1970. С. 15–17.

33. Некоторые скандинавские изделия и их бытование в древней Руси // Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. 1971. Ч. II.

34. Назначение железных игл с кольцами // СА. 1971. № 4. С. 114–126.

35. Древнее Белоозеро // Доклады на II Международном конгрессе славянской археологии. Берлин, 1973. Т. II. С. 251–256.

36. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера // КСИА. 1973. № 135. С. 101–104.

37. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973.

38. Граффити и знаки пряслиц из Белоозера // Культура средневековой Руси (Посвящ. 70-летию М.К. Каргера). Л., 1974. С. 18–22.

39. Образ коня в прикладном искусстве финно-угров Поволжья и бассейна Оки в конце I – первых веках II тыс. н.э. // Тезисы докладов и сообщений на XV Всесоюзной конференции по финноугроведению, посвящ. 250-летию АН СССР. Петрозаводск, 1974. С. 7, 8.

40. К вопросу о сложении города на севере Восточной Европы // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Киев, 1975. Ч. III. С. 68, 69.

41. Работа Белозерской экспедиции // АО – 1974. М., 1975. С. 12.

42. Рецензия на книгу С.И. Кочкуркиной "Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв." // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Вып. XX. С. 209–213.

43. Работа Белозерской экспедиции // АО – 1975. М., 1976. С. 10, 11.

44. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки // СА. 1976. № 2. С. 67–82.

45. Волжский путь и финская периферия // VII Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Л.; М., 1976. Ч. I. С. 136, 137.

45. Работа Белозерской экспедиции (в соавт. с Н.В. Тухтиной) // АО – 1976. М., 1977. С. 11.

47. Работа Белозерской экспедиции // АО – 1977. М., 1978. С. 10, 11.

48. Символы солнца в украшениях финно-угров // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 68–75.

49. Полые коньки-амулеты Древней Руси (в соавт. с А.Б. Вареновым) // СА. 1978. № 2. С. 228–239.

50. Игольники восточноевропейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 199–204.

51. Работа Белозерской экспедиции // АО – 1978. М., 1979. С. 6, 7.

52. Поселения белозерской веси X – начала XI в. // Вопросы финноугроведения (Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финноугроведов). Сыктывкар, 1979. С. 71, 72.

53. Новые скандинавские находки в Белозерье // Тезисы VIII Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. 1979.

54. Советской-финляндский симпозиум по археологии в Хельсинки (в соавт. с В.В. Седовым) // СА. 1979. № 4. С. 310–313.

55. Весь, славяне и скандинавы в X–XI вв. // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 131–137.

56. Зооморфные украшения финно-угров. // САИ. Вып. Е1–59. М., 1979.

57. Работы Белозерской экспедиции // АО – 1980. М., 1981. С. 9, 10.

58. The White Lake area and the Volga Water-way // Fenno-Ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980. P. 42–48.

59. Конские погребения в курганах Северо-Восточной Руси VIII–XI вв. // СА. 1981. № 4. С. 87–98.

60. XVI Всесоюзная конференция финноугроведов // СА. 1981. № 4. С. 287, 288.

61. Новые скандинавские находки в Белозерье // СА. 1982. № 3. С. 227–229.

62. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 110–124.

63. Работы Белозерской экспедиции // АО – 1981. М., 1983. С. 12, 13.

64. Шумящие подвески с изображением коня из катакомб Маяцкого селища // Маяцкое городище. М., 1984. С. 136–141.

65. Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 1984. № 4. С. 75–89.

66. Весь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 52–64.

67. Чудь заволочская // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 64–66.

68. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 67–81.

69. Мурома // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 81–92.

70. Мещера // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 92.

71. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 97–107.

72. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 107–115.

73. Девочки-литейщицы // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 31–34.

74. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.) (в соавт. с С.И. Кочкуркиной). Петрозаводск, 1991.

75. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 148–164.

76. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями (в соавт. с А.Б. Вареновым) // РА. 1993. № 4. С. 94–109.

Список составлен *С.Д. Захаровым*

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ДИКОВА
(1925–1996)

8 февраля 1996 г. в Санкт-Петербурге на 71 году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался известный российский ученый, член Президиума Дальневосточного отделения РАН, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией археологии, истории и этнографии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН Николай Николаевич Диков.

Н.Н. Диков родился 17 марта 1925 г. в г. Сумы. В 1944 г. поступил на заочное отделение исторического факультета МГУ, а затем перевелся на археологическое отделение Ленинградского университета, который окончил в 1949 г. Во время учебы и после окончания университета выезжал в археологические экспедиции в Закавказье, Туркменистан, Сибирь. Под началом таких выдающихся ученых, как Б.Б. Пиотровский, А.П. Окладников, М.Е. Массон, Николай Николаевич приобрел хорошую археологическую практику. Н.Н. Диков участвовал в раскопках на Кармир-Блуре урартской крепости в Армении (1947), в Бурят-Монгольской экспедиции ЛОИА АН СССР (1948–1949), в Ангарской экспедиции (1950–1953).

В 1953 г. Н.Н. Диков защищает кандидатскую диссертацию "Бронзовый век Забайкалья". В 1958 г. в Улан-Удэ вышла первая книга Н.Н. Дикова "Бронзовый век Забайкалья", в которой рассматривались археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа (плиточные могилы, оленные камни, писаницы и случайные находки). Для этих памятников была дана более обоснованная и уточненная классификация и датировка. Впервые археологические памятники Забайкалья эпохи бронзы, кроме ее раннего периода, были описаны в одной книге с большим иллюстративным материалом. Автором этого исследования были сделаны важные выводы о хозяйстве, образе жизни, общественном строе, религии, культурных связях и этнической принадлежности забайкальского населения эпохи бронзы и раннего железа.

В 1955 г. Н.Н. Диков уезжает на Чукотку и работает директором Чукотского окружного краеведческого музея. В 1956–1959 гг. он проводит сплошную разведку внутриконтинентальных районов и морского побережья Чукотки. Итоги этих исследований позволили Н.Н. Дикову выдвинуть гипотезу о том, что Чукотка была заселена уже в палеолите. Кроме того, им были высказаны гипотезы об автохтонном северном происхождении древнеэскимосской культуры, а также о проточукотской принадлежности внутриконтинентальных памятников Чукотки.

Стараниями Н.Н. Дикова было начато издание "Записок Чукотского краеведческого музея", первый выпуск которых появился в 1958 г. Уже в первых двух выпусках Чукотского музея даны предварительные отчеты об археологических разведках, а уже в 1960 г. в Магаданском книжном издательстве выходит научно-популярная книга Н.Н. Дикова "По следам древних костров. Археологи идут по Чукотке". Автор, используя дневниковые записи, рассказывает читателям о своих археологических экспедициях на Чукотке.

В 1960 г. в Магадане был организован Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский

© А.И. Лебединцев, 1997 г.

институт. Н.Н. Дикову было предложено возглавить Лабораторию археологии, истории и этнографии, которой он руководил 35 лет.

В 1961 г. Н.Н. Диков организовывает свою первую экспедицию на Камчатку. С 1962 г. более 30 лет велись раскопки Ушковской палеолитической стоянки на Камчатке. Впервые на Северо-Востоке была обнаружена многослойная стоянка с четкой стратиграфией, строго контролируемая пепловыми прослойками и содержащая палеолитические слои. Впоследствии Н.Н. Диковым будут выделены ранняя и поздняя ушковские палеолитические культуры.

В 1960-е годы Н.Н. Диков проводит активные исследования на Чукотке. Ведутся раскопки неолитических стоянок возле Петропавловска-Камчатского, по рекам Камчатке, Анадырю, Амгуэме, Пенжине, а также древнеэскимосских могильников (в Чини, Энмынытныне, Уэлене, Чегитуне и др.). Об археологических исследованиях Н.Н. Дикова в эти годы, а также об основных интересных памятниках рассказывается в его научно-популярной книге "Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тысяч лет истории", вышедшей в 1969 г. в Магадане. А материалы раскопок Чинийского могильника, которые Н.Н. Диков проводил в 1963 г. опубликованы в виде монографии в 1974 г. в Новосибирске.

В 1967 и 1968 гг. им исследуется уникальный археологический памятник Чукотки – пегтымельские петроглифы. Было выявлено более ста композиций наскальных рисунков. В 1971 г. выходит книга Н.Н. Дикова "Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля", посвященная этому интереснейшему археологическому памятнику и его исследованию.

В 1972 г. Н.Н. Диков защитил докторскую диссертацию "Древние культуры Камчатки и Чукотки", в которой обобщает результаты своих исследований. В 1970-е годы он проводит интенсивные разведки и раскопки в зоне затопления Колымской ГЭС. Был открыт ряд местонахождений, относящихся к позднеплейстоценовому и раннеголоценовому времени. В 1975 г. на о-ве Врангеля Н.Н. Диков обнаруживает древнейшую в Азии палеоэскимосскую культуру.

Итогом двадцатилетних исследований на Северо-Востоке стала двухтомная монография Н.Н. Дикова "Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы" (М., 1977) и "Древние культуры Северо-Восточной Азии" (М., 1979). А в 1979 г. за свои научные достижения Н.Н. Диков был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В 80-е годы, продолжая исследование Ушковской стоянки на Камчатке Н.Н. Диков с большой тщательностью обследует Чукотский п-ов, осуществляя продолжительные маршруты на вездеходе вдоль побережья Берингова моря от Провидения до Лаврентия и углубляясь во внутренние континентальные районы Чукотки. Важным открытием этих экспедиций являются палеолитические и мезолитические стоянки. Основные результаты археологических разведок на востоке Чукотского п-ова в 1979–1986 гг. были опубликованы в недавно вышедшей в Санкт-Петербурге монографии "Азия на стыке с Америкой в древности" (1991).

Открытие Н.Н. Диковым палеолита на Камчатке, Колыме и Чукотке стало важнейшим результатом его археологических исследований. Значительные результаты были получены Н.Н. Диковым и в исследовании более поздних голоценовых культур Северо-Востока, многие из которых (мезолит, ранний неолит Камчатки, Колымы и Чукотки, палеоэскимосская культура на о-ве Врангеля) были открыты им впервые.

Руководимая Н.Н. Диковым Северо-Восточно-Азиатская комплексная археологическая экспедиция (СВАКАЭ) проводит эффективные поиски и исследования археологических памятников Камчатки, Чукотки, Колымы и Охотского побережья, в результате чего накоплен новый материал, который был обобщен Н.Н. Диковым и его учениками (Т.М. Диковой, М.А. Кирьяк, А.И. Лебединцевым, А.А. Ореховым, А.К. Пономаренко, Т.С. Теином) в персональных монографиях. Материалы СВАКАЭ публиковались в сборниках научных: трудов СВКНИИ.

Н.Н. Диков весьма успешно и плодотворно занимался также проблемами истории, историографии и методологии истории Северо-Востока. Под его руководством и при непосредственном участии коллективом лаборатории были написаны обобщающие труды "Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней" (Новосибирск, 1974) и "История Чукотки" (М., 1989), завершена работа над фундаментальным комплексным трудом "История Северо-Востока России".

Большое внимание Н.Н. Диков уделял разработке диалектической периодизации в истории (на примере социально-экономического и технологического развития человечества). Его концепция диалектической периодизации была доложена на сессии Академии наук СССР, на историческом конгрессе в ФРГ в 1985 г. и на научном симпозиуме в Индии (1985). Статьи по этой проблеме публиковались в журналах "Вопросы философии" (1983, № 4), "Вестник АН СССР" (1986, № 10). "Общественные науки" (1989, № 2). Диалектический методологический подход соотнесения формы и содержания был предложен Н.Н. Диковым и для анализа этнического развития человечества в журнале "Вестник Дальневосточного отделения РАН" (1994, № 1).

Н.Н. Диков – автор девяти монографий и большого количества статей. Многие его работы изданы в США, Франции, Канаде, Японии, Чехословакии, Италии, Англии, Чили, Южной Корее. Он являлся научным редактором различных сборников и монографий.

Н.Н. Диков – участник международных конгрессов: VII, VIII и XI антропологических и этнографических наук, XIV и XVI Тихоокеанских конгрессов, конгресса INQUA и др.

В рамках широкой проблематики Н.Н. Диков осуществлял координацию исследовательской и организационной работы историков, археологов и этнографов севера Дальнего Востока. Ученый также проводил большую научно-организационную и научно-общественную работу. Он являлся членом национального комитета историков, членов президиума ДВО РАН по гуманитарным наукам, членом Тихоокеанской научной ассоциации. Николай Николаевич возглавлял президиум Магаданского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а также входил в состав Центрального совета этого общества в Москве.

Большое внимание Н.Н. Диков уделял воспитанию научных кадров. Он являлся научным руководителем диссертационных исследований по истории и археологии Северо-Востока, которые были подготовлены его учениками-аспирантами. В 1990 г. ему было присвоено звание профессора.

За многолетнюю плодотворную научную и общественную деятельность Н.Н. Диков был награжден орденом "Трудового Красного Знамени", орденом "Знак Почета" и другими правительственными наградами.

Ушел из жизни ученый, обогативший мировую и отечественную науку трудами огромного значения, внесший важный вклад в становление и развитие академической науки на Дальнем Востоке.

Для всех, кто знал Николая Николаевича, он навсегда останется примером самоотверженного бескорыстного служения науке. Память о нем сохранится навсегда в наших сердцах.

Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский институт,
Магадан

А.И. Лебединцев

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н.Н. ДИКОВА

1. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Уде, 1958. 106 с. XXXIII с.: ил.

2. Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения // Зап. Чукотского краеведческого музея (далее – ЧКМ). Магадан, 1958. Вып. 1. С. 5–11.

3. Древние следы каменного века на Чукотке // Зап. ЧКМ. 1958. Вып. 1. С. 17–31. (совместно с А.К. Саяпиным).

4. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 году // Зап. ЧКМ. 1958. Вып. 1. С. 32–44.

5. Предварительный отчет о полевых исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 году // Записки ЧКМ. 1958. Вып. 1. С. 45–47.

6. Где и как искать археологические памятники на Чукотке: Советы юным краеведам // Зап. ЧКМ. 1958. Вып. 1. С. 78.

7. Предварительные данные о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1958 году // Краеведческие записки. Магадан, 1959. Вып. 2. С. 89–93.

8. По следам древних костров: Археологи идут по Чукотке. Магадан, 1960. 106 с.: ил.

9. Древняя культура континентальной Чукотки // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Подсекция археологии, этнографии и антропологии. Доклады. Иркутск, 1960. С. 26, 27.

10. Первая археологическая коллекция из внутриконтинентальной Чукотки // Зап. ЧКМ. 1961. Вып. 2. С. 3–10.

11. О раскопках Усть-Бельского могильника по данным 1958 года // Зап. ЧКМ. 1961. Вып. 2. С. 10–14.

12. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году // Зап. ЧКМ. 1961. Вып. 2. С. 21–36.

13. Первые археологические исследования на о. Айон // Зап. ЧУМ. 1961. Вып. 2. С. 38–42.

14. По следам древних костров // Вокруг света. 1963. № 7. С. 54–57.

15. Archaeological materials from the Chukchi Peninsula // Amer. Antiquity. 1963. Vol. 28. № 4. P. 525–536.

16. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных // История и культура народов Северо-Востока СССР. Тр. Северо-Восточного комплексного НИИ: Магадан, 1964. Вып. 8. с. 5–27.

17. Новые данные по археологии Северо-Востока Сибири: VII Междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. М., август 1964 г. М., 1964. 7 с.

18. Открытие палеолита на Камчатке // Матер. сес., посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Тез. докл. Баку, 1965. С. 46–48.

19. Открытие палеолита на Северо-Востоке Сибири // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Тез. докл. и сообщ. на IV Дальневосточной науч. конф. Владивосток, 1965. Вып. 2. С. 5, 6.

20. По Чукотке – к предкам эскимосов // Краеведческие записки. Магадан, 1965. Вып. 5. С. 53–59.

21. The Stone Age in Kamchatka and Chukotka in the light of the latest archaeological discoveries // Arctic Anthropology. 1965. Vol. 3. № 1. P. 10–25.

22. The Stone Age of Kamchatka and Chukotka peninsula in the light of new archaeological data // Arctic anthropology. 1965. Vol. 3. № 1. P. 247–264.

23. Чегитунские древнеэскимосские могильники // Краеведческие записки. Магадан, 1966. Вып. 6. С. 125–132.

24. Древности Сешана // Краеведческие записки. Магадан, 1966. Вып. 6. С. 155–160.

25. Новые древнеэскимосские кладбища на Чукотке // Зап. ЧКМ. 1967. Вып. 4. С. 17–21.

26. О задачах исторических исследований на севере Дальнего Востока СССР // История и культура народов севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 4–14.

27. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки // История и культура народов севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 16–31.

28. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки // История и культура народов севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 32–41 (совместно с Н.А. Шило, А.В. Ложкиным).

29. Уэленский могильник по данным раскопок в 1956, 1958 и 1963 годах // История и культура народов севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 45–79.

30. Археологическое изучение Северо-Востока в советское время // Проблемы науки на Северо-Востоке СССР. Тр. Северо-Восточного комплексного НИИ. Магадан, 1967. Вып. 31. С. 46–62.

31. К изучению культурного наследия коренного населения Чукотки: Петроглифы на реке Пегтымель // Проблемы науки на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1967. С. 87–92.

32. Чукотские петроглифы – самые северные на планете // Зап. ЧКМ. 1968. Вып. 5. С. 49–60.

33. Ванкаремские древности // Зап. ЧКМ. 1968. С. 60–71.

34. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968. Ст. Неолитические племена Северо-Востока Азии. С. 150–158 (совместно с Р.С. Васильевским, Р.В. Козыревой, А.П. Окладниковым); Дальний Восток в эпоху бронзы. С. 218–233 (совместно с А.П. Окладниковым, Р.В. Козыревой); Племена Северо-Востока. С. 343–352 (совместно с Р.С. Васильевским, Д.А. Сергеевым).

35. Об охране памятников древней культуры на территории Магаданской области // Краеведческие записки. Магадан, 1968. Вып. 7. С. 100–107.

36. Открытие петроглифов на Чукотке // АО – 1967. М., 1968. С. 157–159.

37. Петроглифы Чукотки // На Севере Дальнем. 1968. № 1. С. 107–112.

38. Призраки Пегтымельских скал // Вокруг света. 1968. № 3. С. 23.

39. The discovery of the Paleolithic in Kamchatka and the problem of the initial occupation of America // Arctic Anthropology. 1968. Vol. 5. № 1. P. 191–203.

40. The first data on stratigraphy of the paleolithic of Kamchatka // Arctic Anthropology. 1968. Vol. 5. № 1. P. 204–212. (совместно с Н.А. Шило, А.В. Ложкиным).

41. Paleolithic culture of Kamchatka // VIII Anthropol. and ethnograph. scientific Congr. Tokio, Sept. 1968. M., 1968. 15 p.

42. Верхний палеолит Камчатки // СА. 1969. № 3. С. 93–109.

43. Древние костры Камчатки и Чукотки (15 тысяч лет истории). Магадан, 1969. 256 с.

44. Местонахождение петроглифов, неолитические стоянки и пещера в низовьях Пегтымеля // АО – 1968. М., 1969. С. 218, 219.

45. Новые рисунки на скалах Пегтымеля // На Севере Дальнем. 1969. № 2. С. 138–143.

46. Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов // Этногенез народов Северной Азии. Матер. конф. Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 125–127.

47. New Data on pleistocene and holocene archaeology of Kamchatka // Abstracts of papers of the VIII Congr. INQUA. Paris, 1969. P. 289.

48. Puentes desde Asia a la America Precolombina // Enfoque Santiago. 1969. № 30. P. 250–257.

49. В Америку через Камчатку // Дальний Восток. 1970. № 6. С. 125–131.

50. Историко-этнографические и археологические исследования на Северо-Востоке СССР (1955–1969) // СЭ. 1970. № 1. С. 169–175.

51. От Камчатки до Огненной Земли: О самом первом открытии Америки // Знание – сила. 1970. № 9. С. 22–24.

52. Палеолит Камчатки и его место в истории // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1970. Вып. 2. С. 17–34.

53. Палеолитическое жилище на камчатской стоянке Ушки IV // Древняя Сибирь. Вып. 3. Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970. С. 34–42.

54. The New Data on archaeology of the North-East of Siberia // Proc. 7th ICAES. Moscow, 1964. M., 1970. Vol. 10. P. 268–272.

55. Древние культуры Камчатки и Чукотки. Автореф. дис. ... док. ист. наук. Новосибирск, 1971. 48 с.

56. Наскальные загадки древней Чукотки: Петроглифы Пегтымеля. М., 1971. 131 с.

57. Обзор радиоуглеродных датировок верхнеплейстоценовых и голоценовых отложений Северо-Востока Азии // Геология и геофизика. 1971. № 10. С. 13–24 (совместно с Н.А. Шило, В.Г. Беспалым, Т.Д. Давидович, А.В. Ложкиным, В.В. Носовым, З.В. Орловой).

58. Следы верхнего палеолита у ручья Шило в бассейне Колымы // АО-1970. М., 1971. С. 186 (совместно с В.И. Герасимчук).

59. Prehistoric rock figures in Chukotka // Anthropologie (Brno). 1971. Vol. 75. P. 305–310.

60. La petrographie en Siberie du Nord-Quest // Inter-Nord. 1971. № 12. P. 15–20.

61. Исследования на Колыме и Камчатке // АО-1971. М., 1972. С. 252 (совместно с Т.М. Диковой).

62. Наскальные рисунки (петроглифы), обнаруженные на Чукотке в 1965 году // Краеведческие записки. Магадан, 1972. Вып. 9. С. 101–106 (совместно с Н.М. Саморуковым).

63. Новые данные к истории эскимосской культуры // Краеведческие записки. Магадан, 1972. Вып. 9. С. 107–119.

64. Les pétroglyphes de Pegtymel' et leur appartenance éthnique // Inter Nord. 1972. № 12. P. 312–318.

65. Древнейшее историческое прошлое Камчатки // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1973. Вып. 4. С. 89–93.

66. В происхождении пеликенов // Зап. ЧКМ. 1973. Вып. 6. С. 15–18.

67. Основные контуры этнической истории Северо-Востока Сибири в свете археологических данных // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. Всесоюз. конф. Новосибирск, 1973. С. 31–33.

68. Палеолит на Крайнем Северо-Востоке Азии // История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Науч. докл. VIII Дальневосточной конф. по проблемам истории науки. Владивосток, 1973. Вып. 1. С. 137–139.

69. Палеолитические и древнейшие неолитические следы человека на Чукотке // Изучай свой край: Некоторые вопросы школьного краеведения. Магадан, 1973. С. 5–12.

70. Памятники каменного века на Камчатке, Колыме и Чукотке // АО-1972. М., 1973. С. 210, 211 (совместно с Т.М. Диковой).

71. Археология Камчатки и возраст пеплов вулкана Шивелуч // Вопросы стратиграфии плейстоцена Камчатки. Тр. Северо-Восточного комплексного НИИ. Магадан, 1974. Вып. 59. С. 132–134.

72. Древняя этническая история Камчатки и прилегающих областей севера Дальнего Востока по археологическим данным // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1974. Вып. 5. С. 157–162.

73. Исследования в зоне затопления Колымской ГЭС // АО-1973. М., 1974. С. 197, 198.

74. История Дальнего Востока СССР. От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней. Т. 1. Кн. 1. Первобытное общество на территории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1974. Ст. Северо-Восточная Азия в эпоху палеолита. С. 31–39; Неолит Камчатки. С. 99–103; Неолит и начало бронзового века Чукотки. С. 103–109; Древние эскимосские культуры Чукотки. С. 127–132; Пережиточный неолит Чукотки. С. 132–134.

75. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1974. Ст. Введение. С. 5–16; Чукотка в каменном веке. С. 18–45; Чукотка в неразвитом железном веке. Пережиточный неолит. С. 46–76; Заключение. С. 395–400.

76. Чинийский могильник (К истории морских зверобоев Берингова пролива). Тр. Северо-Восточного комплексного НИИ. Новосибирск, 1974. Вып. 47. 167 с.: ил.

77. Исследование палеолита на Камчатке // АО-1974. М., 1975. С. 200.

78. Исследования на Колыме // АО-1974. М., 1975. С. 200, 201 (совместно с Т.М. Диковой).

79. Археологические исследования в зоне затопления водохранилищем Колымской ГЭС в 1971–1973 гг. (краткие предварительные данные) // Краеведческие записки. Магадан, 1975. Вып. 10. С. 63–70 (совместно с Т.М. Диковой).

80. Стоянки каменного века у ручья Матачен в Иультинском районе на Чукотке // Краеведческие записки. Магадан, 1975. Вып. 10. С. 71–76 (совместно с А.Е. Катениным).

81. Основные проблемы археологического изучения Северо-Востока СССР // ВИ. 1975. № 10. С. 43–52.

82. По следам первопроходцев каменного века // Техника – молодежи. 1975. № 4. С. 46–49.

83. Радиоуглеродные датировки древних культур в верхнечетвертичных отложениях Северо-Востока СССР // Докл. АН СССР. 1975. Т. 231. Вып. 5. С. 1204–1205 (совместно с Н.А. Шило, А.В. Ложкиным).

84. Верхний палеолит Камчатки // Археология Сибирского Дальнего Востока. Токио, 1975. С. 57–65 (на яп. яз.).

85. Открытие петроглифов на Чукотке // Археология Сибирского Дальнего Востока. Токио, 1975. С. 73–76 (на яп. яз.).

86. Следы верхнего палеолита на ручье Шило в бассейне реки Колымы // Археология Сибирского Дальнего Востока. Токио, 1975. С. 24–33 (на яп. яз.).

87. Ancestors of paleo-Indians and proto-Eskimo-Aleuts in the Kamchatka's Paleolith // Abs. 12th Pac. Sci. Congr. Vancouver, 1975. P. 35–46.

88. Исследование ранних памятников каменного века в бассейне р. Колымы и на Камчатке // АО-1975. М., 1976. С. 233.

89. Открытие древнейшей азиатской культуры морских зверобоев на о-ве Врангеля // АО-1975. М., 1976. С. 234.

90. Достижения советских археологов в изучении истории Северо-Востока // История и культура народов Северо-Востока СССР. Матер. 3-й сес. Дальневосточных исторических чтений по проблемам истории Северо-Востока СССР. Владивосток, 1976. С. 42–48.

91. Исследование палеолитических жилищ на Камчатке // К X конф. историков Дальнего Востока. Владивосток, 1976.

92. Древнейший в Азии палеоэскимосский памятник у Чертова оврага на острове Врангеля // Изв. СО АН СССР. Новосибирск, 1976.

93. Комплексное исследование многослойной палеолитической стоянки Ушки-V на Камчатке // Природные ресурсы Северо-Востока СССР. Владивосток, 1976. С. 116–131 (совместно с Т.Д. Давидович, А.В. Ложкиным, Э.Э. Титовым).

94. На остров Врангеля – к древним эскимосам // Знание – сила. 1976. № 10. С. 19–22.

95. Новая многослойная палеолитическая стоянка Ушки-V на Камчатке // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976. С. 5–13 (совместно с Э.Э. Титовым).

96. Основные проблемы историографии социалистического строительства на Чукотке // Социалистические преобразования жизни народов Севера и пути их дальнейшего развития в свете решений XXV съезда КПСС. Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Якутск, 1976. С. 112–114.

97. Продолжение поиска: Восстанавливается история бесписьменного края // Политическая агитация. Магадан, 1976. № 20. С. 29, 30.

98. Радиоуглеродные датировки древних культур в верхнечетвертичных отложениях Северо-Востока СССР // Докл. АН СССР. 1976. Т. 231. № 5. С. 1204–1205 (совместно с Н.А. Шило, А.В. Ложкиным).

99. Новейшие исследования палеолита на Колыме и Камчатке и проблема первоначального заселения Американского континента // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Тр. Северо-Восточного комплексного НИИ. Магадан, 1976. Вып. 67. С. 165–182.

100. О некоторых общих принципах археологической периодизации // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1976. С. 218–224.

101. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977. 391 с.

102. К проблеме мезолита на Камчатке // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 120–124.

103. Следы каменного века на Чукотке // Краеведческие записки. Магадан, 1977. Вып. 11. С. 104–108 (совместно с С.Г. Бялобжеским, Ю.А. Колясниковым, О.Н. Ивановым, В.Н. Смирновым).

104. Новая ранненеолитическая стоянка в бассейне реки Амгузмы // Краеведческие записки. Магадан, 1977. Вып. 11. С. 121–126 (совместно с В.Н. Смирновым).

105. Открытие палеоэкскимосской культуры на острове Врангеля // Краеведческие записки. Магадан, 1977. Вып. 11. С. 127–130.

106. Новые археологические данные к этнической истории Северо-Восточной Сибири // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 50–59.

107. Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников из верхнечетвертичных отложений Севера Дальнего Востока // Доклады АН СССР. 1977. Т. 237. Вып. 3. С. 688, 689 (совместно с А.Н. Шило, А.В. Ложкиным, А.В. Стариковым).

108. Исследование верхнепалеолитических жилищ на Камчатке // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978. С. 3–10.

109. Исследования на Чукотке и Камчатке // АО-1977. М., 1978. С. 222–224.

110. Ancestors of Paleo-Indian and Proto-Eskimo-Aleutians in Kamchatka's Paleolithic // Early man in America. Edmonton, 1978. P. 30–41.

111. Исследования в бассейне р. Колыма и на Чукотке // АО-1978. М., 1979. С. 219, 220.

112. Исследование камчатской верхнепалеолитической стоянки Ушки-I // АО-1978. М., 1979. С. 220, 221.

113. Древнейшее захоронение домашней собаки // Природа. 1979. № 7. С. 116, 117.

114. Древние культуры дальневосточного Севера // Природа. 1979. № 8. С. 102–111.

115. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979. 352 с.

116. Культурные связи между Северо-Восточной Азией и Америкой по данным позднеплейстоценовых и раннеголоценовых стоянок Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы // XIX Тихоокеанский науч. конгр. СССР. Хабаровск, август 1979. Комитет L. Тез. докл. М., 1979. Т. 2. С. 190–192.

117. Cultural relation between northeastern Asia and America from data on late pleistocenic and early holocenic sites in Kamchatka, Chukotka and upper reaches of the Kolyma // Abstr. of papers of the XIV Pac. Sci. Congr. Khabarovsk, August 1979. M., 1979. Vol. II. P. 191–193.

118. Origini della cultura paleoeschimese // Bollettino del Centro Camuno. 1979. Vol. XVII. P. 89–98.

119. Наскальные рисунки древней Чукотки // Памятники Отечества. Кн. 4. М., 1979. С. 283–288.

120. Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников Северо-Восточной Азии // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока (По данным Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). Магадан, 1979. С. 9–11 (совместно с Н.А. Шило, А.В. Ложкиным, А.А. Ореховым, Т.С. Теином).

121. Захоронение домашней собаки в жилище позднепалеолитической стоянки Ушки-I на Камчатке // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. Магадан, 1979. С. 12–17.

122. Первые внутриконтинентальные стоянки палеолита и неолита на юге Чукотки (рр. Инаськваам и Линлиретваам) // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. Магадан, 1979. С. 20–28 (совместно с Ю.А. Колясниковым).

123. Предки американских индейцев и протоэскимосоалеутов на Крайнем Северо-Востоке Азии (Проспект). М., 1979. 4 с.

124. Исследования на Чукотке и Камчатке // АО-1979. М., 1980. С. 200–202.

125. Первые палеолитические памятники на Чукотском полуострове (стоянки на рр. Челькун и Курупке) // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. (Матер. Северо-Восточно-Азиатской комплексой археологической экспедиции). Магадан, 1980. С. 5–23.

126. Следы каменного века на р. Курупке (Чукотский полуостров) // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1980. С. 24–29 (совместно с Г.И. Казинской).

127. Первые неолитические находки на востоке внутриконтинентальной части Чукотского полуострова (оз. Иони) // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1980. С. 30–37 (совместно с А.Е. Катениным).

128. Новая внутриконтинентальная стоянка каменного века в Северном Приохотье (у истока руч. Уртычук) // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1980. С. 64–67 (совместно с Н.Е. Саввой).

129. Ученые США и Канады о древней культуре Крайнего Северо-Востока Азии // ВИ. 1980. № 10. С. 161–170.

130. Les sevants des Etats-Unis et du Canada sur la culture antique du Nord-Quest asiatique // Soc. Sci. 1981. № 4. P. 176–189.

131. US and Canadian research into the early culture of North-East Asia // Soc. sci. 1981. № 4. P. 160–173.

132. Исследования на востоке Чукотки // АО-1980. М., 1981. С. 176, 177.

133. Открытие первых мезолитических и неолитических памятников на западе Чукотки (На озере Тытыль в верховьях реки Малый Анюй) // Краеведческие записки. Магадан, 1982. Вып. 12. С. 115–124 (совместно с М.А. Кирьяк).

134. Проблемы стратификации и периодизации ушковских стоянок // XI конгр. ИНКВА. Тез. докл. М., 1982. Т. 3. С. 122, 123 (совместно с Э.Э. Титовым).

135. Культура народов Северо-Востока СССР // Памятники Отечества. 1983. № 1. С. 118–123.

136. Древние культуры Тихоокеанского побережья СССР. Учеб. пособие. Владивосток, 1983. 114 с. (совместно с Д.Л. Бродянским, В.И. Дьяковым).

137. Культурные связи между Северо-Восточной Азией и Америкой по данным позднеплейстоценовых и раннеголоценовых памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983. С. 21–27.

138. Новые палеолитические и неолитические памятники на Чукотском полуострове // АО-1981. М., 1983. С. 195, 196.

139. Общие принципы диалектической периодизации (на Примере развития человечества) // Вопр. философии. 1983. № 4. С. 116–126.

140. The Stage and routes of human occupation of the Beringian land bridge based on archaeological data // Quaternary coastlines and marine archaeology. London, 1983. P. 347–364.

141. Исследования на Чукотке и Камчатке // АО-1982. М., 1984. С. 197, 198.

142. Dialectical periodization in archaeology // Soc. Sci. 1984. № 3. P. 375–388.

143. Problems of the stratification and periodization of the Ushki sites // Arctic Anthropology. 1984. Vol. 21. № 2. P. 69–80 (совместно с Э.Э. Титовым).

144. Единство археологии и истории и диалектическая периодизация технологического развития человечества // Археология и история. К XVI Междунар. конгр. исторических наук. М., 1985. С. 1–10 (на рус. яз.), с. 11–20 (на англ. яз.).

145. Исследование на Чукотке и Камчатке // АО-1983. М., 1985. С. 199–201.

146. Комплексная гуманитарная лаборатория // Колыма. 1985. № 5. С. 41–43.

147. Ульхум и Чаатамье I – Новые палеолитические местонахождения на юге-востоке Чукотского полуострова // Новое в археологии Севера Дальнего Востока (Матер. Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). Магадан, 1985. С. 3–11.

148. Предварительные итоги магниторазведки на многослойной стоянке Ушки I // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1985. С. 35–39 (совместно с В.И. Алексеевым, Ю.В. Малеванным).

149. Роль древнейших культур Северо-Восточной Азии в формировании палеоиндейского населения Америки // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики. М., 1985. С. 10–24.

150. The Paleolithic of Northeastern Asia and its Relations with the Paleolithic of America // Inter-Nord. 1985. № 17. P. 173–177.

151. Исследования на Чукотке // АО-1984. М., 1986. С. 174.

152. О диалектической периодизации в истории (На примере социально-экономического и технологического развития человечества) // Вестн. АН СССР. 1986. № 10. С. 70–76.

153. Образ жизни как аспект истории // Региональные проблемы изучения и совершенствования социалистического образа жизни. Магадан, 1986. С. 27–36.

154. Asia joining America in Ancient Times (the paleolithic of Kamchatka and Chukotka related to the primary peopling of America) // The World Archaeol. Congr. Vol. 1. The pleistocene perspective. London; Southampton, 1986.

155. Берингия: Мост между Азией и Америкой // Курьер ЮНЕСКО. 1987. № 12. С. 32–34.

156. Исследование на юго-востоке Чукотского полуострова // АО-1985. М., 1987. С. 238, 239.

157. К вопросу о принципах диалектической периодизации истории культуры // Советская культура: 70 лет развития. М., 1987. С. 20–31.

158. Культура и человеческий фактор (Общеметодологический аспект) // Пути активизации человеческого фактора в ускорении экономического и социального развития районов Севера в свете требований XXVII съезда КПСС. Науч.-практ. конф. Тез. докл. и сообщ. Секция 1. Магадан, 1987. с. 7, 8.

159. Полевые исследования на Чукотке и Камчатке // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 210–212.

160. Beringia. A prehistoric "International Highway" between Asia and America // The Courier of UNESCO. 1987. November, 12.

161. Distinc tive aspects of the change of socioeconomic formations among the minor peoples of the Soviet North-East // Soc. Sci. 1987. № 2.

162. El paleolitico de Kamchatka y de Chukotka en relecion von el problema de los pobladores de America // Origines del hombre americano (seminarion). Alba gonzales Iacome compilacion. Mexico, 1987. P. 47–53.

163. Пересмотреть устаревшие концепции // ВИ. 1988. № 3. С. 122, 123.

164. On the road to America. Ice Age Sites in Siberia Provide Glimses of the Asian who May Have Crossed the Bering Land Bridge // Natural History. 1988. № 1. P. 10–14.

165. The Paleolithic of Kamchatka and Chukotka and the Problem of the Peopling of America // Anthropology of the North Pacific Rim. Washington; London, 1988.

166. The oldest sea mammal hunters of Wrangel Island // Arctic anthropology. 1988. Vol. 25. № 1. P. 80–93.

167. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М., 1989. Ст.: Северо-Восточная Азия в эпоху палеолита. С. 26–35; Неолит Камчатки. С. 95–99; Неолит и начало бронзового века Чукотки. С. 99–106; Пережиточный неолит Камчатки. С. 156–162; Древние эскимосские культуры Чукотки. С. 169–172.

168. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989. Ст.: Введение. С. 5–11; Ранние этапы каменного века. Роль Чукотки в заселении Америки. С. 12–43; Пережиточный неолит и неразвитый железный век на Чукотке. С. 44–66; Заключение. С. 446–453.

169. Геоморфология и четвертичные отложения района ушковских стоянок (Центральная Камчатка) // Четвертичный период: методы исследования, стратиграфия и экология. Тез. VII Всесоюз. совещ. по изучению четвертичного периода). Таллин, 1990. Т. 1. С. 184, 185 (совместно с В.Ф. Ивановым).

170. Основные результаты археологических разведок на востоке Чукотского полуострова в 1979–1986 гг. // Древние памятники Севера Дальнего Востока (Новые материалы и исследования Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). Магадан, 1990. С. 7–35.

171. Результаты трасологического исследования клиновидных нуклеусов из шестого слоя стоянок Ушки-I–V на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан, 1990. С. 170–175 (совместно с Н.А. Кононенко).

172. The Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in Connection with the Problems of Peopling of America via Beringia // Traditional Cultures of the Pacific Societies (Continuity and Change). Seul, 1990. P. 55–66.

173. Новый концептуальный подход к истории советского общества. Магадан, 1991. 36 с. Препринт.

174. О периодизации истории советского общества // Вопр. истории КПСС. 1991. № 9. С. 28–32.

175. Петтымельские петроглифы – уникальный археологический памятник Заполярной Чукотки // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. С. 44–49.

176. Азия на стыке с Америкой в древности (Каменный век Чукотского полуострова). СПб, 1993. 304 с.

177. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993. 68 с.

178. Этническая история человечества (Новый концептуальный подход к периодизации) // Вестн. Дальневосточного отделения РАН. 1994. № 1. С. 65–71.

179. Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России (Магаданская обл. и Чукотка). Магадан, 1995. Ст.: Предисловие. С. 5–7; Стоянка Ульхум – древнейший памятник палеолита на Чукотском п-ове. С. 10, 11; Путурак – памятник культуры позднего палеолита на Чукотке. С. 11–13; Сибердиковская позднепалеолитическая стоянка на Колыме. С. 13–17; Ранняя послепалеолитическая стоянка у руч. Конго. С. 18, 19; Древняя стоянка Малтан I. С. 19–22; Усть-Бельская неолитическая стоянка и могильник. С. 27–30; Чикаевская неолитическая стоянка. С. 30–32; Палеоэскимосская стоянка на о-ве Врангеля. С. 32–34; Пегтымельские петроглифы – уникальный памятник древнего искусства. С. 37–40; Коолень III – ранняя неолитическая стоянка на востоке Чукотского п-ова. С. 40–42; Лагерь "Северный". С. 201, 202.

180. Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в истории. Магадан, 1996. Ст.: Введение. С. 11, 12; Глава I. Археологическое прошлое обитателей Северо-Востока Азии. С. 13–31.

Составитель *А.И. Лебединцев*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. – СПб.
БС – Боспорский сборник. М.
Бюлл. МОИП – Бюллетень Московского общества Испытателей природы. М.
ВА – Вопросы антропологии. М.
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, Ижевск
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. М.
ВМУ – Вестник Московского университета
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ГМИИ – Государственный Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. Л. – СПб.
ЗВОРАО – Записки Восточного отдела Русского Археологического Общества. М.
ЗООИД – Записки Одесского императорского общества истории и древностей
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М. – Л.
КБН – Корпус боспорских надписей. М. – Л.
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НС ГВИНВ – Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока. М.
ОАК – Отчет императорской Археологической комиссии
ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований Института археологии
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СЭ – Советская этнография. М.
ТИЭ – Труды Института этнографии
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
Тр. ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
BAR – British Arhaeological Reports. Oxford
IPE – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 15.04.97. Подписано к печати 20.05.97 Формат бумаги 70×100 $^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 18,2 Усл.кр.отт. 20,9 тыс. Уч.-изд.л. 22,5 Бум.л. 7,0
Тираж 1133 экз. Зак. 1576

Московская типография № 2 РАН, 121099, Шубинский пер., 6

Российская академия наук • Издательство "Наука"

Заявка, подписанная руководителем и заверенная печатью организации, направляется письмом в Издательство "Наука" по адресу 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул. 90.
Для ускорения обработки Вашего заказа высылайте копию заявки по факсу (095) 420 2220, либо по электронной почте catalog@apr.msk.su

Заявка

на специальную адресную подписку
на журналы Издательства "НАУКА"
с доставкой по почте через Агенство подписки и розницы (АПР)
во 2-ом полугодии 1997 года

Химические науки • Биологические науки • Журналы РАН общего содержания

Наименование организации (сокращенно и полностью) _____

_____

Местонахождение: почтовый индекс _____ Область (край, респ.) _____
город _____ ул. _____ дом _____ корп. _____
код+тел. _____ факс _____ e-mail _____
Полный почтовый адрес организации для писем и бандеролей (если отличается от адреса местонахождения) _____

_____

просит оформить **специальную адресную подписку** на отмеченные ниже журналы, необходимые для научно-исследовательской (учебной, производственной) деятельности на территории России:

Индекс	Наименование журнала	Кол-во выпусков в полугодие	**Кол-во подписных экземпляров** (*впишите в колонке соответствующего месяца число заказываемых подписных экземпляров на выбранные Вами журналы*)						Всего заказано подписных комплектов на II[ое] полугодие (4+5+6+7+8+9)	Цена подписки на 1 месяц (в руб.)	**ИТОГО сумма в рублях (10 × 11)**
			июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
70008	Агрохимия	6								14800	
70112	Биологические мембраны	3								15000	
71151	Биология моря	3								14000	
71150	Биоорганическая химия	6								15100	
70054	Биохимия	6								14600	
70056	Ботанический журнал	6								19400	
70147	Вопросы ихтиологии	3								18900	
70178	Высокомолекулярные соединения	6								19800	
70211	Генетика	6								15900	
70219	Геохимия	6								14600	
70244	Доклады РАН	18								51000	
70284	Журнал аналитической химии	6								15900	
70286	Журнал высшей нервной деятельности им. И. Павлова	3								16600	
70293	Журнал общей биологии	3								16300	
70294	Журнал общей химии	6								24600	

Индекс	Наименование журнала	Кол-во выпусков в полугодие	**Кол-во подписных экземпляров** (*впишите в колонке соответствующего месяца число заказываемых подписных экземпляров на выбранные Вами журналы*)						Всего заказано подписных комплектов на II[ое] полугодие (4+5+6+7+8+9)	Цена подписки на 1 месяц (в руб.)	**ИТОГО сумма в рублях (10 × 11)**
			июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
70301	Журнал органической химии	6								24600	
70296	Журнал прикладной химии	6								24600	
70299	Журнал физической химии	6								20300	
70302	Журнал эволюционной биохимии и физиологии	3								17800	
70333	Зоологический журнал	6								15000	
70350	Известия РАН. Серия биологическая	3								17500	
70405	Известия РАН. Теория и системы управления	3								17500	
70430	Кинетика и катализ	3								19100	
70438	Коллоидный журнал	3								16400	
71057	Координационная химия	6								15100	
70495	Лесоведение	3								15000	
70561	Микология и фитопатология	3								16500	
70540	Микробиология	3								18100	
70562	Молекулярная биология	3								17900	
88744	Нейрохимия	2								13100	
70359	Неорганические материалы	6								17400	
70617	Нефтехимия	3								15800	
70669	Океанология	3								19600	
70676	Онтогенез	3								15300	
70690	Палеонтологический журнал	4								16500	
70743	Паразитология	3								16400	
70701	Почвоведение	6								18600	
70740	Прикладная биохимия и микробиология	3								16800	
70773	Радиационная биология и радиоэкология	3								15900	
70777	Радиохимия	3								21000	
70786	Растительные ресурсы	2								18600	
70783	Русская литература	2								28100	

Индекс	Наименование журнала	Кол-во выпусков в полугодие	**Кол-во подписных экземпляров** *(впишите в колонке соответствующего месяца число заказываемых подписных экземпляров на выбранные Вами журналы)*						Всего заказано подписных комплектов на II[ое] полугодие (4+5+6+7+8+9)	Цена подписки на 1 месяц (в руб.)	**ИТОГО сумма в рублях (10 × 11)**
			июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
71024	Российский физиологический журнал им. И. Сеченова	6								20200	
70981	Теоретические основы химической технологии	3								16800	
71003	Успехи современной биологии	3								15400	
71007	Успехи физиологических наук	2								16200	
71025	Физиология растений	3								19500	
71152	Физиология человека	3								16500	
71068	Химическая физика	6								14600	
71051	Химия высоких энергий	3								14800	
71052	Химия твердого топлива	3								15000	
71063	Цитология	6								18800	
71113	Электрохимия	6								17900	
71110	Энтомологическое обозрение	2								22400	
ВСЕГО заказано журналов на сумму: _____ *(прописью)*											

НДС не облагается. Оплату гарантируем на расчетный счет ЗАО "Агентство подписки и розницы" в течение 5 банковских дней после получения счета-фактуры.

ДИРЕКТОР ОРГАНИЗАЦИИ

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР

М.П.

ВНИМАНИЕ: Оплата заказа производится только после получения счета от ЗАО "АПР". Издательство "Наука" не гарантирует исполнение подписных заказов на номера журналов, вышедшие из печати до получения настоящей Заявки, и вправе исключить эти номера из заявки. Отправка заказанных и оплаченных периодических изданий производится Агентством подписки и розницы в течение 10-ти дней со дня выхода издания из печати заказными отправлениями на адрес, указанный Организацией в настоящей заявке. Претензии по доставке периодических изданий направлять в АПР по адресу: 103009 Москва, Страстной бульвар дом 4, офис 94, тел. (095) 200 6951\6968, факс (095) 200 6757, e-mail catalog@apr.msk.su

Российская академия наук • Издательство "Наука"

Заявка индивидуального подписчика
на специальную адресную подписку на журналы Издательства "НАУКА" во 2-ом полугодии 1997 г.
с доставкой по почте через Агенство подписки и розницы (АПР)
Ф.И.О. (полностью) _____
Место работы и должность: _____
Полный почтовый адрес: _____

_____

телефон: _____ e-mail _____

Индекс	Наименование журнала	на 1997 год по месяцам (отметьте крестиком)						кол-во комплектов	Итого сумма в рублях
		июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь		
								1	
								1	
								1	
								1	
								1	
								1	

Заполните заявку (копию заявки, либо напишите в любой произвольной форме) и отправьте письмом в **Издательство "Наука"** по адресу: **117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул. 90**, или по факсу (095) 420-22-20, 334-76-50. Информацию о ценах можно узнать в Заявках на специальную адресную подписку, разосланную в организации, или по телефону для справок: (095) 334-74-50, 200-69-51, 200-69-68

ВНИМАНИЕ: Оплата заказа производится через отделение банка или почтовым переводом **только после** получения подписчиком счета с банковскими реквизитами от ЗАО "Агентство подписки и розницы" (АПР) – официального распространителя изданий Издательства "НАУКА". Адрес: "АПР": 103009 Москва, Страстной бульвар дом 4, офис 94; тел. (095) 200 6951\6968, факс (095) 200 6757, e-mail catalog@apr.msk.su